

ДМИТРИЙ ТРЕНИН

НОВЫЙ БАЛАНС СИЛ

РОССИЯ В ПОИСКАХ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО
РАВНОВЕСИЯ

 альпина
ПАБЛИШЕР

 РОССИЯ
В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ
РЕКОМЕНДУЕТ

*Моей жене Вере,
которая бережет меня от застоя*

«РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ» РЕКОМЕНДУЕТ

ДМИТРИЙ ТРЕНИН

НОВЫЙ БАЛАНС СИЛ

РОССИЯ В ПОИСКАХ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО
РАВНОВЕСИЯ

альпина
ПАБЛИШЕР

Москва
2021

УДК 327
ББК 66.4(2Рос)
Т66

Редактор А. Новресли

Тренин Д.

Т66 Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия / Дмитрий Тренин. — М. : Альпина Паблишер, 2021. — 471 с.

ISBN 978-5-9614-5970-8

После 2014 года Россия стала заметно активнее во внешней политике, но четкой стратегии пока не видно. Во времена СССР мы с США соревновались за влияние во всем мире, а после 1991 года какое-то время пытались встроиться в Запад. Нужно ли нам опять становиться сверхдержавой? Как сбалансировать внутренние возможности и активность за пределами страны? Как выстраивать отношения с ближайшими соседями, включая Китай? Есть ли у нас точки соприкосновения с США и Западной Европой?

Новая книга российского международника Дмитрия Тренина — приглашение к широкой дискуссии по важнейшим вопросам внешней политики России. Автор рассматривает основы, на которых строятся отношения России с другими государствами, — такие как суверенитет, национальный интерес, международное право, баланс сил. Дает обзор внешней политики Москвы под руководством Михаила Горбачева, Бориса Ельцина и Владимира Путина. Анализируя успехи, неудачи и ошибки недавнего прошлого, автор предлагает поразмышлять, как России выстраивать самостоятельную и равновесную внешнеполитическую стратегию в быстро меняющемся мире.

УДК 327
ББК 66.4(2Рос)

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru.

ISBN 978-5-9614-5970-8

© Дмитрий Тренин, 2021
© ООО «Альпина Паблишер», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности.....	7
Введение.....	8

Часть первая

ОСНОВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Общий взгляд на международные отношения в XXI веке	23
Факторы российской внешней политики.....	35
Идея равновесия.....	90

Часть вторая

НАСЛЕДИЕ

Уроки Горбачева.....	103
Ельцинские девяностые.....	162
Эпоха Путина	205

Часть третья

КОНТУРНАЯ КАРТА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА 2020-Е ГОДЫ

Мир 2020-х годов и Россия.....	251
Большая стратегия России	265
Политика безопасности. Угрозы и союзники России	283
Ближайшие соседи: Украина и Белоруссия. Русский мир	312

Европейский союз и Арктика	335
США и англоязычный мир.....	366
Китай и Восточная Азия	387
Индия, Южная и Средняя Азия.....	407
Закавказье, Ближний и Средний Восток.....	423
Африка и Латинская Америка	442
Заключение: взгляд в будущее.....	448
Примечания	461

БЛАГОДАРНОСТИ

Мысль написать книгу о внешней политике России высказал автору главный редактор издательства «Альпина Паблишер» Сергей Турко, за что ему я особенно благодарен. Это предложение позволило мне реализовать давнее намерение осмыслить внешнеполитический курс страны на протяжении трех с половиной десятилетий, начиная с горбачевской перестройки, и на основе уроков этих лет предложить какие-то соображения и идеи для внешней политики ближайшего десятилетия. Я очень признателен моему старшему товарищу послу Анатолию Адамишину — одному из самых видных и уважаемых членов отечественного внешнеполитического сообщества, бывшему первому заместителю министра иностранных дел России и бывшему министру РФ по делам СНГ, который прочитал отдельные главы рукописи и сделал очень ценные замечания. Наконец — не по значимости, я очень рад, что всегда могу рассчитывать на помощь и поддержку моей семьи — сыновей Петра и Андрея, которые стали первыми и очень внимательными читателями и конструктивными критиками рукописи, и, конечно, моей жены Веры, которой я и посвящаю эту книгу.

ВВЕДЕНИЕ

В новейшей истории России 20-е годы нашего века, вероятно, станут либо определяющими, либо предопределяющими, непосредственно предшествующими большим переменам. За три десятилетия развития современного российского капитализма, политической системы, общественных отношений не только накопился богатый опыт, но и появился огромный массив противоречий и проблем, которые так или иначе должны быть решены. Очевидно, что нынешняя политическая и экономическая модель Российской Федерации все больше истощает себя. Все больше ощущается ценностная пустота. Конституционных изменений 2020 года в будущем окажется недостаточно. Трансформация страны, начавшаяся в 1980-е годы, продолжится. Государство, основы которого созданы при Путине, уходящую корнями в эпоху Ельцина и внешнюю политику, парадигма которой — при всех последующих изменениях — была заложена во времена Горбачева, ожидают, вероятно, коренные изменения.

В ряду множества вопросов, на которые предстоит дать ответ, проблема места и роли России в мире, о внешней политике страны имеет не последнее значение. Для России внешняя политика является не столько отражением внутренней, сколько важным самостоятельным фактором, зачастую активно влияющим на курс в самой стране. Сегодня на уровне элит главный водораздел проходит между теми, кто видит оптимальную реализацию своих частных и корпоративных интересов через встраивание России в глобальные связи при ограниченной и служебной роли государства (условно — «частниками»), и теми, кто в достижении своих

личных целей делает ставку на государство как на главный инструмент (условно — «государственниками»). Пока одни считают неизбежным новый Брестский мир с Западом, другие готовы не только дальше сражаться в «гибридной войне», но и обернуть конфронтацию себе на пользу.

Это противоречие очень далеко от борьбы славянофилов и западников в XIX столетии, либералов и консерваторов в начале XX века, демократов и авторитариев в его конце. Это уже не борьба идеологий, хотя идеологический элемент в ней присутствует — в служебном качестве. Борьба «частников» и «государственников» — это прежде всего столкновение конкретных интересов, в котором главное различие между сторонами состоит в способах реализации вполне материальных целей. Названия обеих групп заковычены, поскольку условные частники не могут существовать без мощной поддержки государственных органов, а условные государственники, используя бюрократическую машину, стремятся к достижению частных целей. Иными словами, вопрос стоит так: чем станет Россия будущего — государством корпораций или государством-корпорацией.

Это, в сущности, борьба внутри правящей элиты, властвующей в России и в силу этого владеющей ею. В такой картине практически отсутствует общество. Между тем российское общество развивается довольно активно, хотя и неравномерно. 1990-е годы, после распада Советского Союза, страна провела в режиме выживания, нулевые — в режиме стабилизации и восстановления, 2010-е — в стагнации, а на внешнем контуре — в условиях усиливающейся конфронтации с Западом, традиционно важнейшим контрагентом России. С этим багажом страна вступила в 2020-е. В дальнейшем конфронтация, скорее всего, будет усиливаться. Запад не пойдет на компромисс, Россия — на капитуляцию. Таким образом,

внешний фактор становится все более важным для будущего России.

На уровне общества противоречие, имеющее отношение к внешней политике, еще глубже. Оно пролегает между интересами коллективными и индивидуальными. В прежние времена индивидуальные интересы были накрепко привязаны к коллективным. В эпоху войн, революций, индустриализации, коллективизации, холодной войны судьбы отдельных людей во многом определялись классовым происхождением и географическим местонахождением. Освобождение и принуждение, жизнь и смерть были массовыми явлениями, возможностей покинуть страну и избежать общей с большей частью своего народа судьбы было немного. Военная обязанность являлась всеобщей. Советский Союз сформировался и существовал как общество, наглухо закрытое от внешнего мира.

В условиях глобализации ситуация изменилась. Появилось немало людей — не только богатых, — которые могут больше не связывать свою судьбу с конкретным государством. «Глобальные русские», как и «глобальные» индийцы, бразильцы, японцы, могут в принципе — имея средства, востребованную профессию или образование — свободно находить работу или другой источник дохода и выбирать место жительства в разных регионах мира, отделяя себя от массы «почвенных» соплеменников, которые по разным причинам остаются прикрепленными к родной земле. Речь идет не о тех, кто переехал жить за границу. Многие не уезжают из родной страны, но при этом живут в ином мире, чем большинство соотечественников. Для «глобальных» людей собственное государство не столько общий дом, сколько обременительные налоги и прочие ограничения. Они выбирают более выгодные юрисдикции для ведения бизнеса, более

спокойные и безопасные места для жизни. Появился серьезный зазор между интересами этих групп и остального общества, в том числе в отношении к внешней политике государства. Образовалось противоречие между национальными интересами, укорененными в государстве, и частными интересами наиболее свободных людей.

Усиление соперничества держав вплоть до конфронтации, однако, вновь меняет ситуацию. Снова выходят на первый план государства различных калибров — сверхдержавы (США и Китай), великие державы (Россия, Индия), средние (Турция, Иран, Саудовская Аравия) и малые (Северная Корея, Катар), оттесняя международные институты и транснациональные корпорации. Государства вновь решительно заявляют о своих национальных интересах, которые начинают сталкиваться на различных уровнях. Государственные границы опять обрели значение. Люди, возмнившие себя гражданами мира, вынуждены заново определяться. Внутри отдельных государств у них возникает потребность к большей солидарности и сплоченности. Так внешняя политика меняет вектор внутреннего развития.

Обычный россиянин, как и рядовой житель любой другой страны, практически никогда не сталкивается с процессом формирования внешней политики. В то же время внешнеполитические решения, принимаемые в Кремле и подмосковных государственных резиденциях — Ново-Огареве, многочисленных Горках — и реализуемые на Старой, Смоленской, Арбатской, Лубянской и других московских площадях, а также в Ясеневе, все больше влияют на жизни миллионов граждан. После окончания холодной войны мир (как совокупность стран) стал теснее, но от этого мир в нем (как состояние отношений между государствами) не стал прочнее. Это окончательно прояснилось, когда закончилась

четвертьвековая пауза многополярного мира и после единой американской гегемонии соперничество великих держав и связанные с ним конфликты вспыхнули с новой силой.

• • •

В названии предлагаемой читателю книги есть слова «баланс» и «равновесие». Баланс относится к глобальному раскладу сил, который подвержен постоянным изменениям и, следовательно, в принципе неустойчив. Равновесие, напротив, относится к искомому состоянию внешней политики России и залог у устойчивости этой политики. Главный тезис книги состоит в том, что для успешной внешней политики государства необходимо равновесие между отдельными группами интересов — частными и общественными, федеральными и региональными; политическими целями государства и его экономическими возможностями; интересами развития и потребностями безопасности; ценностными и идеологическими различиями; какими-либо географическими и функциональными направлениями внешней политики; внешними партнерами, попутчиками и противниками; долгосрочной стратегией, среднесрочными операциями и повседневной тактикой и т.д. Вынесение этого на первый взгляд очевидного и даже банально звучащего тезиса в название подразумевает, что, по мнению автора, такого равновесия в российской внешней политике пока по большому счету нет, его только предстоит достичь.

Эта книга — о современной внешней политике России, точнее, об уроках ее недавнего прошлого и перспективах. О внешнеполитическом наследии горбачевской перестройки, бурных ельцинских 1990-х и продолжающегося длительного правления Владимира Путина. О главных итогах

и уроках международной политики всех этих лет. Об успехах — о том, что нужно обязательно сохранить для будущего. О неудачах — о том, что предстоит переделывать, исправлять, менять, предлагая новые подходы. Об ошибках, прочетах и провалах, которые должны стать предостережением на будущее. О том, наконец, что не прошло проверку временем или совестью и от чего необходимо решительно отказаться, проведя работу над ошибками.

Международное положение России противоречивое. Государство восстановило свою внутреннюю субъектность, вернуло себе положение великой — то есть самостоятельной — державы, которое теперь предстоит отстаивать. Активная деятельность Москвы вышла за пределы постсоветского пространства. Приняв участие в войне в Сирии, Россия вернулась на Ближний Восток. Углубляется и расширяется партнерство с Китаем. Соперники отмечают активность России во многих регионах мира — от Центральной Африки до Латинской Америки, от Арктики до Восточного Средиземноморья.

В то же время уже более семи лет на юго-западных границах России, в Донбассе, существует очаг вооруженного конфликта, который при определенных условиях может разгореться до полномасштабной войны. Союзная России Белоруссия переживает политический кризис, исход которого имеет для Москвы стратегическое значение. Армяно-азербайджанский конфликт в Нагорном Карабахе, остановленный благодаря усилиям Москвы четверть века назад, вылился в новую войну, в результате которой Турция утвердила свое присутствие на Южном Кавказе. В Средней Азии еще один союзник России Киргизия пережила три революции за 15 лет. Отношения России с США фактически сузились до одной-единственной общей проблемы: как предотвратить

случайное развязывание вооруженного конфликта между двумя ядерными сверхдержавами. Резко ухудшились отношения практически со всеми странами Европейского союза, включая Германию, долгое время бывшую основным партнером Москвы в Европе. Безрезультатно закончились длившиеся семь лет попытки выстроить партнерство и сотрудничество с Японией.

Ощущения и ожидания, касающиеся направления и перспектив развития международной обстановки, в целом тревожные. Выпуски телевизионных новостей нередко открываются сюжетами об испытаниях новых систем оружия. Само телевидение превратилось в площадку информационной войны с Западом — безудержной и беспощадной. Санкции со стороны Запада, которые постоянно расширяются, пока напрямую коснулись лишь сотен российских граждан, но, воздействуя на экономику и финансы, косвенно оказали влияние на жизнь едва ли не всего населения страны. Еще до пандемии COVID-19 ужесточение визовой политики привело к проблемам с деловыми и личными поездками, а спортивные санкции отправили в нокдаун отечественный спорт высших достижений и поставили под угрозу карьеры профессиональных спортсменов.

Россия проявила устойчивость к внешнему давлению. Это безусловный плюс и дополнительное подтверждение статуса самостоятельной страны. Внешняя политика президента Путина пользуется поддержкой абсолютного большинства граждан. В то же время уникальный шанс перейти к ускоренному развитию страны, провести санацию ее элиты, повысить уровень общественной солидарности, который снизился из-за конфронтации с США, оказался до сих пор нереализованным. Многие пороки российской политической и экономической систем — такие как всепоглощающая

меркантильность элит и жесткая монополизация рынков — продолжают сдерживать развитие страны. Сложный комплекс проблем политического транзита указывает на фундаментальную уязвимость страны, где режим с его специфическими интересами подменяет собой, но не заменяет государство.

В отличие от многих стран, в России с ее одновременно героической и трагической историей и обширной географией общественный интерес к внешней политике традиционно велик. Глубокий шрам в коллективной памяти народа, оставленный 1941 годом, не затянется никогда; не сотрутся из этой памяти 1612 и 1812 годы, ужас монгольского завоевания и унижения 250-летнего ига. Международное положение России во все времена являлось одним из важнейших критериев оценки деятельности того или иного верховного правителя — царя, вождя или президента. Неудивительно, что государственные средства информации постоянно сообщают гражданам Российской Федерации о блестящих внешнеполитических достижениях страны, в то время как оппозиционные источники обычно твердят о ее бесконечных и опасных провалах. Внешняя политика является предметом внутренней борьбы — как публичной, так и скрытой.

Это нормально, и такая политическая разногласица заставляет разбираться, как все обстоит на самом деле. Вопрос не столько в риторике и даже не только в политике, сколько в самопонимании и самоощущении россиян и в вытекающих из этого потребностях. Прежде всего нужно разобраться в том, кто мы, где мы и куда идем. Речь идет о вещах принципиальных: идентичности, месте и роли страны в мире; о том, что нам нужно от мира и что мы можем дать ему; о целях внешней политики, ее принципах, стратегии, средствах и способах проведения — и в конечном счете

о получаемых результатах. Но еще и о том, как и чем внешняя политика России подпитывается от внутренней политики и экономики, а также от мировоззрения. В центре этой большой темы — важнейшая проблема: в чем состоит действительный национальный, общенародный интерес Российской Федерации, ее место в мире и — конкретнее — главная цель России как нации в глобальном мире XXI столетия? За этим вопросом следуют другие, связанные с ним: кто именно и каким образом, на какой основе определяет якобы вечный и неизменный, а на самом деле постоянно наполняемый новой конкретикой национальный интерес; когда и каким способом он апробируется, утверждается, корректируется, реализуется и т.д.

Эти темы становятся все более актуальным. Долгая, богатая событиями эпоха Владимира Путина продолжается. Однако конституционная реформа 2020 года и одновременно поразивший страну, как и весь мир, вирус COVID-19 обозначили важную веху. С одной стороны, тема транзита власти отложена на неопределенный — возможно, очень длительный, а может, и не очень — срок. С другой стороны, в мире и в России идут процессы, способные вызвать фундаментальные изменения, подлинный характер и возможные последствия которых пока невозможно оценить. Политическое время не всегда совпадает с календарным, а планы властей — с настроениями элит и общества. События — вот что движет миром, как говаривал британский премьер Гарольд Макмиллан. Чтобы не стать их игрушкой, нужно определить цель и наметить стратегию. И крепко стоять на обеих ногах и держать голову прямо, сохраняя равновесие физическое и душевное.

Когда бы она ни произошла — по плану в 2024, 2030, 2036 годах или внепланово в любой момент, смена эпох

в России неизбежна. Смена власти после длительного правления одного лидера всегда время особых рисков. Это периоды интенсивных действий и зачастую резких и неожиданных перемен, но обычно не время для глубоких размышлений. Некритичное отношение к политике властей дезориентирует и дискредитирует лоялистов в тот момент, когда эта политика начинает лихорадочно меняться. В то же время демонстративное и абсолютное осуждение всей политики предыдущего или завершающегося правления способно нанести тяжелый ущерб интересам народа и страны. Так что пока еще есть время для спокойного анализа и серьезных обсуждений, есть смысл потратить его на осмысление пройденного пути и сформулировать выводы. Такой разговор, помимо прочего, поможет сцеплению атомов, на которые распалось общество, и образованию молекул и даже клеточек будущего целостного организма.

• • •

Книга состоит из трех частей. В первой, которая называется «Основы внешней политики», речь идет об общих понятиях, используемых во внешней политике государства: национальной идентичности в международном сообществе, национальных интересах, целях и принципах политики, идеологии и миссии страны в мире и тому подобном. Это важно, поскольку позволяет выработать критерии оценки внешней политики России того или иного периода, на том или ином направлении и т.д. Кроме того, определенность в отношении основ политики необходима, чтобы выставить ориентиры будущего целеполагания, стратегии продвижения и защиты национальных интересов.

Во второй части, озаглавленной «Наследие», сделана попытка подвести итоги внешнеполитической работы не только

Владимира Путина и его протеже Дмитрия Медведева, но и недавних их предшественников на вершине власти — Бориса Ельцина и Михаила Горбачева. Разумеется, внешняя политика большой страны не результат деятельности одного человека, а сложное взаимодействие различных групп интересов — ведомственных, экономических, общественных и иных. Столь же очевидно, однако, что действительно важные решения — особенно в российских условиях — всегда несут на себе отпечаток личности высшего руководителя страны, тем более если это крупная историческая фигура. При разборе достижений и неудач той или иной политической эпохи упор делается главным образом на уроки, которые необходимо учитывать, глядя в будущее.

Третья часть книги называется «Контурная карта внешней политики России на 2020-е годы». В ней содержатся размышления о том, как целесообразно выстраивать внешнюю политику России в будущем, основываясь на приобретенном за последние десятилетия опыте и его уроках. Там же ставится вопрос, должна ли у России быть особая миссия в мире и соответствующая этой миссии идеология. Речь пойдет как о принципиальных основах внешнеполитического курса в целом, так и об основных его направлениях — географических (Азия, Европа, Ближний и Средний Восток, Америка и т.д.), функциональных (внешняя безопасность, геоэкономика, внешнеполитическая окружающая среда и климат и проч.). Главная мысль заключается в том, что для проведения успешной внешней политики в будущем необходимы глобальное мышление, продуманная континентальная стратегия, наконец, четкое представление о национальных интересах.

В заключении разбирается вопрос о роли общества в формировании конкретной формулы национальных интересов, о способах влияния граждан на внешнюю политику.

Эта книга адресована не только коллегам — внешне-политическому сообществу экспертов, ученых, практиков и студентов. Ее целевая аудитория — российское общество в широком смысле, иначе говоря, все, кто в той или иной степени интересуется внешней политикой государства. 20-е годы XXI столетия, в которые мир вступил, будут, по-видимому, периодом острого соперничества, конфликтов и войн. В таких условиях последствия наиболее серьезных внешне-политических решений затронут всех.

Можно посмотреть на проблему и под другим углом. В XXI веке в условиях глобализации на всемирном уровне и демократизации на уровне национальном международные отношения все больше соответствуют своему названию: становятся *международными*. Речь идет о взаимоотношениях больших групп людей: народов, наций. Действующих лиц на сцене становится все больше. Нужно понять, что их объединяет, чем они отличаются, на какой основе могут взаимодействовать — соревноваться, соперничать, сотрудничать; как научиться лучше понимать друг друга. Если предлагаемая книга поможет кому-то прояснить для себя хотя бы некоторые аспекты этих больших проблем, автор будет считать, что не зря потратил время и силы.

Сергиев Посад, январь 2021 года

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОСНОВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ХХІ ВЕКЕ

Это небольшое вступление не краткий очерк истории и теории международных отношений. Оно написано с единственной целью: обрисовать широкими мазками тот общий контекст, в котором действует российская внешняя политика. В этот контекст я попытался также вплести основные понятия, которыми собираюсь оперировать по ходу книги, такие как миропорядок, анархия международных отношений, суверенитет государств, международное право и ряд других. По идее, это должно помочь пониманию книги.

• • •

После окончания холодной войны много писалось о том, что мир как совокупность отдельных государств уступает место глобальному миру, в котором государства уже не будут играть главную роль. Важная, а иногда ведущая роль будет принадлежать транснациональным корпорациям, технологическим и информационным империям, инвестиционным банкам, международным сетям различного состава и назначения — от профессиональных до криминальных, всевозможным движениям, от радикальных до экстремистских и террористических. Действительно, на международной арене отдельные игроки из этого перечня оказывались влиятельнее многих, а нередко — большинства из нынешних 193 государств — членов ООН. Тем не менее три десятилетия спустя, несмотря на все успехи глобализации, приходится признать, что главенствующая роль государств

в современном мире скорее укрепились. Международные отношения в своей основе остаются отношениями межгосударственными.

Много споров ведется вокруг проблемы миропорядка. Нынешнее время объявлено эпохой смены миропорядка. Кто-то говорит о переходе от однополярного мира к многополярному, кто-то¹ — об уже происшедшей смене порядка беспорядком.

Миропорядок не имеет ничего общего с мировой конституцией, по которой якобы живут государства. Государства — даже самые маленькие и слабые — в теории суверенны, то есть не признают над собой ничьей власти. В строгом смысле слова международные отношения — это область анархии².

Так было не всегда. В Европе начала Нового времени существовали разные уровни власти. В центре континента располагалась Священная Римская империя германской нации, в состав которой входило бесчисленное количество королевств, герцогств и великих герцогств, курфюршеств, графств и маркграфств, вольных городов и церковных владений. Рядом с империей существовали крупные централизованные государства — Англия, Франция, Испания. На влияние во всем христианском мире претендовал папа римский, но католической церкви противостояли протестантские земли. На периферии Европы возникли крупные государства — Османская империя и Русское царство.

С образованием централизованных государств преобладавший прежде династический интерес стал уступать место государственному — *raison d'état*, по определению

руководителя французской политики кардинала Ришелье. **Государственный интерес** — позже, в условиях демократии, его стали называть национальным — основывался на безусловном примате блага государства. Моральные и религиозные соображения низводились до уровня второстепенных. Результатом охватившей Германию и соседние страны кровопролитной Тридцатилетней войны стал подписанный в 1648 году мирный договор, провозгласивший принцип, согласно которому каждое государство — католическое или протестантское, входившее в состав империи или нет, — было совершенно свободно в устройстве своих внутренних дел. Вмешательство во внутренние дела не допускалось, но при этом вводились некоторые нормы межгосударственного общения, начиная со сложной иерархии государств и с дипломатического протокола.

Вестфальская система, получившая название от западно-немецкой земли, где был подписан мир, до сих пор остается краеугольным камнем миропорядка: государство есть главный элемент системы международных отношений, а **государственный суверенитет** стал ее важнейшим принципом. Установленная в 1648 году иерархия государств с тех пор многократно менялась в результате изменения их международного веса. Вестфальский мир заложил правила, но не уничтожил войны.

Государства, следовательно, равны только в теории; в жизни они очень неравны. Регулирование их отношений происходило не на правовой основе, а на силовой. Основным фактором было постоянно менявшееся в результате разной динамики развития **соотношение сил между государствами**, которое подвергалось постоянной проверке в частых войнах. Разница между Европой и другими регионами мира состояла в наличии здесь множества государств на сравнительно

небольшой территории, каждое из которых опасалось чрезмерного усиления соседа и поглощения им. Система постоянных войн, обеспечивавших выживание по крайней мере основным участникам, получила название **баланса сил**.

..... *Государства равны только в теории; в жизни они очень
..... неравны. Регулирование их отношений происходит не на
..... правовой основе, а на силовой.*

Одного лишь баланса сил, однако, недостаточно для существования миропорядка. Силовые опоры порядка должны подкрепляться их признанием — добровольным или вынужденным — со стороны по крайней мере основных членов системы международных отношений³. В этом смысле Вестфальский мир установил важнейший принцип миропорядка — суверенитет отдельных государств. Собственно международный порядок в Европе сформировался в XVIII веке и оформился в начале XIX столетия.

Наполеоновская эпоха, приведшая к установлению кратковременной французской гегемонии в Западной Европе, завершилась триумфом антифранцузской коалиции и таким образом подтвердила действенность механизма баланса сил. Кроме этой силовой составляющей, новый порядок поддерживался консервативной идеей легитимности монархического правления. Более того, на Венском конгрессе 1815 года по итогам победы был создан первый консультативный орган по управлению делами Европы — **европейский концерт великих держав** в составе Австрии, Англии, Пруссии и России, к которым вскоре добавили и побежденную Францию. Это последнее обстоятельство было принципиально важным, поскольку делало миропорядок инклюзивным и предотвращало реванш со стороны побежденной державы.

Концерт оказался не очень слаженным из-за столкновения государственных интересов и идеологических различий, к тому же Россия довольно скоро заняла доминирующее положение на континенте, что вызвало противодействие Англии и Франции и скрытое недовольство двух германских государств. Результатом стали Крымская война и временное ослабление России. Тем не менее венский порядок прекратил общеевропейские войны на целое столетие.

Первая мировая война нарушила общеевропейский мир и привела к колоссальным потрясениям. Установленная по итогам войны Версальская система впервые включала не только концерт великих держав в составе Британской империи, Франции, Италии и Японии, но и всемирную организацию по поддержанию безопасности — **Лигу Наций**. Проблема Версальской системы состояла в том, что она, в отличие от Венской, изначально не включала ряд важнейших стран: Германию, проигравшего противника; Россию, где победил революционный большевистский режим, ставший на время международным изгоем, а также США, которые активно участвовали в Версальской конференции, инициировали создание Лиги, но вскоре ушли в самоизоляцию. Степень легитимности Версальской системы, следовательно, изначально была невысокой. Версаль, таким образом, фиксировал военную победу, но не обеспечивал прочного мира. Менявшееся соотношение сил вскоре этот мир взорвало.

Ошибки и просчеты в политике западных держав — главных бенефициаров и хранителей Версальской системы — не позволили задействовать механизм баланса сил для предотвращения Второй мировой войны. Главные европейские державы оказались поверженными или ослабленными. В результате система, сложившаяся по итогам войны и сформировавшаяся в ходе переговоров в Ялте и Потсдаме, опиралась

на отношения только двух ведущих мировых сил, сверхдержав, — Соединенных Штатов Америки и Советского Союза. (Третья держава, представленная в Ялте и Потсдаме, — Великобритания с ее империей — была сильно ослаблена и уже в ходе войны ей пришлось согласиться со статусом младшего партнера США.) Эта система, просуществовавшая всю холодную войну, получила название **биполярной**. Многосторонний баланс сил сменился двусторонним.

Неспособность советского руководства справиться с тяжелым внутренним кризисом в стране, из которого оно пыталось выбраться при помощи непродуманных реформ, привело к распаду СССР, а чуть раньше — к превращению биполярной системы в однополярное доминирование единственной оставшейся сверхдержавы: Соединенных Штатов Америки, **Pax Americana**. Это был первый и пока единственный в истории международных отношений случай господства одного государства в мировом масштабе. То, что раньше было возможно только в замкнутых мирах — в Средиземноморье в эпоху Римской империи или в Восточной Азии, где до XVIII века включительно доминировало Срединное государство Китая, — стало глобальной реальностью на рубеже XXI столетия. Но ненадолго.

Спустя два-три десятилетия после окончания холодной войны меняющееся соотношение сил стало подрывать основы американского лидерства. Уже в 2010-е годы под ударами экономического кризиса, в результате подъема Китая и частичного восстановления России оно перестало быть неоспоримым. Китай превратился в мощную экономическую державу с большим технологическим потенциалом и политическими амбициями. Быстрее стала развиваться и чаще проявлять свои амбиции Индия. Списанная было Западом со счетов Россия вернула себе статус великой державы.

«Большая семерка» ведущих западных экономик во главе с США и НАТО как основа американской системы глобального военного доминирования перестала быть высшей мировой инстанцией. «Вашингтонский консенсус» в экономике и либерально-демократическая модель в политике утратили значительную долю привлекательности. Консенсус на основе западных ценностей, соответствовавший интересам США и их европейских союзников, стал разрушаться. Однонаправленная динамика международных отношений сменилась разнонаправленной.

Международные отношения — это динамическая среда, в которой формально равноправные, но по факту совершенно не равные между собой суверенные государства преследуют свои интересы, часто противоречащие друг другу, и руководствуются идеями, принципами и ценностями, во многом несовместимыми.

Соответственно, обычно происходит столкновение интересов — что, правда, не исключает сотрудничества, когда интересы близки или при наличии общего противника. Так всегда было, есть и, вероятно, будет до тех пор, пока — если такое вообще случится — весь мир не станет единым политическим организмом. Сейчас же мировое сообщество структурировано очень слабо. Организация Объединенных Наций — не супергосударство, Устав ООН — не всемирная конституция, Генеральная Ассамблея — не глобальный парламент, а Совет Безопасности — не мировое правительство.

Анархия, царящая в международных отношениях, не означает, впрочем, отсутствия какого-либо регулирования. Государства, как мы знаем, постоянно вступают в отношения друг с другом. Теоретически это происходит свободно,

по взаимному согласию. Такие отношения оформляются в виде договоров, соглашений, конвенций и тому подобных документов. Некоторые из них имеют многосторонний характер. Совокупность этих документов называется **международным правом**.

..... *Отличие международного права от внутреннего в том, что участники международных договоренностей вольны в любое время выйти из них, а также в том, что формальный механизм принуждения к исполнению однажды взятых на себя обязательств отсутствует.*

Первоначальная идея Совбеза ООН в составе пяти постоянных членов как хранителей международной безопасности, по совместительству международных полицейских и командующих международными вооруженными силами и силами по поддержанию мира, а также — по модели Нюрнбергского трибунала — судей международного суда, заложенная в Уставе ООН, оказалась практически не осуществимой из-за непримиримых противоречий внутри «пятерки» и воплотилась в довольно слабых инструментах.

Все постоянные члены Совбеза являются также признанными ядерными державами, но в XXI веке это уже не делает их исключительными. Ядерное оружие разработали и создали Индия и Пакистан, Израиль и Северная Корея. Пример КНДР демонстрирует, что любая, пусть сравнительно бедная и во многих отношениях отсталая, страна может добиться своей цели, если ее руководство поставило задачу создать ядерный потенциал, а режим достаточно устойчив к внешнему давлению. На месте и Пхеньяна, и Вашингтона можно представить любую пару государств современного мира. Это совершенно новая ситуация. Есть ядерная программа

у Ирана, ряд государств на Ближнем Востоке и в других регионах демонстрирует ядерные амбиции. Возможности, которыми располагают ядерные державы, важны с точки зрения сдерживания противников, но больше не создают международных привилегий.

Международное право исторически сложилось на основе вестфальской формулы суверенитета государств и невмешательства в их внутренние дела. После Второй мировой войны в документах ООН, решениях Нюрнбергского трибунала, осуждающих главных нацистских военных преступников, принципы суверенитета были дополнены положениями о том, что агрессия является международным преступлением, а угроза миру — проблемой для мирового сообщества; что определенные нормы соблюдения прав и свобод человека, в том числе вытекающие из осуждения расизма и различных форм дискриминации, являются обязательными для всех государств. После окончания холодной войны и триумфа западных стран в США и Европе появилась идея о том, что даже модернизированное международное право уже недостаточно в качестве регулятора международной жизни. Вместо него стала продвигаться идея мира, основанного на правилах.

Эта идея фактически нацелена на то, чтобы распространить на весь мир порядок, существующий в пределах сообщества стран Запада. Порядок, основанный на правилах, предусматривает, что все государства разделяют ценности либерализма, демократии, прав и свобод человека, причем не в их классической форме, а в современном прочтении. Фактически речь идет о либерально-прогрессистском порядке. Первой новацией в этом направлении явилась доктрина гуманитарной интервенции, ставшая в 1999 году основанием для вооруженной интервенции стран НАТО против

Югославии во время конфликта в Боснии. Следующей крупной новацией стала принятая ООН в 2005 году концепция об ответственности по защите населения от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности.

Идея мира, основанного на правилах, заключается в том, чтобы распространить на весь мир порядок, существующий в пределах сообщества стран Запада. Этот порядок основан на том, что все государства разделяют ценности либерализма, демократии, прав и свобод человека, причем не в их классической форме, а в современном прочтении.

Если в отношении геноцида и других преступлений против человечности существует международный консенсус, то более широкий набор объектов регулирования — например, характер политического режима, который может не отвечать нормам демократии и даже конституциям тех или иных государств, — встречает сопротивление. Китай, Россия, Иран открыто выступают в защиту принципа невмешательства во внутренние дела государств. Характерно, однако, что и некоторые члены ЕС — Польша, Венгрия — против вмешательства органов Евросоюза в свои внутренние процессы. Другие члены ЕС, хотя и робко, выступают против неправовых действий США.

Это позволяет сделать вывод, что порядок, основанный на правилах, не может быть установлен иначе как при участии всех стран в выработке правил, обязательности выполнения правил и контроля за их применением всеми государствами без исключения. Такие условия, однако, могут появиться только в процессе формирования мирового политического общества и создания мирового правительства. Международное

сообщество, на которое ссылаются сторонники универсальных правил, — на деле западное сообщество. В этом сообществе есть и порядок, и правила, и лидер — Соединенные Штаты Америки. Мощь, авторитет и влияние США являются реальной основой порядка, распространяющегося на страны Запада и примкнувшие к ним государства.

• • •

Однако в современном мире все государства без исключения так или иначе зависят друг от друга. **Только несколько игроков действительно обладают достаточными ресурсами и волей, чтобы проводить свою внешнюю политику, если требуется, вопреки воле всех остальных. Это прежде всего США и Китай.** Самостоятельную политику проводят также Россия и Индия. А вот страны Европы и Япония, Канада и Австралия, ряд других, несмотря на имеющиеся у них большие ресурсы и возможности, предпочли передать жизненно важную функцию защиты старшему союзнику — Соединенным Штатам Америки. В связи с этим совершенно справедливо, что страна-защитник требует достаточной степени контроля над внешней политикой подзащитных стран.

Традиционные международные отношения основывались на **реализме** — уважении совокупной мощи и военной силы государства как важнейшего фактора международной жизни — и **прагматизме**, ставящем во главу угла интересы взаимодействующих государств и признающем политику искусством возможного.

XX век — век идеологий — привнес в международные отношения сильный идеологический фактор. Противоборствующие идеологии коммунизма и либеральной демократии

внешне руководствовались сверхнациональными интересами. Рубеж XXI столетия, с одной стороны, стал триумфом глобализма в варианте всемирного западнического прогрессизма, а с другой — оживил древние племенные и религиозные идеологии. Первая треть XXI столетия заканчивается, похоже, ренессансом национализма и — внутри Западного мира — жесткой схваткой прогрессивного и традиционного западничества. Это делает международные отношения более напряженными, действия участников более решительными, а их борьбу — бескомпромиссной.

После такого сжатого короткого вступления можно приступить к обсуждению проблем российской внешней политики.

ФАКТОРЫ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

В этой части книги рассматриваются основные детерминанты, определявшие и продолжающие определять внешнюю политику России: геополитическое положение страны, ее геокультурные особенности. Здесь также обсуждаются проблемы национального и геополитического самоопределения, специфики российских национальных ценностей. Особенно важен вопрос о национальных интересах. Эти интересы не всегда и не во всем являются объективно заданными и часто представляют собой предмет горячих споров и даже борьбы. Наряду с этим обсудим чувствительную для россиян проблему статуса страны и попытаемся выяснить, каков реальный внешнеполитический потенциал России — иными словами, на что она может опираться в проведении своей внешней политики. Затронем также вопрос о том, есть ли и должна ли быть у России специфическая миссия на международной арене. В завершение — самое главное: попытка предложить для обсуждения концепцию равновесия как основу внешней политики Российской Федерации в первой половине XXI века.

• • •

Страны, в отличие от людей, не мигрируют, но они постоянно меняют свои границы, то расширяясь, то сжимаясь в размерах, устанавливают и свергают политические системы и режимы, а также меняют международную ориентацию. Российская Федерация — не новая страна и даже не новое государство, возникшее в 1990-м (после принятия

Верховным Советом РСФСР Декларации о государственном суверенитете республики) или 1991-м (после роспуска СССР в Беловежской Пуще). Российской государственности намного больше тысячи лет. Находящийся в Новгородском кремле знаменитый памятник «Тысячелетие России» был воздвигнут еще в 1862 году. Именно в этом городе на Волхове зародилось государство русского народа. История России неразрывно связана с православием. Принятие христианства князем Владимиром и его дружиной в крымском Херсонесе, а затем крещение киевлян в Днепре в 988 году стало вторым — духовным — рождением России.

На этом тысячелетнем государственном и духовном пути уместилось шесть основных форм Российского государства: Древняя Русь от Новгорода до Полоцка и «матери городов русских» Киева (IX век — середина XII века); северо-восточная Русь как место формирования великорусского этноса — Ростов Великий, Суздаль, Владимир и, наконец, Москва, объединившая под своим началом все русские земли северо-востока (конец XII века — начало XVI века); многонациональное централизованное Русское (Московское) царство XVI–XVII веков; европеизированная Российская империя XVIII — начала XX века со столицей в Санкт-Петербурге; коммунистическая советская Россия — СССР 1917–1991 годов; современная Российская Федерация. В этой изменчивой непрерывности, когда смена форм государства является способом продолжения государственности, диалектическая суть России.

.....
Поразительная черта российской истории состоит в том, что каждое следующее российское государство во многом отрицало своего предшественника, но при этом каждая из исторических «Россий» являлась абсолютно русским

... *государством, полноправным наследником предыдущего.*
 ... *Таким образом, сменяемость и преемственность*
 ... *выступают как две константы русской истории.*

Другой особенностью является способность русского народа к выживанию в суровых и даже экстремальных условиях — не только климатических, но и политических (изменений внутреннего режима) и геополитических (вторжения и давления извне).

Применительно к государству понятия «русский» и «российский» выступают как неполные синонимы: русскость составляет ядро российскости (в которой присутствуют многие другие народы Евразии), но в историческом плане иногда была шире его (Великая, Малая и Белая Русь, бывшие изначально единым геополитическим организмом, впоследствии расходились, сходились, и вновь расходились). Уникальное свойство русских — их готовность включать в свое сообщество представителей других этносов, культур, религий и одновременно проявлять терпимость к этническим и религиозным особенностям соотечественников. Результатом этого являлось то, что понятия «русский» и «российский» часто оказывались взаимозаменяемыми.

Страны живут во времени и пространстве. История и география определяют их судьбы на протяжении всего существования государств, в отличие от экономики и финансов, которые важнее на коротких отрезках времени. Любой политик, приходящий к власти и уже в качестве государственного деятеля принимающий на себя ответственность за страну, строит ее внешнюю политику на нескольких важнейших основаниях. Такими факторами являются: геополитическое положение страны, ее геокультурная идентичность и специфические ценности, национальные интересы, стратегическая

культура. Давайте попробуем определить содержание этих важнейших параметров для современной Российской Федерации.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Древняя Киевская Русь, геополитической осью которой служил Днепр, главная водная магистраль на пути из варяг в греки, являлась первым русским государством. Наследие Киевской Руси — общее достояние трех народов и трех современных государств: Белоруссии, России и Украины. Центр всех остальных исторических России находился в волжско-окском междуречье, и именно Волга стала новой меридиональной осью, главной дорогой России. Широтной осью России служит путь, проложенный крестьянами-переселенцами, купцами и промышленниками, мигрировавшими из волжско-окского междуречья на Урал и дальше — вплоть до берегов Амура и до тихоокеанского побережья. Сегодня по этому пути проходит Транссибирская железнодорожная магистраль.

«Россия — гигантских размеров сухопутный остров», — писал мыслитель Вадим Цымбурский⁴. Этот остров-материк долго формировался, расширялся, а в последнее время существенно сжался. В ходе своего становления Россия наступала на соседние Европу и Азию, иногда останавливалась в своем движении вширь и изредка, сталкиваясь с сильными противниками, отступала. Бывало, от нее отпадали те или иные территории, но затем они обычно возвращались — как правило, силой. Никогда, однако, сжатие России не было столь масштабным, как в результате распада Советского Союза. Россия потеряла не только окраины — Прибалтику, Бессарабию, Закавказье, Туркестан и Среднюю Азию, но и части

того, что считалось историческим ядром страны и колыбелью русского народа: Украину и Белоруссию.

За три прошедших десятилетия бывшие окраины «большой страны» — Советского Союза, а до него Российской империи — стали для Российской Федерации иностранными государствами, в разной степени дружественными или враждебными. Некоторые до сих пор считают такое положение неестественным, временным; даже саму Российскую Федерацию не признают полноценной Россией, презрительно именуя ее эрэфией. Это иллюзия. Прежний порядок вещей — государственное единство имперско-советского пространства — невозстановим. Национальное начало торжествует повсюду в мире. Сама Россия не только перестала быть империей, но выходит уже из постимперского состояния, становясь самодостаточным многонациональным государством, объединенным русским народом. Важнейшую роль в этом сыграли и продолжают играть события на Украине и процессы, идущие в Белоруссии. Сказанное не значит, что влияние России в пределах СНГ не может и не будет возрастать, а связи с бывшими республиками не будут укрепляться. Но возрастать и укрепляться все это будет уже не на основе государственного объединения.

Сжатие России на рубеже XXI века происходило одновременно с экспансией ее исторических соперников. Это стало для них своего рода реваншем за прошлое расширение России за счет европейских держав, утративших свои сферы влияния. Запад «отыграл» не только утраченные им в результате Второй мировой войны подконтрольные Советскому Союзу территории — Восточную Германию и Восточную Европу, включая Балканы, но и распространил свое влияние на Прибалтику, Украину, Грузию, Молдавию, стремится влиять также и на Белоруссию. Колоссально усилившийся в экономическом отношении Китай сумел стать ведущим

экономическим игроком в Центральной Азии и — под флагом инициативы «один пояс, один путь» — важнейшим фактором экономического сопряжения Азии и Европы. На юге Турция, не сумевшая в 1990-е годы укрепиться в тюркоязычных закаспийских странах, стала де-факто старшим союзником Азербайджана. Призрак возрождающейся Османской империи — от Ливии до Ирака — соседствует с тенью Речи Посполитой, витающей над новой (2020 года) Люблинской унией Польши, Литвы и Украины, в которую Варшава с помощью Вильнюса стремится включить и Белоруссию. Еще в 2009 году Варшава вместе со Стокгольмом выступила с инициативой создания Восточного партнерства Европейского Союза, направленной на постепенную европеизацию шести постсоветских государств Балтийско-Черноморского региона и Кавказа. Этот процесс идет неровно, с перебоями, но на западных границах России практически исчез пояс многовекторных буферных государств, превратившихся в сателлитов Европы и Америки.

Уменьшившись в размерах и утратив контроль над непосредственным геополитическим окружением, сама Россия стоит особняком. История России-Евразии в ее имперском и советском вариантах закончилась, но Российская Федерация так и не стала, как многие ожидали в 1990-е — начале 2000-х годов, частью политической Европы. В Азии, конечно, никто никогда не считал Россию «своей» и ничего от нее не ожидал. Это привело к смене привычных понятий.

..... В XXI веке Россия уже больше не Восток: ни европейский, как было на протяжении многих столетий, ни мировой, как в годы холодной войны. Место мирового Востока, противостоящего глобальному Западу, прочно занял Китай, а восточные границы Европы фактически полностью

совпали или вот-вот совпадут с западными рубежами России. Итак, современная Россия — это не Восток, не Запад, не Европа, не Азия. Она не встраивается ни в одну из геополитических макроконструкций.

Геополитически Россия — самостоятельная, но одинокая величина в ставшем глобальным мире. Резкое уменьшение ее сфер влияния и сжатие все еще огромной государственной территории привели к одиночеству, но они же позволили освободиться от тяжелого бремени имперских обязательств.

Уйдя с линии противостояния Восток–Запад, Россия получила новую возможность: закрепиться на политической карте в качестве мирового Севера, переосмыслить себя как северную страну и в таком качестве взаимодействовать с пока еще американоцентричным Западом, Востоком, центр тяжести которого лежит в Китае, и пестрым мировым Югом.

Действительно, в географическом отношении сегодняшняя Россия — это практически вся Северная Евразия. Будучи расположенной особо и отдельно, Россия не только не изолирована от внешнего мира, но, напротив, выходит к миру четырьмя широкими фасадами: западным, евро-атлантическим, южным, кавказско-туркестанским, продолжающимся до Индийского океана, восточным, азиатско-тихоокеанским и, наконец, северным арктическим. Россия непосредственно граничит на суше с восемью европейскими и восемью азиатскими государствами, имеет морскую границу с Японией и США. Суверенное одиночество — та позиция, с которой предстоит действовать любому ответственному государственному деятелю Российской Федерации.

ГЕОКУЛЬТУРНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

XXI век, в отличие от XX, эпоха идентичностей, а не идеологий. Россия не только политически, но цивилизационно северная страна. Это территория с довольно суровым климатом, преимущественно холодным. Она возникла как северная окраина древней Киевской Руси и сейчас является северным соседом Украины. Территория Российской Федерации не только охватывает почти весь север Евразии, за исключением Скандинавии, но и имеет продолжение в виде исключительной экономической зоны, тянущейся к Северному полюсу. Области, официально отнесенные к Крайнему Северу и приравненные к ним, занимают две трети территории РФ. Таким образом, исторический путь России — от Северной Руси к Северной Евразии.

Славянские этнокультурные корни основной части населения России очевидно европейские. Ее исторические очаги — Новгород, Киев, Москва, Петербург — находятся на территории географической Европы. Россия приняла христианство в конце X века — одновременно со многими европейскими странами. Ее духовные корни ведут в Константинополь — «Второй Рим». После церковного раскола середины XI века русские остались с православной Византией. Эта общность корней и различия в культурном развитии предопределили многое в будущем русского народа.

Оставаясь европейской по корням, российская цивилизация, таким образом, не является западной. Будучи открытой для разнообразных заимствований и способной достигать высот «западной» культуры — например, в музыке, литературе и кино, — Россия на протяжении всей своей истории упорно отвергала путь культурной ассимиляции,

первоначально в рамках католической церкви, а в наши дни — расширенного Запада. Вместо этого Россия традиционно объединяла народы и религии в растущих границах самого российского государства.

Российская цивилизация очень рано вышла за пределы изначального восточнославянского этноса. Население России — результат соединения многих народов: славян и варягов-скандинавов, финно-угорских и тюркских этносов, монголов и евреев, а также армян, немцев, греков и десятков других. Православие широко распространилось на территории России, но приверженцы других религий и конфессий — ислама, иудаизма, буддизма, а также католичества и протестантизма — получили возможность исповедовать свою веру. После церковного раскола XVII века преследованиям подвергалось в России старообрядчество, а в годы большевистского богоборчества в XX веке — все религии без исключения. Надо отметить, однако, что советская власть обрушивала наиболее жесткие репрессии на русский народ — православных священников и монахов, русское крестьянство и интеллигенцию, даже на русских коммунистов («ленинградское дело» 1949–1951 годов), не без оснований считая русскость реальной альтернативой советскому коммунизму.

Советский период был временем широко культивировавшегося интернационализма. Многонациональное население России — не сплав многих волн иммигрантов, как в американском плавильном тигле, а тесный и, как свидетельствует история, довольно прочный союз преимущественно автохтонных народов с русским большинством на общей государственной основе и с сохранением национальных очагов.

В ходе обоих колоссальных российских потрясений XX века — 1917–1920 годов и в 1989–1991 годах — народы, проживающие ныне на территории Российской Федерации, оставались вместе с русским народом в составе российского государства. Это важный факт, позволяющий говорить о базовой устойчивости якобы искусственной Российской Федерации.

Готовность и расположенность русских к интеграции в свое сообщество не только отдельных личностей, но и — с сохранением их национальных черт — этнорелигиозных сообществ на равноправной основе есть главный фактор государственного единства страны. Его необходимо всемерно оберегать и укреплять. Преобладающий российский патриотизм-национализм — не этнический, а государственный, толерантный к этническим и религиозным различиям. В перспективе государственный элемент необходимо укрепить гражданским.

Становление гражданственности и связанной с ним модели народовластия — важнейшая проблема русской политической культуры.

Традиционная русская политическая культура существенно отличается от европейской. В ее основе — принципы единоначалия, нерасчлененности и сакрализации высшей власти; вертикали управления; консультативности («соборности») как средства совмещения частных интересов; иерархии и в идеале специфической гармонии («симфонии») между правителями и управляемыми. Эта культура, формировавшаяся в огромной единой стране — в противоположность раздробленной на отдельные государства и расколотой

борьбой между светской и духовной властью Европе, изначально враждебна состязательности, упорядоченной политической борьбе, подотчетности и регулярной сменяемости власти, легальной оппозиции, приоритету прав человека и в конечном счете суверенитету народа, поскольку видит в этих явлениях и институтах угрозу внутренней смуты и гибели государства.

Модернизация политической культуры страны началась еще во второй половине XIX века, но процесс, несмотря на несколько волн революций, идет медленно, с частыми откатами назад. Российская конституция, принятая в 1993 году, формально установила в стране западную модель демократического государства, но основной закон, написанный с использованием лучших западных практик, работал в России лишь формально. Его коррекция в 2020 году формально отдала Россию от западной политической модели, столь же формально укрепив основы суверенитета страны, но не предложила действительно серьезных новаций. По сути формула власти не изменилась. Вероятно, становление российского народовластия — самодержавия народа — будет процессом длительным и неравномерным, даже (как свидетельствует опыт XX века) в случае каких-либо потрясений.

Попытки одним рывком изменить все заканчиваются тем, что предыдущая модель вертикальной власти воспроизводится, но на другом уровне и в иных идеологических одеждах. Советская Россия, поначалу обещавшая построить новый мир, не имела достаточных ресурсов для решения этой задачи и в итоге продолжила и усовершенствовала свергнутую ею царскую систему, а постсоветская склоняется в каком-то смысле к развитию советской. Процесс суверенизации народа — это длительный процесс изменения самосознания общества: от положения подвластного населения,

от вечного состояния подданных — к статусу граждан. Заграница с ее демократическим опытом здесь не поможет. Путь к самодержавию гражданской нации может быть только российским, как и решение, которое рано или поздно будет найдено.

Не вступая в дискуссию относительно принципов деления человечества на отдельные цивилизации, можно уверенно говорить о цивилизационном своеобразии России. Преимущественно европейская по своему происхождению, Россия серьезно отличается в культурном отношении — в том числе с точки зрения мировоззрения и политической культуры — от остальных стран, включая даже ближайших соседей и родственников, таких как Украина и Белоруссии. В годы холодной войны СССР и США иногда называли полуевропейскими странами. При этом США были больше связаны с западными протестантскими и католическими элементами Европы, а Россия — с восточными православными.

... Сегодня, когда Европа объединилась и практически целиком находится не только в политическом и военном, но и в ценностном союзе с США, Россию можно назвать страной евротихоокеанской, в отличие от евроатлантических стран к западу от ее границ.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Итак, после распада Советского Союза Российская Федерация не входит в состав каких-то интегрированных политико-экономических общностей, но и не имеет возможности выстроить собственный блок. Таким образом, она не принадлежит какой-либо геополитической или идеологической «семье», но при этом распустила свою. На политической

карте мира Россия стоит особняком, однако она не жестко изолирована от внешнего мира. Россия пришла к этому состоянию долгим и сложным путем. Он оставил богатое наследие, влияние которого не только хорошо видно до сих пор, но и отражается на восприятии россиянами своей страны.

Первой политической самоидентификацией русских было видение своей страны как части православного христианского мира. Особенно важным был тот факт, что с середины XV века (падения Константинополя) по вторую половину XIX века (образования при помощи и поддержке Российской империи самостоятельных славянских государств на Балканах) этот мир — вернее, независимая его часть — территориально совпадал с границами России. В результате Москва, в собственных глазах преемница Царьграда-Константинополя, увидела себя Третьим Римом, и вселенская религия превратилась в обыденном сознании в национальную русскую, породив одновременно гордость, высокомерие и замкнутость.

Следующей — с XVIII века — стала самоидентификация российских элит, связанная с Западной Европой, европейской цивилизацией. Таким образом Россия из центра вселенной переосмысливалась в соискателя признания со стороны индустриально и цивилизационно более продвинутых и поэтому скептически и часто враждебно настроенных по отношению к российским «высочкам» западных соседей. Россия разомкнулась, открылась Западу. Надо только иметь в виду, что модернизационные усилия «немца» Петра I и его наследников, включая урожденную немку Екатерину II, были направлены не на то, чтобы превратить Россию в Европу, а на то, чтобы стать вровень с европейскими державами. В то же время этот поворот породил в высших

классах русского общества комплекс ученика, подражателя, «русского европейца» — качество, неизжитое до сих пор, а после распада СССР даже укрепившееся. В петербургский период своей истории Россия, сознавая свою технологическую отсталость, стремилась — и небезуспешно — компенсировать ее различными видами ресурсов: демографическими, мобилизационными, духовными и других.

В начале XX века европейскую ориентацию сменила коммунистическая утопия. Советская Россия превратилась в цивилизационную альтернативу капиталистическому Западу, приобрела сторонников и последователей во всем мире и вновь — как во времена православной Московской Руси — стала центром мироздания, теперь уже социалистического. Говоря словами поэта Владимира Маяковского, «собственная гордость» «советских» вознесла их до глобальных высот, но одновременно породила беспрецедентную замкнутость, закрытость страны от внешних влияний, тлетворных для системы. Советский Союз добился положения мировой сверхдержавы, соперничавшей с другой сверхдержавой — Соединенными Штатами Америки, но оставался закрытым обществом. Этот период оставил нам в наследство глобализм мышления и действий и особо трепетное отношение к международному статусу страны.

СССР погиб, оказавшись не в состоянии пережить свой первый общий — но не летальный — кризис. Крах и распад сверхдержавы стали не только геополитической, но и психологической катастрофой, оставившей глубокую травму. Круто развернувшись в очередной раз, Российская Федерация, позиционировавшая себя как основного наследника и государства — продолжателя СССР, попыталась поначалу интегрироваться в мировой Запад, даже стать своего рода «третьим Западом» (наряду с США и ЕС) в рамках евро-атлантического

мира⁵. Эта попытка, как известно, завершилась неудачей, причины и следствия которой будут подробно проанализированы в исторической части книги.

... *Перестав быть Востоком и не став Западом,
Россия в XXI веке становится Севером, но при этом
не геополитическим северным полюсом, а отдельной
величиной глобального уровня.*

Удастся ли ей удержаться в положении независимого игрока, покажет время. Многое зависит от того, будет ли современное российское государство следовать заявленным ценностям: оба предшественника РФ — СССР и Российская империя — погибли именно из-за эрозии, а затем и краха официально преобладавших систем ценностей. Образно говоря, империя явно предпочла Рим — Иерусалиму, а СССР силу — правде.

ЦЕННОСТИ

Часто при обсуждении внешней политики ценности считаются камуфляжем интересов. Это верно, если речь идет о ценностной риторике, прикрывающей действительные цели государств. В то же время нельзя не видеть, что первоосновой интересов являются базовые ценности, ради которых только и стоит жить, а если придется — пожертвовать жизнью. Это справедливо и в отношении людей, и применительно к странам. По сравнению с современными европейскими российские базовые ценности заметно консервативнее. Это относится к таким фундаментальным вопросам, как значимость и сама сущность семейного союза, традиционный взгляд на проблему пола, роль религии в частной

жизни и в жизни общества. Эти различия имеют значение и для международных отношений России.

Главной политической ценностью в истории русского (здесь это слово употребляется как синоним «российского») народа является его государство. Постоянная необходимость наведения порядка у себя дома, а затем — выживания в борьбе с многочисленными соседями, начиная с вошедших в поговорку *печенегов* и *половцев*, отсутствие естественных препятствий — линий защиты от возможных противников — делали военную организацию всего народа первостепенной необходимостью. Как и военные вопросы, связанная с ними внешняя политика стала и остается исключительной прерогативой первого лица, каков бы ни был его официальный титул. С этого первого лица — символа государства — был и основной спрос за неудачи. Вертикаль власти стала в российских условиях основным принципом не только военного командования, но и государственного строительства и управления и остается им по сей день.

В то же время и в противовес сказанному, русскому человеку свойственно стремление к природной свободе и воле. Идеальное государство для него — не свод законов и бюрократическая машина для их исполнения, а дом справедливости, в котором порядок основывается на совести, а не на законах. Это — важная иррациональная сторона русского сознания, дополняющая соседствующую с ней рациональность, а иногда подавляющая ее. Поэтому вслед за обеспечением внутреннего порядка и внешней безопасности важнейшей ценностью являлась и остается *справедливость*. Несправедливая себялюбивая власть всегда была шаткой. Благополучие, прежде всего материальное, признавалось ценностью менее высокой, чем справедливость, независимость или безопасность, а богатство, для большинства недостижимое,

традиционно вызывало подозрения в несправедности его приобретения. Ценность справедливости подрывает основы ценности государства, если государство не только признается несправедливым — обычно так и бывает, — но и девальвируется ценность государства как защитника. Советский Союз выстоял и укрепился в Великой Отечественной, не дрогнул в холодной войне, но стал рассыпаться, когда мантра «лишь бы не было войны» сменилась подозрением, что, говоря словами песни Бориса Гребенщикова, «мы воевали сами с собой»⁶.

Приоритет, традиционно отдаваемый русскими людьми своему государству, требовал обеспечения самостоятельности этого государства, его внешней независимости, суверенитета и равенства.

Отстаивание как важнейшей ценности свободы руководства страны в принятии решений предполагало готовность народа платить высокую, даже запредельную цену за сохранение государственной самостоятельности. Эта же ситуация ставила государство над обществом, над отдельными личностями. Внешний суверенитет, самостоятельность и свобода России покупались высокой ценой внутренней несвободы и жесткой зависимости русских людей от своего государства и его правителей. Сознательно или нет, народ был готов платить такую цену. Очень важна в этой связи идея равенства — не юридически оформленного статуса, а природного равенства людей и народов, тесно связанного с представлением о справедливости.

Устойчивость государства и его суверенитет напрямую зависели от сохранения *внутреннего единства*. Домашняя смута представлялась русским людям самой большой

напастью — худшей, например, чем иноземное вторжение. Привычная внутренняя несвобода сменялась тогда безвластием и вольницей, которые неизбежно вели к разрухе и упадку. Российское государство разваливалось в начале XVII, а также в начале XX века и еще раз в конце его из-за внутренних неурядиц и затем с большим трудом собиралось вновь, хотя бы — как в последний раз — в неполном составе. Напротив, тяжелые оборонительные войны, получившие название отечественных, против таких сильных противников, как наполеоновская Франция и гитлеровская Германия, приводящих с собой на русскую землю войска половины Европы, были не только успешны и даже триумфальны, но вели к сплочению народа и подъему страны.

Справедливость для русских людей была и остается важнее, чем легальность, формальная законность. Русская народная правда — это правда справедливости. В то же время здравый взгляд на международные отношения показывает, что действительно справедливые решения часто оказываются недостижимыми или непрактичными. Справедливость замещается здесь международным правом.

..... *Приоритет собственного суверенитета — то есть отказ от признания какой-либо высшей власти над своим государством — лежит в основе традиционной апелляции России к международному праву в качестве регулятора международных отношений.*

Международное право — это, конечно, не универсальный свод законов о международных отношениях. Само понятие суверенитета государств предполагает анархию в этой сфере. Международное право на деле всего лишь система договоренностей, свободно заключаемых и расторгаемых

суверенными государствами. Оставаясь приверженной международному праву на таких основах, Российская Федерация решительно отвергает продвигаемый сегодня странами Запада принцип *порядка, основанного на правилах*. Такой порядок ближе к понятию национального права. Он установил бы в международном сообществе универсальный режим, введенный группой государств (коллективным Западом), которые фактически обладали бы исключительной компетенцией в установлении правил, наблюдении за их соблюдением, назначении и реализации санкций за их несоблюдение, а также изменении самих правил. Такой порядок уничтожал бы суверенитет отдельных государств, подчинял их высшей юрисдикции мирового правительства — в той или иной форме.

В реальной международной жизни отношения между государствами основываются не на праве и даже не на договоренностях, а на силе. Признающий это политический реализм, основанный на здравом смысле, обычно был прочным фундаментом российской внешней политики, а порожденный им прагматизм, то есть нацеленность на практический результат в рамках возможного, — принципом международного поведения.

При этом мировоззренческом подходе основной упор делается на соотношение сил тех или иных участников международных отношений, с которыми России приходится иметь дело, и признается иерархия государств, фактическое неравенство их возможностей. Именно в эту логику укладывается апокрифический вопрос Сталина относительно возможностей папы римского во Второй мировой войне: «А сколько у него дивизий?»

Итак, деятели, выступающие от имени России, если они хотят иметь возможность опираться на поддержку большинства населения страны, обязаны быть государственниками, обладать чувством справедливости и исходить из норм и принципов международного права, понимая в то же время, что международные отношения в реальном мире основываются на силе, а результативная внешняя политика — на прагматизме. Прагматизм в свою очередь неразрывно связан с конкретными интересами.

ИНТЕРЕСЫ

Движущими силами и ориентирами внешней политики любой страны являются национальные интересы. В принципе, у России, как у каждой страны, есть два главных интереса: обеспечение безопасности и создание или поддержание благоприятных внешних условий для процветания.

Обеспечение безопасности, как уже отмечалось, первое, важнейшее условие существования обществ и государств. Безопасность — это не отсутствие угроз, такое представить себе в реальном мире невозможно, а приемлемый уровень защищенности. Абсолютной безопасности не существует, но и игнорировать опасности нельзя. Попытка полностью обезопасить себя от всех возможных угроз не только тщетна, но крайне вредна. Государство, целиком сосредоточенное на обеспечении собственной безопасности, жестко ограничивает свободы граждан и тем самым сдерживает развитие страны. Таким государством — государством госбезопасности — был Советский Союз. Как только в СССР назрел первый общесистемный кризис, зажатость населения внутри страны и глухое отгораживание ее от внешнего мира повернулись своей оборотной стороной и стали одной

из важнейших причин быстрой эрозии, а затем падения советской коммунистической системы, а с ней и государства.

Для России внешняя безопасность страны — очевидный приоритет. Часто это вопрос не комфортного состояния, а физического выживания народа. Россия всегда была и сегодня остается уязвимой для противников. Синдром внезапного германского нападения 22 июня 1941 года — только самый последний в длинном ряду и самый наглядный и страшный пример внешней угрозы. Он врезался в историческую память народа, вероятно, навсегда. В период холодной войны на этот синдром наложилась реальная опасность ядерной войны с США, способной полностью уничтожить обе стороны и заодно убить все живое на Земле. Холодная война закончилась, но возможность ядерной войны сохраняется.

На протяжении российской истории императив безопасности — в условиях, как уже отмечалось, уязвимости страны из-за отсутствия естественных препятствий, которые могли бы стать более или менее надежными границами, — требовал распространения российской территории вплоть до рубежей соседних крупных цивилизаций. С этой же целью российские правители создавали или поддерживали зависимые от них буферные государства. Эти буферные зоны были призваны как минимум не допустить превращения пограничных стран-лимитрофов в плацдармы для нападения на Россию. Пожалуй, только по итогам Второй мировой войны Москва могла почувствовать удовлетворенность тем, как были проведены ее границы и до каких пределов распространялось ее военно-политическое влияние⁷. Такой подход, разумеется, создавал напряжение между Россией и малыми соседями, для которых обеспечение безопасности России оборачивалось ограничением естественного для малых стран

стремления к многовекторности, а иногда — просто ограничением свободы, сопровождаемым утратой независимости. С этим историческим наследием Российской Федерации предстоит жить еще долго.

..... Понятие «национальная безопасность» отличается от понятия «государственная безопасность» тем, что подразумевает не только безопасность государства или политического режима, но также — и прежде всего — безопасность личности и общества.

Именно такая трактовка зафиксирована с начала 1990-х годов в официальных российских документах, в том числе в «Концепции национальной безопасности Российской Федерации» и сменившей ее «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

Обеспечение условий для процветания также в большой степени проводилось путем расширения территории. Территориальная экспансия велась не только во имя безопасности, но и для решения экономических проблем или приобретения торговых преимуществ. Так была приобретена и освоена Сибирь вплоть до Тихого океана; отвоеваны устья рек, питающих Центральную Россию: Волги, Дона, Днепра, Западной Двины; получен доступ к морскому побережью (северное «окно в Европу» через Балтику и южное — через Причерноморье). Как и другие крупные страны, Россия стремилась к расширению рынков сырья и сбыта готовой продукции. Характерной чертой России при этом было стремление к самодостаточности в рамках империи. Новые территории не просто присоединялись, но, как правило, тесно интегрировались в государство. Деление на метрополию и колонии в России практически отсутствовало.

Безопасность и процветание — вечные и универсальные интересы любого государства. Конечно, конкретная трактовка этих интересов в той или иной исторической ситуации — прерогатива и обязанность высших должностных лиц, прежде всего главы государства или главы исполнительной власти. По таким вопросам не только может быть несогласие в обществе, но и часто ведется острая полемика и политическая борьба. Помимо базовых национальных интересов, руководители российской политики на определенных исторических этапах, иногда длительных, формулировали конкретные интересы. Ниже мы приведем только несколько примеров.

Объединение (воссоединение) соотечественников и защита граждан за рубежом. Уже вскоре после освобождения от монгольского ига московские великие князья и цари заявили о своих правах на «дедины и отчины» — территории бывшей Киевской Руси, вошедшие впоследствии в состав Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой. В основном это была геополитическая задача, хотя и осененная религиозной и национальной символикой. Объединение трех ветвей первоначальной древнерусской общности происходило постепенно, на протяжении столетий, в условиях многочисленных войн с Речью Посполитой, затем путем ее раздела, и завершилось только в 1939–1945 годах с присоединением к СССР Восточной Галиции, Волыни, Северной Буковины и Червонной Руси (Закарпатья).

Защита православных единоверцев — в Речи Посполитой, Османской империи, на Балканах — была в XVIII — начале XX века политическим лозунгом, под которым проходило распространение российского влияния. В этом деле бывали серьезные сбои и неудачи. Попытка Николая I выступить защитником православных в Святой земле стала предложением

для неудачной для России Крымской войны, а установление российского контроля над Константинополем и черноморскими проливами превратилось в навязчивую идею, которая двигала восточной политикой Петербурга со времен греческого проекта Екатерины II вплоть до вступления России в Первую мировую войну. Идеи панславизма, сформулированные Николаем Данилевским и рядом других мыслителей, были нацелены на создание мощного пророссийского геополитического блока в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе⁸ — в противовес романо-германской Европе.

В этом отношении, однако, они оказались совершенно бесплодными, что стало ясно довольно скоро. Германский канцлер Отто фон Бисмарк, говоря о греках, румынах, сербах и болгарях, писал, что «все эти племена охотно принимали русскую помощь для освобождения от турок; однако, став свободными, они не проявляли никакой склонности принять царя в качестве преемника султана»⁹. Глубокий знаток Балкан, русский мыслитель Константин Леонтьев подтверждает: «они (югославыне. — Д.Т.), просветившись несколько по-европейски (отчасти с нашей помощью), перестали нас слушаться»¹⁰. Тем не менее наряду с одержимостью задачей установления контроля над Босфором идеи объединения славян под началом России проложили дорогу к втягиванию Российской империи в катастрофу войны 1914 года.

В ряде случаев российские правители стремились к увеличению территории путем объединения земель, населенных нерусскими народами, проживавшими в России. По итогам войны с Турцией в 1878 году к империи была присоединена Карская область, населенная армянами. В 1924 году была создана Молдавская АССР — ныне это в основном территория

Приднестровья — с перспективой возвращения отторгнутой Румынией у России Бессарабии. Не все такие попытки оказывались успешными. В 1940 году была создана Карело-Финская союзная республика, задуманная как плацдарм для не случившейся советизации Финляндии. Во время Второй мировой войны на части территории Ирана, населенной азербайджанцами и оккупированной советскими войсками, при поддержке СССР были созданы народные республики, которые рассматривались как возможное продолжение советского Азербайджана.

К интересу восстановления единства наций примыкает тема *восстановления единства государственной территории*. Советская Россия меньше чем через пять лет после распада империи смогла объединить под флагом СССР большую часть ее пространства, за исключением Финляндии, Польши, Прибалтики и Бессарабии. Руководство Российской Федерации с самого начала заявило о признании границ между союзными республиками в качестве межгосударственных. Это помогло поначалу избежать конфликтов с новыми государствами, но оставило проблему 26 млн этнических русских, оказавшихся после распада Советского Союза за границами Российской Федерации. В некоторых случаях (Крым в составе Украины) русские люди жили компактно на тех или иных территориях на протяжении десятилетий и отождествляли себя с российским государством.

Включение Крыма в состав Российской Федерации в 2014 году для многих стало указанием на то, что границы постсоветской России могут прирастать территориями, населенными русским этносом. В одночасье изначально гуманитарная концепция Русского мира обрела геополитические очертания. Поднялась кратковременная, но шумная

кампания по созданию то ли автономной в рамках Украины, то ли независимой от Киева Новороссии — от Харькова до Одессы. Президент Путин неоднократно публично заявлял, что значительная часть территории современной Украины — весь юго-восток страны, но не только — состоит из территориальных «подарков» со стороны России. Он же неосторожно по отношению к казахстанскому руководству заметил, что до конца XX века Казахстан не имел собственной государственности¹¹.

Вопрос о государственном единстве России и Белоруссии с рассмотрением разных форматов — от суперфедерации до простого включения шести белорусских областей в состав РФ по модели интеграции ГДР в ФРГ — неоднократно обсуждался Москвой и Минском на протяжении всего периода существования Союзного государства Белоруссии и России (с 1999 года). Ряд заявлений российских политиков¹² с призывами о включении в состав РФ территорий Донбасса, Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии (и воссоединения ее с российской Северной Осетией) свидетельствует, что вопрос сохраняет актуальность по крайней мере в политическом дискурсе. В 1990-е годы аналогичные предложения в отношении Крыма и Севастополя выдвигались другими видными политиками¹³, а затем при изменении обстоятельств были реализованы государством.

Конкретные внешнеполитические интересы государства определяются исходя из его актуальных и перспективных потребностей. Геополитические интересы, вопросы безопасности формулируются в российской традиции высшим руководством страны, иногда — в том числе в современную эпоху, например, в связи с Крымом, — фактически единолично.

Экономические интересы, напротив, формулируются и продвигаются экономическими игроками, обычно при поддержке высшего руководства страны. В конце XVI века промышленники Строгановы отправили казачий отряд атамана Ермака Тимофеевича на завоевание Сибирского ханства. Колонизация Сибири в XVII веке, как и более раннее освоение новгородскими ушкуйниками, охотниками и рыбаками Европейского Севера России вплоть до Арктических островов, была делом русских крестьян и казаков, промышленников и купцов.

В XVIII–XIX веках освоение Аляски вплоть до северной Калифорнии (форт Росс) было осуществлено частной Российско-американской компанией. Российско-британская «Большая игра» XIX века велась не только за геополитические призы в Турции, Персии, Средней и Центральной Азии, но и за экономические преимущества¹⁴. В целом следует иметь в виду, что жесткая монополизация внешней торговли, вообще внешних сношений, — исключение в истории России, порожденное идеологией коммунизма и практикой советского режима.

Напротив, частно-государственное партнерство — правило для России. Наряду с успешными его примерами — такими как строительство железных дорог в Маньчжурии — были и эксцессы. На рубеже XX века безответственная клика царедворцев при поддержке императора Николая II так увлеклась лесными концессиями в Корее вдоль реки Ялу, что привела Россию к столкновению с Японией, окончившемуся позорным поражением. Этот пример стоит постоянно помнить как предостережение. Не всегда то, что хорошо для крупной компании, даже преимущественно государственной, как «Газпром» или «Роснефть», не говоря уже о частных военных компаниях, автоматически хорошо для России как государства.

Важнейшая проблема внешней политики — оптимальное соотношение между интересами безопасности и интересами развития. В России на протяжении столетий, говоря словами историка Василия Ключевского, «внешние опасности государства опережали естественный рост народа, закосневшего в своем развитии»¹⁵.

Это стало особенно очевидно в 1970–1980-е годы, когда советское руководство дало себя вовлечь в безудержную гонку вооружений с заведомо более сильным противником — США, что спровоцировало обострение финансово-экономических, а затем и социально-политических проблем в стране, способствовавших возникновению кризиса советской системы, оказавшегося для нее летальным. Этот урок необходимо помнить всегда.

СТАТУС

Вопрос о месте России в мире, о ее статусе, традиционно важный для россиян, а иногда просто больной для их правителей. Россия не всегда была большой и мощной. На средневековых европейских картах территория европейской части России еще почти столетие после окончания монгольского ига обозначалась как Тартария: настолько слабыми были контакты западноевропейцев и русских. Москва вначале была незаметным княжеством, платившим дань ордынцам. Даже 100 лет спустя после того, как Россия сбросила иго, крымские татары беспрепятственно — и не раз — подходили к Кремлю, жгли Москву и уводили русских людей в плен. Массовый увод русских в рабство продолжался весь XVII век. В иные времена Россия была в раздразе и разрухе, в Кремле хозяйничали поляки и литовцы, а русские бояре выбирали

стране царя из краковских венценосцев. Триста лет спустя польские армии разбили красноармейцев на Висле и заставили советскую Россию отдать победоносной восстановленной Польше украинские и белорусские земли. В 1930-е годы советский Генштаб считал Польшу и Румынию главными вероятными противниками СССР в Европе. Война с Финляндией была выиграна в 1940 году с большим трудом и ценой многих красноармейских жизней.

Были и другие времена, когда из Петербурга управляли империей, располагавшейся в трех частях света: Европе, Азии и Америке, от ворот Стокгольма (Аландские острова) до окрестностей Сан-Франциско (форт Росс). Позднее уже Москва контролировала геополитическое пространство от Магдебурга до Пхеньяна и была «коронована» западной прессой в качестве сверхдержавы. Статус Российского государства, поднимаясь, опускаясь и вновь поднимаясь, не был постоянным.

: *Главное для русских при этом, однако, было не господство*
 : *над возможно большей частью мира, а равенство*
 : *в отношениях с сильнейшими, чтобы никто не мог*
 : *диктовать России свою волю.*

Если такое равенство поддерживается, дисбаланс в экономической или технологической сферах не создает у россиян дискомфорта в отношениях с более развитыми странами.

Географически периферийная по отношению к Европе, сравнительно отсталая экономически и технологически и на протяжении длительного времени культурно изолированная от более передовых обществ, Россия часто начинала с низкого старта, долго считалась далекой окраиной

цивилизованного мира, платила дань одним и была изгоем у других, но всегда боролась, стремясь подняться вровень с ведущими государствами — сначала странами востока континента, затем Европы в целом, наконец, всего мира. Основными составляющими ее силы были способность к мобилизации, готовность идти на немыслимые для других народов жертвы и вера — в Бога, идею и свои возможности.

Русские как народ очень переимчивы. Начало российской государственности было связано с приглашением правителей со стороны, скандинавских викингов. Православная культура, лежащая в основе национальной культуры русских, была принесена из Византии, и русские были учениками греков. Политическая основа централизованного вертикально организованного государства — наследие монголов, у которых русские князья 250 лет униженно ходили в подручных. Европейский лоск Петербурга — результат ориентации русской элиты на Запад. Российское высшее общество XIX века изъяснялось по-французски, но училось практическим делам у немцев и англичан. Идеология коммунизма была импортирована из Германии. Советская сверхдержавность второй половины XX века строилась во многом в равнении на США.

Есть и другая сторона этой истории. Викинги подарили России свое самоназвание — *русь*, но уже спустя полтора-два века полностью ассимилировались в славянской среде. Князь Владимир не только принял православие, но и силой заставил византийского императора выдать за него сестру. Со временем греческое православие сменилось православием чисто русским, Москва поднялась как важнейший центр христианского Востока — Третий Рим, в то время как Константинополь — Второй Рим — был покорен турками. Усилившись, Россия не только сбросила иго монголов, но и присоединила к себе остатки Золотой Орды. Совершивший это Иван III,

первый государь всея Руси, женился на наследнице византийского престола и утвердил византийского двуглавого орла в качестве герба Русского государства.

Иван III отказался принять королевскую корону из рук императора Священной Римской империи, но его внук Иван IV Грозный самостоятельно венчался на царство. С одной стороны, царь — это цезарь, ровня императору. С другой стороны, до Грозного царями на Руси на протяжении столетий называли татарских великих ханов. Следовательно, по идее русский царь — ровня высшим правителям Запада и Востока. При сыне Грозного московская митрополия — опять же самостоятельно — поднялась до патриаршества, став вровень с древними патриархатами Востока. Императорский титул был преподнесен Петру I назначенным им самим сенатом. При Екатерине II Россия получила признание как одна из великих держав Европы. При всем этом, однако, Россия оставалась для европейцев далекой, дикой, варварской страной, а ее православие не признавалось ими христианством. С крестовых походов XIII века против русских схизматиков — фактически язычников — и первой войны России и Европы в XVI веке на территории Ливонии¹⁶ европейцы видели в русских азиатов. Даже Наполеон, вошедший с армией в Москву в 1812 году, воскликнул, увидав храм Василия Блаженного: «Какая прекрасная мечеть!»

Тем не менее, выгнав Наполеона из первопрестольной русской столицы и завершив войну в Париже, Россия при Александре I смогла занять положение не просто члена Европейского концерта, но ведущей континентальной державы, фактического гегемона Центральной и Восточной Европы, каковым она оставалась на протяжении правления Николая I. Такое нарушение европейского баланса сил привело к объединению других держав против России и ограничению

ее влияния в результате неудачной для русских Крымской войны, но вплоть до начала XX века Российская империя оставалась первоклассной великой державой.

Революционное советское государство поначалу полностью отвергло наследие прошлого. Оно провозгласило право наций на самоопределение, вплоть до отделения. Оно объявило границы делом второстепенным и отказалось от имперских привилегий в Китае, Турции и Персии. Большевики видели в России не более чем спичку для разжигания мирового пожара пролетарской революции, вдохновителем, центром и вождем которой им представлялась Германия. Исполнив свою роль, Россия должна была вернуться в положение относительной отсталости — теперь уже в социалистическом мире.

Это была кратковременная аберрация. Вскоре укрепившиеся во власти большевики стали представлять созданное ими советское государство как прообраз светлого будущего всего человечества. СССР был задуман как ядро будущей всемирной коммунистической федерации, о чем наглядно свидетельствовал герб Советского Союза: серп и молот на фоне освещаемого восходящим солнцем земного шара. Советская Россия — хотя само название «Россия» стало гораздо менее употребительным — мыслилась не столько единственным, сколько первым в мире социалистическим государством.

Здесь уместны параллели со Средневековьем. Ленин создал Третий (коммунистический) Интернационал, то есть всемирную коммунистическую партию, руководимую Москвой. Согласно марксистской идеологии, Коминтерн был призван закрыть предысторию человечества и открыть новую эру его подлинной истории. В этом слышатся отголоски идеи Москвы как Третьего Рима, центра истинного православия («а четвертому не бывать»).

Ставка на идеологию как проводника внешней политики оказалась, однако, глубоко ошибочной. После неудачи революции в Германии и Европе в целом Ленин понял необходимость по крайней мере временного сосуществования революционной России со «старым миром». Оказавшись в положении мирового изгоя, красная Москва была вынуждена восстанавливать международные позиции России как государства во враждебном окружении, добиваться дипломатического признания новой власти, идти на компромиссы в поиске партнеров и достойного места в международной системе, изначально вообще исключавшей Советскую Россию. На это ушло два десятилетия.

Вторая мировая война и победа над гитлеровской Германией возвели Россию (под именем СССР) на самый высокий уровень международного влияния. Советские войска дошли до Берлина, вся Восточная Европа и часть Центральной оказались под контролем Москвы. В Азии влияние СССР распространялось на Китай, северные половины Кореи и Вьетнама, а также Монголию. Советский Союз стал постоянным членом высшего органа глобального управления — Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. Москва обладала правом вето в совете, которое не допускало принятие в Совбезе ООН решений, противоречивших интересам СССР. Только США обладали большим объемом международного влияния.

Вскоре после войны распалась Британская империя — традиционный соперник России за влияние в Азии. Утратили свои заморские владения Франция и другие европейские великие державы. Москва воспользовалась распадом мировой колониальной системы и наладила близкие отношения со многими новыми государствами, включая такие крупные, как Индия и Индонезия, Египет и Алжир. Из евразийской

Советский Союз превратился в подлинно глобальную державу с геополитическими интересами во всех регионах мира, включая Азию, Африку и Латинскую Америку. Это знаменовало абсолютный пик российского политического и идеологического влияния в мире.

В идеологическом, а также политическом и экономическом отношениях СССР был альтернативой капитализму и буржуазной демократии. В военной области Советский Союз в течение четырех лет ликвидировал монополию США на обладание ядерным оружием, впервые в отечественной истории создал океанский флот, а к началу 1970-х годов добился общего военно-стратегического паритета с США, впервые в мировой истории ликвидировав военное превосходство Запада. Фактически мир второй половины XX века оказался разделенным на сферы влияния двух соперничавших сверхдержав — США и Советского Союза, от взаимоотношений которых в этот период зависели судьбы всего человечества.

Международные отношения весьма подвижны, и приобретенный однажды статус не вечен. Удержанию позиций среди других государств России мешали катастрофы, периодически рушившие одно русское государство за другим. В XIII веке — внутренняя раздробленность и монгольское завоевание, в XVII веке — Смутное время и польско-литовско-шведская интервенция, в начале XX века — социалистическая революция, а в конце столетия — буржуазная, обе сопряженные с распадом страны. Каждый раз российское государство гибло поразительно быстро, но с тяжелыми и долговременными последствиями. «Русь слиняла в два дня. Самое большее в три», — с горечью писал Василий Розанов о революции 1917 года¹⁷. Три дня в августе 1991 года положили конец Советскому Союзу и, соответственно, подорвали международный статус России.

Распад СССР остановил тенденцию к общему росту — несмотря на временные откаты — международного влияния российского государства. Последующие три десятилетия показали, что это был не очередной временный откат, как в начале XVII и XX столетий, а слом тренда. Россия выбыла из числа претендентов на мировое лидерство. Бывшая сверхдержава, бывшая империя и бывший центр мировой идеологии постепенно преодолевает последствия травмы 1991 года и ищет новое место в мировой иерархии. Этот поиск займет немало времени.

Попытка СССР в 1989–1991 годах стать соправителем мира наряду с США была очевидно провальной вследствие колоссального неравенства потенциалов двух стран. Стремление России после 1991 года превратиться в «нормальную страну» — как Швеция или Швейцария — не увенчалось успехом по очевидным причинам несопоставимости исторического опыта и физических условий. В отличие от Западной Германии и Японии, полностью разгромленных в ходе Второй мировой войны и оккупированных американскими вооруженными силами на протяжении многих десятилетий, Россия не была ни разгромлена противником, ни оккупирована. Ее верхушка не прошла перевоспитание, и ее великодержавный мировоззренческий хребет не был сломлен, как это произошло с германской и японской элитами. Робкая попытка получить видимость автономии в рамках американоцентричного порядка по образцу деголлевской Франции натолкнулась на отказ Запада предоставить России какой-либо особый статус в центре западной системы. Параллельно такая попытка не нашла поддержки у большей части общества и российского политического класса, отвергшей возможность даже номинально признать гегемонию США.

В результате, как и в начале XX века, России приходится с трудом наращивать свое влияние путем внутренней стабилизации, восстановления военной мощи и активизации внешней политики. Несмотря на все усилия, Россия получила от президента США Барака Обамы оценку как всего лишь «региональная держава»¹⁸, что прозвучало обидно для кремлевского руководства. Последовавший затем выход активности России за пределы региона СНГ — в частности, ее возвращение в 2015 году на Ближний Восток — помог создать образ России как глобальной державы, но одновременно обозначил ограничения, с которыми Кремль не может не считаться при проведении внешней политики.

Реально в начале XXI века Россия — великая держава, но уже не первого, а второго ранга, после США, Китая и (по экономическим, финансовым и техническим, но не политическим и военным основаниям) Евросоюза. Россия стоит сейчас в одном ряду с Индией, где-то за ними располагаются Япония, Великобритания и Бразилия, дальше — Турция, Иран и Пакистан. По ВВП, подсчитанному по паритету покупательной способности, Россия в 2021 году стоит на шестом месте в мире, сразу после Германии, но по номинальному ВВП РФ находится только на 11-м месте в мире, а по численности населения — на 9-м¹⁹.

Статус Российской Федерации в мире ниже не только бывшего статуса Советского Союза, но и положения Российской империи. Нет оснований полагать, что ситуация в обозримом будущем коренным образом изменится в пользу России. Это положение требует фундаментального переосмысления самого понятия международного статуса российского государства и значения этого статуса для внешней политики страны.

Великая держава — термин из лексикона «реальной политики», но смысл этого понятия сегодня иной, чем в XIX и первой половине XX века. Речь уже не идет о степени контроля над другими, «невеликими» государствами и праве решать их судьбу. Дело в качествах самого субъекта. «Величие» состоит не столько в независимости: в глобальном мире независимость любого государства, включая США и Китай, от остального мира относительна. Главный признак великой державы — самостоятельность и устойчивость во внешней политике, свобода выбора в международном поведении, а также определенный уровень политического влияния на глобальном уровне.

Этот статус предполагает наличие соответствующего военного потенциала, существенных экономических и технологических возможностей, а также (что критически важно) политической воли, опирающейся не только на устойчивую поддержку элит и большинства населения, но и на национальную политическую культуру.

Базовый критерий «великодержавности» — устойчивость к внешнему давлению, то есть сильная оборонительная позиция. Этого критерия, впрочем, недостаточно. Необходимо определенное международное влияние, способность оказывать существенное влияние на глобальную среду. По всем этим параметрам современная Россия вполне соответствует статусу великой державы.

Термин «великая держава» нужно отличать от понятий «великая страна» или «великое общество». Великодержавный статус государства не связан напрямую с абсолютными и тем более подушевыми значениями ВВП, уровнем благосостояния, качеством жизни, характером политической системы,

индексом счастья граждан и т. п. Государства с самыми высокими показателями по этим шкалам — от Скандинавских стран и Германии до Сингапура и Японии — не являются великими державами в силу своей экзистенциальной зависимости в области безопасности от старшего союзника — Соединенных Штатов Америки. В то же время Китай в 1950-е годы после освобождения от иностранной оккупации и иностранного — вначале японского и западного, затем также и советского — влияния вернул себе статус великой державы, несмотря на скромный в те годы экономический вес и низкий уровень народного благосостояния.

Российская Федерация — великая держава не только по факту наследования Советскому Союзу и Российской империи (вследствие сохранения за РФ основной части территории, половины населения, значительной части экономических и природных ресурсов, ядерного оружия, места постоянного члена СБ ООН и т. п.), но и благодаря сохранившимся (и частично восстановленным) самодостаточности, самостоятельности, способности защитить себя и свои интересы, устойчивости к внешнему давлению. Наряду с этим историческое Российское государство воспитало у элит и общества вселенскую духовность (православие); континентальное, а затем (в советский период) глобальное геополитическое мышление, привычку считать себя обязанными и вправе влиять на международный европейский, а после — мировой порядок. Несмотря на моральные потери последних десятилетий, эта закваска еще не исчезла окончательно.

Советские коммунистические претензии на лидерскую роль в мировой революции, а затем — в мировом революционном процессе являлись, как уже было показано, исторической аберрацией. Стремление к мировому господству в целом нехарактерно для российской правящей элиты.

Тем не менее эта элита, как и российский народ, упорно и решительно отвергает единоличное доминирование в мире одной державы или группы стран. Речь идет не только о принципиальном неприятии такого доминирования из-за несправедливости единоличной гегемонии — не важно, чьей: Франции, Германии, США или Китая, — а об убежденности, что такое доминирование несет прямую опасность для России и серьезно ограничивает ее возможности развития. Обе великие войны, получившие в русской истории название отечественных, — свидетельство готовности к решительному отпору гегемонии.

Для России в этой связи важно занимать место в ряду ведущих стран и играть решающую роль в коллективном принятии важнейших решений. Екатерининский канцлер князь Александр Безбородко, конечно, сознательно преувеличивал, утверждая, что «без нас ни одна пушка в Европе не могла выстрелить»²⁰, но идея была выражена четко и на века. Со времен Екатерины II, которая говорила, что «мы ни за кем хвостом не тащимся»²¹, Россия привыкла к участию в комбинациях великих держав. При Александре I она выступила в качестве организатора и лидера европейского концерта, инициатора «Священного союза». Сто лет спустя Версальский мир был заключен без России и отчасти за ее счет, но крах версальского порядка и Вторая мировая война привели к возникновению ялтинской системы, зафиксировавшей положение СССР как одного из двух гегемонов Европы.

Сегодняшний международный статус Российской Федерации во многом основывается на наследии Советского Союза как державы — победительницы во Второй мировой войне и одного из столпов системы ООН — единственной универсальной структуры современной системы

международных отношений. Именно поэтому защита исторической роли СССР в предвоенный, военный и непосредственно послевоенный периоды так важна для актуальной российской внешней политики²².

Отказ США и их союзников предоставить Российской Федерации решающий (блокирующий) голос поставил крест на стремлении России интегрироваться в расширившееся после холодной войны западное сообщество. Неудача интеграции однозначно свидетельствовала: у Запада есть только один гегемон — США, никаких великих держав там нет и быть не может. После этого вопрос о статусе России как великой державы встал уже вне контекста интеграции в западное сообщество: первоначально — рядом с Западом, затем — в оппозиции ему и наконец — в противостоянии и противоборстве с ним.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ

Как уже было отмечено, статус великой державы требует наличия достаточного военного, экономического, научно-технического, демографического потенциала.

В российской истории главным показателем силы государства традиционно была военная мощь. В начале XXI века Российская Федерация остается — наряду с США — одной из двух ядерных сверхдержав. Этим положением обеспечивается не только высокий статус, но и безопасность по отношению к другим ядерным державам, прежде всего к США, но в принципе также и к Китаю. При этом Россия содержит сравнительно небольшие по численности (около 1 млн человек) вооруженные силы. Военные расходы РФ составляют около 3,9% ВВП страны или примерно 65 млрд долларов, что ставит ее на четвертое место в мире²³. Сильной

стороной военного потенциала России является наличие собственной военной промышленности, способной производить все виды и типы вооружений. Украинский кризис положил конец исторической зависимости РФ от военных заводов, расположенных на Украине. Сохраняющаяся небольшая зависимость от других бывших советских республик не является критической.

Российская военная политика сегодня носит в целом оборонительный характер. Россия вполне способна сдерживать крупных потенциальных противников. В военном отношении РФ продолжает доминировать в Восточной Европе, Кавказском регионе, Средней Азии. С 2010-х годов Россия восстанавливает и укрепляет позиции в Арктике. В последние годы РФ восстановила способность к ограниченному проецированию силы — по периметру собственных границ (Южная Осетия, Крым) и на некотором удалении от них (Сирия). Несмотря на то, что обычные вооруженные силы России в целом серьезно уступают американским и натовским, это общее превосходство само по себе не представляет угрозы для ситуации ядерного сдерживания и в конкретных условиях возможных театров военных действий, расположенных вдоль границ РФ.

Военная мощь любой страны опирается на ее *экономический и технологический потенциал* и зависит от него. По общему объему экономики Россия в начале XX века находилась в пятерке крупнейших мировых экономик. Во второй половине XX века СССР по экономическому весу занимал второе место после США. Хотя Российская Федерация вступила во Всемирную торговую организацию в 2012 году как развитая экономика (это было делом престижа и статуса), большинство экономистов относит ее к развивающимся рынкам. Сегодняшняя Россия — сравнительно небольшая

экономическая величина (с номинальным ВВП менее 2 трлн долларов, примерно 1,5% от глобального). Даже ВВП РФ, подсчитанный по паритету покупательной способности (ППС), не делает РФ экономической силой первого порядка²⁴.

Уже десятилетие темпы роста ВВП России ниже среднемировых, что постоянно снижает ее и без того скромный вес в мировой экономике и торговле. Производительность труда остается невысокой. Многие передовые позиции в области науки и технологий, достигнутые в советский период, оказались утраченными в результате распада СССР. Это делает РФ уязвимой по отношению к потенциальным противникам (США) и зависимой от партнеров (КНР). Несмотря на усилия по диверсификации экономики, российский ВВП и особенно бюджет страны все еще сильно зависят от нефтегазового экспорта, что делает страну чувствительной к колебаниям волатильного нефтяного рынка и в перспективе к наметившемуся снижению мирового спроса на углеводородное сырье. Такое положение и неблагоприятный тренд размывают материальную основу международного статуса России и делают его непрочным.

..... *Для того чтобы Россия оставалась великой державой и в будущем, ей необходимо перезапустить свою экономику — прежде всего обеспечить ее устойчивый рост. Этот перезапуск, однако, не может состояться, пока существует нынешняя политико-экономическая система, сдерживающая экономическое развитие и способствующая невиданному в русской истории казнокрадству.*

Несмотря на слабость и уязвимость, российская экономика уверенно демонстрирует устойчивость к внешнему

давлению — санкциям и другим политическим ограничениям. Более того, вызванный этими ограничениями тренд на новый протекционизм стимулировал импортозамещение — еще до того, как это направление стало мировым в условиях американо-китайского противоборства. Россия обеспечена многими критически важными ресурсами, товарами и технологиями. Она удерживает важные позиции на мировом энергетическом рынке (по экспорту углеводородов, ядерной и гидроэнергетике), а также на рынках металлов, продовольствия, вооружений, военной и космической техники.

Правительство РФ считает перспективными направлениями цифровизацию и биотехнологии. Россия является одной из немногих стран, где есть свои аналоги Facebook («ВКонтакте»), Google («Яндекс», Mail.ru) и Amazon (Ozon, Wildberries). Цифровизация страны в последнее время достигла заметных успехов. Уровень цифровизации государственного управления в Москве — один из самых высоких в мире²⁵. Тем не менее экономическая слабость России и ее технологическая отсталость в ряде областей существенно ограничивают возможности внешней политики страны и одновременно ставят перед нею задачи по компенсации этих недостатков.

Перечисленные экономические слабости серьезны, но не фатальны даже с позиций сегодняшнего дня. Объем — тем более номинальный — валового внутреннего продукта не является единственным или абсолютным критерием при оценке мощи государств. Во время Великой Отечественной войны Советский Союз смог выстоять в борьбе против Германии, в распоряжении которой находились ресурсы всей континентальной Европы, а затем победить ее. В наши дни многочисленные ограничения, наложенные с 2014 года

Соединенными Штатами и странами Евросоюза на экономические и финансовые связи с Россией, не привели к краху российской экономики. Более того, они заставили Россию развивать национальную промышленность и технологии, искать альтернативы американскому доллару как платежному средству. Введение более жестких ограничений против РФ на ряде направлений пока сдерживается из-за вероятных негативных последствий для самих санкционеров в условиях экономической взаимозависимости в глобальном мире.

Другой пример. Сегодня военный бюджет России составляет менее 10% военного бюджета США, вчетверо меньше бюджета Китая, уступает военным расходам Индии и сопоставим с тратами Саудовской Аравии²⁶, но при этом Россия сумела модернизировать свои вооруженные силы так, что их потенциал вновь стал одним из самых мощных в мире. Речь идет в первую очередь о ядерном арсенале, но не только. Россия создает новые передовые системы вооружений — гиперзвуковые и др., производит боевые самолеты, системы противовоздушной обороны, подводные лодки, танки и прочее вооружение, успешно конкурирующее на мировом рынке. По размерам военного экспорта (свыше 15 млрд долларов в 2019 году) Россия занимает второе место в мире после США²⁷.

Ряд стран превосходит Россию в технологическом отношении. Российская империя и СССР традиционно ввозили машины и оборудование из Европы (в значительной степени из Германии) и США. Это, однако, не делало царскую или Советскую Россию сателлитом этих держав. То же относится к финансовой зависимости. Непросто ответить на вопрос, в какой степени французские займы, предоставленные Российской империи в начале XX века, подтолкнули Петербург к союзу с Парижем, а этот союз, в свою очередь, втянул империю в оказавшуюся фатальной для нее Первую мировую

войну. Скорее, роковую роль здесь сыграли родственные связи императорской фамилии на Балканах, способствующие стремлению воплотить давние мечты элиты о Константинополе и Проливах, и общественное мнение, выражающее активное сочувствие «братьям-славянам»²⁸.

В ситуации XXI века новое состоит в том, что к экономически мощным и технологически продвинутым странам Западной Европы и Северной Америки, а также Японии присоединился Китай, а на подходе Индия. Таким образом, страны не только Запада, но отчасти и Востока оказываются впереди России. Но и здесь голову терять не нужно. Зависимость экономик друг от друга — факт. Эта зависимость асимметрична, она не только бросает вызовы, но и создает определенные возможности для разных стран. Главный принцип в этих условиях — иметь как можно больше вариантов действий, чтобы ограничение экономических связей с одной страной и группой стран (например, с союзниками США в Европе и Азии) можно было быстро компенсировать развитием связей с другими партнерами. Расширение возможностей и альтернатив — одна из задач внешней политики.

Итак, зависимость ниже определенного уровня не означает подчинения. Для предотвращения перехода чрезмерной зависимости в отношения подчиненности критическое значение имеет контроль над национальной обороной и безопасностью, а также над финансовой системой. Можно пожертвовать темпами развития, богатством элиты, даже уровнем потребления населения, но нельзя — контролем над национальной безопасностью и финансами, иными словами, суверенитетом страны. Фактор численности и качества населения, однако, относится к числу важнейших.

Демографический потенциал РФ серьезно пострадал в результате распада СССР. Накануне распада, в 1989 году, на долю

союзных республик приходилась примерно половина общего населения Советского Союза — 139,3 из 286,7 млн человек²⁹. Сильным ударом по российской демографии стали резко ухудшившиеся социально-экономические условия и психологическая атмосфера 1990-х годов³⁰. В начале XXI века демографическую ситуацию в стране удалось существенно улучшить, но переломить тенденцию уменьшения численности населения и его старения все еще не получается. Это создает проблемы: сравнительную разреженность населения, вынужденного осваивать огромную территорию с богатыми ресурсами; старение населения и ограниченность трудовых контингентов; узость внутреннего рынка. С этими базовыми условиями России, по-видимому, придется жить в XXI веке. Принять их, однако, не значит смириться.

Количественные показатели еще не все. Не менее важным является качество человеческого капитала. Показатели продолжительности жизни и здоровья населения России остаются низкими по сравнению с развитыми государствами. Ощутимо ухудшилось качество российского образования, особенно школьного. Российские университеты занимают невысокие места в мировых рейтингах: лучший отечественный вуз, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, расположился в хвосте первой сотни³¹. В таких условиях развитие здравоохранения и образования, продуманная политика привлечения и натурализации иммигрантов могут дать мощнейший импульс развитию России в XXI веке. Это и возможность существенно укрепить позиции страны во все более конкурентном мире.

Сравнивая Российскую Федерацию с Советским Союзом или Российской империей, нужно отметить, что население РФ более однородно. Русский этнос численно доминирует, русские язык и культура играют ключевую роль

в формировании российской политической нации. Сепаратистские тенденции, резко усилившиеся в 1990-е годы, преодолены в результате военных кампаний на Северном Кавказе и мирного восстановления Чеченской Республики, укрепления вертикали власти и развития федеративных отношений. Привлечение трудовых ресурсов и превращение переселенцев в граждан страны — в разумных пределах, с определением приоритетов и выделением достаточных средств — может стать одним из источников укрепления страны за счет внешнего демографического ресурса.

⋮ *Пожалуй, наиболее серьезным фактором слабости страны являются низкие моральные качества властвующей — и одновременно владеющей богатствами страны — элиты современной России.*

Введение в 2020 году конституционных ограничений для высших чиновников относительно второго (третьего и т.д.) гражданства, наличия зарубежных банковских счетов (но пока еще не недвижимости за рубежом) продиктовано необходимостью борьбы с действиями значительной части правящей верхушки страны, заботящейся исключительно о личных интересах и использующей свое положение во власти для быстрого обогащения. Выстраивая себе «запасные аэродромы» в Европе, США и Арабских Эмиратах, эти российские чиновники могут стать также потенциальными объектами шантажа со стороны иностранных спецслужб. Ротация правящей верхушки с непременным очищением ее от людей, обладающих низкой моралью, превращение ее в служащий класс является ключевым фактором развития страны во всех областях, и наоборот, консервация положения в этой сфере будет неизбежно вести к загниванию

существующего режима и возможному новому краху российской государственности.

РОЛЬ РОССИИ В МИРЕ

Статус и потенциал обеспечивают государству возможность играть ту или иную роль в мире. Эта роль должна быть не только полезной и одновременно посильной для страны, но и желательно, чтобы она положительно оценивалась другими странами. На протяжении своей долгой истории России приходилось выступать на международной арене в разном качестве.

С самого начала Россия была очагом и проводником православия на крайнем востоке географической Европы, а затем во всей северной части Евразии. Зажатая между католическими странами Запада и мусульманскими востока и юга, средневековая Россия долгое время оставалась единственным независимым православным государством — Третьим Римом.

Колонизация русскими людьми Сибири фактически распространила европейскую цивилизацию — в русско-православном варианте — до берегов Тихого океана. Российская империя стала проводником модернизации (*mission civilisatrice*, по выражению министра иностранных дел князя Александра Горчакова) в Закавказье, Туркестане и Средней Азии.

С XVIII века Россия играла роль одного из гарантов европейского баланса, а также — внутри собственных границ — проводника модернизации и оплота евразийского равновесия. Действия России дважды освобождали Европу от единоличного владычества одной великой державы — наполеоновской Франции в XIX веке и гитлеровской Германии в XX.

Эти роли были сопряжены с огромными жертвами с российской стороны — как человеческими, так и материальными. Войны XVIII — начала XIX века «за европейское равновесие» были для России разорительны и по большей части бессмысленны. В ряде случаев русские войска воевали за интересы Англии и за ее же деньги³². Побеждая вторгнувшегося врага большой кровью в отечественных войнах, российская армия в заграничных походах больше помогала другим, зарабатывая себе лишь славу — например, под водительством фельдмаршала Александра Суворова в Италии и Швейцарии — и очень дорогой ценой. Затем Россия, как правило, проигрывала политически в послевоенный период. Так было в XIX (Крымская война) и в XX веке (окончание холодной войны).

В первой половине и середине XIX века Россия пыталась играть идеологическую роль поборника легитимизма и консерватизма в Европе перед лицом национально-освободительных и революционных движений. Тем самым Россия заработала в прогрессистских и левых кругах прозвище Жандарм Европы. Вместо благодарности спасаемых монархий, однако, она вызвала с их стороны стойкие опасения перед русской мощью. В то же время в глазах европейских социалистов и националистов Россия стала синонимом душителя свободы³³. Порожденные в тот период страхи перед Россией и брезгливое отторжение ее влияния сохраняют значение до сих пор.

Во второй половине XIX века Россия, наоборот, поддерживала — в том числе военной силой — национально-освободительные движения славянских и православных народов Юго-Восточной Европы. Результатами ее усилий стали создание независимой Румынии, восстановление Болгарии, независимость Сербии и Черногории, укрепление Греции. Образ России — освободительницы славян, однако, оказался более

стойким в самой России, чем среди освобожденных народов. Освободительная миссия Советского Союза в Восточной и Центральной Европе на завершающем этапе Второй мировой войны сейчас, спустя более 75 лет после окончания войны, активно оспаривается в освобожденных странах. Освобожденные народы, как справедливо подметил Бисмарк, не столько благодарны, сколько требовательны³⁴.

Советский Союз не только воплощал коммунистическую альтернативу капитализму и либерально-демократическому порядку. Благодаря достижению Советским Союзом военно-стратегического паритета с США в мире установилось геополитическое равновесие, предотвратившее третью мировую войну. В то же время установленный таким образом биполярный мировой порядок означал подчинение многих стран Советскому Союзу, что в ряде случаев вызывало протесты и в целом породило не благодарность, а отторжение, даже отчасти ненависть.

Были у России и роли, которые ей приписывали. Сопротивление русских княжеств монголам ослабило силу монгольского нашествия на Европу, но вряд ли положение щита от азиатских кочевников было принято русскими князьями сознательно. Другой популярной концепцией была роль России как моста между Востоком и Западом, центра и модератора межкультурного диалога. На самом деле Европа и Азия встречались и активно взаимодействовали и помимо России. Походы Александра Македонского, экспансия Рима, Великий шелковый путь и маршрут Марко Поло связывали восток и запад Евразии путями, проложенными гораздо южнее российских рубежей. Наконец, еще одной придуманной ролью является роль России как буфера между Европой и Китаем. Служить Европе в таком качестве России нет, конечно, никакого резона.

Миссия России

Миссия отличается от роли своей осознанностью и нацеленностью на определенный идеал. Русские мыслители думали о высокой всемирной миссии для страны. Петр Чаадаев мрачно говорил о России как о предостережении для остального человечества, как о стране-антипримере³⁵. Этот горький вывод одного из первых русских философов подхватили в последние годы существования советского коммунистического режима многие публицисты. Федор Достоевский говорил о русском народе как об избранном народе Божиим, но избранном не для соперничества с другими народами и не для господства над ними, а для свободного служения народам и для осуществления в братском союзе с ними истинного всечеловечества или вселенской Церкви. Задатком этого Достоевский считал слабость национального эгоизма и исключительности в русском народе, его неспособность возводить свое несовершенство в закон³⁶. Владимир Соловьев считал, что великое историческое призвание России есть призвание религиозное. Православие, подчеркивал он, не национальная, а вселенская религия; христианские ценности стоят выше государственных интересов³⁷.

Русская религиозная философия конца XIX — начала XX века до сих пор остается вершиной отечественной философской мысли. У христианской идеи не было шансов в этот период повлиять на внешнеполитическую идеологию государства, остававшуюся державной и имперской, но подмеченные Достоевским свойства русского народа были использованы в своих целях большевиками, пришедшими к власти под флагом революционной марксистской утопии. Свою универсальную идеологию коммунисты поставили выше национальной государственности. Не большевики свергли

царизм, но они распустили историческую империю. Однако уже вскоре после 1917 года в России совершился знаковый и знакомый поворот от идеологии как царицы к идеологии как служанке. Через пять лет большая часть Российской империи оказалась вновь собранной в Советском Союзе.

Свой «короткий» XX век — с 1917 по 1991 год — советская Россия провела на державно-идеологическом фронте. Идея, идеология в этот период была незаменимой в качестве главного мотиватора и критерия правильности как внутренней, так и внешней политики. Неудача мировой революции поставила СССР в исключительное положение главной базы мирового революционного процесса, отечества мирового пролетариата. Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз дало мощный импульс советскому — фактически русскому, российскому — патриотизму, а победа во Второй мировой войне создала Советскому Союзу ореол победителя фашизма и освободителя народов Европы от нацистского господства.

Возникновение в начале холодной войны в результате советского политического влияния в Восточной Европе и Восточной Азии единого идеологическо-геополитического блока, возглавляемого Москвой, поставило СССР во главе уже не только политических движений, но и довольно многочисленной группы государств. Руководство блоком, названным вначале социалистическим лагерем, затем мировой социалистической системой и социалистическим содружеством, стало новой миссией Советского Союза. В условиях деколонизации это положение дополнилось ролью социально-экономического и политического образца и главного наставника и защитника для новых государств так называемой социалистической ориентации в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

Советское руководство второй половины 1980-х годов оказалось неспособным обеспечить выполнение этой сложной миссии, требовавшей больших ресурсов, постоянного внимания и трезвого реалистичного подхода. Дело было не только в перенапряжении сил. Важнейшей причиной краха СССР стало то, что коммунистическая идея фактически умерла в сердце системы — руководстве КПСС еще при Брежнев, если не раньше. Попытка Горбачева заменить прежние коммунистические ориентиры импортом социал-демократии оказалась провальной: для этого в стране отсутствовала социально-политическая основа. Последовавшая за распадом СССР в начале 1990-х попытка внедрения либерально-демократической идеи оказалась столь же провальной. Неудачу постигла и предпринятая Ельциным попытка сформулировать национальную идею.

Путинский период начался с принципиального отказа от любой абстрактной идеи в качестве ориентира для внешней политики. Место идей занял голый и гордый прагматизм. От этого раннего периода осталась идея догнать Португалию по уровню ВВП на душу населения³⁸. Позднее был взят курс на повышение реальной самостоятельности России на международной арене. Во внутренней политике была выдвинута идея отхода от модели западной демократии в сторону суверенной демократии. Затем лозунги демократии отошли на второй план, сменились патриотическим дискурсом с упором на государственную историю, особенно военную, а также внешнюю сторону православия. Идея Русского мира, возникшая в период «русской весны» 2014 года, быстро сгорела среди терриконов Донбасса.

Реальностью стала идейная пустота. Внешнему миру предлагалась государственная эффективность корпоративного типа, но внутри российской системы главным мотивом

и целью действий стали деньги, соединенные с властными возможностями. Единственными идеями, выдвинутыми в области внешней политики, — этот набор был сформулирован Евгением Примаковым еще в середине 1990-х — стали смена однополярного американоцентричного мира многополярным; недопущение дальнейшего продвижения НАТО на территорию бывшего СССР и интеграция стран СНГ вокруг России³⁹. Таким образом, фактически речь шла о борьбе России за достойное, по мнению Кремля, место на международной арене. Дальше этого дело тогда не пошло.

Набор практических идей и искомая роль не тождественны миссии. Вожди Советской России видели миссию государства в стимулировании мировой пролетарской революции. Советский Союз тоже начинал как миссионерское государство, но миссионерский коммунистический идеал СССР, не исчезая окончательно, постепенно трансформировался в идею восстановления исторической великой державы, а затем — утверждения СССР как мировой державы.

Подобные трансформации происходили и прежде. Идеи православного Третьего Рима, объединения русского народа (в широком смысле, в значении, которое использовалось в дореволюционном русском языке), освобождения нерусских славян от иноземного владычества довольно скоро после провозглашения ставились на службу державным интересам. Миссии, подобной американской, — содействия продвижению свободы и демократии во все мире и выстраивания глобального лидерства-гегемонии на идеологической основе — у постсоветской России не было. Это не недостаток. Отказ от высокой миссии и связанного с ней мессианства — это не только возвращение к исторической норме, но и вполне современная идея. Но отказ от миссии не предполагает полной безыдейности, сведения всех ценностей

к деньгам. Речь идет совсем о другом. Россия XXI века оставила в прошлом коммунистическую идеологию и сверхдержавную практику.

... *Дело современной России — прежде всего сама Россия, ее народ, ее земля, ее природа.*

В российской внешней политике не осталось места для сверхидеи или глобальной миссии. Российская Федерация больше не собирается никого учить, освобождать или вести к светлому будущему. Вместо абстрактной миссии главная цель внешней политики государства должна состоять в том, чтобы обеспечить собственным гражданам безопасность в современном мире и благоприятные внешние условия для материального и — особо подчеркнем — духовного развития.

Внешняя политика, особенно большой страны, невозможна, конечно, без вдохновляющей и организующей идеи. Россия не только крупная, но, что еще важнее, самостоятельная величина. Она не третья сила в составе глобальной высшей лиги наряду с США и Китаем, но самостоятельная и влиятельная часть всемирной третьей силы, у элементов которой в условиях американо-китайского противоборства есть важная задача по поддержанию глобальной стратегической, геополитической, энергетической стабильности.

... *Иными словами, основная международная задача России, отвечающая столь же глобальным, сколь и сугубо национальным интересам, — поддерживать многофакторное равновесие в мире, которое позволит миру развиваться в многообразии, а не в униформе.*

ИДЕЯ РАВНОВЕСИЯ

Переходим к главному в этой части книги и в книге вообще. Равновесие, о котором идет речь, — не физическое или математическое. Оно не сродни балансированию канатоходца. Это органический принцип. Равновесие означает, что внешняя политика России должна прежде всего отвечать нуждам страны и народа, а не амбициям политиков. Она должна находиться в состоянии равновесия с политикой внутренней, не ущемлять ее, но при этом и не транслировать внутренние противоречия вовне, искривляя тем самым курс внешней политики. Она должна быть устойчива к попыткам внешнего давления, стремящегося заставить Россию занимать ту или иную позицию, проводить курс в интересах иностранных государств.

.....
*Внешняя политика России должна прежде всего отвечать
нуждам страны и народа, а не амбициям политиков. Она
должна находиться в состоянии равновесия с политикой
внутренней.*
.....

Национальный интерес, лежащий в основе внешней политики, заключается в достаточном обеспечении безопасности страны и максимальном содействии ее развитию — экономическому, социальному, культурному, духовному. Конкретное содержание национального интереса не может определяться волевым актом первого лица, решением узкого круга высших чиновников или вытекать из программы той или иной партии. Обсуждение этого содержания — непрерывный процесс, в который на разных

уровнях — от парламента до бизнес-кругов и от групп особых интересов до профессиональных сообществ — должны быть вовлечены все значимые политические, деловые, социальные, идеологические группы российского общества. Цель такого обсуждения — достижение внутреннего консенсуса, представляющего важнейшую основу базового равновесия российской внешней политики.

Центром обсуждения по идее является Федеральное Собрание с профильными комитетами его палат, но наряду с парламентом в обсуждении активно участвуют другие государственные органы, общественные организации, бизнес-ассоциации, экспертное сообщество. Общенациональный консенсус и есть равновесие интересов, взглядов и устремлений. Консенсус — это основа, за пределами которой имеют право формироваться и обсуждаться альтернативные точки зрения, которые могут оказаться более обоснованными, чем консенсусная позиция, и в какой-то момент склонить консенсус в ту или иную сторону.

В сфере собственно международных отношений предлагаемая политика равновесия мало похожа на геополитическое балансирование XVIII–XIX веков в Европе или советско-американский военно-стратегический паритет второй половины XX века. Не претендуя на мировое лидерство, но отстаивая свои национальные интересы, Россия гарантированно избегала бы столкновения с США, способного привести к ядерной войне. Одновременно Россия прилагала бы усилия к тому, чтобы наметившееся глобальное соперничество наиболее сильных и амбициозных держав — Америки и Китая — также не доходило бы до опасного военного столкновения. В последнем случае равновесие — это не балансирование между Вашингтоном и Пекином, а независимый курс, определяемый исключительно интересами России.

С середины XX века Россия — одна из главных опор глобальной стратегической стабильности. Ключевым фактором является надежность российского ядерного сдерживания, а также разумная сдержанность в военном строительстве, приверженность взаимному, на равноправной договорной основе, ограничению и сокращению вооружений и богатый опыт кризисного регулирования. Россия также является одним из гарантов сохранения режима нераспространения ядерного оружия. В условиях, когда двусторонний российско-американский контроль над вооружениями уходит в историю и в любом случае оказывается недостаточным для поддержания стратегической стабильности наряду с ядерным сдерживанием, Россия может и должна генерировать идеи и выдвигать предложения по укреплению глобальной стабильности.

Положение мирового поставщика безопасности, о котором некоторые исследователи⁴⁰ говорят как о международной специализации России, отчасти уже обеспечивается российской внешней политикой. В советские времена Москва укрепляла вооруженные силы и органы безопасности дружественных государств, противостоявших Соединенным Штатам Америки и их союзникам. В последние годы Россия различными способами оказывает прямую военную помощь или содействие в сфере безопасности некоторым государствам на Ближнем Востоке и в Африке. Такое содействие оказывается и рядом российских частных компаний — вероятно, по согласованию с российскими властями. Это положение, однако, не стоит возводить в статус принципиального мирового защитника слабых и униженных или лидера мирового антиамериканизма. При всей симпатии к униженным и оскорбленным современного мира на первом месте для россиян должны стоять интересы самой России и ее народа.

Наряду с этим Россия остается не только одним из крупнейших поставщиков вооружений и военных технологий, но и государством, готовым поставлять их странам, противостоящим США, сдерживая тем самым действия Вашингтона. В других случаях, поставляя вооружение участникам конфликта — например, Армении и Азербайджану, Москва долгое время имела возможность сдерживать обе стороны от применения силы. В 2020 году, однако, такая политика дала сбой, война в Нагорном Карабахе возобновилась. В любом случае роль, сочетающая геополитический интерес (равновесие) и материальную выгоду (доходы от военного экспорта) слишком узка и специфична, чтобы быть идейной или ценностной основой российской внешней политики.

На региональном уровне политика равновесия заключалась бы в содействии поддержанию мира и стабильности в Европе и Азии. В Европе это прежде всего недопущение вооруженного конфликта между Россией и НАТО и исключение ситуаций, когда существующие «замороженные» конфликты — в Донбассе, на границах Абхазии и Южной Осетии и др. — могли бы привести к прямому столкновению между Россией и Западом. В широком плане политика равновесия должна быть нацелена на долговременную стабилизацию положения на границе с Украиной, в Белоруссии и Молдавии, а в перспективе — на достижение устойчивого геополитического равновесия между Россией и Западом в Европе, а также регионального равновесия на Южном Кавказе и в Средней Азии.

В Азии Москва взаимодействует с Пекином и Дели в рамках формата РИК (Россия — Индия — Китай), а также с этими же партнерами при участии Пакистана, стран Центральной Азии и некоторых других — в Шанхайской

организации сотрудничества (ШОС). Для более широкого обсуждения проблем безопасности в Азии РФ предпочитает форумы АСЕАН. Политика равновесия в таком контексте предполагает содействие важнейшим стратегическим партнерам России — Китаю и Индии — в поиске приемлемой для обеих сторон формулы взаимодействия в условиях неизбежной конкуренции, даже соперничества, между двумя этими гигантами.

Во всяком случае Москве необходимо поддерживать тесные и продуктивные связи с Дели и Пекином, несмотря на сложности и напряженность в их отношениях друг с другом. Поддержание равновесия в подобных ситуациях с опорой на собственные интересы — важнейшая задача также и на других направлениях в Азии. Это касается политики в отношении таких стран, как Япония и Вьетнам (где «третьим интересантом» выступает Китай), Пакистан (с учетом отношения к нему Индии) и др.

В прошлом Москва не раз оказывала миротворческие услуги противоборствующим сторонам. В 1966 году в Ташкенте при посредничестве советской стороны состоялась встреча в верхах, остановившая индо-пакистанский конфликт. В последние годы российская дипломатия успешно маневрирует на Ближнем и Среднем Востоке, поддерживая отношения со всеми значимыми игроками. Эта роль может быть востребована в будущем и в других регионах. В то же время превращаться в профессионального международного посредника России вряд ли нужно и удобно: это положение более естественно либо для глобальных держав с огромными ресурсами и соответствующими амбициями, либо для небольших нейтральных государств без особых международных интересов за исключением престижа.

... Для русских людей, вообще для россиян, как уже
 ... отмечалось, справедливость традиционно значит больше,
 ... чем формальная законность.

Стремление к справедливости как высшей ценности сильно во всем мире, особенно среди народов, находящихся в менее привилегированном положении, к которым относятся и россияне. Опыт показывает, что одной законности не всегда и не везде достаточно. В то же время стать мировым поборником справедливости у России вряд ли получится из-за многочисленных внутренних проблем, да и цена такой попытки может оказаться непомерно высокой. Россия по праву гордится тем, что исторически она помогала многим народам освободиться от чужеземного господства. Тем не менее благодарность освобожденных, как правило, бывает недолгой. Таким образом, бороться за справедливость на основе законности россиянам предстоит в пределах государственных границ Российской Федерации.

Москва претендует на признание в качестве защитника международного права как системы договоренностей между суверенными государствами. Это положение, однако, не должно вести к полному отказу от универсальных норм, отраженных в том числе в Уставе ООН и в других документах организации. Еще важнее то, что для признания в качестве защитника международного права Россия должна стать подлинно правовым государством. Такая трансформация абсолютно необходима для того, чтобы у страны появились реальные перспективы развития. В то же время России уже сейчас есть что предложить международному сообществу для общей пользы.

Самое существование России как независимой и влиятельной величины является фактором, уравнивающим мировую обстановку. «Равновесная» политика неприсоединения ни к одной из двух соперничающих сверхдержав — США или Китаю — критически важна для предотвращения жесткого раскола мира на противостоящие блоки.

Способность Москвы тесно взаимодействовать с государствами, находящимися во враждебных отношениях, является ценным качеством, служащим поддержанию региональных балансов. В XXI веке Россия может служить примером защиты и продвижения национального суверенитета: здесь достаточно собственного примера. Этот пример, однако, должен уравнивать отстаивание собственного суверенитета и уважение суверенитета других стран. Такой поворот может произойти после того, как в международно-правовом отношении будут урегулированы вопросы статуса Крыма, ситуации в Донбассе, а также положения Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья. Понятно, что это займет еще очень много времени.

Россия, обладающая огромными природными ресурсами глобального значения (прежде всего в Сибири и Арктике), несет соразмерную ответственность за защиту окружающей среды. Стать лидером в вопросах защиты окружающей среды — очень амбициозная цель. Эта цель полностью отвечает интересам самой России. Она требует однако, реального законопроектирования в стране, которое не давало бы безнаказанно губить природные ресурсы. В качестве примера можно упомянуть продолжающуюся не одно десятилетие незаконную хищническую вырубку сибирских лесов для продажи древесины в Китай и сопутствующие поджоги тайги для сокрытия этого преступления. Очевидно, имеет место преступный

сговор чиновничества различных уровней, небескорыстно покрывающего эти действия.

Может ли Россия содействовать культурно-цивилизационному, идейному и конфессиональному многообразию и диалогу на континентальном и глобальном уровне? Возможности выступать в подобном амплуа у Москвы есть. Разумеется, с одной стороны, такой диалог должен быть широким и свободным, а с другой — нацеленным на конкретные проблемы. Это будет хорошим противовесом другой имеющейся в России тенденции — к самоизоляции, увеличению самомнения. Говоря о Московской Руси, Ключевский отмечал, что «идея Вселенской церкви замкнулась в тесные географические пределы одной из поместных церквей»⁴¹. В XX веке, подобно прежней «национализации Вселенской церкви», произошла национализация социализма. Россия сможет убедительно выступать в качестве международного модератора, если будет способна сама инициировать и поддерживать содержательный диалог с теми, с кем у Москвы имеются серьезные проблемы: украинским и грузинским обществами, странами Восточной Европы и другими.

Внешнеполитический курс России ориентирован на становление полицентричного (раньше обычно говорили — многополярного) миропорядка, отражающего реально существующее в мире разнообразие. Такой порядок призван обеспечить равноправие всех в рамках системы глобального управления на основе Устава ООН. Разумеется, при обязательном сохранении за Россией положения постоянного члена СБ ООН с правом вето.

Фактически такой подход предполагает «малую многосторонность» — коллективное лидерство небольших групп ответственных государств, обладающих наибольшим влиянием для решения ключевых вопросов глобальной повестки дня.

Например, глобальная безопасность — это прерогатива СБ ООН, экономика и финансы — G20; вопросы углеводородной энергетики — ОПЕК+ и т. д. На субглобальном уровне Россия отдает предпочтение совету ведущих незападных государств — БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), своего рода аналогу западной «семерки» во главе с США (G7). За исключением СБ ООН с его правом вето, которое имеют пять держав, включая РФ, все эти малые группы работают на основе консенсуса, что вполне устраивает Москву.

Лидирующую роль Россия играет в организациях постсоветских государств — Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Оба союза, однако, не являются глубоко интегрированными образованиями. Роль России в них несопоставима с ролью СССР в Организации Варшавского договора и Совете экономической взаимопомощи или с ролью США в НАТО. Обязательства Москвы перед партнерами ограничены, а интеграция имеет пока довольно узкие пределы. ЕАЭС не тесное интегративное объединение наподобие ЕС. Реально это таможенный союз. Наднациональные органы ЕАЭС имеют ограниченные полномочия. Стремления к более тесному объединению у партнеров нет, а самой России нет нужды заботиться о развитии экономик партнеров больше, чем о своей собственной. Взаимные обязательства России и других стран — членов союза должны быть уравновешены. Помимо этого, с точки зрения Москвы, дублирование ее собственных органов власти союзными структурами опасно.

Нынешняя позиция Российской Федерации — суверенное одиночество крупного, но не доминантного игрока. Своя геополитическая «семья» находится внутри, а не во вне страны. Союзнические отношения в пределах ОДКБ

являются на поверку скорее партнерскими, а вне этих пределов носят ситуативный и подвижный характер. Одиночество предполагает свободу выбора и маневра. Россия — активный и весьма контактный участник международной жизни. Так, на Ближнем Востоке и в Азии Москва демонстрирует готовность и реальную способность к взаимодействию со всеми значимыми силами. Не только союзники и партнеры, но и противники и оппоненты Москвы постоянно меняются. Ничто не постоянно в мире международных отношений: ни союзничество, ни вражда — только страна и ее интересы. Равновесие как основополагающий принцип российской политики XXI века представляется одновременно продуктивным и выгодным для страны и полезным для международной системы, внутри которой Россия действует.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НАСЛЕДИЕ

УРОКИ ГОРБАЧЕВА

Обзор внешнеполитического наследия последних десятилетий с эпохи правления есть смысл начать с последнего руководителя СССР — Михаила Сергеевича Горбачева. Не только потому, что Советский Союз — это предшествующее Российской Федерации название исторического Российского государства, а с избранием Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС в марте 1985 года началась, по сути, современная эра российской истории, в том числе в области внешней политики. Главное то, что за шестилетний период правления Горбачева были заложены многие основы современной внешней политики нашей страны.

.....
*Несмотря на все трансформации и деформации,
международная политика всех президентов Российской
Федерации — Бориса Ельцина, Владимира Путина,
Дмитрия Медведева, вновь Путина — стоит на плечах
политики Горбачева.*

Такой вывод справедлив несмотря на то, что горбачевская внешняя политика уже не одно десятилетие подвергается в России — в том числе во властных верхах — жесткой, а иногда и уничижительной критике. Речь идет, разумеется, о внешнеполитических достижениях этого периода, а не о просчетах и ошибках.

Внешнеполитическое наследие Горбачева фундаментально. Благодаря его лидерству страна вышла из многолетней самоизоляции. Внешняя политика освободилась от идеологических пут марксизма-ленинизма, сковывавших и деформировавших ее. Она сняла сталинскую шинель

и сдала ее в музей. Пришел конец безудержной и бездумной милитаризации экономики. Открылись границы страны. Были сняты барьеры, мешавшие передвижениям людей и свободному обмену идеями, утвердились свобода слова и свобода совести. Основной формой общения внутри страны и с внешним миром стал диалог. При Горбачеве встретились, наконец, две России — внутренняя и та, которая в разное время тремя волнами эмигрировала. Была отменена государственная монополия во внешней торговле, а частная экономическая деятельность в целом — узаконена. Эти важнейшие перемены утвердились и уже воспринимаются как должное, несмотря на все изменения последних десятилетий.

Тем не менее сегодня Михаил Горбачев в массовом сознании россиян в целом непопулярная историческая фигура. Главная существенная претензия соотечественников к патриарху политики состоит в том, что он не справился с управлением общественными процессами, в результате чего перестройка системы с демонтажем ее устаревших конструкций обернулась всеобщим обвалом. Горбачеву и его приверженцам вменяют в вину прежде всего утрату исторического Российского государства — для кого-то империи, но для большинства — большой страны. Люди, особенно старшего поколения, сожалеют не столько об утраченных имперских окраинах (тем более, восточноевропейских сателлитах и африканских клиентах), сколько о загубленных промышленности, науке, здравоохранении, образовании, системе социальной поддержки. В числе претензий к Горбачеву и его соратникам и сотрудникам фигурирует и сдача международных позиций страны на многих направлениях. При этом говорится о трех важнейших темах: проблеме разоружения, объединении Германии и уходе из стран Азии,

Африки и Латинской Америки — так называемого третьего мира⁴². Давайте с этим разберемся.

Действительно, фактически главным внешнеполитическим итогом правления Горбачева стало исчезновение Советского Союза. Разумеется, последний высший руководитель СССР не стремился к такому результату. Горбачев был и остается патриотом своей страны. Он живет в России. До последнего дня пребывания у власти он как мог старался сохранить государство, которое взялся реформировать. Когда его вынудили уйти, он покинул свой пост с достоинством. И тем не менее именно запущенные горбачевской реформой процессы привели к крайне противоречивому результату — освобождению почти 300 млн советских граждан от партийной диктатуры и одновременно к распаду советского государства и резкому ослаблению внешнеполитических позиций его основы и преемницы — Российской Федерации.

Горбачев и его коллеги начали реформы не из личных амбиций или идейных соображений. Для всех очевидно, что Советский Союз к началу 1980-х годов погрузился в глубокий кризис, охвативший все стороны жизни страны — политическую, экономическую, социальную, моральную, идеологическую, национальную. Под угрозой оказалась и внешняя безопасность: в 1983 году советские военачальники и руководство разведки всерьез опасались ядерного нападения со стороны США⁴³. Внешняя политика зашла в тупик, символами которого стали ракетный кризис в Европе, банкротство коммунистической системы в Польше и увязание СССР в войне в Афганистане.

С позиций сегодняшнего дня представляется очевидным, что трансформация Советского Союза, происходившая одновременно на нескольких направлениях — увеличения свободы, развития демократии и обновления социализма,

не могла не закончиться провалом. Это понимали наиболее проницательные западные лидеры. По свидетельству Анатолия Адамишина, присутствовавшего во время беседы британского премьер-министра Маргарет Тэтчер с председателем Совета министров СССР Николаем Рыжковым, Тэтчер сказала: «Вы дали людям свободу и хотите, чтобы они стали работать по-новому. Так не будет. Вместо этого они будут требовать от вас все большего, и вы ничего с этим поделаться не сможете»⁴⁴. Перестройка могла стать началом нового цикла мобилизации сил государства и общества для выхода из кризиса. Вместо этого она не только продлила цикл расслабления, но и довела его до логического конца.

Демократизация привела в первую очередь к всплеску национализма в огромной стране, прежде крепко связанной централизованной системой тоталитарной коммунистической, а еще раньше — авторитарной имперской власти. Уже в 1986 году вспыхнули беспорядки на этнической почве, а в 1988 году возник первый серьезный межэтнический конфликт в Нагорном Карабахе, окончательно не урегулированный до сих пор. Что касается социализма, то поначалу жесткая скованность философской и политической мысли в СССР не предоставляла реформаторам иной идейной базы кроме поздних идей Ленина — совершенно неадекватной основы для решения стоявших перед ними задач. Вместо того чтобы развивать марксизм в условиях конца XX века и приспособливать модернизируемую идеологию для решения практических задач, они лишились всякой идеологической основы.

Горбачев искал выход из этой ситуации, но ни он, ни его помощники — как и их предшественники — не обладали ни необходимыми знаниями, ни глубоким пониманием проблем своей страны, особенно экономических,

и не владели инструментарием для их изучения и решения. Не понимали они и политику Запада. Они верно определили практику и идеологию внутренней политики КПСС как главное препятствие для решения проблем и активно повели их демонтаж. У них, однако, не оказалось конкретной цели, плана и стратегии действий. Упование на «живое творчество масс», «потенциал социализма» и его «преимущества» оказалось в этих условиях фатальным для курса реформ. В итоге Горбачеву и народу страны пришлось расплачиваться не только — и не столько — за ошибки реформаторов, но и за все кровавое наследие или просто дурное управление и нерациональное хозяйствование предыдущих десятилетий.

... Опыт Михаила Горбачева подтверждает еще одну истину:
 ... в России триггером наиболее серьезных национальных
 ... катастроф является утрата высшей властью контроля
 ... над обстановкой.

ИСХОДНОЕ СОСТОЯНИЕ

В марте 1985 года новый Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев принял управление обширным, богатым, но и во многом запущенным, расстроеным и пришедшим в упадок внешнеполитическим наследством. Советский Союз, выстроенный большевиками на развалинах Российской империи, осуществил — решительными, жесткими, часто бесчеловечными методами — форсированную модернизацию экономики и общества, выстоял в Великой Отечественной войне и превратился к середине XX века в одно из двух мощнейших государств мира. Со второй половины 1940-х по вторую половину 1980-х годов Москва

контролировала значительную часть глобального геополитического пространства. СССР достиг военно-стратегического паритета с США. Он был идеологическим, политическим, экономическим и военным центром системы, охватывавшей дюжину стран «реального социализма», в основном в Восточной Европе, два-три десятка государств социалистической ориентации в Азии, Африке и Латинской Америке, без малого сотню коммунистических, рабочих, левых партий во всем мире.

Наряду с мощным ракетно-ядерным арсеналом СССР обладал крупнейшими в мире вооруженными силами. Группировки советских войск дислоцировались на постоянной основе в Германской Демократической Республике (Восточной Германии), Польше, Чехословакии, Венгрии, Монголии, а также в Афганистане. В общей сложности СССР держал в строю около 5 млн человек, которые противостояли одновременно вооруженным силам США и их многочисленным союзников в Европе и Азии, а также армии Китая. В 1970-е годы впервые в своей истории страна создала океанский флот, в том числе мощнейший подводный.

Цена всех этих достижений была колоссальной, и платил ее советский народ. СССР обладал в основном самодостаточной экономикой, его народно-хозяйственная модель — фактически государственного капитализма — выдержала проверку в Великой Отечественной войне и в годы послевоенного восстановления страны. Экономика была ориентирована исключительно на приоритеты государства. К середине 1950-х годов эта модель превратилась вначале в тормоз, а затем и в препятствие для дальнейшего развития страны. Шанс реформирования экономики, существовавший вплоть до 1960-х годов, был упущен, а затем в результате реакции на Пражскую весну 1968 года заблокирован.

Снижающееся качество политического управления со стороны ЦК КПСС — Генеральный секретарь Леонид Брежнев утратил способность к полноценной работе еще в 1976 году — и возраставшее давление идеологических догм привели к тому, что Горбачев впоследствии мягко назвал застоем. На самом деле это был общий кризис советского социализма. Все больше проигрывая в самонадеянно объявленном на рубеже 1960-х годов мирном соревновании с Западом, советское руководство под влиянием сложившегося в 1970-е годы отечественного военно-промышленно-идеологического комплекса втянулось в полномасштабную гонку вооружений с Соединенными Штатами Америки, встало на путь внешнеполитических авантур. Стоимость оборонной и внешней политики СССР колоссально выросла: оборонные расходы в 1984 году достигли 8% ВВП, максимума за 20 лет⁴⁵. При этом на внешнеполитической арене СССР встречался со все новыми вызовами.

В конце 1979 года после бездумного решения о вводе советских войск в Афганистан, продавленного руководящей группой Политбюро ЦК КПСС по внешней политике в составе Андропова — Громыко — Устинова⁴⁶, холодная война с Западом резко обострилась. США, оправившиеся от поражения, понесенного в 1975 году во Вьетнаме и мобилизовавшие силы для отпора возраставшей военной мощи и политическому влиянию Советского Союза в странах Азии, Африки и Латинской Америки, приступили к реализации масштабных военных программ. Разрядка международной напряженности, которую в Москве пытались совместить с постоянным наращиванием военной мощи и продвижением советского влияния на всех континентах — с военной поддержкой Москвы, но под флагом развития классовой борьбы, — закончилась. США перешли в контрнаступление.

В 1983 году в Западной Европе по просьбе самих европейцев, озабоченных появлением у СССР со второй половины 1970-х годов все большего количества ракет средней дальности СС-20, были размещены американские баллистические и крылатые ракеты средней дальности. В результате советские центры принятия военно-политических решений, главные военные штабы и важнейшие военные, промышленные и инфраструктурные объекты оказались в пределах дальности полета ракет, способных поразить их в течение шести-восьми минут после пуска. В том, что сценарий ядерной войны не был чисто теоретическим, советские руководители убедились в ходе прошедших в том же году учений НАТО Able Archer⁴⁷.

Одновременно президент США Рональд Рейган выдвинул Стратегическую оборонную инициативу (СОИ), предполагавшую создание в США надежной системы защиты от советских баллистических ракет. Эта идея была настолько сложной в реализации, что многие считали ее фантастикой. В Москве, где всегда были высокого мнения о технических возможностях США, опасались, однако, что под прикрытием подобного противоракетного щита США смогут принудить СССР к капитуляции или даже уничтожить его, не опасаясь ответного удара.

В это же время США стали координировать свою политику в отношении СССР и Китая, который с 1960-х годов — после разрыва с Москвой на почве спора о старшинстве в союзе и из-за сопутствовавших идеологических разногласий — также рассматривал Советский Союз в качестве противника. Начиная в 1978 году проводить экономические реформы, Дэн Сяопин, понимавший, что модернизация Китая требует благоприятной международной обстановки, немедленно прекратил противостояние с США.

Ввод советских войск в Афганистан и военное вмешательство союзника СССР Вьетнама в Камбодже сблизили Пекин и Вашингтон. В результате СССР был вынужден противостоять вероятным противникам на двух фронтах — США и НАТО на западе и Китаю, США и их союзникам (Японии, Южной Корее) на востоке. Это было и опасно, и крайне затратно.

После интервенции в Афганистане у СССР открылся третий фронт — южный, где Москве противостояли не только моджахеда, опиравшиеся на поддержку местного населения, но и те же США, Китай и ряд крупных мусульманских государств, включая Пакистан и Саудовскую Аравию. Расчет на то, что военная помощь дружественному режиму в Кабуле стабилизирует обстановку в Афганистане и создаст условия для движения этой соседней страны к социализму по образцу Монголии⁴⁸, оказался совершенно необоснованным. Советские руководители, не учитывавшие при принятии решений о вводе войск исламский фактор, столкнулись с перспективой того, что афганская война и исламская революция в соседнем Иране могут угрожать стабильности в южных республиках СССР, где, как считалось, религиозные предрассудки были успешно преодолены.

Одновременно начались волнения в тылу советской системы. В 1980 году коммунистический режим в Польше столкнулся с рабочими протестами, запустившими тяжелый политический кризис. Единственной альтернативой советской военной интервенции (по образцу Чехословакии в 1968 году и Венгрии в 1956-м), которая неминуемо привела бы к масштабному кровопролитию, была передачи власти от компартии польским же военным. Это, однако, оказалось лишь временным решением. Кризис продолжился и в конце концов привел к окончательному освобождению Польши от коммунистического режима в 1989 году.

Другие состоящие в союзе с СССР страны Восточной Европы, испытывавшие вследствие явной неэффективности своих экономик растущие экономические трудности, все глубже погружались в долговую зависимость от западных государств. Советский Союз, чье экономическое развитие застопорилось на рубеже 1980-х, уже не имел возможности оказывать масштабную помощь даже ближайшим союзникам. Кроме того, на Москве лежало бремя содержания многочисленных и не всегда надежных клиентов в десятках стран, существование которых представляло ценность для СССР единственно с точки зрения подтверждения правоты марксистско-ленинского учения о конечном торжестве социализма над капитализмом во всемирном масштабе.

Таким образом, несмотря на очевидную мощь и внешнее величие, Советский Союз к середине 1980-х годов был отягощен многочисленными внутренними проблемами. Некоторые из этих проблем имели внешнеполитические и военно-политические корни. Втянувшись при долгом правлении Леонида Брежнева в полномасштабную гонку вооружений с США, Советский Союз, располагавший гораздо меньшей экономической и технологической базой, вынужден был направлять все больше ресурсов на военные нужды — ради поддержания военного паритета. Это было вопросом не только безопасности, но и престижа. Не сумев победить США в экономическом соревновании, на что надеялся в начале 1960-х годов Никита Хрущев, руководство СССР при Брежневе могло предъявить населению равенство с США по баллистическим ракетам и ядерным зарядам.

Фактически же Советский Союз попал в ловушку, представленную Соединенными Штатами, поставившими задачу измотать СССР в гонке вооружений.

Несмотря на общий кризис советского социализма и многочисленные провалы внешней политики Москвы, поначалу этот кризис не был летальным, а у внешней политики имелись резервы.

... *Советский режим — в той форме, которую он приобрел к середине 1980-х, — отчаянно нуждался в перестройке, но государство не было обречено на гибель, как не была обречена и Российская империя в 1917 году.*

Китайские успехи в трансформации коммунистической системы на протяжении четырех десятилетий показывают, что задача в принципе решаема. Советский опыт 1980-х и начала 1990-х годов демонстрирует не ошибочность самой попытки трансформации системы, а неверность выбранного курса.

В отличие от Хрущева и Брежнева, упустивших шансы на модернизацию страны в условиях гораздо более благоприятных, Горбачев взялся за дело трансформации в тяжелой обстановке. Он попытался сделать больше, чем просто «встряхнуть» страну, как это попытался сделать его ментор Юрий Андропов, ненадолго сменивший Брежнева. Горбачев и его сотрудники собирались обновить одряхлевший советский социализм, ускорив экономическое развитие страны и перестроив политическую систему. При этом Горбачев рассчитывал на очередной всплеск энтузиазма советских людей, ожидая, что его новаторский подход разбудит то, что он называл творческой энергией масс. Для подъема активности и энтузиазма Горбачев провозгласил принцип гласности в информационной политике. Одновременно и в тесной связке с изменением внутренней повестки дня Горбачев собирался активизировать и модернизировать

внешнюю политику СССР. Ускорение, перестройка, гласность и новое политическое мышление стали основными лозунгами горбачевской эпохи. Трансформационный вектор внешней политики Горбачева не был результатом свободного выбора.

По словам Анатолия Черняева, ближайшего помощника Генерального секретаря, «интенсивный выход на международную арену с новой внешней политикой диктовался прежде всего тяжелейшим внутриэкономическим состоянием страны»⁴⁹.

В эпоху всеобщего дефицита продуктов и товаров особо остро стояла проблема обеспечения населения продовольствием. С начала 1960-х годов — при Хрущеве — СССР стал импортером зерна: начали сказываться последствия сталинской коллективизации сельского хозяйства. Продовольственная программа, принятая при Брежневле, не решила проблему. Традиционное самообеспечение России продовольствием фактически было восстановлено только в начале XXI века, когда страна вернулась на мировой рынок в качестве экспортера продовольствия, прежде всего зерна.

• • •

Собственно внешнеполитическая программа Горбачева была первоначально логичной и реалистичной. Ее целью было снижение бремени внешней политики на основе взаимных разменов с контрагентами с учетом взаимных интересов. На американском направлении Москва собиралась возобновить диалог на высшем уровне, главным образом для достижения соглашений об ограничении гонки вооружений.

Стимулом был страх перед новым витком гонки вооружений, которую СССР, не выдержав быстро возрастающей финансовой и технологической нагрузки, мог проиграть⁵⁰. Со странами Западной Европы — соседями и важными торговыми партнерами — новое советское руководство собиралось улучшить отношения путем паритетного уменьшения ракетного арсенала, «обменяв» советские ракеты средней дальности, нацеленные на страны НАТО, на американские ракеты, направленные на Советский Союз. Главную ставку здесь Горбачев разумно делал на Западную Германию (ФРГ) и рассчитывал разыграть «германскую карту» с пользой для Советского Союза и с выгодой для немцев, одновременно ослабив в Европе влияние США.

Для улучшения отношений в Азиатском регионе Москва послала сигнал Пекину о готовности к нормализации советско-китайских отношений и активизировала начавшееся еще при Брежневе и Андропове налаживание контактов с КНР на различных уровнях. В отношении Афганистана Горбачев практически сразу принял принципиальное решение о выводе советских войск на основе политической договоренности с заинтересованными сторонами. Восточноевропейским союзникам Горбачев с самого начала рекомендовал действовать самостоятельно, идти по пути перестройки в своих странах и изыскивать дополнительные внутренние ресурсы для развития. Наконец, Горбачев, без энтузиазма относившийся к идеологическим клише о борьбе с мировым империализмом посредством поддержки международного коммунистического и национально-освободительного движения, был настроен на сокращение затрат на этом давно бесперспективном поле⁵¹. На всех перечисленных направлениях Горбачеву многое удалось сделать.

ЗАВЕРШЕНИЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Горбачеву удалось вывести страну из холодной войны с США и коллективным Западом. Тем самым Москва прекратила крайне опасную и затратную конфронтацию, продолжавшуюся со второй половины 1940-х годов. Главное — была резко снижена угроза ядерной войны, вполне реальная вплоть до середины 1980-х.

В декабре 1987 года СССР и США заключили Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), впервые уничтоживший целый класс дестабилизирующих вооружений. Горбачева и Шеварднадзе впоследствии упрекали за то, что они согласились на требования США демонтировать Красноярскую РЛС и включить в договор — то есть обречь на ликвидацию — ракеты «Ока» (SS-23 Spider по натовской классификации), хотя дальность этих ракет была чуть менее 500 км⁵². Можно ли было бы добиться договоренности с США без этих существенных уступок — вопрос дискуссионный. В любом случае главной задачей Москвы было устранение класса ракет, способных нанести удар по важнейшим советским целям с близкого расстояния. Эта задача была решена за столом переговоров.

В июле 1991 года Москва и Вашингтон заключили Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1), по которому обе сверхдержавы впервые согласились сократить свои стратегические ядерные арсеналы — и сразу наполовину. Это были прорывные договоренности, основанные на принципиальной формуле, согласованной Горбачевым и президентом США Рональдом Рейганом: в ядерной войне не может быть победителей и ее нельзя допустить⁵³. Эта формула сохраняет

актуальность сегодня и будет актуальна в обозримой перспективе.

Оба соглашения — ДРСМД и СНВ-1 — существенно облегчили стратегическое положение СССР. Несмотря на то, что по ДРСМД Советский Союз должен был уничтожить значительно больше ракет, чем США, поскольку советская программа была по существу безлимитной, договор устранил угрозу обезглавливающего СССР удара по советским политическим и военным объектам. Инспекции, предусмотренные обоими договорами, создавали атмосферу взаимного доверия — в смысле обоюдной предсказуемости — между Москвой и Вашингтоном.

Отношения между СССР и странами Западной Европы начали быстро улучшаться. Наконец, и это было особенно важно, соглашения по разоружению в принципе позволяли Советскому Союзу высвободить финансовые и материальные ресурсы для смягчения наиболее острых социально-экономических проблем. Сейчас, когда выход США из договоров по ПРО (в 2002 году) и ДРСМД (2019-й) создал реальную угрозу прекращения действия механизмов контроля над вооружениями, предсказуемость в крайне чувствительной области ядерных взаимоотношений между РФ и США резко и опасно снижается.

Не все задачи по деэскалации противостояния с главным противником СССР были решены. Горбачеву не удалось остановить программу СОИ или ограничить ее реализацию. Переговоры в Женеве по ядерным и космическим вооружениям, начатые в 1985 году, дали Москве возможность прояснить позицию США по вопросам стратегической обороны, но не более того. Впрочем, пока шли переговоры, стало ясно, что многие заявленные цели СОИ в обозримом будущем недостижимы. В результате США, пусть вынужденно,

в основном оставались в рамках Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО). В конечном итоге ядерное сдерживание, основанное на угрозе гарантированного взаимного уничтожения в случае войны, не только сохранилось, но даже укрепилось.

Сокращение ядерных арсеналов дополнилось ограничением обычных вооружений. В 1987 году по инициативе Москвы Организация Варшавского договора (ОВД) приняла военную доктрину, провозгласившую принцип оборонной достаточности. Это звучало разумно, хотя смысл изменений не был прояснен: СССР всегда заявлял, что готовился к обороне. Скандальный полет немецкого летчика, посадившего свой легкомоторный самолет рядом с Красной площадью, позволил Горбачеву преодолеть сопротивление консервативной советской военной верхушки, руководствовавшейся принципом, сложившимся в брежневские годы: за безопасность СССР отвечают военные. Проблема заключалась в том, что военные всегда и везде обязаны исходить из худшего сценария. Кроме того, если возлагать ответственность за безопасность на военных, предполагается, что она будет обеспечиваться исключительно военными средствами. Других средств у военных просто нет.

В декабре 1988 года Горбачев сделал конкретный шаг, объявив об одностороннем выводе значительной части советских войск и вооружений из Восточной Европы. В 1990 году между странами Варшавского договора и НАТО был заключен Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), предусматривающий ограничение обычных вооружений и вооруженных сил и исключающий саму возможность масштабного внезапного нападения. Таким образом на западном стратегическом направлении — исторически главном для России — началась глубокая демилитаризация.

Как и в случае с ДРСМД, Советский Союз сокращал больше войск и техники, чем страны НАТО, но, во-первых, уровень противостояния к концу 1980-х годов был очевидно избыточным, а во-вторых, СССР получал принципиальную возможность в долгосрочной перспективе направить больше средств на невоенные цели, становившиеся гораздо более актуальными, чем внешние вызовы. Другой вопрос, конечно, в том, как советское руководство распорядилось этими новыми возможностями.

Контроль над вооружениями означал более надежное регулирование конфронтации и снижение ее уровня, но еще не ее прекращение. Причиной холодной войны была не гонка вооружений, а конфликт идеологий в связке со столкновением геополитических интересов. Здесь Горбачев и его соратники совершили важный интеллектуальный прорыв.

НОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Первоначальная коррекция внешнеполитической стратегии Советского Союза, проведенная Горбачевым, не затрагивала основы внешней политики СССР, не требовала кардинальной смены идеологических ориентиров. В принципе, ДРСМД, СНВ-1 и даже ДОВСЕ были примерами военно-политической разрядки. Они укладывались в логику мирного сосуществования, вскоре после смерти Сталина провозглашенного еще Председателем Совета министров СССР Георгием Маленковым и Первым секретарем ЦК КПСС Никитой Хрущевым в ответ на реальность угрозы уничтожения человечества в результате ядерной войны. Более того, сами эти соглашения были прямым продолжением брежневской политики разрядки международной напряженности и ограничения стратегических вооружений, прерванной в конце

1970-х годов. У хрущевско-брежневской политики разрядки, однако, было принципиальное ограничение. Мирное сосуществование и разрядка, согласно официальной идеологии, не только не отменяли классовую борьбу на мировой арене, но и сами считались формами классовой борьбы.

Здесь Горбачев в своем поиске настоящего социализма решительно отошел от ортодоксальной советской идеологии и сделал шаг в сторону социал-демократии. Вскоре после прихода к власти он начал отказываться от традиционного для СССР жесткого классового «красно-белого» подхода к международным отношениям. Горбачев и его ближайшие соратники и советники двигались в сторону признания мира единым и взаимосвязанным⁵⁴. По свидетельству А. С. Черняева, Горбачев переосмыслил мирное сосуществование как принцип «живи и давай жить другим», без всякой задней мысли⁵⁵. Это была уже не новация, а ревизия основ, настоящая идеологическая революция. Такое видение мира и международных отношений стало прорывом из мира давно устаревших, но крепко сидевших в умах догм в мир современных реалий. Заслуга Горбачева в осуществлении этого интеллектуального прорыва очевидна.

Согласно новому подходу, глобальные проблемы — от опасности ядерной войны до разрушения окружающей среды — являются общими для всего человечества. Решение этих проблем — в общих интересах. Общность интересов, в свою очередь, основывается на общих ценностях, объединяющих людей поверх национальных и идеологических различий. Так на месте давно выдохшегося пролетарского интернационализма, призванного служить интересам несостоявшейся мировой социалистической революции, возник новый глобализм отечественного внешнеполитического мышления. Помощники Горбачева разработали для

него доктрину, названную ими новым политическим мышлением⁵⁶. Фактически эта доктрина представляла собой вариант конвергенции коммунизма и капитализма, призванный соединить основные преимущества обоих. Для старой гвардии ЦК КПСС это была явная идеологическая ересь. Многолетний и многоопытный секретарь ЦК Борис Пономарев, отвечавший за связи с международным коммунистическим движением, отреагировал на появление нового мышления однозначно: «У нас правильное мышление. Пусть американцы меняют мышление». Империализм, добавил Б. Н. Пономарев, считается только с силой⁵⁷. В этом последнем заключении ветеран советской внешней политики был во многом прав.

Горбачев отбросил миф о международном коммунистическом движении как ведущей силе мирового развития. Он также отказался от обременительной роли КПСС как главы этого движения и тем самым от двусмысленности советской внешней политики, которая со времен Третьего интернационала (Коминтерна) действовала по двум каналам: межгосударственному и межпартийному. После того как Сталин в 1943 году формально распустил Коминтерн, СССР продолжал использовать иностранные компартии в качестве инструмента советской внешней политики. К 1980-м годам, однако, многие живые и влиятельные компартии — итальянская и французская — стали реально автономными от Москвы. Дальнейшего смысла поддерживать множество маргинальных компартий не было. Отказ от их поддержки, однако, означал также и отказ СССР от роли идеологической державы. Он позволил Москве конструктивно взаимодействовать с самыми различными политическими силами в мире. Вместо международного коммунистического движения Горбачев выбрал в политико-идеологические союзники

даже не еврокоммунистов, а европейскую социал-демократию.

Новое политическое мышление декларировало право народов на выбор путей развития. Горбачев ошибался, рассчитывая, что таким способом станет возможно полнее раскрыть потенциал социализма. На деле даже попытка реализации этого права ставила под вопрос устойчивость не только советской системы союзов и мировой системы социализма в целом, но и политических режимов в социалистических странах. В конечном счете она поставила под сомнение стабильность самого Советского Союза и господствующую роль в нем коммунистической партии, а следовательно, и целостность СССР. Неудивительно, что не склонный к простодушию внешний мир поначалу воспринял эту декларацию скептически, как очередную пропагандистскую уловку в духе хрущевского всеобщего и полного разоружения. По оценке А. С. Черняева, однако, 1988 год стал точкой окончательного отхода Горбачева от марксизма-ленинизма⁵⁸. Последствия не заставили себя ждать.

Уход из Восточной Европы

Очевидно, что Горбачев не стремился к демонтажу созданной Москвой и долго пестовавшейся ею системы союзов, не говоря уже о роспуске самого СССР. Он был оптимистом и надеялся, что освобожденный от пут социализм раскроет свой скрытый потенциал. В то же время, отпуская союзников не столько на волю, сколько на самостоятельный поиск ресурсов в условиях нараставшего их дефицита в самом СССР, Горбачев стремился сократить издержки советской внешней политики. Он справедливо считал, что от социалистического содружества, которое уже с 1960-х годов — с появлением ракетно-ядерного

оружия — из стратегического буфера превратилось в экономическую обузу для СССР, нет большой отдачи. Уменьшение бремени, однако, обернулось серьезными проблемами, о которых вначале Горбачев и его помощники не думали.

Больше, чем на других направлениях — американском или западноевропейском, Горбачеву пришлось взять на себя ответственность за прошлую политику СССР в Восточной Европе. Гласность не столько позволила, сколько заставила обсуждать трудные вопросы общей истории, от секретного протокола к советско-германскому договору о ненападении 1939 года до военных интервенций СССР в Венгрии в 1956 году и в Чехословакии в 1968 году. Горбачеву пришлось брать на себя вину за решения предшественников и извиняться, но главным было другое. Предшественники Горбачева упустили момент — например, в условиях разрядки 1970-х годов — для инициирования изменений в Восточной Европе с целью превращения ее в нейтральный буфер между СССР и НАТО на благоприятных для Москвы условиях. Когда же Москва наконец оказалась вынужденной действовать, у нее не оказалось ясного целеполагания и разработанной стратегии в отношении союзных государств, зависимость которых от СССР в Москве привыкли принимать как данность, а лояльность — как должное.

... Эта черта — недостаток внимания к союзникам при
 ... сосредоточенности на противниках и конкурентах —
 ... характерна для отечественной внешней политики по сей
 ... день.

В результате вместо мягкой трансформации отношений со странами Восточной Европы — их деидеологизации, плавного перехода от союзничества к дружественному

для Москвы нейтралитету, постепенного перевода экономических связей на рыночную или хотя бы хозрасчетную основу — произошла жесткая посадка. Советское руководство было вынуждено следовать за событиями, наблюдая, как на протяжении всего лишь нескольких месяцев 1989 года случился полный обвал стратегических, политических, экономических и идеологических позиций СССР в Восточной Европе. Практически ничего из огромных советских вложений послевоенных десятилетий не удалось спасти. Осенью 1989 года Горбачев не пошел на применение силы в отчаянной и к тому времени уже бесполезной и опасной попытке спасти ГДР. Справедливости ради стоит отметить, что никто в тогдашнем советском руководстве не выступал за военное вмешательство в Восточной Германии⁵⁹. Отбросив пресловутую доктрину Брежнева, обязывавшую все социалистические страны защищать завоевания социализма в любой социалистической стране, Советский Союз оказался неспособным к каким-либо действиям. Вчерашний гегемон в одночасье превратился в наблюдателя.

Стратегию Горбачеву, казалось, заменяли философия нового политического мышления и смутное видение контуров желаемого будущего. В июле 1989 года в выступлении в Парламентской ассамблее Совета Европы Горбачев озвучил давно вынашивавшуюся в советском МИДе идею общеевропейского дома — своего рода ассоциации всех государств Европы, включая Советский Союз, внутри которой не было бы разделительных блоковых линий⁶⁰. Иными словами, НАТО и Варшавский договор, если и не распустились, становились бы дружественными региональными политическими ассоциациями. На первый взгляд идея казалась привлекательной, но механизм ее реализации не был даже очерчен, а последствия не просчитывались.

Лозунговый, фактически пропагандистский характер советских мирных предложений, отсутствие их проработки и политического обеспечения заметно снижали эффективность внешней политики Москвы. Следы этой традиции сохранились и до наших дней.

Идея «общего дома» хотя и не была экспромтом, но, не будучи детализированной, фактически осталась на уровне лозунга. На практике Горбачев делал основную ставку на ФРГ, которую он справедливо считал важнейшей для СССР европейской страной. Мысля реалистически и не рассчитывая оторвать Западную Германию от США, Горбачев предполагал творчески использовать ГДР, осторожно разыгрывая карту немецкого единства⁶¹. В принципе, такой подход не был новинкой — достаточно вспомнить знаменитую ноту Сталина с предложением о восстановлении единой и нейтральной Германии, направленную им в 1952 году западным лидерам, или неудачную попытку боровшегося за высшую власть в СССР Лаврентия Берии в 1953 году добиться компромиссного решения германского вопроса за счет роспуска ГДР и объединения Германии — опять-таки на основе нейтралитета между СССР и НАТО. Горбачеву не удалось реализовать свой интересный, но непроработанный замысел из-за стремительного нарастания внутренних проблем в СССР и лавинообразного разрушения советских позиций в Восточной Европе.

Самый популярный в СССР и на Западе советский лидер столкнулся с суровой истиной: никакие успехи внешней политики не способны перевесить провалы внутренней.

Завершение холодной войны стало главным итогом внешней политики эпохи Горбачева, но не единственным.

В безусловную заслугу Горбачеву необходимо поставить нормализацию отношений с Китаем, а также вывод войск из Афганистана и уменьшение вовлеченности СССР в кризисы и конфликты в разных частях мира. Эти решения второй половины 1980-х годов имеют большое значение по сей день.

НОРМАЛИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ С КИТАЕМ

..... *Важнейшим и непреходящим достижением внешней политики эпохи Горбачева стала нормализация отношений с Китаем.*

Уже в 1986 году в речи, произнесенной во Владивостоке, Горбачев выразил готовность к активной работе по преодолению враждебности, господствовавшей в советско-китайских отношениях с конца 1950-х годов. Со своей стороны, Китай, переживший культурную революцию, проводивший Мао Цзедуну в мавзолей и вставший под руководством Дэн Сяопина на путь экономических реформ, также стремился к улучшению отношений с Советским Союзом.

Завершение противостояния с Китаем вытекало из той же логики, что и стремление обуздать гонку вооружений. Поддержание крупной группировки войск на границе, соответствующее обустройство территории было делом крайне затратным. Министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе публично говорил, что это обошлось (по-видимому, в общей сложности с момента обострения советско-китайских отношений в 1960-х годах) в 300 млрд рублей — сумму, сопоставимую с годовым бюджетом СССР в начале 1980-х годов⁶².

Так же, как на западном направлении, Советский Союз и на востоке сделал первый шаг, чтобы побудить Китай к прекращению противостояния. Для нормализации отношений Москве необходимо было преодолеть препятствия, которые, по мнению Пекина, затрудняли улучшение отношений. Этими препятствиями были: нахождение в Камбодже с 1979 года группировки войск Вьетнама — союзника СССР; концентрация большого количества советских войск на границе с КНР, в том числе примерно 75 000 человек на территории Монголии, откуда они могли сравнительно быстро продвинуться до Пекина; военное присутствие Советского Союза в Афганистане. Кроме того, китайцы требовали от СССР отказаться от высокомерного отношения к Китаю и признать КНР великой державой с самостоятельными интересами.

Официально Москва не признавала наличия предварительных условий для нормализации отношений с Пекином, но по факту выполнила китайские требования и таким образом преодолела препятствия на пути восстановления отношений. Это было тем проще, что Горбачев и его коллеги в Политбюро сами намеревались сокращать обременительные обязательства СССР в «третьем мире», в том числе снизить расходы на оборону и завершить войну в Афганистане. Горбачева так же мало интересовали вопросы коммунистической идеологии и иерархии в международном коммунистическом движении, как и само это движение. Он согласился приехать в Пекин для переговоров с Дэн Сяопином, который был старше него по возрасту.

За нормализацией отношений с Китаем последовало создание новой основы (новой нормы) отношений между двумя странами. Горбачев и Дэн Сяопин решили и эту задачу. В отличие от отношений 1950-х годов, новые отношения

строились — во многом по настоянию китайской стороны — как строго межгосударственные, деидеологизированные и равноправные. Пользуясь выражением Дэн Сяопина, обе стороны «закрыли прошлое, открыли будущее». Это, помимо всего остального, помогло двусторонним отношениям сравнительно легко пережить переход от Советского Союза к Российской Федерации.

Новая норма не осталась на уровне лозунгов и абстракции. Москва и Пекин возобновили переговоры о пограничном урегулировании и в середине 1991 года достигли соглашения по одному из участков протяженной границы. Одновременно начались военная разрядка и приграничное сотрудничество, в которое стали вовлекаться массы россиян и китайцев. Новые отношения между двумя государствами обозначались — опять по инициативе китайской стороны — не как конфронтация или союз, а как партнерство. В течение трех последовавших десятилетий эта основа российско-китайских отношений не только сохранялась, но и последовательно укреплялась, несмотря на усиливавшуюся асимметрию в силе, амбициях и международном влиянии Китая и России.

Вывод советских войск из Афганистана и уменьшение вовлеченности в конфликты в «третьем мире»

Горбачев завершил начатую при Брежневе войну СССР в Афганистане. Как и в других случаях, одним из главных мотивов было стремление сократить расходы на войну, которые к тому же не приносили результатов. Другой побудительной силой стало разочарование в возможности превращения преимущественно крестьянской, глубоко религиозной

страны в еще один форпост социализма в Азии. К выводу о бесперспективности пребывания советских войск в Афганистане, фактически — об ошибочности принятого в 1979 году решения о военном вмешательстве в этой стране многие члены советского руководства пришли еще до того, как Горбачев стал Генеральным секретарем ЦК КПСС. Афганский опыт, приобретенный дорогой ценой — в конечном счете свыше 15 000 погибших, заставлял руководство страны корректировать политику с целью ограничить человеческие жертвы, политические и идеологические потери СССР.

От осознания бесполезности продолжения войны до вывода войск, однако, лежал трудный, долгий и не прямой путь. Горбачев использовал различные средства: от перестановок в кабульском руководстве и провозглашения политики национального примирения до усиления военного давления на афганское сопротивление и укрепления материальной базы дружественного режима и, наконец, переговоров с теми, кто поддерживал моджахедов извне, — прежде всего с Пакистаном и стоявшими за его спиной США. В результате достигнутого в 1988 году под эгидой ООН соглашения Горбачеву удалось не только вывести войска, но и сохранить в Кабуле просоветский режим, который пережил, хотя и ненадолго, сам СССР. Падение этого режима — в основном результат решения президента России Бориса Ельцина и министра иностранных дел Андрея Козырева о прекращении в начале 1992 года материально-технической помощи правительству Афганистана.

Горбачев принял также верное стратегическое решение об уменьшении раздутых советских обязательств в странах «третьего мира». Эта в основном идеологически обусловленная помощь всевозможным якобы марксистским режимам не столько укрепляла стратегические позиции СССР, сколько

способствовала стратегическому перенапряжению его сил. Во времена Хрущева и особенно Брежнева Советский Союз существенно растянул фронт геополитической борьбы и военно-стратегического соперничества с США. Сказалась эйфория, вызванная поражением США во Вьетнамской войне 1965–1975 годов.

Перейдя в наступление на позиции «империалистических сил» во всем мире, Москва в 1970-е годы прямо или косвенно втянулась в целый ряд вооруженных конфликтов и противостояний — на Ближнем Востоке (помощь Сирии, Южному Йемену), в Африке (от Африканского Рога до Анголы и Мозамбика), в Азии (страны Индокитая) и в Центральной Америке (Никарагуа, Сальвадор). К 1980-м годам поддержка национально-освободительных движений и политических сил, объявлявших о своей социалистической ориентации, превратилась в заметное финансовое бремя для Советского Союза. Отдача от этой поддержки была в основном пропагандистской. Не только задача экономии ресурсов СССР, но и цель завершения холодной войны с Западом логически предполагали урегулирование этих конфликтов совместно с США. Так и произошло. По сравнению с афганским урегулированием СССР и США сравнительно быстро достигли договоренностей по Анголе, Камбодже, Намибии, Центральной Америке⁶³. Практически во всех перечисленных странах дружественные Москве режимы устояли или даже пришли к власти (Намибия). Впоследствии все они поменяли политическую ориентацию, но это произошло уже после распада СССР.

На этом фоне важно отметить, что при Горбачеве Советский Союз расширил свои международные возможности, установив или восстановив отношения с государствами, которые до этого игнорировались как агенты американского

империализма, — Израилем, Саудовской Аравией, Южной Кореей, Южно-Африканской Республикой. В настоящее время все перечисленные страны являются важными экономическими и политическими партнерами России в своих регионах.

... Принципиально важным и ценным было — и до сих пор
... остается — восстановление в 1991 году отношений
... с Израилем.

Этот шаг был встречен с одобрением евреями — гражданами СССР, а также помог улучшить отношение к Москве влиятельной мировой еврейской диаспоры. Сегодняшняя Россия активно развивает связи, возобновленные при Горбачеве.

Одновременно снизилась приоритетность отношений Москвы с государствами, чьи режимы ориентировались на помощь СССР, — Кубой, Вьетнамом, Лаосом, Эфиопией, Южным Йеменом и другими. Москва уже не могла позволить себе оказывать масштабную помощь зарубежным друзьям. Так, ежегодная помощь одной лишь Кубе составляла в 1980-е годы 5 млрд рублей⁶⁴ — примерно столько же, сколько годовые расходы на войну в Афганистане⁶⁵. В этом развороте от друзей был прагматизм, но часто отход от прежних союзников оказывался резким и грубым и сопровождался ненужными потерями.

НЕУДАЧИ

Внешняя политика Горбачева, как мы видим, достигла многих поставленных целей. Прекратились холодная война с Западом и противостояние с Китаем. Были заключены соглашения о контроле над ядерными и обычными вооружениями,

увеличившие предсказуемость поведения крупнейших государств и резко уменьшившие риск войны между ними. Уменьшилось бремя гонки вооружений. Советские войска покинули Афганистан, но организованно и с сохранением в стране дружественного Москве режима. Существенно сократилась односторонняя поддержка многочисленных клиентов СССР в различных регионах мира. Произошла деидеологизация внешней политики, в результате ставшей более реалистичной. Образ Советского Союза в Западном мире быстро улучшался.

В то же время на фоне успехов внешней политики международное значение и влияние СССР быстро падало, и совсем скоро Советский Союз разрушился. Причины распада СССР лежат в сфере внутренней, а не внешней политики, но быстро нараставший экономический, социальный и политический кризис в стране неизбежно деформировал внешнюю политику Москвы, заставляя Горбачева маневрировать в отчаянной попытке спасти страну. Чтобы удержать ситуацию, Горбачеву не хватило времени и денег, но в гораздо большей степени — ясного понимания главной стратегической цели, а также средств и способов ее достижения. Процесс, запущенный им, действительно пошел мощно, но лавинообразно, и инициатор реформ вскоре утратил за ним контроль.

В сфере собственно внешней политики тоже были конкретные неудачи. Достичь конвергенции социализма и капитализма в социально-экономической области, геополитического кондоминиума с США и образования общеевропейского дома с внушительным и влиятельным советским «подъездом» не удалось. Также не удалось разыграть карту германо-германского сближения и превратить Восточную Европу в пояс дружественных Советскому Союзу

нейтральных государств. Эти неудачи явились следствием не только отсутствия генерального плана и сопутствующей ему стратегии, но и недостаточного понимания международных отношений, неверного анализа обстановки и иллюзий в отношении характера и приемов политики контрагентов.

ПОРАЖЕНИЕ В ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ

Уже к началу 1989 года руководству стран Запада стало ясно: политика Горбачева движется к неминуемому краху. Советский Союз быстро исчерпал казавшиеся бесконечными ресурсы, советскому руководству уже некуда было деваться кроме как просить помощи у Запада, следовательно, Горбачев будет вынужден отступить. Такой анализ вел к выводу: из неизбежного отступления Москвы Запад обязан выжать максимум пользы, так как вслед за вероятным скорым свержением Горбачева в Москве, скорее всего, придут к власти антизападные силы, которые вернутся к прежней конфронтационной политике. Иными словами, в интересах Запада необходимо было, тактически помогая Горбачеву удерживать власть как можно дольше, стратегически ослаблять Советский Союз, остававшийся потенциальным противником США и Западной Европы.

В конце 1989 года на встрече у берегов Мальты на круизном лайнере «Максим Горький» Горбачев и президент США Джордж Буш-старший объявили об окончании холодной войны. К тому времени во всех странах Восточной Европы уже произошла быстрая и бескровная (кроме Румынии) смена политических режимов на демократические и западно-ориентированные; немцы в ГДР поменяли лозунг «Wir sind das Volk» на «Wir sind ein Volk» (т. е. «Мы — народ» на «Мы — единый народ»), национальные движения

в прибалтийских республиках, Молдавии, Грузии открыто требовали отделения от Советского Союза, на Украине активизировался националистический «Рух». Националисты находили все большую поддержку у местной советской номенклатуры, которая стремилась в условиях ослабления союзного центра захватить власть на местах, а с нею и становившуюся ничейной собственность.

Уже осенью 1990 года Германия объединилась, с неохотного согласия СССР оставшись в составе НАТО; восточноевропейские страны с радостью переориентировались с Москвы на Вашингтон и Брюссель. В мае 1991 года Варшавский договор официально прекратил существование, в то время как НАТО не только продолжила существовать, но оставалась открытой для новых членов. Мировой порядок изменился.

.....
Холодная война была закончена. На деле она была проиграна Советским Союзом, и этот проигрыш состоялся не за шахматной доской мировой геополитики, а внутри страны. Руководство СССР не справилось с нараставшим в течение нескольких десятилетий кризисом советской модели социализма. В итоге биполярный мир сменился однополярным во главе с США.

Холодная война закончилась без заключения какого-либо подобия мирного договора. Парижская хартия для новой Европы, подписанная в ноябре 1990 года, провозгласила принципы, многие из которых внешне были созвучны горбачевскому новому политическому мышлению. Тезисы этой декларации, однако, имели отдаленное отношение к реалиям порядка, устанавливаемого по результатам холодной войны. Парижская хартия стала идеологическим

прикрытием нового мирового порядка, создаваемого теми, кто вышел победителем из 40-летней конфронтации, — Соединенными Штатами Америки. В Москве, однако, предпочли иллюзорный тезис о совместной победе СССР и США в холодной войне.

Горбачева принято упрекать в том, что он не добился от западных партнеров юридически зафиксированных обязательств не расширять НАТО на восток⁶⁶. Эти упреки справедливы лишь в малой части. Впервые вопрос о расширении НАТО возник в рамках переговоров об объединении Германии. Горбачев пытался найти альтернативу членству объединенной Германии в НАТО, предлагая вариант нейтральной Германии или даже ее перекрестного членства в НАТО и ОВД. Однако в конце 1989 — начале 1990 года возможностей добиться реализации своих формул у него уже не было. Как только открылись КПП на границе между ГДР и Западным Берлином, восточные немцы хлынули на Запад. На первых свободных выборах, проходивших весной 1990 года, победили партии, выступавшие за роспуск ГДР и вхождение ее земель в состав ФРГ. Летом того же года ГДР вступила в валютный союз с ФРГ на основе западногерманской марки. Государственное объединение двух германских государств, оформленное осенью 1990 года на базе Основного Закона ФРГ, завершило процесс. Коммунистические режимы Восточной Европы были сметены народными революциями осенью 1989 года, на их место пришли прозападные силы. Варшавский договор и СЭВ фактически перестали существовать. В течение 12 месяцев геополитическая, экономическая, военная ситуация в Европе коренным образом изменилась.

Руководство ФРГ активно продвигало процесс объединения Германии, но не на принципах нейтралитета. Оно боялось неизбежного в этом случае одиночества Германии

и настороженного отношения соседей. За 40 лет западногерманские элиты полностью прониклись атлантизмом как основой внешней политики страны. Западноевропейская интеграция создала огромный рынок, заполнявшийся продукцией немецкой промышленности. Понятие «германский интерес» после 1945 года вышло из употребления. Для США — не только старшего союзника, но и куратора ФРГ — членство объединенной Германии в НАТО было абсолютным условием. НАТО без Германии просто рассыпалась бы, Германия вне НАТО могла бы стать неуправляемой. Ни того ни другого вашингтонские лидеры не могли допустить. С США были полностью согласны лидеры Великобритании и Франции, которые вообще не были в восторге от объединения Германии.

Горбачев не имел заранее сформулированной цели и стратегии в германском вопросе⁶⁷. В 1990 году у него уже не было возможности противодействовать ни объединению Германии, ни членству уже объединенной страны в НАТО. В течение десятилетий ГДР была форпостом СССР в центре Европы. «Бархатные революции» в Польше, Чехословакии, Венгрии и других странах Восточной Европы превратили бывший советский плацдарм в остров, окруженный западными странами или государствами, стремившимися присоединиться к Западу. Горбачев сумел настоять на том, чтобы военно-политический статус-кво в результате германского объединения сохранился, но только в пределах самой Германии: силы НАТО не будут размещены на территории бывшей ГДР, там останутся только территориальные войска под национальным германским командованием.

Можно предположить, что Запад взял бы на себя юридически оформленные обязательства не расширять НАТО, если бы это произошло до 1989 года, — в обмен, скажем, на роспуск Организации Варшавского договора, — но в то время идея

соглашения о нейтральном статусе стран Восточной Европы никому в Москве еще не могла прийти в голову, а если бы и пришла, ее бы сочли безумной.

Даже если бы западные партнеры Горбачева взяли на себя внятные политические обязательства — о юридически обязывающих не могло быть и речи: это потребовало бы изменения Вашингтонского договора 1949 года, учредившего НАТО, — такие обязательства, скорее всего, утратили бы силу с распадом Советского Союза.

Можно, конечно, допустить, что в ходе переговоров об объединении Германии Горбачев мог получить больше уступок от американцев по части военно-политических обязательств и от западных немцев — по части материальной компенсации. Вряд ли, однако, эти уступки могли быть значительными. СССР слабел на глазах, и это невозможно было скрыть. «По мере того как мы слабели, экономически прежде всего, — вспоминали будущие финансисты Петр Авен и Альфред Кох, — тон общения с ним (Горбачевым. — Д.Т.) все более ужесточался, появлялись все новые и новые условия»⁶⁸. Советская игра в Европе была проиграна вчистую в течение всего лишь нескольких месяцев 1989 года.

Время начать новую игру — инициировать установление нейтралитета Восточной Европы, запустить поэтапный контролируемый процесс германского объединения — было упущено. Но, если бы Горбачев попытался начать новую игру в 1986–1987 годах, когда это еще было возможно, то такая инициатива с его стороны привела бы не только к обвинениям в предательстве интересов безопасности СССР и измене делу коммунизма, но, скорее всего, к партийно-военному перевороту в Москве.

На самом деле расширение НАТО не было столь большой угрозой безопасности России, как его принято изображать. Да, оно зафиксировало поражение СССР в холодной войне. Оно также лишило Москву влияния в странах, лояльность которых обеспечивалась размещенными на их территории советскими войсками. Оно предоставило возможность Соединенным Штатам размещать войска, базы и военные объекты на границах России, в непосредственной близости от центров управления, штабов и важнейших объектов. Но верно и то, что такое расширение не изменило ситуацию взаимного ядерного сдерживания.

..... *Восточноевропейский пояс безопасности не мог защитить СССР от американского ядерного нападения, и точно так же утрата этого пояса не привела к возможности совершить такое нападение безнаказанно.*

Надо отметить, что вплоть до украинского кризиса 2014 года в Восточной Европе не дислоцировались на постоянной основе войска других стран НАТО и не размещалось ядерное оружие. Даже после этого кризиса в регионе появились только символические контингенты вооруженных сил США и других стран НАТО.

Членство объединенной Германии в НАТО также не представляло для России политической проблемы, тем более не означало увеличения военной угрозы. Напротив, в 1990-е и 2000-е годы Германия была ближайшим партнером России на Западе, даже временами ее адвокатом в НАТО, а также в ЕС и в G7/8. Поддержка Москвой объединения Германии стала финальным аккордом российско-германского исторического примирения. Особенностью этого примирения — в сравнении с германо-французским или

германо-британским — стало то, что достигнуто оно было вне рамок общих интеграционных проектов.

Это примирение долго оставалось важнейшим достижением российской политики в Европе после 1945 года. Партнерство России и Германии начало быстро слабеть только в 2010-х годах, вначале со стороны Берлина — как реакция на отказ Москвы от политики интеграции в западное сообщество, затем с обеих сторон в ходе украинского кризиса и, наконец, на рубеже 2020-х в контексте унификации политики стран НАТО и ЕС в отношении России.

Завершение конфронтации было бы невозможным также без изменения подхода Москвы к правам человека и основным свободам, формально упомянутым в Конституции СССР 1977 года, а также в хельсинкском Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в 1975 году, но не реализуемым в условиях диктатуры КПСС. Горбачев сыграл выдающуюся роль в «раскавычивании» прав человека, ограничении их нарушения властями и начале выполнения государством требований собственного основного закона. На этом направлении лавинообразная либерализация внутренней жизни способствовала улучшению отношений с Западом, и наоборот⁶⁹. В течение всей холодной войны сочетание понятий «политические свободы» и «Советский Союз» являлось оксимороном, но осенью 1991 года в Москве прошло третье заключительное совещание Конференции по человеческому измерению безопасности СБСЕ. Это было не уступкой Западу, а успехом политики гласности и — если иметь в виду поражение мятежа ГКЧП в августе 1991 года — завоеванием всего общества. Общественное устройство Советского Союза на деле становилось более цивилизованным и современным, но хаотичность перемен привела к краху государства.

Таким образом, выход из холодной войны произошел за счет самоликвидации советской зоны влияния в Европе и был закреплён отказом России от коммунистической идеологии и практики и невероятным почти до самого конца существования Советского Союза самоуничтожением.

Тезис о том, что холодная война завершилась без побежденных и победителей, отдает лукавством. Да, то, что народы СССР освободились от пут коммунистической системы, было победой, точнее — освобождением. В то же время 40-летняя конфронтация — политический и идеологический аналог мировой войны — закончилась поражением СССР как государства и той системы, которую он представлял.

Именно падение Берлинской стены — символа раскола Европы — считается моментом окончания противостояния на условиях Запада. Главным же итогом холодной войны на Западе принято считать распад Советского Союза. Это показательно: не социалистической системы, не исчезновение коммунистической альтернативы капитализму, а исчезновение мощного геополитического и военного противника.

Конечно, приписывать президенту США Рональду Рейгану лавры победителя коммунизма — очевидное преувеличение. Судьба коммунистической системы была решена народами СССР и стран Восточной Европы. Эта была не столько победа — сопротивлявшихся было немного, сколько освобождение и самоосвобождение. Что касается судьбы Советского Союза, то его участь решили в основном российские элиты, тяготившиеся обязательствами перед национальными окраинами и стремившиеся к овладению (уже на условиях частной собственности) богатыми ресурсами РСФСР.

Советская армия в 1991 году не только не была побеждена, но, наоборот, находилась на пике своей мощи, однако при этом была совершенно бессильна сохранить государство, которому она присягала: угроза пришла изнутри, а не извне.

Итак, ни коммунизм, ни Советский Союз не пали от чужих рук и не стали жертвами заговора предателей.

В важнейшей социально-политической категории — народном потреблении — советская экономическая модель проиграла соревнование с капиталистической. Советская политическая система оказалась пораженной склерозом и утратила легитимность в глазах населения. Официальная идеология опустилась до уровня лживой пропаганды. Откровенный цинизм верхов, разъедаая систему изнутри, уничтожил остатки доверия к ней со стороны населения. Советская внешняя и особенно оборонная политика требовала огромных ресурсов, удовлетворявшихся за счет подавления внутренних потребностей.

Пример Китая свидетельствует, что трансформация коммунистической системы во что-то более жизнеспособное в принципе возможна. Можно спорить, осуществимо ли было что-то подобное в Советском Союзе и — отдельно — о том, была ли к середине 1980-х годов возможность реформ безнадежно упущена.

По факту приходится признать, что реформы периода перестройки попали в резонанс с кризисом и ускорили гибель советской системы и самого СССР. В то же время именно они обеспечили Советскому Союзу относительно «мягкую посадку». При иных сценариях крушение системы могло бы принять иные формы и привести к другому масштабу потерь.

Поражение в холодной войне покончило с положением Советского Союза как державы, равновеликой Соединенным Штатам Америки. Как только это поражение в конце 1989 года стало фактом, тон американской политики и отношение США к СССР резко изменились. Примером здесь может служить первая война в Персидском заливе. В августе 1990 года Советский Союз немедленно присоединился к США в осуждении вторжения Ирака, с которым у Москвы имелся договор о взаимопомощи, в Кувейт. Впрочем, Багдад, хотя и покупал много советского оружия, платил наличными и никогда не был союзником СССР. Отношения Москвы с иракским диктатором Саддамом Хусейном всегда оставались сложными. Вторжение в Кувейт было неспровоцированной агрессией со стороны Багдада и в этом качестве стало проверкой советско-американского сотрудничества в условиях окончания холодной войны. В СССР согласие Москвы с действиями Вашингтона подавалось как пример взаимодействия еще недавно соперничавших сверхдержав в восстановлении международного мира и справедливости.

Проблема, однако, заключалась в том, что к 1990 году в мире осталась только одна сверхдержава — Соединенные Штаты Америки. Поэтому на практике сотрудничество СССР и США приняло форму присоединения Москвы к политике Вашингтона, а не выработки и реализации совместного подхода. В то время у Советского Союза еще оставалась некоторая возможность вести — хотя и без серьезных шансов на успех — самостоятельную игру на Ближнем Востоке, и США всерьез опасались, что Кремль попытается помешать Белому дому осуществить показательную военную операцию

против Ирака. Конечно, такой разворот означал бы серьезную коррекцию внешнеполитической стратегии Москвы с вероятными последствиями внутри страны, фактически отказу от курса на перестройку.

Горбачев и Шеварднадзе не пошли на такой риск. Попытки Горбачева — при помощи его спецпосланника Евгения Примакова — сыграть вместо этого посредническую роль в иракской истории вызвали откровенное раздражение американской администрации. Проявились и разногласия внутри советского руководства. Министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе отстаивал необходимость действовать вместе с американцами, укрепляя таким образом новую модель отношений на глобальном уровне. Инициатива Горбачева–Примакова потерпела неудачу. Самонадеянный иракский президент Саддам Хусейн не проявил заинтересованности в мирном урегулировании ситуации, а Москва уже не могла серьезно надавить на него.

Излишняя деликатность — на грани попустительства — по отношению к иностранным диктаторам: Саддаму Хусейну, Хафезу Асаду в Сирии, Николае Чаушеску в Румынии, Ким Ир Сёну в Северной Корее, Муаммару Каддафи в Ливии — по-видимому, одна из отечественных внешнеполитических традиций.

Как бы то ни было, дипломатические маневры Москвы не смогли предотвратить Войну в заливе, которая не только уничтожила остатки советского влияния на Ближнем и Среднем Востоке, но и стала символом установления в мире нового порядка — единоличного глобального доминирования США.

Отношения с Западом и особенно с США являлись для политики времен Горбачева, безусловно, приоритетными. Многие другие вопросы — от Афганистана до Восточной Европы и Ближнего Востока, а также многочисленные конфликтные ситуации в «третьем мире» — были также частью этой огромной повестки дня. В то же время Горбачев искал новых стратегических союзников вне западного мира. Таких было немного. Движение неприсоединения, бывшее на подъеме на рубеже 1960-х годов, утратило свои энергию и влияние. Ее лидеры были поглощены внутренними проблемами. Югославия после смерти Тито находилась в предраспадном состоянии, Египет и Индонезия стали союзниками США. Горбачев сосредоточился на Индии и ее лидере Радживе Ганди. Москва и Дели сделали заявку на сотрудничество в реформе миропорядка. В это же время родилась идея тесного взаимодействия трех крупнейших держав в Азии: СССР/России, Индии и Китая (РИК), которая десятилетием позже была сформулирована и озвучена Е.М. Примаковым⁷⁰. Это был верный вектор, значимость которого подтвердилась в дальнейшем. К сожалению, после трагической гибели Раджива Ганди в 1991 году развитие отношений с Индией утратило динамику.

Горбачеву не удалось добиться прорыва в отношениях с Японией, но основной причиной был консерватизм японских лидеров, слишком поздно рассмотревших в Горбачеве перспективного партнера. Важно здесь то, что внешняя политика Горбачева, несмотря на очевидную необходимость уделять основное внимание отношениям с США и странами Европы, во многом преодолела американоцентризм советской политики времен холодной войны и открыла новые

направления международного взаимодействия — с Китаем, Израилем, Южной Кореей, Саудовской Аравией и другими странами. Была сделана попытка оживить связи с такими государствами, как Индия и Япония. Эти заделы были востребованы на следующем этапе эволюции отечественной внешней политики.

• • •

Еще одной новацией эпохи Горбачева было изменение системы принятия внешнеполитических решений. Формально Горбачев встал во главе коллективного руководства страны — Политбюро ЦК КПСС, в котором Генеральный секретарь был скорее первым среди равных, а не единовластным правителем государства. Это руководство, превратившееся в конце 18-летнего правления Брежнева в геронтократию, демонстрировало нарастающую неспособность хотя бы остановить кризисные процессы внутри страны и ослабление позиций СССР на мировой арене. Вторжение в Афганистан без просчета возможных последствий; евроракетный кризис в отношениях с Западом, порожденный разладом между военной и политической стратегиями СССР; глухота к процессам эрозии режимов в Восточной Европе — вот всего лишь несколько ярких примеров функционирования этой системы принятия решений.

Молодой и амбициозный Горбачев быстро взял бразды правления в свои руки, в том числе в международной сфере. Уже спустя несколько месяцев, заменив Андрея Громыко на посту министра иностранных дел Эдуардом Шеварднадзе, он установил фактически единоличный контроль над внешней политикой. Проведя политическую реформу, Горбачев, сохранивший пост главы КПСС, стал также главой государства уже и формально: вначале в качестве председателя

Верховного Совета СССР, а затем — первого и единственного президента СССР. Важнейшие внешнеполитические вопросы теперь уже не решались, как раньше, в Политбюро ЦК, а только обсуждались на президентском совете.

..... Горбачев завершил долгий период формально коллективного
..... руководства внешней политикой и превратил президента
..... страны в главного архитектора этой политики и первого
..... дипломата государства.

При Горбачеве политика впервые после Ленина стала делом публичным. Провозглашенный им курс на гласность неизбежно привел к многоголосию, в том числе в вопросах внешней и оборонной политики. На фоне общего для элиты конфликта условных либералов и консерваторов — еще внутри КПСС — возникло открытое противостояние руководств важнейших ведомств: МИД и министерства обороны. Конфликт касался стратегических вопросов внешней и оборонной политики страны и еще больше обострил внутривнутриполитическую борьбу. Горбачев, будучи одновременно главой партии и государства, играл в этом конфликте роль арбитра. Тем самым он предвосхитил роль главы государства в постсоветской политической системе. При этом внешнюю политику Горбачев по праву считал прерогативой первого лица.

Появление в 1989 году в Советском Союзе работающего парламента с авторитетными и красноречивыми депутатами подключило к публичной дискуссии общественные группы разной политической и идеологической ориентации. Огромное влияние приобрели фактически свободные и преимущественно либеральные средства массовой информации. Вскоре на авансцену выступили народные фронты и номенклатурные элиты союзных республик — протогосударств. Политические

партии еще только начинали создаваться, но КПСС в 1990 году была лишена конституционного статуса ядра советской политической системы, руководящей и направляющей силы общества, и политический и идеологический плюрализм стал реальностью. Именно в этот период были заложены основы современной политической системы России.

Оказавшийся в центре системы, но без прочной политической опоры в виде сплоченного ядра в партии, Горбачев был вынужден все больше маневрировать между быстро умножавшимися группами амбициозных политических игроков. Вопросы внешней политики и обороны стали также предметом ожесточенных споров.

Именно при Горбачеве сформировались два основных лагеря, которые продолжили свою борьбу уже после распада Советского Союза. Это, с одной стороны, те, кто отстаивал политику открытости внешнему миру и позитивного взаимодействия с ним, а с другой — те, кто видел в международных отношениях преимущественно силовую борьбу, в Западе — вечного противника, а саму Россию воспринимал как крепость с двумя надежными союзниками: армией и флотом.

УРОКИ

Главным уроком эпохи Горбачева стало то, что военной мощи и политического суверенитета недостаточно не только для успешной внешней политики, но и для самого существования государства. Советский Союз рухнул на пике мощи своих вооруженных сил. Звучит банально, но основой внешнеполитического равновесия являются здоровая экономика и стабильная политическая система.

Равновесие в советской внешней политике было нарушено в 1988–1989 годах, когда нараставшие экономические трудности в СССР заставили руководство страны искать кредиты за рубежом. Москва не выучила урока, преподанного ей восточноевропейскими союзниками в 1970–1980-х годах. Практически не имея вплоть до второй половины 1980-х годов значительного внешнего долга, СССР на рубеже 1990-х быстро превратился в крупного заемщика⁷¹.

Финансовая зависимость СССР от США и Запада оказывала влияние не только на внешнюю, но и на внутреннюю политику Москвы. С 1989 года влияние США на ситуацию внутри СССР стало быстро нарастать. Основные политические фигуры тогдашнего СССР искали поддержку влиятельных кругов в Вашингтоне и других западных столицах. К концу 1991 года Вашингтон превратился фактически во внешнего арбитра политических процессов в распадавшемся СССР.

Успешная внешняя политика нуждается в достаточном уровне поддержки внутри страны. Речь идет, с одной стороны, об общественной поддержке, а с другой — о базовом консенсусе внутри политического класса. Что касается общественной поддержки политики перестройки, то она начала ослабевать уже с 1987 года, когда проявилось расхождение между позитивной оценкой внешней политики и критикой множившихся неудач внутри страны⁷². В такой ситуации общество начинает упрекать руководство в чрезмерном увлечении внешней политикой в ущерб внутренней.

Политический класс Советского Союза, до тех пор представленный жестко дисциплинированной партийно-хозяйственной номенклатурой, в условиях реформ начал быстро расслаиваться по интересам и идеологическим установкам. Начиная с середины 1990 года в Москве постепенно устанавливалось фактическое двоевластие структур СССР

и возрождавшихся властных органов РСФСР, подрывавшее способность союзного центра выступать от имени всей страны.

Двоевластие не только приводило внешних партнеров Москвы в замешательство, но и открывало перед ними возможности. Любые попытки объединения с иностранными партнерами в борьбе с политическими противниками или конкурентами в собственном лагере являются абсолютно неприемлемыми, потенциально губительными для страны⁷³.

Усилия по повышению эффективности внешней политики и совершенствованию международных отношений должны основываться на реализме как важнейшей методологической основе внешней политики и на национальных интересах как ее постоянном ориентире. Во внутренней политике Горбачев неизменно проявлял себя искушенным и прагматичным тактиком, не склонным к сантиментам и особым проявлениям дружеских чувств. Напротив, во внешнеполитических делах он нередко страдал прожектерством и поддавался иллюзиям и искушениям. В своих рассуждениях о приоритете общечеловеческих ценностей и интересов Горбачев дошел до фактического игнорирования реальности силовых соотношений и балансов как основы международных отношений. Он постулировал баланс интересов в качестве альтернативы якобы отжившему свой век балансу сил. Это была грубая, принципиальная ошибка.

Отказываясь от сверхдержавного соперничества с США, Горбачев призывал соизмерять цели политики с имеющимися средствами⁷⁴. Он провозгласил принцип разумной достаточности. Это было принципиально важное заявление. Проблема в том, что достижение Советским Союзом стратегического паритета с США на рубеже 1970-х годов, фактически означавшее стабилизацию взаимного ядерного сдерживания,

было воспринято многими в Советском Союзе как свидетельство подлинного равенства двух сверхдержав. На самом деле СССР никогда не был полноценной сверхдержавой и не мог себе позволить всего того, что могли позволить США. Горбачев призвал отечественную номенклатуру трезво смотреть на реальные возможности страны, не поддаваясь собственной пропаганде. Этот урок остается актуальным по сей день.

Горбачев делал упор на политические средства достижения внешнеполитических целей — в отличие от военных и идеологических. Перенос акцента был верен: во внешней политике советского периода акцент в решении международных проблем традиционно делался на военную силу. Кроме того, с 1970-х годов Брежнев фактически дал военным монополию на решение вопросов внешней безопасности страны — подобно тому, как внутренняя безопасность являлась монополией КГБ. Военные в свою очередь действовали в соответствии с простой логикой: чем больше оружия, тем крепче безопасность страны. В результате в экономике произошло колоссальное перенапряжение сил, а во внешней политике появились серьезные проблемы — от американских ракет средней дальности в Европе до зашедшей в тупик военной операции в Афганистане, — решать которые пришлось в горбачевский период.

Горбачев считал, что у Советского Союза накоплен избыточный запас прочности в военной области, что было правдой. В своем стремлении удешевить ставшую слишком дорогой внешнюю политику СССР он начал действовать в духе нового политического мышления. Главным ресурсом Москвы стали размены в политической и военной областях — там, где унаследованные Горбачевым позиции были избыточны. Проблема заключалась в том, что других, невоенных средств, прежде всего экономических, в арсенале советской внешней

политики было немного. Горбачев мог рассчитывать также на политико-пропагандистский капитал перестройки, силу собственного обаяния, свою способность убеждать собеседников. Здесь он, к сожалению, просчитался. Лично Горбачева на Западе после первоначальной короткой заминки приняли хорошо, стелили мягко, но как с руководителем СССР обошлись с ним жестко, в полной мере используя слабости и проблемы страны.

Важнейшей чертой внешней политики Горбачева стал отказ от применения силы в Восточной Европе. С самого начала заявив руководителям социалистических стран, что они сами в ответе за свои страны, Горбачев фактически дал им понять, что на советскую интервенцию для спасения социализма в духе доктрины Брежнева они больше рассчитывать не могут. В 1989 году советское руководство отказалось задействовать Западную группу войск для сохранения ГДР и предотвращения объединения Германии. С одной стороны, это предотвратило конфликты с крайне опасными последствиями, с другой — просигнализировало номенклатурам и обществам в Восточной Европе, что на их пути на запад не встанет советский танк.

Справедливости ради стоит отметить, что отказ от применения силы в Восточной Европе не распространялся на Афганистан, где в преддверии заключения соглашения о выводе войск СССР провел наступательную операцию, и на действия внутри страны против участников массовых протестов в Тбилиси, Вильнюсе и Риге. Наиболее неприглядная сторона этой истории — то, что Горбачев не взял на себя ответственность как Верховный главнокомандующий за эти решения, попытался свалить вину на военных и тем самым еще больше дискредитировал союзную власть. Важный урок для лидера государства.

Новое политическое мышление постулировало себя как основывающееся на общечеловеческих ценностях, которые в реальности представляли собой ценности западного общества первой половины 1980-х годов. В некоторых интерпретациях нового мышления его носители шли дальше, заявляя о своей приверженности общечеловеческим интересам. Горбачева и его соратников впоследствии часто обвиняли в том, что они приносили государственные интересы СССР в жертву этим якобы общечеловеческим интересам, за которыми фактически скрывались интересы коллективного Запада. Эти обвинения очевидно политизированы, но надо учитывать, что наличие общечеловеческих интересов — предотвращение ядерной войны, защита окружающей среды — не отменяет различия между интересами государств в процессе обеспечения общих интересов.

Справедливости ради нужно отметить, что подчинение интересов российского государства якобы высшим интересам имеет давнюю традицию в истории отечественной внешней политики⁷⁵. В XVIII веке российские монархи вступали в войны (например, в Семилетнюю), руководствуясь некими «европейскими интересами» (фактически поддержания баланса сил, о чем особенно заботилась Англия, покупавшая в этих целях военные услуги германских государств и России), в первой половине XIX века, при Александре I и Николае I, русская политика ориентировалась на принципы легитимизма, то есть поддержки монархического права на борьбу с революциями, а в первой половине XX столетия, наоборот, на идею разжигания всемирной классовой борьбы под красным знаменем пролетарского интернационализма. Подчинение внешней политики России каждой из этих миссий требовало от страны существенных и бесполезных жертв.

Горбачеву и его сподвижникам явно не хватило цинизма в общении с западными лидерами. Угнетенные комплексом неполноценности, претендуя на высокое звание европейцев и негласно считая Запад высшей формой цивилизации, что, вообще говоря, было типично для позднесоветского сознания как элиты, так и массового, они «вели игру слишком честно»⁷⁶. Западные партнеры, напротив, демонстрировали жесткий прагматизм в продвижении своих интересов — ослабления, а затем устранения потенциальной угрозы со стороны СССР, ликвидации советской зоны влияния в Восточной Европе, объединения Германии, но под собственным контролем в рамках НАТО⁷⁷, — которые расходились с целями Горбачева, стремившегося использовать сотрудничество с США для успеха перестройки. Эту проблему — дефицит цинизма — удалось решить, причем с лихвой, только с помощью жесткого и нередко жестокого опыта становления современного российского капитализма в 1990–2000 годах.

Горбачев, как и все советские руководители послевоенного периода, был чрезвычайно сосредоточен, даже зациклен, на отношениях с США. Завершая холодную войну на условиях односторонней сдачи советских геополитических позиций, он всерьез рассчитывал на установление дружественной советско-американской совместной гегемонии в мире⁷⁸. Лидеры США со своей стороны рассчитывали на партнерство с горбачевским Советским Союзом — но такое, в котором Соединенные Штаты играли бы ведущую, лидерскую роль, а СССР являлся бы послушным ведомым, подобно всем союзникам США. Фактически это означало бы вариант западногерманской или японской модели отношений с США после 1945 года: ведь США не просто завершили холодную войну, как СССР, а выиграли ее. Горбачев, по-видимому, понимал это, когда в 1990 году заверял госсекретаря

Бейкера, что «мы хотим быть рядом с вами в любой ситуации»⁷⁹. Это заверение, однако, было равносильно признанию поражения. Зацикленность на отношениях с США — будь то конфронтационных или квазисоюзнических — деформирует российскую внешнюю политику.

Проникнувшись постулатами нового политического мышления, Горбачев, Шеварднадзе и их помощники переоценивали возможность установления взаимного доверия с США и Западом в целом. При этом доверие трактовалось примерно так, как оно понимается обычно между людьми. С точки зрения западных, особенно американских, лидеров, доверять — и то в очень ограниченных, контролируемых пределах — можно было только тем, кто отказывался от претензий на самостоятельную политику. Фактически это было доверие к подчиненным. Из этого следует урок: доверие во внешней политике может существовать только в форме предсказуемости.

Значение личных отношений с президентами и государственными секретарями США преувеличивалось. Несмотря на внешнюю сердечность этих отношений, американские лидеры никогда не воспринимали Горбачева как равного. То же самое относится ко всем советским и российским лидерам — от Брежнева⁸⁰ до Путина.

Анализ внешней политики горбачевского шестилетия демонстрирует, что выдвижение в самом начале пути верных и ясных целей не сопровождалось выработкой соответствующей стратегии их реализации. В результате вскоре после первоначальной активизации внешней политики, которая сразу же начала приносить репутационные плоды, Москва утратила инициативу. Взятый высокий темп поддерживался и даже ускорялся, но при том, что политика СССР попадала во все большую зависимость от более сильных и опытных

иностранных партнеров, прежде всего США. Принцип «Главное — ввязаться в бой, а потом посмотрим» абсолютно неприемлем для внешнеполитической практики.

Многие проблемы отечественной внешней политики — не только горбачевского периода — продиктованы *слабостью аналитической проработки вопросов*. Характерно, что наиболее грубые ошибки допускались там, где руководство страны было абсолютно уверено в своей компетентности и не считало необходимым заказывать специальные исследования или прислушиваться к экспертным оценкам. В горбачевский период это были отношения с союзными странами Восточной Европы, с руководством которых Москва была связана теснейшим образом.

Несмотря на постоянно декларируемую приоритетность союзных стран, Восточная Европа практически находилась на периферии внимания советского руководства, прочность позиций СССР там воспринималась как данность, внутренние процессы всерьез не отслеживались. В итоге Горбачев подарил союзникам свободу, но те вместо совершенствования социализма свергли просоветские режимы, отвергли коммунистическую систему и отвернулись от СССР. Особенно тяжелые последствия имел просчет относительно жизнеспособности ГДР, которая уже с начала 1980-х годов, существуя под жестким идеологически-полицейским прессом местного партийного режима, подпадала во все большую финансово-экономическую зависимость от ФРГ. Этот урок не был выучен и в постсоветский период — теперь уже в отношении стран СНГ, особенно Украины и Белоруссии.

Дефицит реализма был характерен в советский период и для отношений с клиентами в третьем мире. Сокращение этого дефицита началось при Горбачеве, но шло болезненно. Руководство Афганистана и других так называемых стран

соцориентации представлялось более послушным, чем это было на самом деле. Отношение к «братским народам» было явно идеалистическим. Такой подход сохранился и до наших дней, о чем свидетельствует отношение к «пророссийским» армянам, или киргизам, или к украинцам и белорусам как к «одному народу» с русскими.

Наконец, горьким уроком стало *бросовое отношение к бывшим союзникам — не государствам, а людям* — во время геополитического отступления. В ходе германского объединения СССР не обговорил с правительством ФРГ гарантий для различных категорий деятелей упразднявшейся ГДР — начиная с многолетнего партийного руководителя Эриха Хонеккера и кончая военнослужащими восточногерманской Национальной народной армии и сотрудниками спецслужб ГДР.

• • •

Как и во внутренних делах, Горбачев запустил во внешней политике процесс фундаментальных перемен, но не смог постоянно направлять и контролировать его. Конечно, на международной арене у советского руководителя не было той власти, которая принадлежала ему внутри страны, но те существенные ресурсы, которые у него изначально имелись, оказались растрочены очень быстро. Проблемы, с которыми столкнулся последний Генсек ЦК КПСС, были колоссальными. Никогда в будущем, однако, у хозяина Кремля не будет таких возможностей, какие были у Горбачева в 1985 году. Его преемникам пришлось учиться действовать с позиции относительной слабости.

По вековой традиции определение курса внешней политики России — обязанность и привилегия первого лица. Лишь в отдельные периоды — от смерти Ленина до воцарения Сталина и после отстранения Хрущева до прихода

к власти Горбачева — она проводилась не только от имени коллективного руководства, но и на самом деле коллективными, хотя и не всегда скоординированными, усилиями.

⋮ *Горбачев формально восстановил в России традиционный персоналистский режим, который укрепился при Ельцине и достиг пика при Путине.*

В настоящее время этот режим отличается гораздо большей закрытостью системы принятия решений. Внешняя политика в рамках такого режима в очень большой степени зависит от личных качеств и способностей первого лица. Плюсами являются особая секретность и быстрота принятия решений, их неожиданность временами для оппонентов, высокая маневренность. В то же время личные слабости суверена-самодержца — тщеславие, ощущение собственного величия, самонадеянность, приверженность собственным идеологическим концепциям или личным представлениям — могут сыграть негативную роль.

Горбачеву в первое время удавалось проводить внешнеполитический курс, умело нейтрализуя партийную номенклатуру или предупреждая ее сопротивление. Идеологические ортодоксы, которых было немного, и военные круги, чей престиж был омрачен, но не подорван посадкой немецкого летчика на Красную площадь⁸¹, не могли сочувствовать курсу на ревизию основ советской политики и на примирение с Западом. Горбачев, однако, сумел в конечном счете переиграть их и добиться внешнего послушания. Но его победа оказалась неполной. В конечном счете советская верхушка в августе 1991 года неудачно попыталась взять реванш и окончательно развалила как КПСС, так и СССР. В связи с этим урок Горбачева для будущих руководителей сводится

к необходимости эффективной поддержки внешней политики со стороны важнейших институтов политической системы страны.

Поддержки одних только институтов, однако, недостаточно. В условиях прогрессирующего ухудшения материального положения населения Горбачеву не удалось сохранить высокий уровень массовой поддержки своей политики. Опора на либеральные круги, интеллигенцию — на фоне нараставших внутренних проблем — привела к отрыву формального лидера от большинства населения страны. Утрата доверия к Горбачеву в стране росла по мере того, как он все больше увлекался внешнеполитической повесткой. Горбачев оказался самым популярным отечественным руководителем в мире и по праву: он действительно много сделал для, как говорилось в годы холодной войны, мира во всем мире. Западную общественность на короткий период времени охватила подлинная «горбимания». Под ее влияние подпал и сам инициатор перестройки, чья популярность внутри страны с конца 1980-х годов столь же стремительно падала.

Это упрек не только Горбачеву. Для российской политической культуры после Петра I характерно обостренное внимание к тому, как Россию, ее лидеров, армию, экономику, культуру, науку воспринимают на Западе. В этом сказывается комплекс вечно догоняющего, не вполне уверенного в себе, но при этом амбициозного провинциала, стремящегося быть принятым в высшем обществе. Такая позиция имеет под собой исторические основания, она может быть полезной в той мере, в которой помогает усваивать лучшее, что есть в мире, и одновременно позволяет в чужом зеркале увидеть собственные недостатки. Она же, однако, может сформировать пиетет перед западными образцами

и склонность придавать чрезмерное значение лестным замечаниям и при этом заставлять реагировать на ничтожные выпады.

В России, таким образом, с преувеличенным вниманием следят за тем, как страна воспринимается во внешнем мире, и ценят, когда ее руководителей — представителей страны — уважают за рубежом, но критически относятся к тем, кто, как считают, предпочитает заниматься внешними делами в ущерб внутренним. Первым из советских вождей это почувствовал на себе Никита Хрущев в 1960-е годы. Михаил Горбачев стал следующим. Контраст между его внешнеполитическими достижениями и неудачами во внутренних делах стал очевиден уже в 1988 году⁸². Когда, заметив это, Горбачев попытался компенсировать внутренние неудачи внешними успехами, ситуация только усугубилась⁸³.

В октябре 1990 года Горбачев стал лауреатом Нобелевской премии мира. Он действительно сделал очень много для укрепления мира и международной безопасности. Присуждение, однако, произошло в то же самое время, когда в ряде регионов СССР — в частности, в Нагорном Карабахе — уже полыхали межэтнические конфликты, вызванные хаотичной демократизацией. Горбачеву было присвоено звание почетного гражданина Берлина, но одновременно с объединением Германии происходило разрушение Советского Союза — не только как геополитической конструкции, но и как единой экономики, системы социальной поддержки, общего гуманитарного пространства. Для многих в СССР плоды внешней политики горбачевского периода были горькими. Широко разрекламированная конверсия военного производства оказалась иллюзией. Вывод войск из Европы зачастую был организован крайне плохо, офицеры с семьями размещались в «чистом поле».

Советский Союз необязательно должен был рухнуть в 1991 году. На протяжении десятилетий холодная война не подтачивала его положение, а скорее укрепляла его. Гонка вооружений была изматывающей, но не она погубила СССР.

.....
*Советский режим не пал на поле боя, а испарился
 в дружеских объятиях тех, кто еще недавно был его
 злейшим врагом.*

Гибельной для системы оказалась не самая страшная и кровопролитная война в российской истории, а разрядка напряженности — не только военной, но и идеологической, которая лишила режим смысла существования. Но не хитрые иностранцы и их давление на СССР, которое привело к последней разрядке, были причиной гибели страны. Отождествление режима с государством, а государства, в свою очередь, со страной погубило советскую инкарнацию исторической России. Это — важнейший вывод из опыта СССР.

Горбачев был последним хозяином великой евразийской империи. Великодержавный российский национализм Ельцина ему претил. Окончательным ударом для Горбачева стал украинский референдум 1 декабря 1991 года, на котором подавляющее большинство высказалось в пользу независимости этой второй крупнейшей советской республики. Начиная с 1989 года быстрое становление и распространение национализма в союзных республиках застало Москву врасплох, справиться со стремительной суверенизацией имперских окраин становилось все труднее. В трудных переговорах с главами республик Горбачев пытался спасти Союз на новой, фактически конфедеративной платформе. Противники президента СССР, отстранившие его от власти на три августовских дня 1991 года, и конкуренты — прежде всего

Борис Ельцин, избранный в июне 1991 года президентом РСФСР, — не дали ему шанса. СССР рухнул, Горбачева в Кремле сменил Ельцин — уже как президент Российской Федерации.

· При всей несхожести личностей Горбачева и Ельцина и их
· политических целей новая российская внешняя политика
· оказалась в большей степени преемственной горбачевской,
· чем можно было представить в момент распада СССР.

ЕЛЬЦИНСКИЕ ДЕВЯНОСТЫЕ

Как и шестилетнее правление Горбачева, восьмилетняя ельцинская эпоха — с 1991 по 1999 год — в наши дни обычно резко критикуется. Это традиционно для отечественной политической культуры последних 100 лет: деяния непосредственного предшественника, представляемые в критическом свете, должны служить фоном для достижений действующей власти. Тем не менее и действующий политический режим, и существующая политэкономическая система страны корнями уходят именно в «лихое десятилетие 1990-х». Внешняя политика этого времени часто изображается как период слепого следования указаниям «вашингтонского обкома». Зависимость постсоветской России от США была налицо, но реальность, конечно, сложнее. Прежде всего нужно иметь в виду, что ельцинская эпоха во внешней политике — это два периода: от Беловежской Пуши до конца 1995 года и затем с начала 1996 года до отставки Бориса Ельцина в 1999 году. Первый период связан с именем министра иностранных дел Андрея Козырева, второй — сменившего его Евгения Примакова, но не все дело в личностях. Каждый из этих двух периодов отражал не столько ориентацию министра или изменившиеся предпочтения президента, сколько преобладавшие настроения в элитах и обществе.

В отличие от Горбачева и горбачевцев, стремившихся, но так и не сумевших трансформировать Советский Союз по социал-демократической модели, Ельцин и его соратники сознательно разрушали советскую коммунистическую систему и сам СССР. Им это удалось. Но им также удалось, опираясь на заделы горбачевской эпохи, особенно в области внешней политики, качественно изменить политическую

и экономическую системы, социальную и идеологическую структуру страны и включить Российскую Федерацию в глобальное сообщество, в котором доминировал Запад во главе с США. На этом пути были огромные, страшные и часто неоправданные потери, совершались колоссальные преступления, так что цена перемен оказалась запредельной, но в результате в России победил капитализм, а сама Россия оказалась интегрированной в мировую экономику и политику.

Борьба руководителей РСФСР в 1990–1991 годах за суверенитет республики и ее независимость от Союза, конечно, была фикцией⁸⁴. В реальности происходила политическая и идеологическая борьба за Россию между различными фракциями и эшелонами советской элиты.

... *Нужно говорить не о независимости, а о другом (хотя и с оговорками): о выходе России на рубеже XXI века из имперского состояния, о начале формирования в центре распадавшейся империи многонационального **российского** государства*⁸⁵.

В 1990–1991 годах элиты в центре страны столкнулись с вопросом, что делать: притормозить на крутом повороте, на который внезапно вырулила почти потерявшая управление машина перестройки, или, наоборот, прибавить скорость. К первому склонялся Горбачев, за второе выступали Ельцин и радикальная часть номенклатуры и интеллигенции, которая его поддерживала и направляла.

Ельцинская «борьба с империей», таким образом, была борьбой с Кремлем, точнее — за Кремль. В личном противостоянии Ельцина и Горбачева отразилось то двоевластие (номенклатуры РСФСР и союзной бюрократии), которое

сыграло решающую роль в расшатывании и конечном развале Советского Союза. Этот драматический пример свидетельствует об опасности жесткого политического раскола в России, который ведет не к разделу власти по горизонтали и вертикали и упорядоченному чередованию президентских администраций или правительственных кабинетов, а к полной победе одной из сторон при подавлении, а иногда и уничтожении проигравшей. В итоге гибель государства и распад страны оказались побочным результатом раскола в ее властвующей верхушке.

Ельцин стал выразителем стремления номенклатуры РСФСР сбросить геополитический балласт и обременительные обязательства, отпустить в свободное плавание другие республики СССР, а самой взять под контроль богатые природные ресурсы России. Историческая метрополия устала от своей имперской миссии, от постоянного перераспределения ресурсов страны в пользу национальных окраин. Окраинные республики либо просто отрезались, отпускались на волю, как Прибалтика, либо выталкивались вовне, как Средняя Азия. Еще до формального роспуска Союза РСФСР заключила межгосударственные договоры с рядом республик, признававшие их суверенитет и границы.

Это не было чистым волюнтаризмом. Рост национального самосознания и национализма на периферии Союза уже с начала 1970-х годов стимулировал рост российского и русского самосознания в РСФСР. В то время как одни стремились привести в порядок собственный запущенный российский дом, другие готовились переписать на себя его наиболее ценные активы. Роспуск Советского Союза — наследника и продолжателя Российской империи — стал свидетельством силы выпущенного на волю эгоизма под национальными знаменами, причем как на окраинах конструкции, так и в ее центре.

Выватив власть у ослабевшего Горбачева и — что важнее — сумев удержать ее, Ельцин продолжил и развил с крепким в значительно больший радикализм многие основные линии горбачевской внутренней и внешней политики⁸⁶. Если Горбачев стремился идти от разрядки к партнерству с Западом, то Ельцин попытался сделать следующий шаг — к союзничеству с бывшим противником. Сокращение вооружений путем сложных договоренностей с США и НАТО превратилось при нем не столько в новые договоры, сколько в демилитаризацию — многократное сокращение военных arsenалов и военно-промышленного комплекса России; идея сотрудничества с США обернулась следованием за США; лозунг общеевропейского дома сменился желанием России вступить в НАТО и ЕС. Взамен горбачевской конвергенции на социал-демократической платформе Ельцин воспринял либеральную идею исторического примирения России и Евро-Атлантики путем присоединения *антисоветской* России к победившему Советский Союз Западу. Основой примирения при этом должны были стать не некие общие ценности, а всесторонняя и последовательная вестернизация России как актуальная форма модернизации страны.

Надо иметь в виду, что основное внимание групп, пришедших к власти в России вместе с Ельциным, было сосредоточено на фактически бесплатной, проведенной при помощи административного ресурса, приватизации наиболее перспективных активов советской экономики, разделе материального наследия СССР. Конкретные внешнеполитические сюжеты для этих «новых людей» значили мало, главным было создание максимально свободных условий для частной экономической деятельности внутри страны и движения капиталов через границы РФ. Деньги делались в России и в основном выводились за рубеж.

На некоторое время понятие национальных интересов фактически исчезло из российской политики. Для людей, деливших с помощью заинтересованных ими чиновников бывшую общенародную собственность, единственным значимым интересом был их личный сугубо материальный интерес, в то время как идеологи российской внешней политики говорили об общих интересах цивилизованного мира — то есть, по сути, об интересах Запада, которые теперь признавались универсальными и соответственно становились также интересами России.

Отторжение Россией коммунизма, как считали российские либералы и демократы, снимало главное препятствие на пути возвращения страны в семью цивилизованных государств, из которой она была исторгнута большевиками. Отказавшись от коммунистической идеологии и имперской или державной практики в качестве ориентира внешней политики Москвы, новые российские власти тут же сделали другой выбор — в пользу либеральной демократии. Идеологическая смена вех предопределила новый геополитический выбор. Отказавшись от евразийской империи и глобальной конкуренции с США, Россия сосредоточилась на выстраивании «нормальной страны», интегрированной в мировую систему американского лидерства. В качестве утешительного приза Москва надеялась получить в этой системе не столько влиятельное, сколько комфортное положение. За образец брались, в частности, Франция и Канада⁸⁷.

Ни Ельцин, ни большинство его соратников не были идеологами. Ими двигала не идеология, а политическая целесообразность. Для успешной борьбы вначале с горбачевским союзным центром, а затем с политическими противниками внутри самой России («коммуно-патриотами»,

«красно-коричневыми»), Ельцин и его окружение сделали ставку на поддержку реальных победителей в холодной войне — коллективного Запада, прежде всего США. Аргументация была похожа на ту, которая уже использовалась в конце 1980-х годов. Если тогда говорилось о необходимости спасти перестройку, то в 1990-е годы речь шла о предотвращении коммунистического реванша. Собственная судьба правящей элиты, таким образом, отождествлялась с судьбой страны. Для этих целей наиболее удобной идейной позицией оказался жесткий антикоммунизм, который уже помог разрушить советскую систему. В условиях относительной слабости Ельцина и демократов внутри страны опора на Запад — прежде всего на США — была фактически безальтернативным средством удержания власти. Проамериканский курс тогдашнего Кремля был продиктован прежде всего расчетом.

В драматические дни августовского путча 1991 года министр иностранных дел РСФСР Андрей Козырев в публикации в газете *The Washington Post* обращался за помощью к американской элите. С этой же целью он встречался в Париже с президентом Франции, а в Брюсселе — с госсекретарем США. О соглашении, достигнутом в декабре 1991 года в Беловежской Пуще, Борис Ельцин сообщил президенту США Джорджу Бушу-старшему раньше всех, в том числе Горбачева. В 1996 году глава предвыборного штаба Ельцина Анатолий Чубайс призвал на помощь американских политтехнологов для победы Ельцина на президентских выборах.

⋮ *В истории России подобные случаи использования*
 ⋮ *иностранной политической поддержки редки и, как правило,*
 ⋮ *свидетельствуют о чрезвычайной слабости не только*

... действующей власти, но и государства. В конечном счете такие попытки обычно оканчиваются неудачно, с большими потерями для вызывающих о помощи и для страны в целом.

Особенно важной для Кремля была материальная поддержка Западом рыночных реформ. Правительственная команда Егора Гайдара и кабинет Виктора Черномырдина в массовом порядке приглашали американских и других западных советников для оказания технической помощи в трансформации российской экономики. Российский бюджет на протяжении ряда лет критически зависел от кредитов Международного валютного фонда, предоставлявшего помощь траншами в зависимости от того, насколько строго правительство России следовало рекомендациям фонда. Постсоветская Россия Ельцина фактически выстраивалась по западной модели — конституционной, политической, экономической, идеологической. Эта модель, как вскоре выяснилось, не могла сразу заработать из-за разницы в политической культуре, отношении к собственности, а также из-за сложившихся вековых традиций.

Подобно тому, как конвергенции не получилось из-за обвала одного из конвергентов, попытка интеграции России в западное сообщество натолкнулась на сопротивление как верхов, так и низов. Верхи, допустившие Гайдара и его команду к управлению, чтобы разрушить советскую модель, не дали реформаторам провести последовательные рыночные преобразования. Вместо свободного рынка в России победил госкапитализм — вначале в специфической олигархической форме. Надежды низов на быстрое улучшение жизни быстро развеялись, их недовольство было направлено на «горе-реформаторов». Средний же класс, который был заинтересован в модернизации страны и готов ее принять,

оказался чрезвычайно ослабленным по сравнению с поздним советским периодом.

В то же время российские реформаторы встретили упорное нежелание США и стран Европы на деле способствовать полноформатной интеграции России в западное сообщество. Обнаружилось и еще одно непреодолимое препятствие. Россия могла бы стать младшим союзником США и без глубокой интеграции в социально-политическую и идеологическую систему Запада. Таких стран в период холодной войны, да и после нее было немало. Однако российский правящий класс, особенно военные, спецслужбы и дипломатические службы, даже после ротации при переходе от СССР к РФ и отказа от сверхдержавных амбиций в целом сохранил представление о своей стране как о великой державе. Сторонников ориентации на французский и тем более канадский статус оказалось немного.

Ельцин надеялся на реальную помощь Америки и Европы в экономической трансформации России. С этой целью он собирался заключить союз с Западом, как он говорил, наподобие Антанты⁸⁸. Он и его советники не учитывали следующего.

... *Политическое устройство современного Запада, возникшее в 1940-е годы, основано на безусловном лидерстве одной страны — США. Других великих держав в составе объединенного Запада нет и быть не может.*

Первыми это осознали британцы, вынужденные еще в ходе Второй мировой войны довольствоваться так называемыми особыми отношениями с Вашингтоном, на деле означавшими зависимость от США и полную подчиненность им. Автономный статус Франции во времена президента

Шарля де Голля во многом был видимостью, создававшейся самой фигурой генерала, масштабом его личности. Надежды Москвы на то, что Россия сможет стать своего рода вице-президентом коллективного Запада, были основаны на факторах, которые в условиях окончания холодной войны перестали быть решающими, — таких как наличие обширной, богатой ресурсами территории и огромного ядерного арсенала. В то же время быстрое и колоссальное ослабление мощи России — экономической, демографической, научно-технической, военной (кроме ядерной), которое из Кремля виделось как временное, в глазах США и Запада переводило Россию в разряд *бывших* великих держав.

Итак, если неудача быстрой демократическо-рыночной трансформации России сделала невозможной социально-экономическую интеграцию страны в западное общество, то неготовность российских верхов и общества в целом принять руководящую роль Вашингтона стала непреодолимым препятствием на пути формирования стратегических союзнических отношений с США. К этим выводам в России и на Западе пришли примерно одновременно — к 1994–1995 годам⁸⁹.

К этому времени относится начало коррекции внешнеполитического курса Кремля в сторону большего реализма. Еще в 1992 году в российском внешнеполитическом сообществе началась дискуссия на тему национальных интересов страны. В августе 1993 года российские военные и политические круги успешно оспорили позицию президента Ельцина, поначалу не возражавшего против присоединения Польши к НАТО. Тема расширения Североатлантического альянса, по-видимому, стала поворотным пунктом. Односторонние действия США в бывшей Югославии и их усилия по расширению НАТО на восток усиливали настроения в пользу

построения независимой от США внешней политики России. Символически смена ориентации выразилась в начале 1996 года в замене Козырева в качестве министра иностранных дел Примаковым.

Смена курса поначалу не была резкой. Согласившись в 1995 году на участие России в миротворческой операции НАТО в Боснии и Герцеговине, где российский контингент номинально подчинялся американскому верховному главнокомандующему НАТО, Москва пыталась играть роль посредника между Белградом и Вашингтоном. Опыт посредничества между равноправным сербским лидером Слободаном Милошевичем и единственной мировой сверхдержавой оказался неудачным. Ни одна из сторон не была настроена слушать Москву. Столь же неудачной и по тем же причинам оказалась новая попытка уже постсоветской Москвы посредничать между Багдадом и Вашингтоном. Россия, ослабев до уровня финансово-политической зависимости от Запада, утратила реальные рычаги влияния на ситуацию за пределами бывшего СССР, где остатки влияния еще сохранялись.

Окончательно период общей ориентации российской внешней политики на США и Запад завершил косовский кризис 1998–1999 годов. В марте 1999 года Евгений Примаков, ставший после дефолта 1998 года председателем Правительства России и в этом качестве направлявшийся с визитом в США, приказал развернуть свой самолет над Атлантикой, узнав о начале натовских бомбардировок Сербии и Черногории. Президент Ельцин в этой обстановке принял два важных решения, внешне противоречивших друг другу. Он поручил бывшему премьер-министру Виктору Черномырдину добиться от Милошевича уступок западным требованиям с целью прекращения войны⁹⁰, а когда требуемые уступки были сделаны, согласился с предложением начальника

Генерального штаба Анатолия Квашнина без согласования с Западом направить российских десантников в Косово для захвата и удержания там плацдарма. Это второе решение Ельцина вызвало первое после окончания холодной войны противостояние российских и натовских войск⁹¹. В отношениях Москвы и Запада наступило похолодание. В ноябре 1999 года, незадолго до своей отставки, Ельцин посоветовал президенту США Биллу Клинтону «ни на минуту не забывать», что в лице России Вашингтон имеет дело с ядерной державой. Так окончилась беспрецедентная попытка интеграции России в систему союзов во главе с США.

УСПЕХИ

Внешняя политика времен Ельцина продолжила курс позднего Горбачева на встраивание в современный мир преимущественно через сотрудничество с победившим Западом, но, как уже отмечалось, в гораздо более радикальном варианте. В 1990-е годы речь уже шла не о конвергенции сторон, а о встраивании России в глобальную систему, во главе которой стояли США. Потерпев в конечном счете неудачу на этом пути, Россия, опираясь на инерцию, набранную в конце 1980-х, тем не менее во многом преуспела, став гораздо более свободным, современным и широко открытым миру обществом. У российской внешней политики этого периода было немало конкретных достижений.

Российской Федерации в качестве государства — продолжателя СССР удалось унаследовать статус Советского Союза как постоянного члена Совета Безопасности ООН. Это произошло не автоматически, Москве пришлось заручиться поддержкой ведущих мировых держав. России также удалось собрать на своей территории и под своей юрисдикцией

все ядерное оружие бывшего СССР, которое частично было дислоцировано на территориях Украины, Казахстана и Белоруссии. Денуклеаризация трех бывших республик СССР была юридически оформлена при участии США, опасавшихся расползания советского ядерного оружия. Таким образом Москва получила важнейшие внешние атрибуты великой державы: высокий международный статус и право вето в ООН — наряду с крупнейшим ядерным арсеналом. И то и другое произошло не автоматически. Потребовались серьезные дипломатические усилия со стороны самой Москвы и содействие западных партнеров, прежде всего Вашингтона.

Россия стала преемником СССР в финансовой сфере. Москва взяла на себя всю полноту ответственности по договорным обязательствам Советского Союза. Этот шаг, который полностью контрастирует с действиями большевиков в 1917 году, позволил России стать собственником советских активов за рубежом, включая здания дипломатических представительств. Это был трудный шаг. Западные страны не списали России советские долги, как они простили их Польше, но тем самым и не связали Москву политическими долгами перед Америкой и Европой. Десятилетие спустя, используя благоприятную экономическую конъюнктуру, Россия сумела расплатиться с государственным внешним долгом и с тех пор поддерживает минимальный уровень суверенной задолженности.

Задолженность СССР другим странам была, однако, меньше, чем долговые обязательства многих государств перед СССР. Среди этих государств было немало идеологических клиентов Москвы, и их долги, хотя и оформленные по всем правилам, считались практически невозвратными. На самом деле во многих случаях это было преувеличением.

Ловкие и беспринципные деятели, внезапно оказавшиеся на высоких государственных должностях в 1990-е годы, помогли стране быстро сбросить значительные активы за бесценок — но не без выгоды лично для себя. Это стало одним из важных каналов незаконного обогащения нового российского чиновничества.

Открытость страны внешнему, прежде всего западному, миру позволила России быстро сблизиться с Западной Европой и западным сообществом в целом на основе диалога и сотрудничества. Россия установила партнерские отношения с НАТО. Уже в декабре 1991 года РФ вошла в Совет Североатлантического сотрудничества, в 1994 году присоединилась к программе НАТО «Партнерство во имя мира», а в 1997 году заключила с НАТО Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности. В 1994 году было подписано соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Россией и Европейским союзом, вступившее в силу в 1997 году. В 1996 году РФ была принята в Совет Европы, а в 1998 году присоединилась к «семерке» ведущих западных стран, которая таким образом расширилась до политической «восьмерки». В какой-то момент во второй половине 1990-х годов наметилось даже формирование «континентальной тройки» в составе Франции, Германии и России, но эта тенденция не получила продолжения, во многом из-за недовольства Соединенных Штатов Америки.

Российская Федерация присоединилась также ко всем важнейшим международным организациям, в которые СССР по тем или иным причинам не входил. РФ вступила в Международный валютный фонд и Всемирный банк — финансовые институты, созданные с участием Советского Союза, но от работы которых СССР впоследствии устранился. В прибрежных водных бассейнах — Арктическом, Балтийском,

Баренцевом, Черноморском — были созданы советы многостороннего сотрудничества, включавшие Россию. Аналогичный процесс был запущен на Каспии, но уже по прямой инициативе Москвы. В результате российские верхи и чиновничество стали приобретать практический опыт тесного сотрудничества с США и странами Европы. На высшем уровне вошла в моду дипломатия «без галстуков», предполагавшая раскрепощенное дружественное общение между лидерами ведущих государств. В первой половине 1990-х годов активно развивалось взаимодействие и сотрудничество даже по линии спецслужб России с коллегами из США, Великобритании, Франции, Германии и других стран⁹². Политическая и нарождавшаяся бизнес-элита России не только завела личные знакомства с западной, но и стала активно взаимодействовать с нею.

Российской Федерации впервые в истории удалось — хотя и на короткое, как оказалось, время — установить добрососедские отношения со странами Восточной Европы. Для нового политического режима в Москве, опиравшегося на наследие Горбачева, который сделал самые важные первые шаги, не было проблемой признать неправомерность силовых действий советского руководства в отношении Венгрии (1956 год) и Чехословакии (1968 год), осудить секретный протокол к советско-германскому договору о ненападении от 1939 года (пакт Молотова–Риббентропа), признать факты аннексии Советским Союзом прибалтийских государств и нападения СССР на Финляндию в 1940 году. У новых антикоммунистических лидеров, сводивших счеты с прошлым, не было тех ограничений, которые все еще сковывали Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева.

Приоритет западного направления в политике и антикоммунистическая риторика не стали препятствиями для

возобновленного при Горбачеве сотрудничества с Китаем. Этому не помешали ни запрет КПСС в России (1991 год), ни активное сближение РФ с США, НАТО и ЕС. Уже в январе 1992 года президент Ельцин встретился в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке с премьером Госсовета КНР Ли Пэном. В марте 1992 года министр иностранных дел Козырев посетил Китай, после чего последовал еще ряд министерских визитов. В декабре 1992 года в Китай поехал сам Ельцин. Заключенное тогда соглашение о военно-техническом сотрудничестве превратило Китай в ведущего импортера российских вооружений. Это было особенно важно для Пекина, в отношении которого западные страны наложили санкции за подавление народных выступлений на площади Тяньаньмэнь в 1989 году. Поэтапно решался вопрос пограничного урегулирования и согласования мер доверия вдоль границы. К 1996 году российско-китайские отношения были официально «повышены» до уровня стратегического партнерства. Свой последний зарубежный визит перед отставкой Борис Ельцин совершил в ноябре 1999 года именно в КНР.

В ельцинский период Москва сократила до минимума свое присутствие в странах бывшего так называемого третьего мира, которое, будучи избыточным с точки зрения обеспечения стратегических интересов СССР, не приносило реальной отдачи стране. В то же время продолжилось развитие контактов со странами, которые «открыла» дипломатия периода Горбачева, — Израилем, Южной Кореей, ЮАР, государствами Персидского залива, а также Тайванем. Экономические связи с этими партнерами стали быстро развиваться. В итоге был создан важный задел на будущее. Правда, долговые обязательства многих стран третьего мира перед СССР–Россией были чересчур поспешно признаны невозвратными и проданы за бесценок.

Наконец, в ближнем зарубежье руководство РФ, несмотря на давление со стороны ряда политических сил и популярных деятелей, включая мэра Москвы Юрия Лужкова, последовательно придерживалось отказа от территориальных претензий к другим бывшим республикам СССР, зафиксированного еще в договорах, подписанных Ельциным от имени РСФСР в 1990–1991 годах. Тем самым удалось обеспечить в основном мирный упорядоченный роспуск Союза. Это было нелегким решением, учитывая, что административные границы внутри СССР не совпадали с этническими, и в результате роспуска Союза за пределами РФ в одночасье оказалось, по большинству оценок, около 25 млн русских и русскоязычных граждан. Альтернатива — выдвижение территориальных претензий и подкрепление их военной силой — выглядела неприемлемой и пугающей, особенно на фоне начавшейся войны на Балканах.

Принципиальное значение имело признание Россией Украины в границах УССР 1991 года, а затем подписание в 1997 году «большого договора» с Украиной в связке с решением вопросов по российско-украинской границе и разделу Черноморского флота СССР. Есть свидетельства того, что вопрос о Крыме «разменяли» на отказ Киева от ядерного оружия. Руководство РФ решительно отказало в поддержке русскому сепаратизму в Крыму и северном Казахстане.

: Во многом благодаря последовательности в реализации
 : принципа признания административных границ в рамках
 : СССР в качестве новых государственных рубежей бывший
 : Советский Союз не пошел по пути Югославии.

Президент Ельцин и его правительство отстаивали демократические ценности, предотвратили имперский реванш.

Они смогли сдержать те силы в стране, которые мечтали о восстановлении, в том числе силовыми средствами, единого государства.

Вскоре после того как 7–8 декабря 1991 года на встрече в Беловежской Пуще руководители Российской Федерации, Украины и Белоруссии — республик, подписавших в 1922 году договор о создании СССР, — провозгласили Союз распущенным, российское руководство отказалось от идеи создания Содружества независимых государств (СНГ) в составе трех славянских республик. Москва поддержала концепцию широкого объединения всех постсоветских республик, исключая Латвию, Литву и Эстонию, которые с самого начала заявили, что их нахождение в составе СССР с 1940 года было насильственным.

21 декабря 1991 года на встрече в Ашхабаде число участников СНГ увеличилось с трех до 11 государств (руководство Грузии отказалось присоединиться). Расширение СНГ почти до прежних границ СССР ослабило шок от распада страны, позволило более мягко трансформировать бывшее союзное пространство в поле преимущественно мирного взаимодействия десятка независимых государств.

..... *Распад исторической Российской империи на тот момент оказался едва ли не самым мирным имперским финалом в истории — особенно в сравнении с распадом британской, французской, португальской колониальных империй в середине и второй половине XX века, а также крушением Югославии, проходившим одновременно с распадом СССР.*

СНГ часто ругают за то, что оно не смогло реализовать невозможное — восстановить Союз под другим названием и без диктатуры КПСС, но не хвалят за реальные достижения.

Содружество действительно не стало инструментом постсоветской интеграции, но оно успешно помогло становлению новых государств вокруг России, в значительной степени сохранив единое гуманитарное пространство благодаря безвизовому режиму. Как механизм мирного цивилизованного развода содружество в 1990-е годы полностью выполнило свою историческую миссию.

На первых порах Россия — несмотря на очевидный риск для собственной экономики — взяла на себя ответственность за финансы на постсоветском пространстве, допустив вплоть до 1993 года существование рублевой зоны в СНГ. В результате — что вовсе не было очевидно в 1991 году — все бывшие союзные республики состоялись в качестве новых государств, таким образом стабилизировалась геополитическая ситуация вокруг РФ. В то же время удалось предотвратить распространение ядерного оружия на территории бывшего СССР, появление новых ядерных государств — Украины, Казахстана и Белоруссии. Не произошло значительной утечки ядерных материалов за пределы бывшего СССР. В 1990-е годы Россия была окружена поясом в целом дружественных или нейтральных к ней государств за небольшим исключением (Грузия). Конечно, это произошло во многом благодаря тому, что ослабевшая Москва оказалась не в состоянии продвигать многие свои интересы в ближнем зарубежье. Даже само это словосочетание, вполне адекватное для описания нового соседства России, пришлось вывести из официального употребления, чтобы не ранить самосознание новых суверенных государств.

В условиях распада Союза российское руководство сумело на начальном этапе (1992–1993 годы) сохранить единое — фактически российское — командование стратегическими ядерными силами СНГ. Был заключен Договор

о коллективной безопасности СНГ (1992 год), позволивший начать выстраивать отношения сотрудничества в военной и военно-политической сферах. Одновременно удалось провести раздел вооруженных сил СССР таким образом, что те новые государства, которые хотели и были на это способны, — Украина, Белоруссия, Казахстан — могли использовать войска, дислоцированные на их территории, в качестве основы национальных армий. Там же, где Советская Армия воспринималась новыми властями как чужая, — в Грузии, Молдавии и в прибалтийских республиках, — а также за границами бывшего СССР — в восточных землях объединившейся Германии — Россия приняла эти войска под свою юрисдикцию и вывела их на свою территорию.

Там, где на территории бывшего Союза возникли внутренние вооруженные конфликты, — в Таджикистане, в Закавказье, в Молдавии — российская армия, выступив в роли хотя и небеспристрастного, но решительного миротворца, восстановила мир. Успех, однако, сопутствовал Москве лишь до тех пор, пока ее дипломатии удавалось поддерживать продуктивный контакт с обеими противоборствующими сторонами. В одном случае — в Нагорном Карабахе — в 1994 году Москва сумела добиться перемирия между армянской и азербайджанской сторонами, которое в основном соблюдалось даже без присутствия миротворцев вплоть до 2020 года, когда Азербайджан при поддержке Турции решил реализовать образовавшийся за четверть века перевес сил в его пользу и военным путем вернуть утраченные также в ходе войны территории.

В другом случае — в Таджикистане — России удалось не только военным путем предотвратить распространение экстремизма на другие страны Средней Азии, но и благодаря дипломатическому сотрудничеству с Ираном в 1997 году

урегулировать конфликт⁹³. Гражданская война в Таджикистане (1991–1993 годы) была, вероятно, в постсоветские годы потенциально наиболее опасной для России ситуацией в Среднеазиатском регионе. Бездействие Москвы могло бы привести к образованию в Таджикистане оплота экстремизма во всей Средней Азии. Российские войска остаются в этой стране, как и в других регионах замороженных конфликтов, и продолжают выполнять задачи по обеспечению безопасности.

Главное то, что, несмотря на очевидную слабость России и ее реальную зависимость от США и Европы, в ельцинский период элитам и обществу удалось внутри страны сохранить представление о России как о великой державе. Это представление помогло выстоять в тяжелый период. Одновременно под влиянием практического опыта существенно ослабла эйфория, связанная с надеждой на помощь Запада. Постепенное отрезвление позволило с трудом приступить к выстраиванию самостоятельной позиции на международной арене. Такая позиция проявилась внутри МИД и Службы внешней разведки уже начиная с 1992–1993 годов, в ходе обсуждения национальных интересов России и проблемы расширения НАТО на восток.

... Примакову удалось выправить идеологический переко-
 ... во внешней политике России, найти «золотую середину»
 ... между открытостью к сотрудничеству и защитой
 ... и продвижением национальных интересов.

Эта позиция, основанная на укреплении суверенитета страны, многовекторности политического курса, отказа как от присоединения к Западу на правах побежденных, так и от конфронтации с ним в надежде на исторический

реванш, в дальнейшем не только получила поддержку в элитах и обществе, но и подверглась испытаниям. И в настоящее время она остается главным ориентиром для российской внешней политики.

НЕУДАЧИ

Неудачи внешней политики ельцинского периода были вызваны главным образом огромной и прогрессирующей на протяжении 1990-х годов слабостью государства на фоне коренных перемен в экономике и политике страны, идеологии и морали общества, в положении России в мире.

Борис Ельцин пытался зафиксировать новый статус России в рамках объединенного Запада. Для этого он открыто стремился к военно-политическому союзу с США и к вступлению России в НАТО. Если мы — Россия и Америка — вместе, считал он вслед за Горбачевым, то мы можем решить любые проблемы в мире⁹⁴. Москва старалась не просто интегрироваться в западное сообщество, но занять в нем одно из главных мест. Президент Ельцин во время своего визита в США в 1992 году прямо предложил американцам заключить договор о союзе, но в ответ услышал от Буша-старшего, что время блоков прошло, наступила эра партнерства. Схожая судьба постигла предложение Москвы о скорейшем ее вступлении в НАТО, которая в это время рассматривалась как главная организация коллективного Запада. Заявления — например, председателя правительства Черномырдина — о стремлении РФ вступить в ЕС свидетельствовали скорее о слабой осведомленности российских лидеров о природе Евросоюза. США и их союзники не заключили тогда Россию в свои объятия не только из осторожности — судьба российской трансформации была еще не ясна, но и из опасений,

что Россия начнет расшатывать единство Запада и подрывать изнутри руководящую роль США.

Справедливо считая, что идеологическое противостояние СССР и западного мира было исторической аберрацией, либеральные идеологи внешней политики начала 1990-х годов ошибались, полагая, что державное соперничество закончено и топор вражды между Россией и западными странами зарыт окончательно. Такое было бы возможно только при условии безусловного признания Россией лидерства Соединенных Штатов Америки и неукоснительного следования в фарватере внешней политики, определяемой Вашингтоном.

... *Признание «руководящей и направляющей роли» США было
... входным билетом в западный клуб государств.*

Идеологическая близость к США — как в свое время и идеологическая близость к СССР — являлась основой политической солидарности с главным хранителем ценностей, но она должна была сопровождаться отказом от самостоятельности в стратегических вопросах внешней политики.

В российском подходе, однако, с самого начала было заложено противоречие. С одной стороны, считалось, что тесное партнерство с США абсолютно необходимо для удержания страны на траектории демократических и рыночных реформ. С другой стороны, как отмечал сам Ельцин, «Россия не хочет быть слишком послушной и управляемой»⁹⁵. Идея великой державы не была чужда первым руководителям постсоветской России. Пытаясь соединить оба тезиса и игнорируя их несовместимость, Козырев говорил, что «надо быть первыми партнерами США, иначе ничего не останется от статуса великой державы»⁹⁶. В итоге полного подчинения

российской политики Америке в период Ельцина не произошло, но и подозрительность Запада в отношении России не была полностью развеяна.

Это противоречие наглядно проявилось в ходе кризиса на Балканах. В условиях однополярного мира, наступившего после окончания холодной войны, России не удалось сыграть решающую роль в урегулировании конфликтов на территории бывшей Югославии. Сбалансированная позиция российской дипломатии⁹⁷, которую консервативные круги в Москве рассматривали как предательскую по отношению к православным сербам, не повлияла на действия США и их союзников, объявивших сербов главными зачинщиками кровопролития. Сербский лидер Слободан Милошевич, в свою очередь, стремился, эксплуатируя широкую солидарность с сербами в России, манипулировать позицией Москвы, в то же время отказываясь принимать ее советы.

В конце концов Москве пришлось смириться и с американо-натовскими бомбардировками сербских позиций, и с ролью статиста при подписании в 1995 году Дейтонских соглашений по Боснии и Герцеговине (БиГ). Ей даже пришлось впервые в истории разместить российский миротворческий контингент в БиГ под начало американского верховного главнокомандующего Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе. Российский генерал при этом получил специально созданную должность заместителя главнокомандующего НАТО по российским миротворческим силам. Таким образом, оставаясь под непосредственным национальным командованием, российский контингент многонациональных миротворческих сил был интегрирован, по сути дела, в натовскую структуру.

Такая уступчивость стала результатом стремления значительной части российской политической элиты к скорейшему

присоединению к НАТО. Эту организацию тогда считали не только высшим клубом коллективного Запада, но и местом, где Россия как ядерная держава сможет в наибольшей степени претендовать на высокое положение в иерархии. Когда США в 1993 году предложили бывшим странам Варшавского договора вступить в программу НАТО «Партнерство во имя мира», Россия присоединилась (в 1994 году), причем сделала это в памятный день 22 июня. Символика очевидна: присоединение должно было стать свидетельством исторического примирения России и коллективного Запада. Некоторые круги в России ставили и более амбициозную цель — присоединение к самому НАТО. Если присоединение к программе «Партнерство во имя мира» предполагало последующее вступление в альянс, то РФ, считали в Москве, должна была стать первой в очереди, впереди стран Восточной Европы⁹⁸, — или, еще лучше, пройти в клуб избранных вообще без очереди.

Эта цель оказалась нереалистичной. Принятие России в НАТО открывало перспективу если не подрыва, то размывания единоличного американского лидерства в альянсе и позволило бы Москве создать блок с ведущими европейскими столицами — Парижем и Берлином, а в конце концов могло бы превратить НАТО в аналог Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Хотя в 1994 году Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе было формально преобразовано в организацию, интерес США к этой структуре, и прежде небольшой, практически исчез. После распада СССР европейская безопасность, с точки зрения Вашингтона, поддерживалась исключительно Организацией Североатлантического договора.

США уверенно взяли курс на расширение НАТО без России — вначале в Центральной и Восточной Европе, а затем

на территории республик бывшего Советского Союза. Россия возражала против приближения НАТО к своим границам, но, когда убедилась в тщетности протестов, заключила в 1997 году соглашение с НАТО — Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности. Тем самым Москва, вынужденно признав реальность расширения, минимизировала ущерб от него: НАТО взяла на себя обязательства не размещать на территории новых стран — членов альянса ядерное оружие и крупные группировки войск.

В России это соглашение, выработанное министром иностранных дел Примаковым и генеральным секретарем НАТО Хавьером Соланой, стало предметом критики⁹⁹. В качестве альтернативы предлагалось даже не признавать сам факт расширения — с целью так высоко поднять планку принятия новых членов, чтобы заблокировать процесс в целом. Это было странное предложение с неясными юридическими и политическими последствиями. Оно предполагало готовность России пойти на прямой конфликт с Западом в случае дальнейшего продвижения НАТО на восток. Такие конфликты действительно произошли в 2008 году в Грузии и в 2014 году на Украине, но в совершенно иной международной ситуации и в условиях острых внутренних конфликтов в странах-кандидатах. В конце 1990-х годов в странах Прибалтики и тем более в Восточной Европе подобных условий не было, как и не было в то время у России военных и экономических ресурсов для успешного отстаивания своих интересов перед лицом Запада.

... Проблема расширения НАТО на восток была раздута
 в российских внутриполитических дискуссиях выше всякой
 меры.

Она подавалась как минимум в качестве геополитической катастрофы, а как максимум — угрозы самому существованию страны. Действительно, Россия утратила 500-километровый буфер, который отделял ее территорию от основных сил НАТО в Западной Европе. Катастрофа, однако, произошла еще в конце 1990-х годов с распадом Варшавского договора и СЭВ и переориентацией бывших союзников Москвы на Вашингтон и Брюссель, а угрозы рубежа XXI века существенно отличались от угроз первой половины XX века. Ценность восточноевропейского буфера для России существенно снизилась еще в конце 1940-х годов с развитием стратегической авиации, а с появлением ракетно-ядерного оружия в 1950-х фактически сошла на нет. В условиях 1990-х годов расширение НАТО следовало воспринимать не как возрождение военной угрозы для РФ, а как отражение реального — равнодушно-подозрительного («у России плохая кредитная история») — отношения США к постсоветской России.

Подтверждений этому было достаточно. После окончания холодной войны США не распустили КОКОМ — коллективный орган стран Запада, регулировавший экспорт стратегически важных технологий. Несмотря на решение еще при Горбачеве вопроса еврейской эмиграции и последующие обещания президента США Билла Клинтона способствовать отмене принятой в 1973 году поправки Джексона-Вэника, ограничившей американское государственное кредитование России, эта законодательная норма осталась в силе. Остался в силе после роспуска СССР и американский закон 1950 года о народах, «порабощенных» Советским Союзом.

Москве не удалось спасти даже малую часть широких связей со странами Восточной Европы, чтобы превратить этот регион, как предполагалось, в своего рода мост между

РФ и Западной Европой. Единения российских и восточно-европейских демократов, раньше декларировавших «борьбу за нашу и вашу свободу», а также бывших коммунистов с обеих сторон, добиться не удалось. Извинения Москвы за действия СССР не сняли старых обид. Главное — исчез прежний интерес. В результате действий России, жестко переведшей экономические связи с бывшими социалистическими странами на рыночную основу, эти связи резко ослабли¹⁰⁰. Стратегический разворот восточноевропейских стран на Запад в результате только ускорился. Экономическая повестка дня в рамках бывшего Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) свелась к проблеме урегулирования долгов, большей частью советских. Вскоре разная направленность политических процессов в России и бывшем соцлагере и вопрос о расширении НАТО на восток окончательно развели РФ и недавних сателлитов Москвы в противоположные стороны.

Эти события высвечивают и другую важную проблему — сложности для России выстраивания удовлетворительных отношений с малыми государствами по периметру своих границ.

..... *В полном соответствии с традициями имперской политики соседние страны рассматривались руководством страны либо как геополитические буферы, предохранявшие Россию от внезапного нападения крупных держав, либо как плацдармы, с которых эти крупные державы могли нанести удар по России.*

В условиях, когда бывшие советские сателлиты и экс-республики Союза переориентировались, как и сама Россия, на Запад, но с разными намерениями, это привело

к трениям, а затем ко все большей враждебности. Наиболее рельефно, как мы уже видели, это проявилось в вопросе расширения НАТО.

Российской дипломатии не удалось в полной мере задействовать двусторонние связи и международные институты (такие как ОБСЕ) для облегчения правового статуса русских и русскоязычных жителей Латвии и Эстонии, которые не получили гражданства стран проживания после обретения этими странами независимости. Западные государства, руководствуясь политическими причинами, фактически заняли сторону Риги и Таллина. Москва — не только уходящий Горбачев, но и набиравший силу Ельцин, — очевидно, упустила момент в 1991 году, когда у нее имелись возможности юридически обусловить признание независимости прибалтийских стран встречным обязательством этих государств предоставить гражданство всем постоянным жителям. Фактическое игнорирование проблем этнических русских в Прибалтике и некоторых странах СНГ (например, в Туркмении) в 1990-е годы — вина российских властей и лично президента Ельцина.

Неудача постигла и стремление России играть лидирующую роль в СНГ. Единое экономическое пространство удержать не удалось. РФ не стала локомотивом экономического и политического развития бывших союзных республик, а ее надежды на реинтеграцию экономик стран Содружества и координацию их политических шагов столкнулись с отторжением самой идеи реинтеграции как неоимперской. Характерной в этих условиях стала неспособность РФ выстроить продуктивные отношения с Украиной. Эта прогрессирующая все постсоветские годы неспособность стала причиной самого крупного провала внешней политики современной России.

В Москве не замечали процесса становления украинской политической нации, предпочитая видеть в соседе недогосударство на базе бывшей УССР, независимость которого не принимали всерьез и к которому на практике относились преимущественно как к транзитной территории для прокачки газа в Европу.

Отношения с Украиной на деле свелись к непрозрачным контактам с местной олигархической элитой на основе обоюдных денежных интересов. Такое отношение к одному из важнейших и во многих отношениях ближайших соседей стало одной из главных причин провала политики Москвы на украинском направлении.

Не удалось Москве и добиться признания международным сообществом территории бывшего Союза как пространства экономической интеграции и сферы особых интересов безопасности России. Попытка Москвы в 1993 году получить от ООН мандат — формально от имени СНГ — на миротворчество на пространстве содружества была заблокирована Западом, усмотревшим в ней стремление России восстановить стратегический контроль над территорией бывшего СССР. Москва не отказалась от миротворческих операций, но была вынуждена проводить их под своим флагом или номинально под эгидой СНГ.

После решения в 1994 году вопроса о передаче всего советского стратегического ядерного оружия под контроль России США отказались от приоритетного отношения к Москве и перешли к политике геополитического плюрализма на постсоветском пространстве. Целью политики плюрализма было препятствование реинтеграции постсоветского пространства, проводящейся под руководством РФ. Даже часто использовавшийся в те годы в России термин «ближнее

зарубежье» воспринимался как свидетельство того, что Москва по-прежнему не считает новых соседей полноценными зарубежными партнерами.

Неудачной оказалась и новая попытка Москвы действовать в роли посредника между США и государствами, с которыми у России были исторические связи. Ельцин, как до него Горбачев, старался помочь Вашингтону и Багдаду договориться. В роли главного переговорщика вновь был призван Евгений Примаков¹⁰¹. Многочисленные контакты Примакова, однако, не принесли результатов. Ни одна из сторон не желала компромисса, а возможностей побудить их договариваться у России не было. США, достигнув позиции глобального доминирования, были настроены добиваться полной реализации поставленных целей. Иракский диктатор утрачивал чувство реальности и даже самосохранения. Россия была не в состоянии ни уговорить американцев действовать помягче, ни надавить на иракцев, чтобы заставить их согласиться на компромисс.

По тем же причинам неудачей закончилась попытка Москвы посредничать между Белградом и Вашингтоном. Россия оказалась одинокой в Контактной группе по бывшей Югославии, где европейские государства — Великобритания, Германия, Франция — обычно выступали единым фронтом с США. Особая позиция Москвы трактовалась западными партнерами как просербская и ставящая под угрозу отношения Америки и Европы с Россией в целом¹⁰². С точки зрения США России в международном сообществе отводилась исключительно служебная роль: помогать Вашингтону принуждать те или иные режимы к повиновению — фактически добиваться их капитуляции на американских условиях. Подобное произошло в ходе натовских бомбардировок Югославии в 1999 году, когда Ельцин отправил к Милошевичу

только что отставленного с поста председателя правительства РФ Виктора Черномырдина добиваться требуемых американцами уступок.

..... *Псевдонейтральное амплуа доверенного лица США в отношениях с проблемными государствами и режимами и одновременно адвоката законных интересов этих стран перед США оказалось для России одновременно неудобным и непосильным.*

Собственно, обе стороны — США и их противники — ожидали от России, что она займет их сторону¹⁰³. Как в случае с Сербией, слабость Москвы позволяла ее клиентам прибегать к недобросовестным манипуляциям и прямому обману РФ. Добиться главной цели — предотвратить применение силы со стороны США и решить спорные вопросы дипломатическими способами — Москве в 1990-е годы не удалось ни на Ближнем Востоке, ни на Балканах.

ОШИБКИ И ПРОВАЛЫ

Правление Ельцина едва не окончилось очередной катастрофой — новой смутой и распадом страны. Под конец его президентства на фоне дефолта по внешнему долгу (август 1998 года) и возобновления войны на Северном Кавказе (август 1999 года) создалось впечатление о неизбежности уже окончательного упадка и нового распада России, ее изоляции в мире и утраты Москвой сколь-нибудь значительной роли в международных делах. На Западе всерьез заговорили о перспективе «мира без России». Бороться с этой угрозой пришлось уже при следующем президенте Российской Федерации.

Огромной ошибкой российских руководителей стало то, что в условиях острой внутривнутриполитической борьбы Ельцин и его команда еще до распада СССР, во время и после августовского путча 1991 года искали помощи Запада. Тем самым США и контролируемые ими международные финансовые институты фактически оказались непосредственно подключенными к процессам принятия важных экономических и политических решений в России. Достаточно снова вспомнить, что в декабре 1991 года президент США Буш благодаря звонку Ельцина из Беловежской Пуши узнал о роспуске СССР и образовании СНГ раньше, чем об этом сообщили Горбачеву.

В этом звонке отразилась символика момента, хотя затем последовательность звонков попытались объяснить случайностью: якобы до президента США Ельцину удалось дозвониться раньше, чем до президента СССР. Надо заметить, что до Горбачева из Пуши позвонили министру обороны СССР маршалу авиации Евгению Шапошникову: существовали опасения, что союзное руководство попытается изолировать «беловежцев». Посетивший Москву через неделю с «контрольно-инспекционной миссией»¹⁰⁴ государственный секретарь США Джеймс Бейкер счел необходимым предложить уже Ельцину назначить Горбачева верховным главнокомандующим вооруженными силами СНГ или координатором внешней политики содружества. Это была серьезная и откровенная заявка на управление внутренними процессами в бывшем СССР. Ельцин отказался — что нетрудно было предвидеть, учитывая характер его личных отношений с Горбачевым.

В дальнейшем стремление руководства РФ опереться на западную экономическую, консультативную, техническую и гуманитарную помощь для проведения либеральных

реформ обернулось горьким разочарованием¹⁰⁵. Более того, оно закономерно привело к политической и финансовой зависимости от США и Европы, существенно ограничило реальный суверенитет Российской Федерации. Серьезным уроком стал отказ США и Запада предоставить российским реформаторам масштабную экономическую помощь¹⁰⁶. Президенты США Буш и Клинтон предпочли не использовать свой политический капитал на обоснование необходимости помощи России¹⁰⁷.

В 1993 году Ельцин стремился обеспечить себе поддержку США и Европы в силовом противостоянии с Верховным Советом РФ, а в 1996 году Кремль обратился к американским политтехнологам с просьбой о помощи в проведении президентской избирательной кампании Ельцина. Это было открытое приглашение к иностранному вмешательству. Американцы, со своей стороны, прямо увязывали помощь Ельцину с требованием ускорить вывод российских войск из Прибалтики, а также с поддержкой санкционной политики Вашингтона в отношении Сербии, Ирака, Ирана, Индии и других стран. Российские руководители были вынуждены соглашаться с фактическим диктатом. Потери РФ от присоединения к этим санкциям превосходили западную помощь самой России. США также просили Ельцина оставить Козырева на посту министра иностранных дел¹⁰⁸. В российских правительственных ведомствах — в основном экономических — работали многочисленные западные советники, вовлеченные в процессы принятия стратегических решений.

Реагируя на нараставшую усталость Запада от России, российские демократы и либералы пытались ставить новых партнеров перед дилеммой: поддерживайте нас или ожидайте возвращения коммунистов в компании с националистами. Другой вариант: либо Запад включает Россию в свои

институты, либо России придется искать помощь и поддержку у Китая. Эти аргументы, однако, на Западе не воспринимались всерьез. Западные политики считаются только с реальной силой, Россия же в 1990-е годы становилась все менее значимой международной величиной. В отличие от западного прагматизма, в российском сознании преобладала жесткая дихотомия: либо тесное союзничество, либо новая конфронтация. Уроки позднего СССР не только не были выучены; ситуация значительно усугубилась. Степень реального суверенитета России существенно упала.

Принятие западных ценностей логически вело к принятию и так называемых общих интересов цивилизованного мира как высших интересов для России. Если в период становления нового политического мышления при Горбачеве общечеловеческими интересами считалось предотвращение ядерной войны или экологической катастрофы, то позднее это понятие фактически стало обозначать интересы коллективного Запада, победившего в холодной войне. Неизбежным следствием стала ориентация на политику Вашингтона. Демократическая Россия, как провозглашал министр иностранных дел Андрей Козырев, была столь же естественным союзником демократического Запада, как тоталитарный СССР — его противником. Соответственно, исход холодной войны трактовался исключительно в идеологических терминах — как победа демократии над тоталитаризмом, в результате которой все (и Россия, и Запад) только выиграли. Логически получалось, что СССР был общим врагом РФ и Запада. Геополитические последствия поражения Советского Союза, его последующего распада и установления однополярного мира серьезно не анализировались.

Результатом такого идеологического детерминизма стал дальнейший отход от традиционной для России

внешнеполитической самостоятельности. В начале 1990-х годов Москва лояльно и часто некритично следовала за курсом США, определявших глобальную повестку дня Запада и присоединившихся к нему стран, включая Россию. Де-факто руководство РФ признало свое неравноправие в отношениях с США, но пыталось компенсировать его символическими проявлениями дружбы, партнерства и союзничества. Многие секреты России были в одностороннем порядке раскрыты представителям Соединенных Штатов¹⁰⁹. Создавалось впечатление, что, как это произошло после Второй мировой войны с тогдашними противниками США — Японией, Германией и Италией, побежденная и перевоспитанная Россия встанет в ряд младших союзников Америки и займет в этом ряду не первое место.

Другой стороной идеологического подхода стало самобичевание за действия бывшего СССР. Ельцин и Козырев возлагали вину на советское руководство не только за преступления сталинского периода и подавление стремления стран Восточной Европы к большей свободе, но и за начало холодной войны с Западом. Тем самым создавалась упрощенная картина мира, в которой историческая Россия выступала преимущественно в качестве агрессора, угнетателя соседних стран и источника мировой опасности. Таким образом, российские демократы последовали примеру большевиков, которые решительно заклеямили и отвергли царскую Россию как империалистического хищника и тюрьму народов. Было, однако, важное отличие: большевики, действуя подобным образом, старались для себя, демократы — для других. Идея построить совершенно новую Россию на полном отрицании старой оказалась, однако, иллюзией в обоих случаях.

1990-е годы стали периодом острой внутривластной борьбы. В 1993 году противостояние между президентом

Ельциным и руководством Верховного Совета РФ привело к вооруженным столкновениям в центре Москвы и едва не вылилось в гражданскую войну. Центральная власть слабела, отдельные регионы все больше обособлялись. Призраки гражданской войны и нового распада страны витали над Россией практически все десятилетие. На этом фоне в Чечне с 1994 года шла настоящая война.

В условиях резких разногласий по важнейшим вопросам консенсус в том, что касалось внешней политики, совершенно отсутствовал. Более того, конкретная международная акция, как вспоминает Анатолий Адамишин, высокопоставленный дипломат, бывший в 1990-е годы первым заместителем министра иностранных дел РФ, оценивалась «в первую очередь с точки зрения того, усиливает ли она или ослабляет ту или иную группировку внутри»¹¹⁰. Это не только еще больше ослабляло российскую дипломатию, но и заставляло руководителей страны использовать внешние связи для решения внутривнутриполитических задач.

Внешняя политика России в современных условиях эффективна только тогда, когда она основывается на прочном общенациональном согласии относительно основных целей, методов и средств ее проведения.

Руководство новой России с самого начала испытывало трудности с определением национальных интересов стремительно менявшейся страны. Это происходило на фоне прогрессирующей интернационализации российских верхов, их стремления как можно скорее встроиться в мировую элиту; беспрецедентной деградации вооруженных сил, правоохранительной системы и органов безопасности; осмеяния и поругания патриотизма и становления олигархата как

системы реального управления страной в интересах узкой группы лиц, рассматривавших Россию в основном как источник личного обогащения и влияния.

... *В результате деформации 1990-х годов Россия получила властвующую элиту, у которой абсолютно отсутствовало желание служить кому и чему бы то ни было.*

В сущности, эта элита — несмотря на ее ротацию — остается у власти по сей день, превратившись в главное препятствие развития страны. Сосредоточенность на собственном обогащении, выстраивание схем нелегального вывода огромных средств за границу с началом конфронтации между Россией и Западом превратились в серьезную угрозу национальной безопасности РФ.

Несмотря на постоянные декларации о приоритетности отношений со странами СНГ, реально Москва не уделяла новым государствам достаточно внимания. Отношения с ними рассматривались как международные лишь отчасти. Серьезного изучения старых новых соседей не велось, новые государства воспринимались как недавние и, возможно, будущие национальные окраины Большой России. Фактически на пространстве СНГ царили специфические — и обычно небескорыстные — отношения кремлевских и околоскремлевских деятелей с руководством и влиятельными людьми бывших республик. Ельцину президенты стран СНГ откровенно льстили, получая взамен серьезные льготы. Многомиллиардные дотации соседям, особенно Украине, не принесли России ни уважения, ни благодарности.

Иногда корпоративные или частные интересы тех или иных влиятельных кругов и отдельных игроков в самой России откровенно противоречили государственным

интересам РФ. Ярким примером приватизации внешней политики стало назначение олигарха Бориса Березовского заместителем секретаря Совета безопасности РФ, а затем — исполнительным секретарем СНГ. При всей важности российских миротворческих операций в случае грузино-абхазского конфликта российские военные, поддержанные министром обороны Павлом Грачевым, заняли откровенно проабхазскую позицию. Отчасти это мотивировалось их желанием отомстить главе Грузии Эдуарду Шеварднадзе за подписанные им соглашения о поспешном выводе советских войск из Восточной Европы, отчасти — стремлением к материальной выгоде. Мечь, как и ненависть, ослепляет, а стремление к частной выгоде на государственной службе порождает коррупцию.

Позорным для России — особенно на фоне исключительно льготных условий признания Москвой независимости бывших республик СССР в их советских административных границах — было невнимание к проблемам оказавшихся в результате распада Союза за границами РФ 25 млн русских и русскоязычных жителей. Миллионы соотечественников, которым было отказано не только в практической помощи и поддержке, но и даже в возможности беспрепятственно получить гражданство Российской Федерации, оказались фактически брошенными российскими властями. Особенно тяжело сложилась судьба русских жителей Средней Азии, прежде всего в Туркмении, а наиболее униЗИтельно — в Эстонии и Латвии.

Отдельно стоит упомянуть судьбу союзников СССР. Режим Наджибуллы, державшийся два с половиной года после ухода советских войск из Афганистана, был по требованию госсекретаря США Бейкера оставлен на произвол судьбы, когда Москва с 1 января 1992 года прекратила оказывать

ему материальную помощь. США не хотели, чтобы Россия, уходя из Афганистана, сохранила там промосковское правительство. В результате гражданская война в Афганистане обострилась, Наджибулла, державшийся без советских войск с февраля 1989 года, был вскоре свергнут, а уже через четыре года в Кабуле установился радикальный режим талибов, превративший Афганистан в базу международного терроризма.

.....
«Афганский синдром» — урок, потребовавший отказа от грубого и самонадеянного вмешательства, особенно вооруженного, в дела мусульманских обществ, — сыграл положительную роль в формировании внешней политики новой России.

Ошибкой было в условиях смены идеологических ориентиров Москвы бросать тех друзей Советского Союза, которые искренне симпатизировали России. Это относится, в частности, ко многим лицам в руководстве и силовых структурах бывшей ГДР¹¹¹. Неверно было безоглядно уходить с позиций, завоеванных СССР в разных регионах мира. Преступлением было оставлять на разграбление огромное имущество Западной группы войск в бывшей ГДР. Надо отметить, что при переходе от СССР к РФ некоторые связи удалось сохранить — в частности, отношения с Кубой, Вьетнамом, а также после некоторой заминки с руководителями Африканского национального конгресса ЮАР. Впоследствии эти связи стали восстанавливаться уже на неидеологической основе.

1990-е годы вновь после правления Брежнева и краткосрочных властных интерлюдий Андропова и Черненко напомнили россиянам о важности физического и психического здоровья первого лица государства. Российская политическая система с ее сверхвысокой степенью персонализма

нуждается в здоровых телом и здоровых умом руководителях больше, чем те государства, в которых власть распределена между несколькими институтами. Темным пятном на историю российской внешней политики 1990-х годов легла дискредитация страны неадекватным или просто недостойным поведением главы государства во время некоторых зарубежных визитов.

Уроки

Суммируя основные уроки, полученные в 1990-е годы, можно прийти к следующим выводам:

- Россия может надеяться и полагаться во внешнем мире только на себя. Не только на армию и флот, как стало модным повторять в следующем десятилетии, но прежде всего на внутренние ресурсы в совокупности. Прежде всего — человеческие, далее — экономические, научно-технические, культурные и в решающей степени — духовные и моральные.
- Внешняя политика основывается на общенациональных интересах, обладающих, как правило, большой устойчивостью. Общенациональные интересы опираются на консенсус внутри общества. Взаимоотношения с внешними контрагентами строятся в основном на соотношении сил государств и других игроков, которые постоянно соперничают друг с другом.
- Даже самые близкие политические отношения между государствами не отменяют экономической конкуренции.
- Идеология в сфере внешней политики и международных отношений выступает, как правило, в качестве

прикрытия и обоснования конкретных интересов игроков. Рассчитывать на бескорыстную неограниченную помощь со стороны Запада России по чисто идеологическим соображениям не следовало. Отличительная черта американской и всей современной западной политики — прагматизм, а фундаментальная основа — национальный эгоизм.

- Международные отношения всегда конкретны. Российская идея «большой сделки» с США — идея крепкого союза двух держав во имя демократии — была самообманом. Не работает и прямой шантаж: «Если вы (Запад) не поможете нам (демократической России), то не только нам будет хуже (например, вернутся к власти коммунисты, появится диктатор-националист, Россия качнется в сторону Китая), но и вам».
- Строить политику в отношении США, исходя из надежд на преемственность курса Вашингтона и в особенности на выполнение обещаний, данных предыдущим хозяином Белого дома, не следует. Американские администрации, сменяющие друг друга, охотно и с легкостью отказываются от наследия предшественников. Лидеры США часто действуют, в том числе в вопросах войны и мира, исходя из собственных политических интересов, иногда сиюминутных.
- В практической политике демократических правительств внутриполитические соображения обычно имеют приоритет перед стратегическими внешнеполитическими интересами и тем более перед обещаниями иностранным лидерам. Президенты США крайне редко и неохотно тратят свой политический капитал для поддержки иностранных союзников, тем более, ситуативных неравных партнеров.

- В любых союзах и коалициях, в которых участвуют США, они, безусловно, доминируют. В России совершенно бесосновательно ссылались на опыт советско-американского союзничества времен Второй мировой войны, не применимый к послевоенной Америке. США никогда не рассматривали постсоветскую Россию в качестве равного партнера.
- Европейцы не смогли воспользоваться историческим шансом, который дало им окончание холодной войны. Они проявили несамостоятельность, отказались от выстраивания собственной стратегической идентичности Европейского союза. С тех пор любые расчеты на российско-европейское партнерство, не зависящее от отношений РФ и США, являлись примером того, как желаемое выдается за действительное.
- Запад, существовавший в головах прозападной части российской элиты, слабо коррелировал с реальным Западом (при Ельцине это проявилось в основном в сфере международных отношений) — в частности, это видно на примере Балкан и отношения к войне в Чечне. В области внешней политики страны Запада не могут быть моральным авторитетом для России.
- Суммируя несколько предыдущих уроков, необходимо подчеркнуть, что у России на Западе стратегических союзников нет. Может возникать близость интересов в какой-либо области на определенное время, но не более того. Западноцентричность российской политики логически ведет к капитуляции и затем к ассимиляции. В противоположном варианте заикленность на Западе приводит к конфронтации. Таким образом, фиксации на Западе необходимо избегать.

- Незападный — прежде всего азиатский — вектор российской внешней политики необходимо активно развивать. В первую очередь речь идет о Китае, а также Индии и Японии. Другим важнейшим направлением, учитывая опыт войн в Чечне и Таджикистане, является мусульманский Юг.
- Китайцы пошли иным путем, чем Россия: обнулив в конце 1970-х годов идеологическое и геополитическое соперничество с США, пойдя на тактическое взаимодействие с Вашингтоном, одновременно открывшись Западу экономически, они сохранили политический контроль над страной и реформировали экономику на капиталистических принципах, добившись поразительных успехов. Эти успехи позволили Китаю в начале XXI века превратиться во вторую по мощи державу мира после США.

Общим уроком внешней политики второй половины 1980-х и всех 1990-х годов стало то, что у СССР–России не было шанса стать членом западного сообщества с решающим голосом. Ослабление России приветствовалось на Западе, но даже в таком состоянии страна не считалась достойной иной позиции, чем зависимой периферии и вечного ученика продвинутой части человечества. Это был дорого обошедшийся, но полезный опыт. Выводом из него могло быть только то, что в наступающем XXI веке Россия должна сохранять равновесие, действовать самостоятельно и надеяться лишь на себя.

Эпоха Путина

Два десятилетия пребывания Владимира Путина у власти — недостаточное время для подведения окончательных итогов его правления, в том числе в области внешней политики. Ситуация динамична, будущее непредсказуемо в принципе, а у Путина после конституционных поправок 2020 года остается еще неопределенно долгое время — по крайней мере до 2036 года, в течение которого он может оставаться наиболее влиятельной политической фигурой в России. Тем не менее очевидно, что эпоха Путина в российской истории движется к завершению и попытка осмысления всего сделанного за эти 20 лет не только полезна, но и необходима ввиду неизбежных в будущем перемен.

Внешнеполитические итоги правления Путина можно подводить по разным основаниям и критериям.

.....
..... *Насколько можно судить, сам президент начиная*
..... *с 1999 года преследовал две главные цели: сохранить*
..... *единство России и восстановить ее статус великой державы*
..... *на мировой арене. Это ему удалось.*

Война на Северном Кавказе завершилась не только полным разгромом террористов, но и мирным урегулированием и восстановлением разрушенного. Формальное верховенство конституции и реальный авторитет центральной власти утвердились на всей территории Российской Федерации (в Чечне — в особой форме унии с Кремлем). Олигархат, реально властвовавший во второй половине 1990-х годов, был укрощен, а властная и владеющая богатствами элита существенно расширена за счет включения большого количества

выходцев из силовых структур и тех, кого сам Кремль приблизил к себе. Россия, в самом конце XX века почти списанная со счетов в мировом раскладе сил, спустя полтора десятилетия вернулась на глобальную арену не только в качестве самостоятельного участника, но как один из крупных и наиболее активных геополитических и военных игроков.

С точки зрения поставленных целей это очевидные достижения, хотя и за централизацию власти, и за великодержавный статус пришлось заплатить большую цену. Выстраивание вертикали власти произошло на традиционной для России авторитарной основе. Политический режим, сменивший хаос 1990-х, так и не смог пока дорасти до полноценного выполнения функций государства: он обслуживает преимущественно интересы узких элит, эксплуатирующих ресурсы страны в личных и групповых целях. С учетом постепенного, но ощутимого роста гражданского сознания россиян это предвещает серьезные проблемы в будущем. Надо учитывать также, что утверждение России как великой державы произошло в условиях возобновления конфронтации с США, что предполагает длительную и неравную борьбу.

• • •

Внешнеполитическое наследие Владимира Путина обширно и разнообразно. Формирование этого наследия было сложным и противоречивым, внешнеполитический курс Москвы не раз менялся, особенно на западном направлении.

Путина в самом начале его президентства называли «немцем в Кремле»¹¹². Для человека, родившегося в Ленинграде, естественно восприятие России как части европейской цивилизации, как страны, чья история неразрывно связана с историей остальной Европы. Источник научных знаний, технологий, идеологий, социальных практик, Европа для

России со времен Петра I — ментор и модель модернизации. Стремление «стать Европой» в традиционном российском представлении — это синоним стремления не только к экономическому и техническому, но и к социально-политическому прогрессу.

Придя к власти, Путин активно общался с западными, прежде всего европейскими, политиками. Его первым партнером стал британский премьер-министр Тони Блэр. Особенно тесные и дружеские отношения сложились у российского президента с канцлером Германии Герхардом Шрёдером и президентом Франции Жаком Шираком. Другими близкими партнерами Путина долго числились премьер-министр Италии Сильвио Берлускони, председатель Европейской комиссии Романо Проди и глава французского кабинета министров Франсуа Фийон.

Своим коллегам — друзьям Путин активно показывал Россию, и не только ее столицу. В 2003 году он принимал лидеров «восьмерки» в Петербурге, отмечавшем свое 300-летие. В дальнейшем (пока они не прекратились после 2014 года) саммиты Россия — Европейский союз организовывались в разных городах России, которые на время становились дипломатическими столицами — разительный контраст с глухой закрытостью советской глубинки.

Как и Ельцин, Путин первоначально был нацелен на интеграцию России в евро-атлантическое сообщество. В 2000 году Путин активно добивался для России членства в НАТО без предварительных условий. Менее чем через год после косовского кризиса, еще в ходе своей первой избирательной кампании, Путин пригласил генерального секретаря НАТО лорда Джорджа Робертсона посетить Россию. На вопрос корреспондента Би-Би-Си о возможности вступления России в НАТО Путин публично ответил: «Почему нет?» Членство

в НАТО России не было предложено, но в 2002 году был создан Совет Россия–НАТО, который должен был по идее стать основным органом равноправного сотрудничества в области безопасности.

После сентябрьских терактов 2001 года в Нью-Йорке и Вашингтоне, стремясь сделать Россию важнейшим союзником США в противоборстве с международным терроризмом, Путин не только первым из мировых лидеров позвонил президенту США Джорджу Бушу, но и дал указание Генеральному штабу Вооруженных Сил России оказывать всяческую помощь и поддержку американским войскам, отправленным в Афганистан для уничтожения баз «Аль-Каиды» и свержения приютившей ее власти талибов. Эта помощь плюс содействие антиталибского Северного альянса, с которым Москва сотрудничала в Афганистане, оказались наиболее ценными внешними факторами, способствовавшими успеху операции США «Несокрушимая свобода».

В октябре 2001 года Путин произнес в германском Бундестаге речь на немецком языке, в которой он торжественно провозгласил европейский выбор России¹¹³. Он предложил видение Большой Европы от Лиссабона до Владивостока, которое в 2003 году нашло выражение в виде четырех общих пространств России и Европейского союза. Не ограничиваясь лозунгами и принципами, Путин настойчиво вел к фактическому сращиванию российской и европейской экономик. Идея заключалась в перекрестном обмене активами между российскими и европейскими компаниями для создания общего экономического пространства. В 2003 году президент РФ лично одобрил крупнейшую сделку — слияние российской нефтяной компании ТНК с транснациональной ВР. Местом обсуждения важнейших вопросов экономического взаимодействия с внешним миром вместо Российского

экономического форума в Лондоне стал ежегодный Петербургский международный экономический форум.

Важнейшими экономическими и геополитическими скрепами Большой Европы должны были, по мысли Путина, служить трубопроводы, доставлявшие российский газ в Германию по дну Балтийского моря («Северный поток» и «Северный поток — 2»), в Италию и Австрию по дну Черного моря («Южный поток»), и в Турцию, так же по Черному морю («Турецкий поток»). Газопроводы из СССР еще с конца 1960-х годов стали прочной материальной основой отношений России и Западной Европы, но именно в 2000-е годы они приобрели центральную, подлинно стратегическую роль в российской политике на европейском направлении.

Вторжение США в Ирак в 2003 году привело не только к охлаждению отношений Москвы и Вашингтона, но и к кратковременному сближению России с Францией и Германией и формированию на этой основе тройственной оппозиции политике США — «новой Антанты»¹¹⁴ внутри, как тогда казалось, *нового Запада*. В этом сближении вновь воплотилась идея российского объединения с ведущими государствами Европейского союза с целью мягкой и пока в целом дружественной коррекции внешнеполитического поведения Вашингтона.

2002–2003 годы стали пиком новейшего российского европейства. Сближение было налицо, хотя и в четко очерченных Западом пределах. Россия была объявлена партнером, но к принятию решений в НАТО ее не допустили.

Вопреки торжественным заверениям, европейские члены Совета Россия–НАТО неизменно выступали с заранее

согласованной позицией вместе с США, оставляя Россию в одиночестве. В Европейском союзе Москве обещали «все общее, кроме институтов» (формула Романо Проди). Даже перспектива членства России в институтах ЕС, однако, с самого начала отсутствовала — так же, как и в случае с НАТО. На этом фоне продолжался процесс присоединения к НАТО и ЕС бывших стран — участниц Организации Варшавского договора и бывших республик СССР.

В 2003 году ряд внутренних процессов в России — арест Михаила Ходорковского и возбуждение дел против нефтяной компании ЮКОС; выборы в Государственный Думу, по результатам которых обе либеральные партии, «Яблоко» и «Союз правых сил», оказались за пределами парламента, — резко изменил отношение западных политических элит и СМИ к президенту Путину и его политике. Дело ЮКОСа расстроило готовившиеся втайне планы покупки этой крупнейшей российской нефтяной компании американской ExxonMobil. Это было большим разочарованием для США. Руководство России обвинили в отходе от демократических и либеральных ценностей. В том же году лидеры ЕС и США нанесли Москве чувствительный удар на пространстве СНГ, расстроив уже подготовленное Россией соглашение по примирению в Молдавии (так называемый план Козака) буквально накануне визита в эту страну Путина. Россия, со своей стороны, прекратила участие в миротворческих операциях в Косово и Боснии и Герцеговине, осуществлявшихся под руководством НАТО, и вывела своих миротворцев с Западных Балкан.

2004 год закрепил и усилил тенденцию к охлаждению отношений с Западом. Прибалтийские государства и Словакия были приняты в НАТО, а восточноевропейские страны — Польша, Венгрия и Чехия, вошедшие туда пятью годами

ранее, — в ЕС. Внутри НАТО и ЕС стал складываться блок государств, современная идентичность которых выстраивалась на тезисе, что все они являлись жертвами российского империализма и советского коммунизма. Эти же страны — «новая Европа», по словам американского министра обороны Дональда Рамсфелда, — превращались в наиболее ревностных проводников политики США в Европе.

В Грузии и на Украине тем временем произошли цветные революции, развернувшие вектор внешней политики этих стран в западном направлении. «Революция роз» в Тбилиси обострила отношения с Москвой на почве конфликтов в Абхазии и Южной Осетии. «Оранжевая революция» в Киеве одновременно нанесла удар по российскому влиянию в крупнейшей из бывших советских республик и наглядно продемонстрировала технологии прозападной смены режимов в полуавторитарных государствах бывшего СССР. На этом фоне тон западных СМИ и риторика политиков в отношении России становились все более жесткими и недружественными. Владимир Путин в своей речи, произнесенной в сентябре 2004 года непосредственно после трагедии в Беслане¹¹⁵, фактически впервые после окончания холодной войны указал на США как на недругов России.

Вскоре пришел конец доверительным отношениям между Москвой, с одной стороны, и Берлином и Парижем — с другой. В 2005 году Герхард Шрёдер, а в 2007-м Жак Ширак ушли из власти. Отношения между Путиным и президентом США Джорджем Бушем сохранялись до начала 2009 года, когда Буш покинул Белый дом, но этот хороший личный контакт чем дальше, тем больше контрастировал с постоянно ухудшавшимися российско-американскими отношениями. Убийство в 2006 году в Лондоне Александра Литвиненко, бывшего офицера ФСБ и охранника беглого олигарха Бориса

Березовского, в котором англичане обвинили Кремль, положило начало резкому похолоданию в отношениях с Великобританией, за последующие полтора десятилетия ставших только хуже.

Замечание, сделанное Путиным в 2006 году в послании Федеральному собранию о том, что распад СССР был «крупнейшей геополитической катастрофой»¹¹⁶, на Западе расценили как сигнал о радикальном повороте внешней политики России. Развернутым обвинением политики США в гегемонизме и одновременно декларацией геополитической самостоятельности России стало выступление Путина на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2007 года. Мюнхенская речь стала политическим и психологическим водоразделом.

... *Россия сошла с орбиты Запада, на периферии которого она находилась с самого конца советской эпохи.*

В 2007 году в Североатлантический альянс вступили Румыния и Болгария. Москва отнеслась к этому, как и к состоявшемуся тремя годами раньше расширению НАТО в Прибалтике, внешне спокойно, но внутреннее напряжение в России росло. В начале 2008 года на повестке дня у НАТО неожиданно для Москвы оказался вопрос о начале процесса присоединения к блоку (через так называемый Membership Action Plan) Украины и Грузии. Путин специально — и единственный раз в жизни — приехал на атлантический саммит (формально — на заседание Совета Россия–НАТО) в Бухарест, чтобы предостеречь НАТО от опасного, как он считал, решения. Германия и Франция, также считавшие такое расширение опасным, заблокировали немедленное начало процесса приема двух бывших советских республик, которое

лоббировали США, но вынуждены были согласиться с обещанием, что Грузия и Украина когда-нибудь обязательно вступят в НАТО.

Такой формальный компромисс внутри НАТО оказался совершенно негодным. Путинские предостережения о хрупкости украинской государственности были восприняты на Западе как угрозы со стороны бывшей имперской метрополии, а предложенный вскоре Москвой — уже новым президентом Дмитрием Медведевым — договор о европейской безопасности, призванный остановить дальнейшее расширение НАТО, был фактически проигнорирован американцами и их союзниками. Со своей стороны, президент Грузии Михаил Саакашвили попытался силой решить проблему территориальной целостности страны и тем самым снять формальное препятствие для вступления к НАТО. Вторжение грузинских войск в августе 2008 года в неподконтрольную Тбилиси Южную Осетию, сопровождавшееся многочисленными жертвами, в том числе со стороны российских миротворцев, привело к войне на Кавказе и новому — после Косово и Ирака — острому кризису в отношениях России и Запада.

Подводя итоги этого периода, в целом совпадающего с первыми двумя сроками путинского президентства, приходится констатировать, что договориться с Западом по вопросам европейской безопасности на основе разграничения сфер интересов у Москвы не получилось: США и Евросоюз такой подход отвергли с порога. Сохранить стратегический буфер на западе — пояс нейтральных государств между Россией и странами НАТО — Москве также не удалось. Вслед за Восточной Европой (1999 год), Прибалтикой (2004 год), Восточными Балканами (2007 год) НАТО была теперь готова продвинуться на Украину и в Закавказье. Опереться

на партнеров в Германии и Франции в попытке остановить это движение оказалось невозможным.

Несмотря на общие пространства и многочисленные саммиты, российско-европейские отношения остались неинституционализированными. Личные связи Путина работали, пока его партнеры находились у власти, и не были продолжены с их преемниками — канцлером Германии Ангелой Меркель и президентом Франции Николя Саркози. Европа элит оказалась гораздо более атлантической, чем собственно европейской. Она еще могла оставаться экономическим партнером России, но политическое взаимодействие с Москвой оказалось поверхностным и малоэффективным. Геополитика и безопасность оставались прерогативой НАТО, фактически США. В этих условиях единственной преградой для дальнейшего расширения НАТО стало прямое военное столкновение Грузии, кандидата на вступление в альянс, с Россией. Риск быть втянутыми в войну с ядерной державой был признан на Западе чрезмерным.

• • •

В 2008 году Владимир Путин, отработав два срока в Кремле, выдвинул на президентский пост своего протеже Дмитрия Медведева. Медведев, избранный третьим президентом Российской Федерации, в свою очередь назначил Путина председателем Правительства России. В результате возник политический тандем, в котором ведущую роль играл Путин, однако Медведев, формально являясь главой государства, получил известную автономию в принятии некоторых решений, включая внешнеполитические. Отдавая Дмитрию Медведеву должное, логично тем не менее рассматривать его четырехлетнее президентство как часть «путинского» периода российской внешней политики.

В то же время Медведев в 2008–2012 годах, оставаясь ставленником и младшим партнером Путина, не был марионеточным главой государства. Личность Медведева, его собственные устремления и его окружение — своего рода «младший двор», если пользоваться историческими аналогиями, — оказали некоторое влияние не только на стиль внешней политики России, но и на некоторые ее направления. Надо учитывать, что вплоть до начала осени 2011 года элите и самому Медведеву не было ясно, разрешит ли Путин ему баллотироваться на второй срок.

Как уже говорилось, президенту Медведеву вскоре после вступления в должность пришлось реагировать на силовые действия Грузии против самопровозглашенной Южной Осетии и российских миротворцев. Результатом стала пятидневная российско-грузинская война — первая война постсоветской России против соседнего государства, притом бывшей советской республики.

... Тем не менее главным содержанием «медведевской»
 ... внешней политики стала попытка улучшить отношения
 ... с Западом как с основным внешним ресурсом внутренней
 ... экономической модернизации.

Действительно, после войны на Кавказе, формально завершенной посреднической миссией Николя Саркози, наступил новый период российско-европейского сближения, который, однако, оказался очень коротким. Неудача с предложенным им проектом Договора о европейской безопасности не обескуражила молодого российского президента. В 2009–2011 годах были оформлены модернизационные партнерские отношения России с Германией, Францией, Италией, другими странами. Путин предложил немецкому

бизнесу концепцию Большой Европы от Лиссабона до Владивостока¹¹⁷. В 2012 году Россия вступила во Всемирную торговую организацию.

Были подвижки в политической области и в сфере безопасности. Удалось решить 40-летний спор между Россией и Норвегией о границе экономических зон в Баренцевом море. Россия и Германия совместно выдвинули идею совета безопасности Европы — регионального аналога Совбеза ООН. Россия и НАТО приняли декларацию о стратегическом партнерстве. Начались консультации с США и НАТО по проблеме противоракетной обороны. В этих переговорах целью России являлось создание совместно с США и НАТО объединенной или общей системы ПРО Европы.

Москва предприняла важнейшую попытку исторического и духовного примирения с Польшей. Глава правительства Путин не только попытался установить рабочие отношения с премьер-министром Польши Дональдом Туском: Путин преклонил колено у памятника расстрелянным в Катыни по приказу Сталина польским офицерам, а глава Русской православной церкви патриарх Кирилл впервые в истории совершил визит в католическую Польшу. Историки двух стран подготовили совместные исследования по трудным моментам многовековой истории двусторонних отношений.

Отношения с США в это же время прошли краткую стадию перезагрузки. Был заключен новый российско-американский договор о сокращении стратегических ядерных вооружений (СНВ-3). Президент Медведев совершил визит в США. Россия пошла на беспрецедентные шаги. Она предоставила американцам и их союзникам воздушный коридор для снабжения и ротации их войск в Афганистане. Более того, в Ульяновске, несмотря на протесты КПРФ, была

оборудована перевалочная база, которой могли пользоваться силы НАТО, следовавшие в Афганистан или из него.

Москва поддержала инициированные Вашингтоном в ООН санкции против Ирана с целью побудить Тегеран к переговорам о его ядерной программе. Москва даже отказалась поставлять Тегерану закупленные и уже оплаченные иранцами комплексы ПВО С-300, хотя такие поставки не были запрещены решением Совбеза ООН. Готовность к сотрудничеству по многим направлениям была налицо. Казалось, что отношения между Россией и Западом наконец налаживаются на взаимоприемлемой основе. Но это было не так.

Уже в начале 2011 года сближение остановилось и началось новое похолодание отношений. Для администрации президента США Барака Обамы перезагрузка отношений с Москвой с самого начала была вспомогательным направлением, призванным помочь в решении приоритетных задач Вашингтона: контроля над стратегическими вооружениями, предотвращения появления у Ирана ядерного оружия и стабилизации положения в Афганистане. Для первого президента США, становление которого проходило уже после окончания холодной войны, отношения с Россией не представляли особой ценности. Пределы реально возможного оказались довольно узкими.

США отвергли российскую идею объединенной российско-американской системы противоракетной обороны в Европе, предполагавшую принцип «двух ключей» — совместного принятия решений о боевом применении средств противоракетной обороны (ПРО). Москва таким образом тестировала возможность фундаментального изменения характера отношений с Западом: объединенная ПРО, то есть общий периметр безопасности, по словам представителя РФ

при НАТО Дмитрия Рогозина, означала бы на деле оборонительный союз России и Запада без подчинения Вашингтону. США со своей стороны не рассматривали РФ как равную величину даже в стратегической области и тем более не думали делиться с кем бы то ни было «ключами» от собственной безопасности.

Не видя в отношениях с Россией особой ценности помимо помощи США в их политике в Афганистане и Иране, президент Обама не стал уделять особое внимание личной дипломатии на российском направлении. Общение с президентом Медведевым развивалось успешно, но контакт с председателем правительства Путиным не получился. Действуя как минимум неосмотрительно, а фактически бездумно, американский президент публично раздавал комплименты Медведеву и критиковал Путина как ретрограда. Вице-президент Джоозеф Байден, посетивший Москву в 2011 году, прямо отговаривал Путина вновь баллотироваться на пост президента России. После того как Путин выставил свою кандидатуру на выборах 2012 года в третий раз, американские официальные лица открыто поддерживали российскую несистемную оппозицию, организовавшую массовые протесты в Москве зимой 2011/12 года. Такая поддержка вызвала в Москве обвинения о вмешательстве государственного департамента США в российский политический процесс. Это случилось не в первый раз.

..... *Если в 1990-е годы США были коллективным патроном руководства России, то в начале 2010-х они стали превращаться в патрона российской либеральной оппозиции.*

Европейцы, как и американцы, были разочарованы и возмущены решением Путина вновь идти на президентские

выборы. Надежды и расчеты на развитие либерального и в принципе прозападного направления в российской политике, связанные с Дмитрием Медведевым, рухнули. Вместо них в Германии, Франции и других странах ЕС стал стремительно нарастать скептицизм относительно перспектив развития России под единоличным руководством Путина. Быстро росли и противоречия между Россией и Европой, которые уже не удавалось урегулировать.

Характерным в этой связи стал пример Ливии. Весной 2011 года президент Медведев дал указание представителю РФ в Совете Безопасности ООН воздержаться при решении вопроса о бесполетной зоне, фактически допускавшей военную интервенцию НАТО в Ливии. Это произошло впервые в истории российской дипломатии, традиционно блокировавшей односторонние силовые действия НАТО на международной арене. Правда, одновременно премьер-министр Путин высказался в отношении западной интервенции скептически, даже негативно, создав интригу по поводу возможной размолвки с Медведевым, но тем не менее Москва допустила — хотя и в оговоренных пределах — натовское вмешательство в Северной Африке.

Когда же вскоре после этого западные страны, приняв благожелательное поведение Москвы за должное, вышли за пределы мандата Совбеза ООН и осуществили полноценное военное вмешательство со сменой политического режима и дестабилизацией страны, Россия ответила резкой критикой. Как и в случае с ПРО, это был второй российский тест Запада на возможность сотрудничества. Результат и в этом случае оказался негативным. Помимо этого, еще в 2009 году у Москвы появились подозрения насчет подлинных целей принятой Евросоюзом по инициативе Польши и Швеции программы «Восточное партнерство»,

предложенной Брюсселем бывшим советским республикам, включая Украину.

Интервенция НАТО в Ливии была частью поддержки США и Европой «арабской весны» — серии восстаний против авторитарных режимов на Ближнем Востоке и в Северной Африке. «Весна» в этом политически застывшем регионе поначалу воспринималась Западом как предвестник глобального антиавторитарного сдвига. Высказывалась надежда на то, что если уже арабы восстали, то и российский режим может быть свергнут. Массовые демонстрации в Москве зимой 2011/12 года, казалось, поддерживали этот тезис. Для российских властей, как уже отмечалось, иностранное вмешательство в российскую внешнюю политику было очевидным.

..... После возвращения в Кремль на выборах 2012 года Путин взял курс на суверенизацию российской политической жизни, сведение к минимуму иностранного влияния. Это в свою очередь привело к усилению критики Западом авторитарных тенденций внутри России.

Одновременно появился еще один сильный источник раздражения в российско-западных отношениях: Сирия. С началом вооруженного восстания в этой стране в 2011 году — одновременно с восстанием в Ливии — США и Евро-союз отказались признавать президента Башара Асада и поддерживали его противников. В противоположность этому Россия заняла позицию поддержки законной власти. Москва поставила цель: не допустить повторения в Сирии ливийского сценария — смены режима вооруженной оппозицией при поддержке интервенции извне. Помощь Москвы сыграла ключевую роль в том, что Асад не был свергнут. Попытка

России в 2012 году договориться с США и ЕС о мирном политическом урегулировании в Сирии оказалась неудачной. От России на Западе ожидали сдачи Асада его противникам за умеренную награду — например, за сохранение Сирии в качестве клиента российского военно-промышленного комплекса. Шансов на соглашение на такой основе, конечно, не было.

В 2013 году российской дипломатии удалось урегулировать кризисную ситуацию, возникшую в связи с применением в Сирии химического оружия, но этот успех имел негативные последствия для российско-американских отношений. Президент США Обама, заранее объявивший о том, что химическая атака станет красной чертой, за которой неотвратимо последует возмездие Дамаску со стороны США, не стремился приводить угрозу в действие, опасаясь втягивания США в сирийскую войну. В этих условиях Путин предложил Соединенным Штатам сотрудничество в деле вывоза и ликвидации всего арсенала химического оружия Сирии. Оружие в итоге было вскоре вывезено и ликвидировано под международным контролем, но в США поведение Обамы признали его личным дипломатическим поражением. Для Москвы же соглашение с США по химическому разоружению Сирии стало редким случаем подлинно равноправного сотрудничества с Вашингтоном после распада СССР.

Другим событием, способствовавшим обострению российско-американских отношений, стало в 2013 году дело Эдварда Сноудена, работавшего по контракту бывшего сотрудника ЦРУ США, который предал огласке документы американской разведки. Москва отказалась выдать Сноудена США — в обстановке, когда все остальные государства, от Китая до Кубы, были готовы от него отступить. Аргумент, выдвинутый Путиным, был для него характерен:

Москва готова передать гражданина США американским властям, но только при условии подписания российско-американского соглашения о взаимной выдаче граждан, разыскиваемых той или иной стороной. Подобное равенство, однако, было и остается для США немыслимым. Дело Сноудена оказалось яркой демонстрацией российской суверенности — с американской точки зрения, непослушания — что больно ударило по авторитету президента Обамы.

Еще более серьезная проблема возникла в 2013 году на Украине. Здесь непосредственно столкнулись две линии: российская — на включение Украины в Евразийский союз и европейская — на ассоциацию Украины с ЕС. Москва была готова к компромиссу в рамках тройственных переговоров, но Брюссель настаивал на том, что отношения Евросоюза с Украиной не должны быть предметом переговоров с третьей стороной. Обе стороны, Россия и Евросоюз, совершили при этом грубейшие ошибки, о чем речь пойдет дальше. Эти ошибки способствовали украинскому кризису, который в начале 2014 года перевернул весь комплекс отношений Россия-Запад.

Итак, протестировав Запад с негативным для себя результатом, Россия не смогла ни удержаться от скатывания к конфронтации с США, ни сохранить прочные отношения с Европейским союзом.

..... *В дальнейшем конфронтация с Америкой превратилась в системное явление, а отношения с Европой вступили в период длительного взаимного отчуждения и стагнации. Причин для такого поворота было много, повод общий — Украина.*

В результате на востоке Европы — от Прибалтики и Польши до Румынии — возник пояс откровенно недру-

жественных России государств. В традиционно скептически настроенных по отношению к России странах — Великобритании, Швеции — усилилась враждебность к РФ. В отношениях с ключевыми игроками — Германией и Францией — возникло стойкое охлаждение. Волна антироссийских настроений прокатилась по всему континенту — от Португалии до Греции, от Финляндии до Испании. Произошло коренное изменение отношения правительств европейских стран к России — от нейтрально-дружественного до разной степени подозрительного и дальше к открытой враждебности.

• • •

На пространстве бывшего Советского Союза Путин стремился перевести отношения с новыми независимыми государствами на прагматическую основу национальных интересов. Он сосредоточился на экономической интеграции как на двустороннем, так и на многостороннем уровнях, проходящей на различных условиях и с разной интенсивностью, а также на сотрудничестве в области укрепления общей безопасности — особенно по отношению к угрозе терроризма.

⋮ *В условиях охлаждения отношений с Западом Путин попытался сформировать на этой основе Евразийский союз — полноформатный центр силы во главе с Москвой.*

Переворот на Украине, присоединение Крыма и конфликт в Донбассе не просто внесли коррективы в эти планы, а по существу привели к замене полноформатного проекта евразийской интеграции существенно уменьшенным по масштабам и гораздо менее глубоким проектом экономического союза.

Путин далеко продвинул российскую внешнюю политику на незападных направлениях: восточно- и южноазиатском, ближневосточном, африканском, латиноамериканском. В этих регионах России удалось укрепить безопасность и стабильность, вернуть себе авторитет, во многом утраченный в первый постсоветский период. Поддержание этого авторитета в будущем зависит от успешных действий России (часто рискованных), а в длительной перспективе — от прочности экономической основы российской внешней политики.

Внешнеполитическое наследие первых двух десятилетий правления Владимира Путина еще будет пристально изучаться и анализироваться. В практическом отношении сегодня есть смысл посмотреть на итоги этого периода сквозь призму следующих вопросов: «Что имеет непреходящее значение и должно быть сохранено следующими российскими лидерами?», «Что требуется изменить и развивать?», «От чего лучше отказаться?».

УСПЕХИ

То, что при Путине Российская Федерация восстановила реальный суверенитет, — это факт. Быстрый рост цен на нефть в 2000-е позволил стране перейти к экономическому росту уже на новой, созданной в 1990-е, капиталистической основе и освободиться от внешней финансовой зависимости. Налоговая реформа начала 2000-х годов обеспечила стабильное поступление налогов в бюджет. Национализация значительной части нефтедобывающей промышленности в середине 2000-х создала основу для скоординированной энергетической политики, ориентированной также на применение во вне страны.

Начатая в самом конце 2000-х годов реформа вооруженных сил дала Кремлю эффективный инструмент защиты и продвижения государственных интересов страны за рубежом. Стабильно высокий уровень поддержки Путина со стороны большей части населения обеспечил устойчивость власти. Политическая воля президента, транслируемая через вертикаль власти, гарантировала единство политики.

Неудача двух интеграций — российской в расширенный Запад и постсоветских стран в тесный союз во главе с РФ — заставила Путина совершить в середине 2010-х крутой поворот. Внешне это выглядело как движение от Большой Европы к Большой Евразии, которое многими воспринималось как поворот к Востоку, конкретно — к Китаю. На самом деле это был поворот России к себе самой в поиске равновесия в быстро меняющейся глобальной среде.

Нынешнее самоопределение России выглядит как утверждение себя в качестве крупной самостоятельной величины, расположенной на севере Евразийского материка, соседствующей с Восточной и Центральной Азией, Ближним и Средним Востоком, Европой и Северной Америкой. Москва более не ориентирована преимущественно в какую-то одну сторону, будь то Европа, США или Китай. Она активно взаимодействует с огромным количеством своих соседей и руководствуется при этом только собственными интересами. Все это, однако, не было стратегическим планом Путина, а скорее вытекало из неудачи политики двух интеграций — Большой Европы от Лиссабона до Владивостока и большого (непреренно с Украиной) и полноформатного (не только экономика, но и внешняя политика и безопасность) Евразийского союза.

Еще до конфронтации России с США и взаимного отчуждения с ЕС восточное направление внешней политики при Путине впервые приобрело значение и статус, сопоставимые с традиционно преобладавшим западным вектором. Это придало российской внешней политике равновесие. С одной стороны, повышенное внимание к Востоку стало следствием подъема Азии как глобального центра мировой экономики и политики. С другой стороны, Москва была вынуждена учитывать слабость и уязвимость российских геополитических и геоэкономических позиций на востоке страны. Исходя из этих соображений, Путин в 2000-е приложил много усилий для окончательного решения вопроса о границе с Китаем и налаживания тесного и продуктивного партнерства с Пекином.

При Путине началось формирование того, что можно условно назвать азиатской политикой России. Фундаментальное значение имело полное и окончательное решение всех вопросов, связанных с российско-китайской границей.

Стратегическое партнерство с Пекином приобрело черты антанты — принципиального согласия по важнейшим вопросам мирового развития (защиты национального суверенитета, полицентричности миропорядка) и тесной координации внешних политик по различным международным вопросам: ядерным проблемам Корейского полуострова и Ирана, борьбе с терроризмом в Сирии и других регионах и т. д.).

Это партнерство получило важнейшее энергетическое измерение благодаря запуску нефте- и газопроводов из России в Китай и участию китайских компаний в освоении энергоресурсов Сибири. Укрепилось военное сотрудничество России и Китая: с 2005 года проводятся регулярные совместные

военные учения на суше, на море и в воздухе, с 2019 года осуществляется совместное воздушное патрулирование ВВС двух стран в западной части Тихого океана. Россия содействует Китаю в создании национальной системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), что свидетельствует об особо доверительном характере военного сотрудничества между Москвой и Пекином.

В 2020 году Путин в публичном выступлении впервые допустил возможность военного союза между Россией и Китаем, хотя тут же признал, что нынешняя степень близости и сотрудничества в военных вопросах его вполне устраивает¹¹⁸. Это заявление прозвучало как сигнал, адресованный Вашингтону. Речь вряд ли идет о постоянном союзе наподобие НАТО или двусторонних договоров США: Москве пока удается сохранять ровные равноправные отношения с Пекином, поскольку КНР еще не претендует на ведущую роль в формирующемся альянсе.

Ровный характер связей и формальное равноправие — это сознательный выбор китайского руководства, а не результат сложившегося равновесия возможностей двух стран. В экономическом, научно-техническом, финансовом и военном отношениях (за исключением ядерной составляющей), не говоря уже о демографическом потенциале, Китай многократно превосходит Россию. Ослабление западного вектора российской внешней политики делает Москву еще более зависимой от Пекина в том, что касается экспортных рынков и импорта технологий. Невозможно ожидать от Китая, чтобы он отказался пользоваться своими преимуществами.

Наряду с Китаем Путин стремился развивать отношения с Индией как с сопоставимой с Китаем великой державой Азии и традиционным стратегическим партнером Москвы; с Японией и Южной Кореей — как ресурсами для

импорта технологий и инвестиций; со странами АСЕАН — как крупным и растущим рынком. Правда, положение России как квазисоюзника Китая и открытого противника США ограничивает возможности для развития связей Москвы со странами, опасаящимися амбиций Пекина и все теснее сотрудничающими с Вашингтоном. Постсоветская экономическая интеграция, активизировавшаяся с 2009 года в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), благодаря членству в этом объединении Казахстана и Киргизии и развитию двусторонних связей России с Узбекистаном и Таджикистаном также является свидетельством усиления восточного вектора внешней политики Москвы.

Двусторонние отношения и многосторонние форматы — в частности, Шанхайская организация сотрудничества и созданные в 2000-е годы по инициативе Москвы группы БРИКС и РИК (Россия — Индия — Китай) создали условия, при которых Россия, не будучи самым крупным и доминирующим игроком в экономическом отношении, смогла выступать в качестве одного из неформальных лидеров международных западных объединений.

Новое качество российской внешней политики — ее динамичная сбалансированность — наиболее ярко проявилось на Ближнем и Среднем Востоке, особенно с началом военной операции в Сирии в 2015 году.

.....
Москва заняла здесь уникальное положение игрока, способного поддерживать продуктивные деловые контакты со всеми значимыми силами в регионе, включая наиболее упорных антагонистов, таких как Иран и Израиль.

Применив в сравнительно небольшом объеме при относительно скромных затратах и с ограниченными потерями

военную силу в Сирии, Россия добилась своих непосредственных целей. Более того, впервые после распада СССР Москва стала восприниматься в регионе как серьезный игрок. Секрет такого успеха кроется в очевидной нацеленности России на действия в своих интересах, а не на собственные идеологемы или интересы тех или иных клиентов; в отказе от навязывания другим странам какой-либо геополитической модели; в хорошем знании региона и способности и готовности проводить политику, основанную на местных реалиях.

Сирия и Ближний Восток в целом стали сигналом того, что Россия возвращается на мировую арену, становится глобальным игроком — но игроком другого качества, чем был СССР. Вместо того чтобы, затрачивая огромные усилия, пытаться распространить свою модель на остальной мир, Москва пытается найти ниши, которые она может занимать с выгодой для себя. Помимо экспорта энергоресурсов, оружия, технологий атомной энергетики, продовольствия Россия выступает военным и дипломатическим игроком, политическим прикрытием для ряда государств, предлагает услуги в обеспечении безопасности. В таком качестве она присутствует не только в Европе и Азии. Статус России вырос как на Ближнем Востоке, так и в Африке и Латинской Америке.

Главная проблема здесь одна: погнавшись за тактической выгодой, не проиграть стратегически. Решение этой проблемы требует координации действий на различных направлениях и уровнях. Кроме того, чтобы укрепить уважение к себе, Россия должна быть верна своим принципам и ценностям.

Наконец, при Путине Арктика благодаря изменению климата превратилась в широкое поле приложения усилий в экономике, технологической сфере, а также в области

безопасности и внешней политики. Арктика стала новым плацдармом для развития отношений с внешним миром (через расширение Северного морского пути) и энергетических проектов и одновременно новой средой соревнования с конкурентами и противостояния с соперниками. В XXI веке Россия приобрела четвертый геополитический фасад — северный. Он требует повышенного внимания и капитального обустройства.

НЕУДАЧИ

Ряд путинских внешнеполитических начинаний не был доведен до конца. Путин не смог провести заявленную им национализацию элит. Что еще важнее, ему не удалось сформировать подлинно национальную правящую элиту. Когорта силовиков, призванная им во власть и получившая доступ к собственности, оказалась крайне неустойчивой к материальным соблазнам.

.....
Российская верхушка и сегодня остается в основном группой лиц, не только ставящих свои корпоративные интересы выше национальных и государственных, но и живущих в отрыве от своей страны, фактически за ее счет.

Необходимость включить в конституцию положение о недопустимости второго гражданства для высших чиновников и парламентариев красноречиво свидетельствует о разложении российской верхушки. В этом отношении — невыполнения обязанностей государственного служения и отсутствия строгих моральных ограничений — нынешняя элита принципиально отличается от своих советской и имперской предшественниц. Столь серьезный изъян

существующего политического режима лишает его долгосрочной перспективы.

Переход от планов строительства Большой Европы к идее Большой Евразии был болезненным. Сотрудничество с Европой — ближайшим соседом России — забуксовало не только в результате украинского кризиса и принципиальных разногласий по определению политических и общественных ценностей. Изначальные основы этого сотрудничества — европейская идея о все большем приближении России к европейским нормам и принципам, но без включения России в ЕС и российская надежда на то, что элиты стран ЕС с окончанием холодной войны сойдут с атлантической орбиты и начнут строить вместе с Россией Большую Европу — оказались нежизнеспособными. Не удалось договориться даже о принципах европейской безопасности в новых условиях.

В результате политических изменений в крупнейших европейских странах Кремль утратил доверительные отношения, которые Путину удалось наладить с лидерами Германии и Франции в первой половине 2000-х годов. Украинский кризис показал, что Москва не может рассчитывать на понимание европейскими элитами ее политики. Политический язык, на котором говорит Москва, плохо воспринимается в Европе, и наоборот. Поставить воссоединение Крыма с Россией в один ряд с воссоединением Германии Путину не удалось: немцы отказались понимать действия россиян, а рассчитывать на благодарность за содействие в германском объединении не приходилось.

Политические элиты европейских стран, в начале холодной войны отказавшиеся от проведения самостоятельной внешней и оборонной политики, семь десятилетий спустя оказались не способны мыслить иначе, чем в терминах либерально-демократических ценностей и порядка, основанного

на правилах. Решение геополитических задач и обеспечение безопасности они делегировали Соединенным Штатам Америки. Путин в этой связи неоднократно говорил о вассальной зависимости Европы от США, но проблема глубже. Кремль и европейские канцелярии перестали говорить на одном языке и как следствие этого утратили способность понимать друг друга. Избавившись от иллюзий времен Горбачева и Ельцина, российские руководители и представители вернулись к языку реальной политики, в то время как их европейские визави все больше развивали тезисы мира, основанного на правилах и принципах либеральной демократии.

Хотя политические контакты необходимо поддерживать со всеми значимыми силами в различных странах, даже робкие и неуклюжие попытки в сложившихся условиях играть на политическом поле ЕС, помогая или симпатизируя несистемным игрокам, бросившим вызов правящим элитам, — французскому Национальному фронту / Национальному объединению, немецкой «Альтернативе для Германии»; итальянской «Северной лиге», «Австрийской партии свободы» и другим — оказались грубой ошибкой. Она помогла трансатлантическим силам перейти в 2018–2020 годах в успешное контрнаступление.

Была проведена зачистка политического поля Европы от деятелей, симпатизировавших России или даже выступавших за углубленный диалог с Москвой. Европейский парламент и Парламентская ассамблея Совета Европы превратились в трибуны для резкой критики внешней и внутренней политики России. Европейские суды стали выносить решения, направленные против РФ и ее интересов. Страны Восточной Европы нашли поддержку на Западе в стремлении представить Советский Союз — наряду с Германией — виновником начала Второй мировой войны. Европа к началу

2020-х годов стала более антироссийской, чем она была антисоветской в 1960–1980-е годы.

Это важная перемена. Можно скептически относиться к британским обвинениям России во вмешательстве во внутреннюю политику Великобритании: войны между разведками Москвы и Лондона имеют длинную и богатую историю. Гораздо серьезнее и неприятнее, когда обвинения в информационных кампаниях, хакерских атаках или убийствах эмигрантов выдвигает Берлин. Реакция России на эти обвинения, как и на обвинения Лондона (дело Скрипалей в 2018 году) была невнятной. Ставка на то, что бизнес-интересы в конце концов возьмут свое, не оправдалась. Дело об отравлении Навального в 2020 году стало символическим концом эпохи российско-германского партнерства, сложившегося в ходе и в результате воссоединения Германии. Возможности политического взаимодействия не только с Германией, но и с Францией впервые в истории оказались для России фактически закрытыми. Такова новая реальность.

Разумеется, необходимо учитывать, что европейцы не в состоянии в ближайшем будущем восстановить даже стратегическую независимость от США, не говоря уже о подлинной самостоятельности. В обозримой перспективе основным содержанием российско-европейского взаимодействия будут экономические, научно-технические, культурно-гуманитарные связи. Геополитика и военная безопасность в Европе еще надолго останутся уделом российско-американских отношений.

· *Разрыв политических контактов с ЕС и уже тотальное*
 · *недоверие между политическими элитами России и Европы*
 · *создают серьезные проблемы для проведения Россией*
 · *равновесной внешней политики.*

Положение усугубляется неудачей попытки нормализации отношений с Японией. Президент Путин приложил много усилий к тому, чтобы превратить Японию в ресурс для российской экономической и технологической модернизации и элемент большой евразийской системы равновесия. Несмотря на 27 встреч, проведенных Путиным с японским премьер-министром Синдзо Абэ за почти восемь лет правления последнего (2012–2020 годы), заключение мирного договора и на его основе территориальное размежевание между Россией и Японией оказалось заблокированным в условиях российско-американского противостояния и американо-китайской конфронтации. Неудача окончательного примирения с Японией в свою очередь может увеличить зависимость России от Китая.

Не удалось пока перезапустить партнерство с Индией. Стагнация отношений Москвы и Дели, начавшаяся с распадом СССР, продолжается и ослабляет инерцию традиционной дружбы. Уровень связей с Индией, экономическая мощь, технологические способности и международные амбиции которой быстро растут, все больше отстает от уровня взаимодействия с Китаем. Российское чиновничество не стремится развивать отношения с Индией, поскольку добиться успехов на китайском направлении можно быстрее. Более того, резкое обострение отношений между Индией и Китаем — вплоть до вооруженного конфликта на границе в 2020 году — создает проблемы для России, считающей обе великие азиатские державы своими стратегическими партнерами. Не только выбор в пользу одной из сторон, но даже пассивный нейтралитет между ними сопряжен с огромными геополитическими потерями. В сочетании с быстрым сближением Индии с США, в том числе на антикитайской основе, а также со значительным ослаблением отношений РФ с ЕС

это создает угрозу для геополитического равновесия России в Большой Евразии.

Экономическая интеграция с несколькими странами СНГ в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), которую Путин, будучи председателем Правительства РФ, активизировал созданием Таможенного союза, служит интересам России и ее партнеров. В то же время ЕАЭС — проект с целями хотя и важными, но ограниченными. У этого союза нет перспектив трансформации в полноформатный — экономический, геополитический, военный — центр силы в Евразии, тем более под лидерством Москвы. Страны-партнеры, в том числе ближайшие — Белоруссия и Казахстан — очень ревниво относятся к сохранению государственного суверенитета.

... Независимость для Минска и Нур-Султана — это прежде
... всего независимость от Москвы.
...

Нет у ЕАЭС и возможности стать серьезным конкурентом или равновеликим партнером других интеграционных объединений — ЕС, АСЕАН, а также Китая. Каждый из этих игроков в разы превосходит экономический потенциал евразийского объединения. Это не означает невозможности равноправных экономических отношений, но заставляет реально смотреть на перспективы проекта Большого евразийского партнерства и роли России в нем.

Вторая карабахская война осенью 2020 года стала результатом стойкой неспособности Еревана и Баку решиться на дипломатическое урегулирование армяно-азербайджанского конфликта. Настойчивые усилия Москвы подвигнуть стороны к компромиссному решению успеха не имели. В ходе вооруженного конфликта России удалось сохранить равновесие между подходами к армянским союзникам

и азербайджанским партнерам; предотвратить расширение войны и возможное столкновение с Турцией; остановить приток в регион боевиков из стран Ближнего Востока. По условиям соглашения о прекращении огня от 9 ноября 2020 года Россия получила статус миротворца в Нагорном Карабахе и право на размещение в этом регионе воинского контингента. В январе 2021 года российской дипломатии удалось организовать в Москве личную встречу лидеров Азербайджана, Армении и России и наметить пути восстановления транспортных и экономических связей в регионе.

В то же время результатом войны стало еще более тесное сближение Баку с Анкарой и превращение Турции — региональной державы и члена НАТО — в активного геополитического игрока на Южном Кавказе. России пришлось согласиться с физическим присутствием турецких военных в совместном мониторинговом центре на территории Азербайджана, а также с созданием (правда, под российским контролем) сухопутного коридора из Турции в Азербайджан через территорию Армении. Военная победа Азербайджана над союзной России Арменией после 26 лет замороженного конфликта стала предупреждением, что неурегулированность ряда других замороженных конфликтов — от Приднестровья до Донбасса — является значительным фактором риска для интересов России в ближнем зарубежье.

Развитие интеграционных связей с Белоруссией в рамках Союзного государства зашло в тупик в конце 2019 года. Стремление Москвы к самой тесной форме интеграции с Минском, вплоть до перехода на единую валюту и формирования органов единого государства, натолкнулось на усилившееся стремление Минска сохранить белорусскую государственность и многовекторность внешней политики страны. Политический кризис в Белоруссии, начавшийся

в августе 2020 года, стал моментом истины для российской внешней политики. Если Москве не удастся помочь Белоруссии преодолеть этот кризис и выстроить более тесные отношения с нею на основе баланса национальных интересов двух стран, на важнейшем для Москвы стратегическом направлении может возникнуть угрожающая ситуация опаснее украинской. Грубые ошибки и просчеты российской внешней политики в отношениях с Украиной свидетельствуют, что этот сценарий не является совершенно невозможным.

ОШИБКИ

Некоторые инициативы путинского периода не прошли испытания практикой, оказались ошибками. Идея многополярного мира, то есть мира геополитического и геоэкономического равновесия, в целом соответствует интересам России, российскому мировосприятию и отечественным традициям. Стремление занять достойное и выгодное место в объективно формирующемся новом миропорядке требует четкого целеполагания и продуманной стратегии.

... *Отсутствие долгосрочной стратегии, увлечение секретными операциями, тактическим маневрированием и особенно спецоперациями обрекает внешнюю политику на существенные риски.*

Владимир Путин неоднократно заверял, что Россия не допустит конфронтации с США. Когда новое противостояние стало фактом, президент России начал говорить, что такое развитие событий было неизбежным. Вообще, за ссылками на неизбежность того или иного негативного развития событий иногда может скрываться простое нежелание

признавать собственные ошибки. Действительно, как демонстрирует развитие американско-китайских отношений при президенте США Дональде Трампе, Вашингтон не всегда дожидается действий другой стороны, чтобы обрушиться на усилившегося соперника. В случае с Китаем американцы в какой-то момент осознали, что продолжение прежней политики в отношении КНР обязательно приведет к настолько значительному укреплению Китая, что Америке придется расстаться с положением сильнейшей мировой державы. Для того чтобы покончить с инерцией и иллюзиями предшествовавших десятилетий, потребовалась такая взрывная фигура, как Дональд Трамп. Антикитайская политика администрации Трампа, однако, получила полную поддержку всего политического класса США.

В случае с Россией ситуация была и остается иной. После провала реформ 1990-х годов Россию в США практически списали со счетов. Ее перестали воспринимать в качестве соперника и глобального игрока. Когда сенатор-республиканец Митт Ромни, неудачно баллотировавшийся в президенты на выборах 2012 года, назвал Россию врагом Америки номер один, его подняли на смех. Для переизбранного на этих выборах президента Обамы Россия была не более чем региональной державой. Слышать это Москве, возможно, было обидно, но снижение значимости страны в глазах Вашингтона давало России возможность сосредоточиться на укреплении собственной экономической и технологической базы, а также вооруженных сил, не вызывая огонь на себя прежде времени.

Подробный разговор об Украине впереди. Здесь можно только заметить, что, если бы кремлевская реакция на киевский майданный переворот ограничилась взятием под контроль Крыма с последующим присоединением его к РФ,

но не распространилась бы на Донбасс под лозунгом создания Новороссии, ухудшение отношений с США и особенно с Европой вполне возможно было бы ограничить.

В условиях идущей конфронтации иногда слышатся заверения в том, что новой гонки вооружений с США не будет. Действительно, военные расходы России на порядок меньше американских. В России помнят, чем обернулось для советской экономики поддержание военно-стратегического паритета — то есть примерного равенства в вооружениях — с США. Помнят и то, что в момент, когда Советский Союз распался, его вооруженные силы находились на пике своей мощи. Тем не менее необходимость ответа на американские военно-технические и стратегические новации требует развития вооружений, в том числе опережающего — как в случае гиперзвукового оружия. Подобно тому, как невыполнимыми оказались неоднократные заверения Кремля, что РФ не допустит конфронтации с США, невыполнимым оказывается и другое заверение — удержаться от гонки вооружений со старым-новым главным противником. Гонка военных технологий уже стала фактом.

Цель оборонной политики РФ заключается прежде всего в поддержании абсолютной надежности сдерживания любого потенциального противника. Вывод, сделанный лидерами СССР и США в конце холодной войны, полностью актуален и сегодня. В ядерной войне не будет победителей, и вести ее бессмысленно. Россия как материально менее крупная сила, чем США, обязана, защищая свои интересы, не только избегать фронтальных столкновений с соперником, но и не втягиваться в разорительные соревнования с ним. Разумная достаточность для сдерживания должна оставаться важнейшим принципом политики в этой области.

Фундаментальной ошибкой российской внешней политики с середины 1990-х была чрезмерная сосредоточенность на проблеме расширения НАТО. Нет сомнений: присоединение бывших союзников СССР в Восточной Европе и стран Прибалтики к НАТО создало для России некоторые потенциальные угрозы, но главным образом зафиксировало ослабление внешнеполитических позиций Москвы в результате поражения в холодной войне. В то же время информационная борьба с расширением НАТО, попытки политически противодействовать продвижению альянса на восток не только не уменьшили негативные последствия расширения для России, но углубили водораздел между Москвой и ее бывшими сателлитами в Восточной Европе.

Расширение НАТО удалось остановить, но не политико-информационными, а военными средствами. Война с Грузией в ответ на нападение грузинских войск на Южную Осетию и российских миротворцев, присоединение Крыма к Российской Федерации, наконец, военный конфликт на востоке Украины недвусмысленно сигнализировали Вашингтону и его союзникам: включение в НАТО Грузии и Украины чревато непосредственным военным столкновением альянса с Россией. В результате дальнейшее продвижение НАТО в сторону России перестало быть актуальным, несмотря на ритуальные заявления о том, что дверь альянса якобы остается для Киева и Тбилиси открытой.

У этого достижения есть, однако, и оборотная сторона. Активные действия России по предотвращению потенциальной угрозы вдохнули новую жизнь в НАТО, помогли возродить образ России как военного противника Запада. Реанимация угрозы с востока через четверть века после

окончания холодной войны и военно-политические последствия конфронтации с США для отношений РФ с Европой перечеркнули многолетние усилия Москвы и стали стратегическим поражением России на европейском направлении.

Корни чрезмерного значения, которое придавали в Москве расширению НАТО на восток, в устаревшем стратегическом мышлении. Факторы географического положения и стратегической глубины традиционно играли здесь первостепенную роль. Страшная травма 22 июня 1941 года требовала действовать так, чтобы силы потенциального противника находились на максимальном удалении от важнейших политических и экономических центров страны. Именно следуя этой логике, СССР после Великой Отечественной войны создал широкий пояс безопасности в Восточной Европе.

Уже во второй половине 1940-х годов, однако, появление ядерного оружия и стратегической авиации, а вскоре и других носителей — межконтинентальных баллистических ракет и подводных ракетноносцев — практически обесценило значение этого стратегического буфера. В современных условиях вряд ли можно представить создание у границ России группировки сухопутных сил, авиации и ВМС для массированного внезапного нападения на нее, как это было в 1941 году. Военный потенциал, реально представляющий угрозу для России, сосредоточен совсем в других местах, в основном на территории США, и может быть задействован практически мгновенно. Соответственно, и меры, сдерживающие эти угрозы, должны быть направлены на их первоисточник. В таком сдерживании и заложена основа стратегической стабильности.

Есть у этого вопроса и другая сторона.

Если для России НАТО представляет проблему не как союз без малого трех десятков разнокалиберных государств, а как площадка для размещения американских вооруженных сил и ракет, нацеленных на Россию, то неучастие той или иной европейской страны в НАТО не решает проблемы безопасности РФ. Дело в том, что ничто не мешает США разместить свои базы и системы оружия на территории ориентирующихся на них стран, не являющихся членами НАТО.

Так, ВМС США после 2014 года утратили возможность базироваться в Севастополе, на что справедливо указывал президент Путин в своей речи перед Федеральным Собранием 18 марта 2014 года, но при этом они активно осваивают Очаков и Одессу. Черное море превратилось в акваторию повышенной активности ВМС стран НАТО. Американские стратегические бомбардировщики подлетают непосредственно к Крыму. Появление новых американских баз на территории дружественных США стран Восточной Европы — не только Украины, но и Грузии — зависит исключительно от решения правительства в Вашингтоне.

Ошибочно также считать, что нерешенные территориальные споры с соседями или территориальные конфликты могут служить гарантией от вступления тех или иных стран в НАТО. В годы холодной войны в члены альянса была принята Западная Германия: при том, что послевоенный статус-кво в Европе не считался тогда окончательным, в ФРГ официально говорили о границах 1937 года, столицей страны в основном законе назывался Берлин, а США и их союзники вплоть до начала 1970-х годов отказывались признавать ГДР. Не замороженные конфликты в Донбассе или Южной Осетии и Абхазии удерживают Вашингтон от приглашения

Украины и Грузии в НАТО, а нежелание США — пока что — принимать на себя обязательства, которые могли бы завести их в прямой военный конфликт с Россией.

Справедливости ради нужно уточнить, что проведенная выше аналогия с послевоенной Западной Германией в нынешних условиях реально не работает: стратегическое значение Украины и тем более Грузии для США несопоставимо со значением ФРГ периода холодной войны. Эта оговорка, однако, не подрывает, а подкрепляет основной тезис: расширение НАТО на восток не было столь масштабной военной угрозой, какой она представлялась. Завышенная оценка угрозы имела стратегические последствия.

• • •

Преувеличенное значение, придаваемое в Москве расширению НАТО, оказало решающее влияние на политику России в отношении Украины. Именно политика на украинском направлении стала наиболее серьезной ошибкой последних лет. Речь идет не о действиях в Крыму, которые стали реакцией на переворот в Киеве, а прежде всего о логике поведения Москвы, которая не позволила ей предотвратить украинский кризис 2014 года, ставший переломным моментом во всей внешней политике России постсоветского периода.

Помимо неоправданного страха перед продвижением НАТО причина ошибок коренилась в неверном представлении Кремля об устремлениях украинских элит и о характере украинского общества. Считалось, что украинские элиты можно было кооптировать в евразийский интеграционный проект и что простые украинцы и русские — две ветви единого народа — это поддержат. Довлело и представление о том, что без Украины с ее 40-миллионным населением нельзя будет достичь критической

массы — 200 млн человек — для создания евразийского центра силы. Таким образом к неоправданному страху перед расширением НАТО добавилась иллюзия о возможности создания под руководством Москвы нового тесного объединения на платформе бывшего СССР.

Попытка Путина включить Украину в состав Евразийского союза была не просто напрасной. Такая интеграция, если бы ее удалось запустить, с самого начала была бы чрезвычайно проблемной, очень затратной для России и в конечном итоге провалилась бы: «самостийный» политический проект украинской элиты, от которого она уже не откажется, в принципе несовместим с любой формой интеграции с Россией, даже чисто экономической.

Даже если бы у свергнутого в 2014 году украинского президента Виктора Януковича в последний момент сработал инстинкт самосохранения и он разогнал бы майданный лагерь (на что, вероятно, рассчитывали в Кремле), для Москвы это обернулось бы масштабным кризисом отношений с США и Евросоюзом с еще более тяжелыми последствиями, чем те, которые наступили по итогам Крыма и Донбасса. России с большой степенью вероятности пришлось бы финансово, экономически и военно-полицейскими мерами поддерживать непопулярный и коррумпированный режим в Киеве. Необходимо стало бы также помогать подавлять новую бандеровскую партизанщину в Галиции и на Волыни, где, возможно, в подполье была бы провозглашена западноукраинская республика. Такое вмешательство России на Украине, пусть и в поддержку законной власти, в свою очередь, вызвало бы санкции США и ЕС, которые поддерживали бы украинскую оппозицию и помогали ей бороться с Москвой

и ее киевскими марионетками. Крым, конечно, остался бы украинским.

Это, разумеется, всего лишь предположения, которые не могут быть проверены. Приходится констатировать: государство Украина — крупный и враждебный России сосед, и это надолго. Единственное облегчение для Москвы состоит в том, что внутренние проблемы Украины перестали быть бременем для России. По-видимому, навсегда.

За долгое правление Владимира Путина сознание российского общества и элит далеко ушло от восприятия своих границ в рамках политической карты советского периода. Прибалтика, Закавказье, Средняя Азия и Казахстан, Молдавия уже давно воспринимаются в России как иностранные государства, стремления к воссоединению с ними уже нет. Сам Путин публично повторял, что «тот, кто не жалеет о распаде СССР, не имеет сердца, но тот, кто хочет его восстановления, не имеет головы»¹¹⁹.

В то же время постимперская «национализация» сознания оказалась благодатной почвой для идей Русского мира, в том числе в геополитическом смысле. В кремлевском варианте Русский мир предполагал тесное единение — не только духовное и культурное, но и геоэкономическое и геополитическое — трех «русских» (в том смысле, в каком это слово понималось в XIX веке) государств: России, Украины и Белоруссии.

В отличие от культурного и духовного измерения, геополитический Русский мир, однако, оказался иллюзией, за которую пришлось заплатить высокую цену. Идея Новороссии, бездумно и наспех предложенная в условиях украинского кризиса 2014 года, привела, вероятно, к самой серьезной ошибке путинской внешней политики — к прямой поддержке антимайданного восстания в Донбассе.

К счастью, эта ошибка была вовремя купирована. Она не привела к масштабной военной операции на Украине, хотя такая возможность — в виде мандата Совета Федерации — у президента была. Даже в отсутствие организованного сопротивления украинских войск военная оккупация Украины весной 2014 года привела бы к тяжелейшим последствиям и в конце концов закончилась бы колоссальным провалом. Президент Путин не пошел на этот шаг. Он сдерживал сторонников активных действий и на местном уровне — от занятия Мариуполя или установления контроля повстанцев над всей территорией украинского Донбасса. Приходится в этой связи иметь в виду, что увлеченность какой-либо навязчивой идеей, будь то идея воссоединения с «братским народом» или отпора глобальной гегемонии США во имя более справедливого миропорядка, вредна.

⋮ *Главное для России — не миропорядок сам по себе, а место*
 ⋮ *России в этом миропорядке.*

УРОКИ

- За первые 20 лет правления Владимира Путина Российская Федерация сумела вновь занять место самостоятельного, активного и значительного участника международных отношений глобального уровня. Этот статус, в целом соответствующий представлению россиян о месте и роли своей страны в мире, требует закрепления. Такое закрепление может стать результатом прежде всего экономического развития страны, обретения ею не только политического, военного и финансового суверенитета, но и технологического, преодоления чрезмерной зависимости бюджета страны от нефтегазового экспорта.

- В геополитическом отношении Россия в конце концов достигла при Путине точки внутреннего равновесия. Центр тяжести ее позиции расположен в пределах самой страны, а не в Европе или Азии. Россия освободилась от иллюзорных надежд стать частью мирового Запада и от ностальгических воспоминаний о «большой стране» — империи или Союзе, которые невозстановимы. Достигнутую позицию — России как северной Евразии, самостоятельной и свободной державы глобального уровня — необходимо укреплять, поддерживая равновесие между четырьмя основными внешнеполитическими векторами: западным (евро-атлантическим), восточным (азиатско-тихоокеанским), южным (индо-ближневосточным) и северным (арктическим).
- При Путине Россия заметно усилила восточный вектор внешней политики. Здесь требуется поддержание равновесия с китайским колоссом, а также равновесия между китайским и другими направлениями азиатско-тихоокеанской стратегии России. Политика на востоке будет тем успешнее, чем скорее России удастся повысить отдачу — прежде всего экономическую — от европейского направления. Резервами по большей части остаются также юг (главным образом связи с Индией) и север (Арктика).
- Чтобы продвинуться на европейском направлении, требуется переосмысление политики в отношении Украины, переориентация с собирания земель Русского мира на собирание людей этого мира на своей территории, а также большая отстраненность от вопросов, которые мало затрагивают российские интересы — например, внутривнутриполитической борьбы

в отдельных странах Евросоюза или от традиционных интриг на Балканах. Бесперспективными и даже вредными являются попытки подорвать трансатлантические отношения. Связи между Европой и США периодически напрягаются, но попытки Москвы воздействовать на них лишь провоцируют стремление европейцев и американцев их укрепить на антироссийской основе и за счет отношений с Россией.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

КОНТУРНАЯ КАРТА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА 2020-Е ГОДЫ

Мир 2020-х годов и Россия

Главная мировая тенденция 2020-х годов — начало становления миропорядка, в котором страны Запада впервые с эпохи Великих географических открытий и повторного изобретения пороха не будут играть господствующей роли. Речь идет как о геополитике и геоэкономике, так и о культуре и идеях, которые будут править миром. Либеральная демократия, триумфально победившая советский коммунизм в конце холодной войны, не смогла утвердиться в незападной части мира и столкнулась с вызовами внутри самого Запада. В то же время альтернативная либерализму глобальная модель отсутствует.

Процесс глобализации не двинулся вспять, но глобализация в форме вестернизации достигла своих пределов. В рамках глобального мира идет процесс структуризации на уровне макрорегионов. Запад, потерпевший неудачу в распространении своей системы на весь мир, стремится теснее сплотиться в противоборстве с соперниками. В это же время внутри Запада проходит лавинообразное ослабление традиционных, особенно христианских, ценностей, на смену которым приходят ценности трансгуманизма. Вопросы морали, нравственности, этики выдвигаются в первый ряд идейной борьбы, занимая то место, которое во второй половине XX века принадлежало проблемам демократии. Запад быстро меняет лицо, внешняя политика западных стран идеологически переформируется и активизируется.

Соперники Запада не объединяются пока в единый геополитический блок. Если их что-то объединяет, так это то, что в противовес западному универсализму они отстаивают

принцип национальной идентичности и национального суверенитета. Китай — главный экономический и технологический соперник США на современном этапе — предлагает ряд сформулированных в самом общем виде принципов — «общей судьбы человечества», «новых отношений между великими державами» и т. п. При этом, оставаясь государством, руководимым и направляемым коммунистической партией, КНР не выдвигает идеологической альтернативы экономическому либерализму, во многом благодаря которому Китай смог стать крупнейшей мировой экономикой. На практике китайское руководство остается сосредоточенным прежде всего на проблемах своей страны.

Россия, частично восстановившая военную мощь и своим поведением бросившая вызов доминированию США, находится еще только в поиске идейной основы своей политики. Взаимодействие Китая и России, одновременно оказавшихся под политическим, экономическим и военным давлением США, становится более тесным. Тем не менее новый расклад сил не предвещает формирования жестких военно-идеологических блоков по образцу холодной войны. На мировой геополитической арене западный универсализм во главе с США сталкивается с очень разными обществами, отстаивающими национальные модели развития и национальный суверенитет. Дилемму расколотого мира XX века — демократия или коммунизм — в глобальном мире XXI столетия сменила другая дилемма: универсальное или национальное. Именно эта ось становится новым мировым водоразделом. Турбулентность нарастает.

Эту турбулентность усиливает технологическая революция, затрагивающая все стороны жизни обществ и государств. Распространение новых технологий приведет к быстрому отмиранию ряда массовых профессий и как следствие к революции

на рынках труда. Развитие биоинженерии не только открывает перспективу существенного продления жизни, но и создает основу для социального неравенства совершенно иного рода, чем ранее: богатые могут жить существенно дольше, чем остальные люди, и при этом оставаться здоровыми. Открывается перспектива появления совершенно нового человека — но уже не в духовном, а в физиологическом смысле слова. Господствовавшие до сих пор моральные и этические установки ставятся под вопрос. Искусственный интеллект не только революционизирует повседневную жизнь, но и создает возможность войны машин в совсем ином смысле, как это понималось столетие назад: в этой новой войне машины будут не только выполнять приказы человека, но и принимать решения за него и зачастую против него.

Современный этап развития цивилизации называют информационным. Информация, знания становятся важнейшими ресурсами. В соперничестве великих держав информационное поле уже стало фактически самым важным. Банки информации уже как минимум не менее важны, чем финансовые институты. Владение нужной информацией считается одним из основных факторов государственного управления, а в определенных случаях — международного и даже глобального доминирования. Быстро поднявшиеся информационные корпорации, такие как американские Google, Facebook, Apple, — явление совершенно иного рода, чем привычные транснациональные корпорации или инвестиционные банки. В то же время обилие информации и невиданные возможности манипулирования ею, создания альтернативных фактов, фальшивых новостей, подделки и имитации всего и вся уже создали мир «постправды», где реальность вынуждена сосуществовать с правдоподобными образами и где фактически отсутствуют надежные механизмы верификации.

Столь масштабная смена эпох неизбежно связана с огромными сдвигами и потрясениями, которые полностью изменят всю систему международных отношений. Сейчас мы можем только строить предположения о том, какой порядок сменит нынешнюю систему и сколько времени уйдет на его формирование: мы присутствуем на самых ранних этапах изменений. С уверенностью можно сказать лишь то, что переходный период будет крайне сложным, опасным и по человеческим меркам долгим.

Три события начала XXI века обозначили начало перехода. Первым стал финансовый кризис 2007–2008 годов, обнаживший слабость и уязвимость западной модели экономики и, соответственно, западного варианта глобализации. В отличие от Великой депрессии 1930-х годов этот кризис не привел к глубоким экономическим и политическим реформам в США и Европе. Ситуация на Западе продолжает усугубляться, порождая внутреннюю неустойчивость в ведущих странах. В то же время Китай, несмотря на известные внутренние диспропорции, не только продемонстрировал устойчивость своей экономики, но и обрел еще большую уверенность в своем стремлении добиться долгосрочной цели — стать крупнейшей экономикой мира и обеспечить благосостояние огромного населения страны.

Вторым явился украинский кризис 2014 года, который после четвертьвекового перерыва вернул в повестку международных отношений соперничество великих держав: своими действиями в Крыму и на востоке Украины Россия бросила вызов миропорядку, установленному и поддерживавшемуся Соединенными Штатами Америки. Украинский вызов был усилен сирийским: Россия в 2015 году

не только вернулась на Ближний Восток, нарушив 25-летнюю американскую монополию на применение силы в регионе, но и помешала Вашингтону реализовать важную для него задачу — свержение режима в Дамаске и ликвидацию иранского влияния в Сирии. Более того, вслед за Ближним Востоком Россия возобновила активную деятельность в различных регионах мира — от Центральной Африки до Латинской Америки.

Третьим стало избрание в 2016 году Дональда Трампа 45-м президентом США, отразившее серьезный кризис демократии в самом центре современного Запада и приведшее к повороту во внешней политике Вашингтона от лидерства к жесткому соперничеству с другими странами, не исключая американских союзников. С тех пор, в том числе в условиях начавшейся в 2020 году пандемии COVID-19, политический, социальный, идеологический и культурный кризис в США продолжает обостряться. Выборы 2020 года, приведшие к поражению Дональда Трампа и избранию Джозефа Байдена, не завершили его. Вероятно, Соединенные Штаты вступили в полосу серьезного внутреннего противоборства, конфликтов и, возможно, потрясений.

В геополитике и геоэкономике (включая технологии и финансы) главным межгосударственным противостоянием стало соперничество новой пары глобальных сверхдержав — США и Китая. Это соперничество, вошедшее в 2020 году в стадию конфронтации, заняло положение центральной оси глобальной политики и экономики. Конфронтация с Китаем, на которую пошло руководство США, не является личным выбором Трампа. Американский политический класс, его идеологическое крыло, военно-промышленный комплекс, очевидно, пришли к выводу, что, если не попытаться сейчас сдержать рост мощи Китая, уже в среднесрочной

перспективе США будут оттеснены КНР на позицию второй сверхдержавы, чего ни в коем случае нельзя допустить.

Другие страны, строя свою политику, вынуждены все больше учитывать фактор нарастающей американо-китайской конфронтации. Союзники США — Европа, Япония, Южная Корея, Канада, Австралия и другие — зависят от Вашингтона в вопросах безопасности и давно доверили американцам общее управление своей внешней политикой. В то же время эти страны активно торгуют с Китаем, экономически связаны с ним. Американо-китайская конфронтация ставит их в сложное положение. США, вероятно, будут требовать от союзников полной солидарности, но в отсутствие китайской военной угрозы такое давление будет восприниматься болезненно, провоцируя напряженность в американском лагере.

У Китая практически нет формальных союзников. Ряд государств — Россия, Пакистан, Иран, Казахстан и другие — находятся в тесных партнерских отношениях с КНР, но обязательства поддерживать Пекин они не связаны. В то же время эти страны, как и Китай, стремятся к более уравновешенной структуре международных отношений, гегемония США их не устраивает. Объективно, исходя из собственных национальных интересов, ряд влиятельных мировых игроков при проведении самостоятельной политики будет скорее на стороне Китая, а не США. Тем не менее жесткой блоковой биполярности по образцу холодной войны, вероятно, удастся избежать, ситуация будет более сложной, чем во второй половине XX века.

Параллельно с центральным противостоянием США и Китая усиливается конфронтация между США и Россией и обостряется соперничество между Китаем и Индией. На этом фоне укрепляются неформальные альянсы — между

Пекином и Москвой, Вашингтоном и Дели, Дели и Токио, а также возрастает нагрузка на партнерство Дели и Москвы, а также на отношения России и Японии. Наряду с противостояниями и сближениями глобального уровня обостряется соперничество на региональных площадках, в частности на Ближнем и Среднем Востоке.

В обозримом будущем — во всяком случае до конца нынешнего десятилетия — **Соединенные Штаты Америки** будут заняты поиском выхода из переплетения внутренних кризисов. Не менее важно для Америки сформулировать новую адекватную цель, а также роль и стратегию поведения в мире. Сделать это будет особенно сложно, учитывая комплекс американской исключительности и приобретенные в XX веке привычку силового доминирования и ощущение морального превосходства. Дальнейшее ослабление гегемонии будет порождать болезненную реакцию, вызывать попытки развернуть ход исторических процессов, остановить противников все еще колоссальной мощью США, силой американских союзов.

... Во многих отношениях «спуск» США с мирового Олимпа,
... даже всего на одну позицию, обещает быть более
... рискованным, чем был их стремительный подъем наверх.

Европейский союз, потеряв в результате британского референдума 2016 года одного из своих самых влиятельных членов, не распадется и даже может более сплотиться. Тем не менее дальнейший ход европейской интеграции осложняется фактором усиления роли национальных государств и, соответственно, роста противоречий между ними. Берлину и Парижу будет непросто поддерживать тандем в рабочем состоянии и обеспечивать таким образом лидерство в Европе. Германо-французскому ядру ЕС придется улаживать

проблемы сразу на нескольких направлениях: север–юг, запад–восток, отношения со странами за пределами ЕС и т. д. Оставаясь военно-политическим союзником США в рамках НАТО, Европа вынуждена оппонировать Вашингтону в экономических вопросах. Особенно болезненным будет вопрос о практической солидарности с США в отношениях с Китаем. Вероятно, Америка сумеет и в этом случае найти способ добиться послушания Европы, как это уже произошло в отношении Ирана и России, но нагрузка на трансатлантические связи будет возрастать.

Столкнувшись неожиданно для себя с резко возросшим давлением со стороны США, Китай вынужден существенно изменить стратегию внешней политики. В течение четырех десятилетий эта политика была нацелена на постепенное вращение КНР в мировую экономику и на этой основе на политическое возвышение Китая без конфликта с США. Теперь Пекин должен отстаивать и продвигать свои интересы — как экономические, так и политические — в условиях перманентной конфронтации с Вашингтоном. В новых условиях геополитическое и военно-стратегическое измерения китайско-американских отношений, ранее находившиеся на их периферии, приобретают гораздо более важное значение.

Встает вопрос — способен ли Китай предложить глобальную альтернативу американоцентричному либерально-демократическому миропорядку: экономическую, политическую, идеологическую — причем альтернативу не универсалистскую, как в СССР, а вариативную.

Иными словами, может ли Китай во взаимодействии с другими странами предложить в будущем модель

миропорядка, основанного на принципе единства в различиях.

Во многих регионах мира, однако, основное соперничество будет разворачиваться не между Америкой и Китаем, а между региональными державами. На Ближнем и Среднем Востоке, например, это Турция, Иран, Саудовская Аравия и Израиль. В Восточном Средиземноморье — Турция и Греция с вовлечением Франции, Италии и других стран ЕС. Во внутреннем ливийском конфликте активную роль играют, с одной стороны, Турция, а с другой — Египет и Объединенные Арабские Эмираты, притом что Франция и Италия оказываются связанными с противоборствующими ливийскими сторонами. В Южной Азии важнейшим фактором является противостояние теперь уже ядерных держав Индии и Пакистана. В Северо-Восточной Азии небольшое северо-корейское государство, находящееся в плотной внешней и внутренней изоляции, создало ракетно-ядерный потенциал, представляющий угрозу не только для Южной Кореи и Японии, но и для США. В Восточной Европе, как продемонстрировал политический кризис в Белоруссии, роль региональной державы стремится играть Польша.

Глобализация приобретает новые черты при гораздо большей роли государства. В геоэкономике в условиях все чаще применяемых, особенно Соединенными Штатами, односторонних санкций это пересмотр внешнеэкономических отношений с позиций национальной безопасности, получивший название секьюритизации.

... Происходит частичная фрагментация мирового
... рынка, образование замкнутых торгово-экономических
... и технологических пространств по принципу политического
... тяготения, переход в ряде случаев на импортозамещение,

..... отказ ряда стран от американского доллара в качестве
универсального платежного средства и переход на расчеты
..... в национальных или других валютах — например, в евро,
..... а в перспективе в криптовалютах.

Глобализация, единство информационного пространства, ускоряет кризис всех существующих моделей политических режимов, как демократических, так и авторитарных. Повсюду в мире население все чаще приносит сюрпризы политикам и правителям. В этих условиях уже не приходится говорить, как еще недавно, о волнах демократизации: движение происходит разнонаправленно. Где-то продолжается борьба за демократию, где-то либеральные тенденции получают консервативный отпор, где-то верх берут крайне правые, традиционалистские или даже неофашистские тенденции. Самое существенное то, что в самих цитаделях демократии — США, Западной Европе — заметно падает доверие к элитам, успешно приспособившим демократические правила и процедуры для легитимации своего господства. Поддержание внутренней стабильности государств и даже их целостности становится, таким образом, все более трудным делом.

В идеологии в результате кризиса глобализации произошло ощутимое ослабление еще недавно безраздельно господствовавшего либерализма. На Западе популярность вновь приобретают консервативные и новые левые взгляды, растет — особенно в результате продвижения климатической повестки дня — влияние «зеленых» идей. Все чаще те или иные движения обходятся вообще без идеологии, без программ и признанных лидеров, даже без авторитетов. Все это отражает быстрое изменение общества, испытывающего на себе влияние взрывного развития новейших

технологий — искусственного интеллекта, робототехники, биоинженерии и т. д. Изменения человеческого общества приобретают фундаментальный характер, в то время как формы и принципы организации социума остаются застывшими. Попытки же идти в ногу со временем и отказаться от привычных принципов, например в вопросах пола и семьи, подрывая устои, ускоряют процесс общей хаотизации. Наиболее серьезные последствия в результате идеологических коллизий и развешивания базовых мифов могут наступить в государствах, выстроенных на идеологической основе, как США, или объединениях государств, таких как Евросоюз.

Демографические сдвиги меняют лица стран, вес отдельных государств в мировой системе, даже этнический состав и цвет кожи их жителей. Особенно быстро растет в XXI веке население Африки, догоняющей приближающуюся к пику численности Азию. Достигнув этого пика, Индия и Китай останутся самыми крупными нациями. В развитой части мира продолжает быстро увеличиваться население Северной Америки, благодаря чему США смогут оставаться сверхдержавой — номер один или номер два — на протяжении всего нынешнего столетия. В то же время демографический состав населения США также изменится, что сделает Америку еще менее европейской в культурном отношении. Страны Евросоюза будут расти, но слабо, при этом, как и в США, их население будет становиться менее однородным. Тенденции для России негативные и опасные: ее население будет сокращаться и стареть. Внешним ресурсом для РФ может быть продуманная и активная политика стимулирования иммиграции и натурализации, прежде всего русскоязычных граждан соседних стран — Украины, Белоруссии, а также других государств — бывших советских республик, где население будет расти: Азербайджана и стран Средней Азии.

Наконец, заметно меняется климат Земли. Что бы ни было главной причиной этого — природные циклы или человеческая деятельность, температура будет повсеместно повышаться, вызывая серьезные последствия. В России эти изменения идут вдвое быстрее, чем в среднем на планете. Последствия потепления очевидны: таяние вечной мерзлоты, повышение уровня Мирового океана, освобождение Арктики ото льда. Какие-то из этих факторов будут благоприятствовать развитию экономики, особенно сельского хозяйства, какие-то заставят менять инфраструктуру на огромных территориях, некоторые будут представлять реальную опасность. У России как северной страны есть возможность извлечь максимум пользы из климатических изменений. Если это удастся, развитие России может ускориться, а ее положение в мире — укрепиться.

Глобальные проблемы требуют глобальных решений, широкого международного сотрудничества. Центральной площадкой такого взаимодействия формально является Организация Объединенных Наций. С официальной российской точки зрения ООН является центральным органом системы международных отношений, основой современного миропорядка. В реальной жизни роль ООН гораздо скромнее. В своей штаб-квартире в Нью-Йорке и в нескольких региональных отделениях эта организация сводит представителей всех стран мира вместе, но объединить их не в ее силах.

Для России в практическом плане главное значение имеет постоянное членство в Совете Безопасности ООН — высшем органе, занимающемся вопросами мира и безопасности, а также связанное с этим членством право применять вето в отношении решений, не отвечающих интересам Москвы. Иными словами, Россия наряду с четырьмя другими постоянными членами СБ ООН может определять

международную легитимность тех или иных решений и действий. Это обстоятельство не только указывает на статус РФ как мировой великой державы, но и подчеркивает роль страны как одного из архитекторов миропорядка, установленного в результате Победы 1945 года.

На самом деле все это в значительной степени риторика и видимость. Мир живет не по уставу ООН. США имеют достаточно возможностей действовать в обход Совбеза ООН и пользуются этими возможностями, когда считают необходимым. Блокировку Россией выгодных США решений Совбеза в Вашингтоне называют обструкцией. Что касается престижа постоянного членства в СБ, многие страны указывают на то, что оно отражает соотношение сил в мире по состоянию на 1945-й или 1985 год, но не реалии сегодняшнего дня. Более того, роль СССР в разгроме нацизма пересматривается во многих странах Восточной Европы, что находит поддержку в Европейском парламенте.

Другие органы ООН — Генеральная Ассамблея и прочие — важны как места контактов и форумы для дискуссий, но не имеют решающего значения для российских интересов. Россия в целом сдержанно относится и к миротворческим операциям ООН. Специализированные организации ООН имеют значение в соответствующих сферах, например в здравоохранении. «Генетически» связанные с ООН международные финансовые организации — прежде всего Всемирный банк и Международный валютный фонд — находятся ближе к периферии интересов современной России, полагающейся на собственные ресурсы и вынужденной противостоять политике экономических и финансовых ограничений, проводимой Западом.

Таким образом, официально выступая за укрепление роли Организации Объединенных Наций как центрального

института современного миропорядка и Устава ООН как главной нормы международной жизни, России необходимо выстраивать общую стратегию защиты и продвижения своих интересов в реальном мире с учетом нового баланса сил и существующих силовых полей. Без такой общей — «большой» — стратегии ее внешняя политика, даже основанная на здоровом прагматизме, останется недостаточно эффективной.

БОЛЬШАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИИ

ОРГАНИЗУЮЩАЯ ИДЕЯ

Давно сложилось представление, что у больших наций обязательно должна быть организующая идея. Идея — не жесткая идеологическая догма. У США есть американская мечта плюс демократия для своей страны и остального мира, у современных европейцев — единство Европы, у Китая, стараниями председателя Си Цзиньпина, это и китайская мечта (для внутреннего потребления), и сообщество общей судьбы (для всего человечества). Турция при президенте Реджепе Тайипе Эрдогане все больше воспринимается в качестве наследницы и продолжательницы Османской империи и центра тюркского мира. Наличие организующей идеи — фактор развития. Россия как страна, считающая себя в большей степени ориентированной духовно, чем материально, также не может жить без организующей идеи. Широко распространено мнение, что одна из основных проблем постсоветской Российской Федерации как раз и заключается в том, что такая идея у нее отсутствует.

Нельзя сказать, что руководители государства игнорировали эту проблему. Президент Ельцин в свое время дал прямое указание выработать новую национальную идею взамен отвергнутой страной коммунистической идеологии. Впрочем, из тогдашнего кремлевского начинания ничего не вышло. Президент Путин поначалу отказался от каких-либо попыток идейного строительства, провозгласив вместо этого конкретные цели — догнать Португалию или удвоить ВВП, а в качестве принципа утвердив здоровый прагматизм. Через какое-то время Путин почувствовал недостаточность одной

прагматики и использовал в качестве объединяющей идеи патриотизм. Это необходимое и важное дополнение, но оно тоже не решает задачу полностью.

Вряд ли организующую идею можно выдумать в кремлевских кабинетах. Она должна соответствовать духу народа, его самосознанию и устремлениям. Идейный порыв невозможен без начала перехода страны в новое состояние. Такой переход неизбежен, если в России сохранится достаточно внутренних сил и энергии, чтобы перестроить государственную и общественную жизнь на основах *права и справедливости*. Кстати, название консервативной польской партии¹²⁰ довольно точно передает общеславянский идеал, который может быть приемлем и для России. Во всяком случае он органичнее и современнее, чем очередные версии Третьего Рима, особого русского пути, неоевразийства или еще чего-то из богатого интеллектуального багажа нашего Отечества.

Задача этой книги гораздо уже. Что могло бы стать организующей идеей российской внешней политики в XXI веке? Прагматизм необходим, но это не идея, а рабочая установка. Что может заменить публично выдвигавшиеся либо приватно пестовавшиеся идеи вхождения в Европу или воссоздания — под другим именем — СССР, заключения тесного союза с США и Западом или, наоборот, с Китаем против США, возрождения (уже под своим началом) Движения неприсоединения и т.п.? Мой ответ прост.

.....
 Главной идеей российской внешней политики на ближайшие
 20–30 лет должно стать содействие внутреннему
 развитию (не только экономическому) самой России,
 а главным путем движения к этой цели должно быть

выстраивание и поддержание в ее внутренней и внешней политике динамического равновесия. Иными словами, дело России — всестороннее обустройство самой России на уже упомянутых принципах права и справедливости.

Можно было бы остановиться на этом, но такая цель была бы слишком утилитарной для россиян. Оставляя содействие внутреннему развитию страны в качестве главной цели, я предлагаю еще одну, международную. За первые два десятилетия XXI века Россия вернула себе фактический суверенитет и статус великой державы. Многополярный мир стал реальностью, в том числе благодаря внутреннему развитию и внешнеполитическим шагам Российской Федерации. Своими действиями Москва заметно поколебала миропорядок, установленный по итогам холодной войны. Наступает время сделать следующий шаг.

Россия — не спойлер, разрушитель чужих порядков, а строитель более справедливых международных систем. Следующей большой целью ее внешней политики могло бы стать обустройство непосредственного окружения России. Такая цель, в свою очередь, предполагала бы строительство новой системы международных отношений на территории значительной части Евразии. Важнейшие элементы этой конструкции уже созданы. На уровне двусторонних отношений великих держав это российско-китайское и российско-индийское стратегические партнерства. Москва установила тесные отношения с важнейшими столицами этой части мира: Анкарой, Иерусалимом, Каиром, Тегераном, Ханоем, Эр-Риядом. Рабочие связи налажены со всеми странами огромного региона. Существуют трехсторонний форум РИК и многосторонняя организация ШОС. Функционируют организации постсоветских государств — ОДКБ и ЕАЭС. Эти

элементы логически вписываются в единый проект евразийского континентального равновесия.

Формирование континентальной системы международных отношений нельзя назвать абсолютно новой идеей. В советские времена Москва призывала к созданию системы коллективной безопасности в Азии. Недавно был предложен проект «Большое евразийское партнерство», имеющий в основном экономический характер.

Требуется, однако, не только обеспечить безопасность и развивать экономическое партнерство, а создать полноформатную систему отношений между государствами региона, основанную на общих ценностях и принципах, на территории значительной части Евразийского континента.

Это суверенное равенство, строгое невмешательство во внутренние дела, приоритет развития, политико-дипломатическое решение споров, консультации и консенсусный подход при принятии решений.

Многие из перечисленных принципов реализованы в деятельности Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Роль АСЕАН в глобальной политике, однако, пока ограничена, несмотря на большую численность населения региона (свыше полумиллиарда) и внушительный совокупный ВВП стран региона. Создание континентальной системы в Евразии могло бы существенно изменить международные отношения в глобальном масштабе. Россия в этом проекте могла бы играть важную и видную роль одного из генераторов идей и модератора различных позиций. Такая роль опиралась бы на богатый международный опыт, высокий статус в рамках ООН, уникальное геополитическое положение,

существенные ресурсы. Важно то, что Россия, не претендуя на гегемонию, является в то же время поборником государственного суверенитета и хранителем континентального равновесия — прежде всего (но не только) геополитического и военного.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ

Исходя из этой главной идеи и учитывая ситуацию в мире и интересы и возможности России, что может стать стратегической целью внешней политики России в 2020-е годы? Прежде чем ответить на этот вопрос, посмотрим, как проходила реализация стратегических целей, выдвигавшихся ранее.

Предыдущее десятилетие начиналось с выдвижения российским руководством идеи *реинтеграции большей части пространства бывшего Советского Союза, в которой Москва играла бы ведущую роль*. Это пространство еще в 2008 году при президенте Дмитрие Медведеве было объявлено сферой приоритетных интересов Российской Федерации. В 2009 году был создан Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана. В 2011 году Владимир Путин, готовившийся вернуться в Кремль, предложил план полноформатного Евразийского союза¹²¹. Этот план в качестве ключевого условия предполагал включение в новый союз Украины.

..... Политика Москвы в отношении Украины в последующие несколько лет, однако, была столь неудачна, что, как уже говорилось в главе о внешней политике путинской эпохи, ее провал обошелся России дешевле, чем мог бы обойтись ее успех — присоединение Киева в 2013–2014 годах к Евразийскому союзу.
.....

Майданный переворот февраля 2014 года в Киеве на короткое время вывел на поверхность идею Русского мира как нового объединения территорий, населенных этническими русскими, но, найдя поддержку в Крыму и отчасти в Донбассе, эта идея и особенно ее практическое воплощение в названных регионах насторожила многих соседей РФ, особенно государства со значительными русскими меньшинствами (причем не только Эстонию и Латвию, но также дружественные Москве Казахстан и Белоруссию).

В дальнейшем развитие конфликта в Донбассе и в целом ухудшение отношений с Украиной свидетельствовали о том, что российско-украинские отношения превратились в устойчиво враждебные, общение между народами двух стран резко сократилось, сменившись отчуждением. Российско-украинская ситуация повлияла и на отношения с ближайшими партнерами. Казахстан ускорил и углубил курс на казахизацию всех сторон жизни. Уязвленный словами Путина о том, что у Казахстана до вхождения в состав Российской империи не было опыта государственности, президент Нурсултан Назарбаев распорядился активнее пропагандировать историю казахского народа, продвигать казахский язык во всех областях жизни. Стал активнее дрейфовать от России и президент Белоруссии Лукашенко.

В результате евразийская интеграция стала возможной только в форме экономического объединения (ЕАЭС), фактически расширенного Таможенного союза. Предпринятая Москвой в конце 2010-х годов новая попытка тесной интеграции с Белоруссией в формате номинально существующего с 1999 года Союзного государства оказалась неудачной. Только белорусский кризис 2020 года сломал прежнюю тенденцию на дрейф Лукашенко в направлении Запада и уклонение Минска от тесной интеграции с Россией. Этот же

кризис, однако, поставил перед Россией новую сложную задачу: как помочь Белоруссии обновить политическую и политэкономическую систему, укрепить экономическую интеграцию с Россией, не ущемляя в ходе сближения суверенитет соседнего государства.

Проведенный небольшой исторический экскурс позволяет сделать ряд выводов, важных для формулирования стратегической цели на будущее.

Реинтеграция геополитического пространства бывшего СССР, создание 200-миллионного (Россия — Украина — Казахстан — Белоруссия — другие республики) политико-экономического и военного центра силы во главе с Москвой в нынешних условиях невозможна.

Концепция единого русского народа, состоящего из трех ветвей — русских, украинцев и белорусов, безнадежно устарела. Славянское ядро исторического Российского государства, собранное вновь в XVII–XVIII веках, на рубеже XXI века вновь расщепилось — вероятно, окончательно.

Нереализуема, соответственно, и идея Русского мира как единого геополитического пространства, включающего наряду с Россией Украину и Белоруссию. Русский мир — это идея культурного единства сообществ и людей, говорящих по-русски, а не геополитический блок во главе с Кремлем.

Надежда на новое воссоединение Украины с Россией не имеет перспективы, хотя Украина остается государством непрочным и ее будущее в XXI веке еще не определилось.

Попытки включить Белоруссию в состав России не только бесплодны, но приводят к обратным результатам. С Минском Москве необходимо строить отношения как с ближайшим партнером, но при полном уважении суверенитета белорусского государства.

Традиционная для России идея укрепления своего геополитического и экономического положения путем территориального расширения к началу XXI века исчерпала свой ресурс. Собрать советское наследство, как в начале XX века быстро удалось собрать большую часть царского, невозможно. Актуальная задача на будущее — консолидировать нынешнюю территорию Российской Федерации, повышать ее инфраструктурную связанность, гармонизировать межэтнические отношения.

История практически не знает государств (кроме островных) с неизменными границами. К расширению территории, однако, нужно подходить крайне осторожно. Такое расширение в современных условиях необязательно укрепляет государство. Россия не нуждается в территориальных приобретениях.

Южная Осетия вряд ли имеет шанс состояться как отдельное государство, у Абхазии много внутренних ограничений, самопровозглашенные Донецкая и Луганская республики уже стали ближе к России, чем к Украине, но включение их в состав Российской Федерации в нынешних условиях больше проблем создаст, чем решит. Время установления общепризнанных границ на востоке Европы и на Южном Кавказе еще не пришло, а вопрос о прохождении этих границ решит усиливающееся соперничество государств.

Необходимо учитывать, что параллельно с выходом активной внешней политики РФ за пределы постсоветского пространства на нем стали активнее действовать соседи России: Польша и Литва — в Белоруссии, Румыния — в Молдавии, Турция — в Закавказье. В Средней Азии, особенно в Таджикистане, растет влияние Китая. Влияние Америки тоже никуда не ушло: ни из Прибалтики, ни из Украины, ни из Грузии. Москва, сосредоточенная на отношениях с США,

должна определиться со своими интересами и способами и стратегиями их отстаивания и продвижения. Расширение горизонтов внешней политики не должно осуществляться за счет важных интересов в непосредственном геополитическом окружении страны.

Инерционная политика на постсоветском пространстве не может дольше продолжаться без нарастающих потерь для России. Политика импровизации не является удовлетворительной альтернативой политике, проводимой по инерции. В частности, пришло время определиться с такими конструкциями, как Союзное государство России и Белоруссии, Организация Договора о коллективной безопасности, Евразийский экономический союз, Содружество Независимых Государств, а также с двусторонними отношениями с постсоветскими государствами. Нужно решить, что необходимо России при любых обстоятельствах, что желательно в благоприятной ситуации и что совершенно недопустимо. И уже на этой основе выработать стратегию и инструментарий политики.

Союзное государство России и Белоруссии имеет смысл как экономически, социально и культурно интегрированное пространство, которое является также общим пространством безопасности и обороны. В рамках СГ Белоруссия, как и Россия, сохраняет свой суверенитет, конституцию, государственную атрибутику, органы власти, включая президента, парламент, судебную систему, вооруженные силы, полицию, другие силовые и специальные службы, внешнеполитический аппарат и т. д. Это, однако, два государства, а не одно. Чтобы стать союзным образованием, Белоруссия и Россия должны создать наднациональные институты: единую валюту и финансовую систему, единую кредитно-финансовую политику, общую внешнюю и оборонную политику с соответствующими

наднациональными органами. Это вряд ли получится, а если и получится, то не надолго. Таким образом, как в нынешнем состоянии, так и в перспективе Союзное государство России и Белоруссии является фикцией и не имеет смысла.

• • •

Со второй половины 1990-х годов центральной идеей российской внешней политики была *идея многополярности, фактически идея восстановления российской державности и избавления от гегемонии США*. Эта цель уже практически достигнута. На протяжении первых двух десятилетий XXI века Россия восстановила свою государственную субъектность, вышла из-под политического влияния США, вновь получила признание в качестве мировой великой державы. В то же время неоспоримое глобальное доминирование США, установленное по результатам холодной войны, закончилось к середине 2010-х годов. Подъем Китая уже привел к американо-китайской конфронтационной биполярности. Фактически в мире 2020-х годов существует ряд разнокалиберных центров силы, включая Россию. Таким образом, многополярность (полицентричность) структуры международных отношений и независимое положение в этой структуре Российской Федерации — факт.

В 2020-х годах и дальше перед Россией стоит другой вызов — как управлять конфронтацией с США, чтобы это противостояние не привело к военному столкновению с Америкой, чтобы оно не только не остановило экономическое и технологическое развитие России, но, наоборот, стимулировало его. Другой не менее важный вызов — как управлять отношениями с Китаем, чтобы сохранить самостоятельность. Отказавшись от положения младшего партнера США, стать в итоге вассалом Китая было бы верхом злой иронии.

• • •

Еще одной стратегической целью российской политики была *остановка расширения НАТО на восток*. Словесных аргументов и убеждения оказалось мало. Для решения поставленной задачи России потребовалось дважды применять силу — в Грузии в 2008 году и на Украине в 2014-м. В ходе политического кризиса в Белоруссии в 2020 году Москва однозначно сигнализировала Западу: стратегически важную белорусскую позицию она не уступит ни при каких обстоятельствах. В результате НАТО наконец остановилась в своем продвижении в сторону российских границ: идти дальше означает вступать в прямой вооруженный конфликт с Россией из-за государств, не имеющих для США и остальных членов альянса большого значения. Поставленная цель, таким образом, достигнута, хотя и с большими издержками.

Вопрос, однако, в том, насколько верно была определена сама эта цель. Так же, как советизация Восточной Европы в конце 1940-х годов не создала буфер безопасности для СССР, но способствовала появлению НАТО и сохранению в Европе американских войск и политического влияния США, продвижение НАТО в этом регионе после окончания холодной войны не создало каких-либо значимых военных преимуществ для Запада, но способствовало превращению России в оппонента, а затем противника США.

Фактическое достижение формальной цели блокировки вступления нескольких соседних стран в НАТО ставит другой вопрос: как выстраивать отношения с государствами, которые, не вступив в НАТО, стали де-факто союзниками США, предоставляют им свою территорию, порты и воздушное пространство для временного или постоянного базирования вооруженных сил США и других стран НАТО? Надо

помнить, что ценой невступления этих соседних стран было возникновение или обострение территориальных конфликтов и непосредственное участие России в них. В будущем Украина и Грузия, укрепив при поддержке США и НАТО свои вооруженные силы, могут по примеру Азербайджана начать войну за освобождение территорий, которые Киев и Тбилиси считают оккупированными, — Крыма, Донбасса, Абхазии и Южной Осетии.

• • •

Таким образом, решение одних внешнеполитических проблем не является пропуском в беспроблемный мир. Это, скорее, покупка билета на встречу с новыми проблемами.

Какие идеи востребованы в нынешней обстановке, какие цели необходимо ставить на будущее? Мир вступил в период новой биполярности — теперь уже американо-китайской. На глобальном уровне важно обеспечить безблоковый характер этой биполярности. Хотя Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия образуют тесный политический союз вокруг США, Япония и страны Европейского союза экзистенциально зависят от США, а Индия активно развивает отношения с Америкой ради противовеса Китаю, пока не создано ничего похожего на единый западный блок времен холодной войны — на этот раз направленного против КНР. Экономическое соглашение, заключенное в январе 2021 года между ЕС и КНР, красноречиво свидетельствует об этом. У Китая же свой блок пока вообще отсутствует.

... *Россия и, возможно, ряд других стран, действуя самостоятельно, могли бы предотвратить возникновение жесткой модели биполярности — раскол мира, в котором*

*всем странам придется однозначно выбирать сторону
в глобальном военно-политическом противостоянии.*

Необходимость реализации альтернативы — заключения военного союза с Китаем против США — стала бы свидетельством провала российской политики равновесия. Это крайний вариант на случай угрозы самому существованию России.

Не стоит Москве предлагать себя и в качестве лидера новой версии Движения неприсоединения. Достаточно продемонстрировать пример успешного ведения равновесной политики, неучастия в конфликте между основным противником РФ и ее основным партнером, конструктивных отношений с третьими странами и позитивных усилий по укреплению глобальной и региональной стратегической стабильности.

*В 2020-х годах и дальше российская политика должна
быть сосредоточена на идее развития самой России. Такова
не только объективная потребность, но и субъективное
желание абсолютного большинства граждан страны.*

Этот курс потребует устранения основных препятствий, в том числе сращивания государственного чиновничества и частного бизнеса, монополизации экономики, оттока капиталов в офшоры и тому подобного, и одновременно создания стимулов для развития страны — укрепления законоправия, развития меритократии и участия граждан в управлении, укоренения реальной системы ценностей и распространения идеологии деятельного патриотизма.

Внешняя политика страны должна быть направлена прежде всего на решение этой общей задачи. Речь идет не о восстановлении статуса или завоевании признания, а об отдаче

от этих достижений для страны. На международной арене Россия должна оставаться независимым игроком глобального уровня. Надо исходить из того, что противоборство с США будет длительным и очень жестким. Для России целью в этом противоборстве останется отстаивание внешнеполитической самостоятельности страны. Одновременно необходимо превратить конфронтацию с США в стимул внутреннего развития России, притом не только ее вооруженных сил и военно-промышленного комплекса.

Центральной идеей российской политики, внутренней и внешней, может стать идея динамического равновесия. Равновесия внутри страны, между направлениями и приоритетами в экономике, политике, социальной системе и между самими этими областями. Во внешней политике — равновесие отношений с соседями в Европе и Азии, на востоке и на западе, севере и юге. Равновесие означает уверенное удержание положения самостоятельной крупной державы. Это способность крепко стоять на ногах, не прогибаться ни под кого, не склоняться ни в чью сторону — ни под угрозами, ни из-за посулов. Это также отказ принимать чужих врагов или друзей как своих.

Такое равновесие — не застывшее. Его динамический характер предполагает делать постоянный выбор — но всегда в пользу интересов России. Равновесие не означает также равноудаленности или равноприближенности других стран. Китай на нынешнем этапе международных отношений очевидно ближе России, чем Америка. Это равновесие — не балансирование в духе отвлеченной политологии XX столетия и не игра в «балансы» в стиле европейской кабинетной политики XVIII–XIX веков, в которой альянсы менялись с калейдоскопической

легкостью. Это результат приложения фундаментальных российских интересов к конкретной ситуации.

Речь идет не о замораживании объективно происходящих процессов. Не о принципиальном центризме или нейтрализме. Равновесие — антитеза перекосам, шатаниям, сваливанию в одну или другую сторону, игнорированию важных факторов. Удержание равновесия в быстром движении необходимо, чтобы избежать столкновения и коллапса при переменах. Это необходимость для страны, стремящейся оставаться самой собой, быть субъектом, а не объектом мировой политики.

Такое равновесие предполагает самостоятельную позицию при конфликтах сверхдержав. Американо-китайский антагонизм сегодня в какой-то мере аналог англо-германских противоречий начала XX века, приведших в конечном счете к Первой мировой войне. Тогда Россия сделала неверный выбор, ввязавшись в борьбу за передел мира. Война не столько обнаружила, сколько обострила противоречия российского внутреннего положения, а также выявила слабость верховной власти и полную неадекватность правящей элиты страны. Эта трагедия должна остаться уроком на все времена.

Равновесие необходимо российской политике и в отношениях с другими великими державами — в первую очередь с Индией и Китаем; с глобальными и региональными игроками; внутри отдельных регионов; между государствами и международными институтами, с одной стороны, и государствами и негосударственными и транснациональными акторами — с другой.

В геополитике для соблюдения принципа равновесия необходимо поддерживать отношения с Китаем и США, действуя прежде всего в собственных интересах. Эти интересы могут требовать активного сближения с одной из сторон и отпора или мягкого оппонирования действиям другой,

но «свобода рук» при этом должна обязательно сохраняться. Присоединяться к любой стороне опасно, за исключением чрезвычайных обстоятельств, угрожающих самому существованию государства, — например, открытого конфликта с другой державой.

Мир, к счастью, не ограничивается Америкой и Китаем. Теоретически важнейшими партнерами для РФ могли бы стать европейские страны, но ЕС в целом не демонстрирует пока стремления стать субъектом международных отношений. Более того, российско-европейские отношения быстро обостряются, и объединенная Европа все больше склоняется на сторону США в их конфронтации с Россией. Россия не заинтересована в единстве Европы, если это единство достигнуто за счет ужесточения подхода к России. Чтобы сохранять равновесие в Большой Евразии, Москве необходимо наряду с отношениями с Пекином активно развивать взаимодействие с Дели, а также по возможности с Токио, с тандемом Берлин–Париж и рядом других европейских столиц.

Политика динамического равновесия предполагает отказ от постоянных союзов с кем-либо. Постоянный союз с более сильной державой, будь то США или Китай, означает подчинение ей, что неприемлемо. Содержание группы постоянных военных союзников наподобие Организации Варшавского договора или НАТО неактуально и накладно. ОДКБ необходимо заново отстроить как организацию сотрудничества в области безопасности. В наступившую эпоху страны создают ситуативные альянсы. Пример политики России в Сирии хорошо иллюстрирует это. Разумеется, в случае общей опасности со стороны третьего государства военные союзы полностью сохраняют свою актуальность.

В области геоэкономики приходится признать, что создать собственный (руководимый Москвой) экономический

центр мирового уровня не получилось. Наиболее реальная форма экономической интеграции — это конкретные цепочки партнерств, а не замкнутые межгосударственные объединения. ЕАЭС полезен, его необходимо укреплять и развивать, но значение этого объединения для РФ ограничено.

Сопряжение со сверхкрупной экономикой Китая необходимо и тоже полезно, но, разумеется, до того предела, пока оно происходит на равноправной основе. Сотрудничество с другим экономическим гигантом, ЕС, — большой резерв, но реализовать его в обозримой перспективе можно будет лишь в малой мере, главным образом на уровне крупных компаний и при поддержке ряда государств.

Концепция «Большого евразийского партнерства» (ЕАЭС, Китай, АСЕАН) хороша как базовый подход «на вырост», но на длительное время останется скорее визионерским или рекламным лозунгом. Требуется дальнейшая диверсификация финансовых отношений (путем освобождения от все еще чрезмерной зависимости от доллара) и экономики (не только развитие несырьевого сектора, но и эволюция сырьевых производств в направлении более высокого уровня переработки).

В технологической сфере на первых порах политика равновесия потребует формирования некоего гибрида западной (преимущественно американской) и китайской технологической базы с российскими разработками. Развитие последних должно стать важнейшим приоритетом.

Приток населения извне становится важным внешним ресурсом развития. В этой области необходим разворот от преимущественной поддержки диаспоры за рубежом

к политике, по примеру Израиля, привлечения русских и русскоязычных иммигрантов в Россию.

Общим лозунгом на бывшем советском пространстве
должна стать «От соби́рания земель — к соби́ранию
людей».

Геополитический Русский мир необходимо выстраивать прежде всего в пределах российских государственных границ. Этот мир межэтнической и межконфессиональной солидарности народов Российской Федерации должен быть в принципе открытым для всех. Результат будет зависеть от успешности интеграции иммигрантов, превращения их в новых россиян и поддержания приемлемого уровня межэтнических отношений в российском обществе. Необходимо в этой связи выработать современное понимание того, кто такой «россиянин», формирование соответствующего культурно-идеологического комплекса.

В следующих разделах предлагаются контуры возможного внешнеполитического курса России на различных географических направлениях. Предлагается следующий порядок: приняв Москву за центр, будем двигаться по окружности, начиная с близких соседей (Белоруссии, Украины и Молдавии) и дальше по часовой стрелке, от ближних соседей к дальним. Получается такая последовательность: Украина, Белоруссия, Молдавия; остальная Европа; США; Арктика; Китай; остальные страны Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии; Закавказье, Казахстан и Средняя Азия, Ближний и Средний Восток и Северная Африка; остальной мир (Африка и Латинская Америка). Эта последовательность (запад — север — восток — юг) в какой-то степени отражает возможные будущие стратегические приоритеты внешней политики России.

ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ. Угрозы и союзники России

Внешняя политика теснейшим образом связана с политической внутренней, хотя и не является, как иногда утверждают, ее простой функцией, служанкой. Внутренние конфликты не только сокращают возможности защиты и продвижения национальных интересов вовне границ, но и создают условия для конкурентов, соперников и противников, позволяющие вмешиваться во внутренние процессы, направлять их в благоприятное для себя русло. Россия в прошлом не раз проходила через полосы внутренней слабости. Как правило, они вели к трансформациям, обеспечивавшим усиление страны. Последняя такая полоса началась в 1980-е годы. Точка максимального ослабления осталась позади, но трансформационный кризис пока далек от завершения.

Серьезнейшая угроза национальной безопасности России — *внутренние конфликты на различной почве: политической, идеологической, этнической, религиозной* — перестала быть актуальной еще к середине 2000-х годов. Война на Северном Кавказе не только завершилась, но и произошло реальное примирение; было покончено с влиянием олигархов на политику государства, а сами олигархи в значительной степени вытеснены новой генерацией приближенных к трону лиц; верховенство Конституции Российской Федерации стало реально признаваться во всех регионах страны; Чечня фактически получила особый статус, основанный на унии клана Кадыровых и Кремля; местом решения большинства споров стали суды; правоохранители («силовики»), действуя от имени государства, вернули себе монополию

на применение силы. Государство, таким образом, восстановило свою субъектность.

Уроки конца 1980-х — начала 2000-х годов, однако, не должны быть забыты. Для России внутренние конфликты, не раз выливавшиеся в смуту гражданских войн, были опаснее внешних вторжений, поскольку разрушали саму ткань народного единства, вели к распаду страны и хаосу. Утрата управляемости — в России по факту самое опасное государственное преступление. Первое лицо государства в первую очередь, за ним правящая элита страны, интеллектуальные и духовные авторитеты, лидеры общественного мнения несут персональную ответственность за сохранение единства России.

Это единство сегодня сталкивается с новыми вызовами. Резкое социальное расслоение, беспрецедентная в отечественной истории коррупция государственного аппарата, сращивание власти и собственности, триумф политических технологий над собственно политикой, превращение представительных органов в придаток власти, демонстративное моральное разложение верхов, их беспредельный цинизм, сосредоточенность на личном обогащении и равнодушие к проблемам большинства населения страны делают сформировавшийся после 2000 года политический режим неустойчивым в долгосрочной перспективе. Если не противодействовать перечисленным факторам и тенденциям, внутренняя безопасность страны может вновь оказаться под угрозой.

Сохранение национального единства требует общественной солидарности на основе общих для подавляющего большинства граждан ценностей, сокращения колоссального на сегодняшний день социального неравенства, укрепления реального народовластия — подотчетности властей

всех уровней народным представителям (и регулярной сменяемости), реального федерализма, единой образовательной политики, гибкой национальной, языковой и иммиграционной политики при постоянном укреплении цементирующего общероссийского элемента. Главное условие всего этого — становление национальной элиты, служащей народу и государству. Такую элиту России только предстоит сформировать, но без этого обеспечить устойчивое единство страны невозможно.

Обеспечение безопасности на *внешнем контуре* — вторая по важности задача. Россия не находится в кольце врагов, как иногда думают, но она и не в кругу друзей, как думали в конце 1980-х и в начале 1990-х. Уход России в середине 2000-х годов с политической орбиты Запада и ее стремление вернуть себе роль самостоятельной великой державы логически привели к возобновлению соперничества с Соединенными Штатами Америки. Удержать это соперничество в контролируемых рамках, выиграть время до тех пор, пока США не столкнутся с реальным соперником в борьбе за мировое первенство — Китаем, российским властям не удалось. Напротив, отношения с Западом стали быстро обостряться и в середине 2010-х годов привели к новой конфронтации с США и резкому охлаждению отношений, а затем и разрыву со странами Европейского союза.

Нынешнюю конфронтацию иногда называют второй холодной войной. Это некорректно. Холодная война между США и СССР в 1940–1980-е годы была главным, определяющим фактором международной жизни середины и второй половины XX века. Ее основное содержание — идеологическое, политическое, военное противостояние двух ведущих держав, каждая из которых предлагала миру свой универсальный проект, коммунистический (СССР) или

капиталистический (США). Или — или. Мир был расколот на противостоящие блоки: «кто кого». За колеблющиеся или пограничные страны шла жесткая борьба.

Второго варианта холодной войны быть не может: мир слишком сильно изменился за 30 лет. СССР и коммунистический проект принадлежат истории. Китай не является ни наследником, ни аналогом Советского Союза. Отношения между Российской Федерацией и США конфронтационные, но это конфронтация другого типа, чем холодная война, — не идеологическая, не всемирная, не военная в первую очередь. Ожидать повторения прошлой войны не стоит. Новое противоборство можно назвать гибридной войной, учитывая более тесное, чем прежде, пересечение различных платформ борьбы: информационной, финансовой, технологической, экономической. Это борьба без линий фронтов, на всю глубину человеческой деятельности. Здесь нет никаких железных занавесов или берлинских стен. Едва ли не главное направление гибридной войны — это общественные ценности. Соответственно, угроза важнейшим ценностям — самостоятельности страны, культурной идентичности ее народа, его вере в свою страну и способности постоять за себя — является наиболее опасной.

Сама по себе враждебность западных держав России не в новинку, скорее это возвращение к исторической норме. В обеих отечественных, в Крымскую и Первую мировую войнах Россия воевала с западными противниками, в холодную войну противостояла коллективному Западу. Нынешнее обострение отношений с США и их союзниками по НАТО также несет потенциальную угрозу вооруженного конфликта. Наиболее опасный сценарий развития ситуации — широко-масштабная агрессия против России с применением ядерного оружия — является одновременно наименее вероятным.

Первый массированный ядерный удар противника с целью достижения победы после уничтожения основной части ядерного потенциала России и ее центров управления и командных пунктов при надежном прикрытии противником собственной территории средствами противоракетной обороны (ПРО) невозможен. Стратегические наступательные вооружения России способны преодолеть любую американскую систему ПРО, которая может быть создана в ближайшие три десятилетия. Ядерное сдерживание, таким образом, продолжает функционировать.

... Реальной опасностью является возможность
 ... непреднамеренного вооруженного столкновения между
 ... Россией и США, которое может перерасти в конфликт
 ... с применением ядерного оружия с последующей эскалацией.

Такое столкновение может стать результатом инцидента с самолетами или кораблями двух стран, действующими в опасной близости (например, над Балтикой, или Черным морем, или в районах, прилегающих к территории США или стран НАТО); непреднамеренного нанесения удара по силам другой стороны в условиях конфликта в третьей стране, в который вовлечены РФ и США (например, в Сирии); эскалации конфликта на территории третьего государства, в который постепенно вовлекаются Россия и США (например, на Украине). В последнем случае ситуация может усугубиться в результате неверной ее оценки, стратегического просчета.

Переход к конфронтации в отношениях с США сопровождался, но не компенсировался стратегическим сближением России и Китая. Нормализация отношений между Москвой и Пекином в конце 1980-х годов создала условия для поступательного развития сотрудничества и взаимодействия

между РФ и КНР. Сегодня и в обозримом будущем угроза со стороны Китая для России отсутствует. Более того, Китай — близкий партнер России, интересы двух стран в вопросах миропорядка во многом совпадают. Сближение с Китаем стало важнейшим стратегическим достижением постсоветской России. В то же время значение китайского фактора в стратегических расчетах Москвы не только не исчезло, но постоянно усиливалось в связи с неуклонным ростом экономической и военной мощи Китая, его превращением во вторую глобальную сверхдержаву XXI века.

Подъем Китая спровоцировал во второй половине 2010-х годов резкое изменение политики США в отношении КНР. Прежнее сочетание прессинга и вовлечения уступило место в американской политике жесткому давлению по всем направлениям, соперничество двух гигантов переросло в конфронтацию. Москва не вовлекается в эту конфронтацию, но не может не учитывать ее последствия для себя.

Россия, которая вступила в конфронтацию с США на несколько лет раньше Китая, тесно сотрудничает с КНР, в том числе в военной и военно-технической областях. С начала 1990-х годов РФ продает Китаю современные вооружения и передает ему оборонные технологии. С 2000-х годов Вооруженные силы России и Народно-освободительная армия Китая проводят совместные учения на суше, в море и в воздушном пространстве. В последние годы вошло в практику совместное патрулирование самолетами дальней авиации РФ и КНР над Японским и Восточно-Китайским морями. С конца 2010-х годов российские специалисты помогают китайцам создать систему раннего предупреждения о ракетном нападении. Это показатель особой стратегической близости и взаимного доверия: со времен холодной войны такими системами располагают только Россия и США.

Россия должна твердо воздерживаться от втягивания в американо-китайский конфликт. Это для нас чужой спор. Урок Первой мировой войны, в конечном итоге приведшей российское государство к краху, не должен быть забыт.

Нужно обратить внимание на поведение китайских партнеров, которые всячески стремились избежать дополнительных трений с США после того, как американо-российские отношения в результате украинского кризиса вступили в фазу конфронтации. На Китай тогда многие в России обиделись, но нельзя не признать, что наши партнеры действовали строго в соответствии с национальными интересами своей страны. Итак, сохраняя равновесие по отношению к конфликту двух сверхдержав (но не равноудаленность от них: Китай в обозримой перспективе все равно будет России ближе), Москва не только избежит серьезных опасностей, но и подтвердит свой статус крупной самостоятельной силы.

XXI век — век ядерной многополярности. Хотя в период холодной войны ядерное оружие имелось на вооружении у пяти государств (шести, если считать Израиль, но еврейское государство — это особый случай), реальное значение имело взаимное сдерживание двух сверхдержав — лидеров противостоявших коалиций. Китай являлся тогда единственной внеблоковой ядерной державой, но внимание Пекина было поглощено внутрикитайскими проблемами, и КНР играла ограниченную роль в мировой политике за пределами ближайшей периферии своих границ. С вхождением в число ядерных держав Индии, Пакистана и Северной Кореи (КНДР) положение принципиально изменилось. Игроков не только больше, они гораздо самостоятельнее в своих действиях.

Угроз для России со стороны других ядерных держав — Великобритании и Франции, Китая и Индии, Пакистана

и КНДР, не говоря уже об Израиле, — сегодня и в обозримой перспективе не ожидается. Великобритания и Франция остаются союзниками США, и в этом качестве логично их рассматривать как потенциальных противников, хотя и второго плана. Ядерные арсеналы Лондона и Парижа являлись средством сдерживания СССР и сегодня остаются последним инструментом сдерживания внешних угроз. То же самое можно сказать и о незадекларированном, но существующем ядерном потенциале Израиля, используемом для сдерживания арабских соседей и Ирана. Для этих трех государств развязывание ядерной войны является совершенно немыслимым.

Ядерное оружие активно развивающейся мировой державы Индии и крупного регионального игрока Пакистана служит средством взаимного сдерживания и как таковое способствует предотвращению новой большой войны между ними. Проблемой в южноазиатском регионе является степень надежности этого сдерживания. Ядерная война между Индией и Пакистаном может стать колоссальным бедствием для этих стран и привести к глобальной экологической катастрофе. Индийский потенциал сдерживания, кроме того, обращен также в сторону Китая, союзником которого является Пакистан, но отношения между двумя крупнейшими государствами Азии, несмотря на застарелый территориальный спор и пограничные конфликты, остаются пока в целом устойчивыми. Контроль над ядерным оружием Пакистана зависит от способности пакистанских военных сохранять управляемость государством, в котором активны экстремистские силы.

Ядерный потенциал Северной Кореи предназначен в первую очередь для обеспечения выживаемости КНДР в условиях жесткого давления со стороны США. Действительно,

смена режима извне не может рассматриваться как рациональная политика, если существует вероятность применения в ответ ядерного оружия. Уничтожение ядерного потенциала Пхеньяна превентивным ударом со стороны США также не является рациональным ходом, поскольку нет гарантии стопроцентной ликвидации всех объектов. Таким образом, создание собственного ядерного оружия стало ответом КНДР на интервенции США в Ираке и НАТО в Ливии.

Ситуация на Корейском полуострове, однако, не является стабильной. Возможны различные инциденты с применением ядерного и ракетного оружия КНДР. Нельзя исключать дестабилизацию северокорейского режима и разморозку проблемы объединения Кореи. В этом случае Сеул будет вынужден действовать. Если это произойдет, в ситуацию, вероятно, вмешается Китай, для которого КНДР — стратегический буфер. Возможны и другие сценарии. Таким образом, с Корейского полуострова, расположенного в непосредственной близости от российского Приморского края, исходит реальная угроза для России быть затронутой инцидентами с ядерным оружием или даже ядерной войной.

Для уменьшения этого риска Москва может задействовать активную дипломатию и поддерживать контакты со всеми потенциальными участниками конфликта, включая Пхеньян, Вашингтон, Пекин и Сеул. Дипломатические возможности РФ в корейском ядерном сюжете, однако, сильно ограничены. В этих условиях России необходимо располагать эффективными средствами разведки и противоракетной обороны, способными при необходимости прикрыть Дальний Восток страны и Сибирь от случайных или провокационных пусков северокорейских и иных иностранных ракет.

Китай является одной из трех великих военных держав современного мира наряду с США и Россией. Китайское

ядерное оружие появилось в начале 1960-х годов в условиях конфронтации с Вашингтоном и разрыва связей с Москвой. В конце 1960-х существовала реальная возможность развязывания советско-китайской ядерной войны. Сегодня отношения между Россией и Китаем партнерские. Совпадение фундаментальных интересов и отсутствие серьезных противоречий между двумя странами, с одной стороны, и острое стратегическое соперничество каждой из них с США, с другой, позволяют рассматривать нынешнее партнерство между РФ и КНР как устойчивое не только в средне-, но и в долгосрочной, десять и более лет, перспективе.

Стратегическое партнерство между Россией и Китаем стало уникальной основой для формирования системы безопасности в Евразии. Китай, однако, не только великая держава, но и мировая сверхдержава XXI века. Национальные интересы РФ и КНР не во всем и не всегда совпадают. Рост мощи Китая ведет к росту амбиций китайского руководства. Это естественно и в принципе не затрагивает российские интересы, если не приводит к появлению у усилившегося Китая претензий на гегемонию по отношению к России или на ее вытеснение из каких-то регионов или сфер. В гипотетическом — и пока маловероятном — сценарии резкого ухудшения российско-китайских отношений стратегическая стабильность между двумя державами должна будет основываться на ядерном сдерживании.

..... Ядерное сдерживание остается основой предотвращения войны между ядерными державами — то есть, по сути, гарантией стратегической стабильности. Соглашения о контроле над вооружениями, если они будут продолжать действовать или перезаключаться, могут только дополнить, но не заменить его.

В любом случае для поддержания глобальной стратегической стабильности договоренностей между Москвой и Вашингтоном недостаточно, учитывая колоссально возросший фактор Китая. Пекин пока что не готов присоединяться к контролю над вооружениями: китайское руководство считает (и не без оснований), что это существенно ограничит возможности КНР и закрепит военно-стратегическое превосходство США над Китаем.

Фактор Китая далеко не единственный вызов существующей системе двусторонней стратегической стабильности. Военно-технический прогресс привел к появлению неядерных вооружений, которые могут применяться для решения стратегических задач; страны третьего ряда, как КНДР, способны угрожать ядерным оружием глобальной сверхдержаве — США; опасность ядерной войны перестала восприниматься большинством населения западных стран и России как реальная. В то же время резкое снижение по сравнению с периодом холодной войны болевого порога — того, что государства считают неприемлемым для себя ущербом, — позволяет поддерживать стабильность на гораздо более низких уровнях. Главное — надежность сдерживания, то есть абсолютной убежденности вероятного противника в неотвратимости возмездия.

Наряду с обеспечением надежности сдерживания через убеждение гипотетического и тем более вероятного противника в неизбежности ответного сокрушающего удара необходимо проявлять известную сдержанность. Эта сдержанность заключается в том, чтобы иметь достаточные, но не избыточные средства борьбы, не провоцировать гонку вооружений, не загонять другую сторону в угол. Память о разорительной для Советского Союза гонке вооружений должна предостерегать российских руководителей от увлечения

количественной стороной дела. Военно-стратегический паритет, которым гордился СССР и который достался ему такой дорогой ценой, больше не является необходимым. В мире XXI века более эффективны асимметричные средства поддержания стабильности.

Последовательное разрушение по инициативе США системы контроля над вооружениями, выстроенной усилиями Москвы и Вашингтона начиная с 1960-х годов, снижает уровень уверенности России и Америки в том, что им не грозит опасность со стороны потенциального противника. Дело в том, что в отсутствие договоров становятся невозможны инспекции на территории друг друга, и сторонам приходится целиком полагаться на информацию разведки и собственные оценки, которые, как правило, завышают возможности противоположной стороны. В этих условиях увеличивается риск неверных заключений и провоцирующих действий.

Для ограничения риска необходимо как минимум поддерживать постоянный контакт между руководствами министерств обороны России и США, начальниками генеральных штабов их вооруженных сил, региональными военными командованиями, высокопоставленными представителями спецслужб и руководителями советов безопасности; проводить регулярные обсуждения военных доктрин и проблем стратегической стабильности; проявлять взаимную сдержанность и постепенно создавать условия для возобновления стратегического диалога. Одной из тем такого диалога может стать распространение ядерного оружия.

Дальнейшее распространение ядерного оружия представляет серьезную угрозу для всех государств, включая Россию и США, поскольку делает ситуацию в мире менее контролируемой. Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), который вступил в силу в 1970 году, сыграл важную

роль в ограничении круга ядерных держав, но он не является гарантией от дальнейшего распространения. В глазах тех правителей государств, которые опасаются давления крупных держав, ядерное оружие стало единственным средством обеспечения безопасности страны или выживаемости режима перед лицом более сильного внешнего противника. Примеры Югославии (1999 год), Ирака (2003 год), Ливии (2011 год) и Украины (2014 год) красноречиво свидетельствуют об этом.

В такой ситуации государства, чьи лидеры твердо намерены любой ценой — в том числе ценой международного ostrакизма, санкций и изоляции — выстоять в неравном противостоянии, располагающие определенными ресурсами и возможностями, способны создать ядерное оружие и средства его доставки. Пример Северной Кореи свидетельствует, что это может быть даже сравнительно отсталое государство с ограниченными международными возможностями. Попытка извне уничтожить ядерную программу такого государства может быть успешной только в случае военной победы над ним и как следствие оккупации его территории и полной смены элиты. В гипотетическом случае Ирана — наиболее очевидного кандидата для пополнения ядерного клуба — этот вариант для США вряд ли возможен.

Появление кибероружия существенно разнообразит арсенал боевых средств государств и ставит вопрос о границе между жесткой конфронтацией и войной. Возникает ряд очень трудных вопросов. С какого уровня и масштаба кибератака может рассматриваться в качестве акта войны? Каким может и должен быть ответ на такое нападение — симметричным? Военным, но неядерным? Ядерным? Еще один вопрос — о возможности договоренности о правилах поведения, об ограничении вредоносной деятельности

в киберпространстве. Очевидно, что здесь могут быть согласованы ограничения, так называемые красные линии, — такие как проникновение в системы подсчета голосов на выборах. В то же время ясно, что киберсреда превратилась в главное поле противоборства различных игроков, не только государств. В таких условиях нельзя не только полагаться лишь на международные соглашения, но и рассчитывать на продуктивные переговоры с целью заключения таких соглашений. Требуется укреплять информационную безопасность. Это одна из важнейших задач современной российской политики безопасности.

Агрессия против России с применением исключительно неядерного оружия возможна, но в случае возникновения в результате этого угрозы существованию страны Россия, согласно своей военной доктрине, готова применить против агрессора ядерное оружие. Эта готовность является фактором сдерживания государств, обладающих ядерным оружием, прежде всего стран НАТО.

Нападение на Россию, ее вооруженные силы или дружественные Москве государства или образования со стороны неядерных государств — например, Украины или Грузии — также возможно, но само по себе оно не несет угрозы существованию российского государства. Таким образом, по периметру российских границ могут вспыхивать *локальные конфликты*. В первую очередь речь может идти о конфликтах в Донбассе или (что менее вероятно) на границах Абхазии — Южной Осетии с Грузией. Эти конфликты при определенных условиях могут перерасти в войны с Украиной и Грузией, которых так или иначе будет поддерживать Запад. Для предотвращения таких войн необходимо сочетать обычное сдерживание — убеждение возможных агрессоров в бесполезности и вреде нападения на непризнанные ими

образования — и дипломатию, в том числе направленную на покровителей и старших союзников Киева и Тбилиси.

Вызовом для России является армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха. Москва, находящаяся в союзнических отношениях с Ереваном и партнерских с Баку, начиная с 1994 года сохраняла достаточное влияние в обеих кавказских столицах, чтобы удерживать их от большой войны. В сентябре 2020 года, однако, этого влияния не хватило, война возобновилась, статус-кво предыдущих 26 лет перестал существовать. Надо иметь в виду, что в рамках Организации Договора о коллективной безопасности и двустороннего договора с Арменией Россия обязывалась защищать Армению от нападения извне. Официально Москва рассматривает Нагорный Карабах как территорию Азербайджана и как посредник содействует урегулированию конфликта между армянами и азербайджанцами в бывшей Нагорно-Карабахской автономной области.

Наряду с решимостью Азербайджана использовать свои возросшие возможности для восстановления границ в рамках бывшей АзССР важнейшей причиной возобновления войны стало активное участие Турции, стремящейся использовать союз с Баку для усиления своего геополитического влияния на Южном Кавказе. Амбиции турецкого руководства представляют проблему и даже угрозу для России не только на Южном Кавказе, но и в пределах самой Российской Федерации: на Северном Кавказе, куда могут проникнуть забрасываемые Турцией в Азербайджан ближневосточные боевики, в Крыму, вхождение которого в состав РФ Анкара не признает и где Турция поддерживает крымско-татарских экстремистов, в тюркоязычных регионах России — от Поволжья до Якутии, в тюркоязычных Казахстане и государствах Средней Азии, которые во времена

Российской империи назывались Туркестаном. На Ближнем Востоке (Сирия) и в Северной Африке (Ливия) интересы России и Турции часто сталкиваются, хотя во многих случаях стороны находят компромиссные решения.

С середины 2010-х годов российские вооруженные силы задействованы в конфликтах в дальнем зарубежье. В Сирии Воздушно-космические силы России (ВКС) наносят удары по террористам, экстремистам и радикалам, борющимся против президента Башара Асада. Вместе с тем в Сирии существует опасность военного столкновения с действующими в регионе соседними государствами — Турцией и Израилем, а также с США. Для предотвращения инцидентов и их купирования применяются специальные меры деэскалации, а при необходимости — прямые контакты на высшем военном и государственном уровне.

Более сложной является проблема участия в конфликтах российских частных военных компаний (ЧВК). Эти компании не имеют статуса в российском законодательстве, являясь, таким образом, незаконными. Тем не менее с ведома и при поддержке российских властей они участвуют на коммерческой основе в войнах в ряде стран — Сирии, Ливии, а также заняты в секторе безопасности ряда других государств, преимущественно африканских, — Центрально-Африканской Республики, Судана, Чада. В этой связи происходили инциденты, в том числе с гибелью российских граждан, — например, в Сирии в районе Дейр-эз-Зор в феврале 2018 года.

.....
Российское государство не несет прямой ответственности за действия отдельных граждан, но на деле имеет место незаконное с точки зрения российского законодательства взаимодействие властей и ЧВК. При определенных

обстоятельствах перед Москвой может встать дилемма: игнорировать удары по своим гражданам, вовлеченным на коммерческой основе в конфликт за рубежом, или втягивать Россию в войну в частных, а не национальных интересах.

Необходимо как можно скорее ввести ЧВК в российское правовое поле, сформулировать для них кодекс поведения и установить разумные ограничения их деятельности в целях обеспечения национальных интересов и безопасности России.

Международный терроризм продолжает представлять угрозу для России, хотя после завершения конфликта в Чечне и мощных ударов, нанесенных террористам «Аль-Каиды» и ИГИЛ в Афганистане, на Ближнем и Среднем Востоке эта угроза уменьшилась. Тем не менее она не исчезла. В Сирии с нею продолжают бороться российские ВКС, в Афганистане Россия стремится опереться на местные силы — в том числе талибов — в борьбе против транснациональных экстремистов. В других случаях (например, в Египте) Россия поддерживает режимы, жестко подавляющие исламистских радикалов.

Особую угрозу для России представляет проникновение и распространение терроризма и экстремизма в соседствующих с нею странах Средней Азии. Россия сотрудничает со странами этого региона в рамках Организации Договора о коллективной безопасности и на двусторонней основе. Есть взаимодействие с Китаем в рамках Шанхайской организации сотрудничества и по двусторонним российско-китайским каналам. На двусторонней основе РФ сотрудничает также с Узбекистаном — крупной среднеазиатской страной — членом ШОС, но не входящей в ОДКБ.

В то же время широкая международная антитеррористическая коалиция, о которой много говорилось после терактов 11 сентября 2001 года в США, не сложилась. Многие государства расходятся в мнении, какие организации считать террористическими. Политические разногласия, различия интересов, соперничество между государствами препятствуют тесному взаимодействию спецслужб в борьбе с терроризмом. Тем не менее угроза терроризма столь опасна для всех, что обмен информацией, позволяющей расстроить планы террористов, продолжается, в том числе между Россией и США — несмотря на конфронтацию.

Экономическая безопасность — это устойчивость к внешним вызовам. Россия в XXI столетии столкнулась с целым рядом таких вызовов: резким снижением цен на нефть (2008, 2014, 2020 годы), экономическими и финансовыми санкциями (с 2014 года), угрозой отключения от мировой финансовой системы (конкретно — от системы платежей SWIFT), опасностью замораживания валютных резервов, номинированных в долларах США. В 2020 году иностранные поставщики комплектующих для российского авиастроения единовременно отказались от сотрудничества с Россией. В дальнейшем запреты могут коснуться микроэлектроники.

Устойчивость к таким вызовам требует минимизации внешних финансовых обязательств, наличия достаточных и диверсифицированных золотовалютных резервов, грамотной макроэкономической политики. Экономическая безопасность не означает автаркии и тотального импортозамещения, но требует диверсификации источников ресурсов, рынков и способов ведения экономической деятельности. В российском случае она требует, кроме того, последовательной диверсификации самой экономики и, соответственно, снижения зависимости от экспорта энергоносителей.

В принципе, для такого поворота необходимы коренные изменения экономической политики.

Быстрый общемировой прогресс в *технологической* области происходит на фоне растущего отставания России в этой сфере. В советский период страна была одним из мировых технологических и научных лидеров в ряде важных областей, но затем резко сдала позиции. В начале 1990-х годов правительство Егора Гайдара, исполнявшего в 1991–1992 годах обязанности премьера, фактически отказалось от отечественного станкостроения, считая, что все необходимое можно купить на мировом рынке. В результате в ряде случаев Россия оказалась позади стран, которым она еще недавно помогала в развитии, — например, Китая и Индии.

В последнее время политика государства нацелена на сокращение отставания, но успехов пока не так много. До сих пор не создана новая модель научно-технического развития страны взамен разрушенной старой модели Академии наук СССР. Неэффективны пока и реформы в области образования и науки. В то же время конфронтация с США стала объективным стимулом для развития военной техники и информатики, в частности искусственного интеллекта.

В результате Россия оказывается в ситуации, когда в случае, если она не сможет в сравнительно короткие сроки создать собственную технологическую базу, страна попадет в жесткую зависимость в этой сфере. Технологическая война между США и Китаем ставит перед Москвой выбор — чьи стандарты и платформы предпочесть, в частности, при создании сетей связи 5G. Попытка решить эту проблему на основе диверсификации — баланса между разработками партнеров из Китая, Америки, Европы и собственными возможностями — выглядит скорее как вынужденная и временная мера, чем как решение проблемы. Это попытка избежать

зависимости от одной стороны при помощи зависимости от всех.

В краткосрочной и среднесрочной перспективе удовлетворительного решения, по-видимому, нет, но в более длительной оно должно быть найдено, если Россия намерена обеспечить свою технологическую безопасность. Очевидно, что новая модель может быть выстроена на отчасти сохранившемся еще фундаменте традиционной для России системы образования, а управление научными и техническими исследованиями потребует тесного партнерства государства и частных организаций и стратегического целеполагания.

Сократить отставание может серьезно помочь международное сотрудничество. Ограничения, введенные еще в годы холодной войны (создание комитета по контролю над экспортом технологий, КОКОМ) и не отмененные после ее окончания, и нынешняя конфронтация с США и охлаждение отношений с Европой сильно затрудняют такое сотрудничество, но не исключают его. В отношениях с Европой приобретение передовых технологий наряду с экономическим обменом является главным интересом России. Традиционно такие страны, как Германия, были главным источником технологий для нашей страны. В отношениях с США, несмотря на американо-российскую конфронтацию, научно-образовательный обмен сохраняет еще некоторое значение.

За пределами Запада ведущим технологическим партнером России в последнее время становится Китай. Приходится иметь в виду, однако, что китайские партнеры менее склонны делиться своими научно-техническими достижениями, чем западные, и пытаются прежде всего получить доступ к российским разработкам. Но и в этих условиях научно-техническое сотрудничество с Китаем имеет для России серьезное значение. Оно, однако, должно идти параллельно

с развитием обмена и сотрудничества с другими странами Азии — прежде всего с Японией и Индией. Если первая связана ограничениями в рамках G7 и союзнических соглашений с США, то Индия в этом отношении более свободна. Развитие широкого научно-технического сотрудничества с Индией могло бы стать новым двигателем российско-индийских отношений.

Обеспечение экологической безопасности включает ряд тем — от защиты окружающей среды до реагирования на изменение климата.

Россия обладает колоссальными природными ресурсами: обширными лесами, запасами пресной воды, плодородными почвами. Это важнейшее национальное богатство, требующее защиты и заботы. С учетом этих факторов позиция России в будущих международных обсуждениях и переговорах по климатической тематике может быть очень сильной.

Климатическая политика России должна быть максимально прагматичной, основанной на интересах страны и объективной экспертизе. Важно отметить, что в этой области конфронтация в меньшей степени ограничивает международное научное сотрудничество.

Состояние эпидемиологической безопасности России — как и всего мира — было протестировано в 2020–2021 годах пандемией коронавирусной инфекции. Этот кризис продемонстрировал приоритет национальных государств и принимаемых ими мер над заявлениями, делавшимися от имени международного сообщества или действиями негосударственных субъектов. Россия активно включилась в процесс создания вакцины от вируса, первой достигла

предварительных результатов. Превращение России в одного из лидеров в создании вакцины от COVID-19 — после того, как в РФ была создана вакцина от лихорадки Эбола, — существенно укрепляет международные позиции страны, особенно в незападной части мира.

Дезинформация, разжигание всякого рода розни, провоцирование волнений, цветных революций и прочее — обычные угрозы в условиях войны и конфронтации. При существовании безграничного информационного пространства вмешательство со стороны и неизбежно, и неустранимо. Здесь не должно быть алармизма, попыток — как правило, бесполезных — цензурирования информационных потоков. Советский опыт борьбы с буржуазной пропагандой служит предостережением. Соперники и противники привычно указывают на уязвимые места друг друга, пытаются эксплуатировать проблемы в собственных стратегических целях. Реакция стороны, подвергшейся атаке, должна быть направлена в первую очередь на решение или облегчение проблем, создающих повод для вмешательства. Реагирование, глухая оборона — заведомо проигрышная стратегия. В глобальном информационном пространстве необходимо уметь конкурировать, в том числе атакуя слабые места соперников и противников. При этом, однако, стоит помнить, что широкое применение каким-либо государством дезинформации резко снижает доверие к любой информации, распространяемой данной страной.

Союзники

В вопросах национальной обороны Россия в принципе одинока. Случись нападение, ей придется рассчитывать только на собственные силы: ядерный арсенал, армию, флот и воздушно-космические силы, на сплоченность населения,

экономику, объединяющие нацию ценности и идеи. У страны нет постоянных противников, но и постоянных союзников в полном смысле слова тоже нет. Ни один из формальных союзников РФ по Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) не встанет на защиту Москвы, Петербурга, Калининграда или Владивостока — не говоря уже о Севастополе. Президент Белоруссии — самого близкого союзника России — не раз говорил, что белорусская земля на протяжении истории страдала от чужих войн, которые велись на ее территории. Точно так же в случае операций российских вооруженных сил за пределами национальной территории Москва не может рассчитывать даже на символическое участие контингентов союзных стран.

Хотя ОДКБ и отдельные государства — союзники (за исключением Белоруссии) бесполезны для обороны России, но они полезны для обеспечения безопасности страны. Армения, Киргизия и Таджикистан предоставляют территорию для российских военных баз, огромная территория Казахстана, протяженность общей границы с которым составляет 7000 километров, прикрывает РФ от нестабильных регионов южнее казахстанских границ.

Такая ситуация не является серьезной проблемой. Как уже отмечалось, Россия располагает достаточным потенциалом сдерживания наиболее сильных в военном отношении держав, а ограниченные военные операции, которые Москва осуществляет за рубежом, успешно проводятся ею самостоятельно или в неформальной коалиции с местными силами. В политико-пропагандистском плане участие мелких подразделений бывших советских республик не способно принести ощутимой пользы, а включение этих контингентов в состав российской группировки сопряжено с целым рядом рисков и является фактором уязвимости.

В целом модель постоянных союзов, порожденных реалиями холодной войны, будь то Организация Варшавского договора (ОВД) или НАТО, в XXI веке, для России не актуальна. Нет необходимости содержать группу стран-сателлитов, побуждаемых различными экономическими льготами оставаться в орбите Москвы, и средств на это тоже нет. Можно вспомнить, что и отдача от ОВД была минимальной, если не считать предоставления Советскому Союзу территории и логистики для создания военно-политического буфера/плацдарма на главном стратегическом направлении. Но даже это преимущество было нивелировано в течение нескольких лет в результате создания ракетно-ядерного оружия. Уже к началу 1960-х годов ОВД утратила свою защитную функцию, и Москва могла бы начать проводить линию на нейтрализацию Восточной Европы, но помешали идеология и сверхдержавные амбиции.

Америка для России не пример. Сохранение НАТО и двусторонних американских союзов — с Австралией, Южной Кореей, Японией и другими странами — это результат гегемонистской политики США, так называемого глобального лидерства. Европейские и другие американские союзники еще 70 лет назад делегировали Вашингтону управление обороной и внешнеполитической «большой стратегией», а сами сосредоточились на экономических, социальных, экологических и прочих мирных проблемах. Военно-политическая зависимость от США в большинстве случаев их не тяготит. Скорее наоборот: создает ощущение защищенности и высвобождает ресурсы.

Для России пытаться копировать США чересчур накладно и, очевидно, не соответствует ее нынешнему постимперскому, постсверхдержавному состоянию. Что же касается союзников РФ, то бывшие имперские окраины, а затем

бывшие республики СССР чрезвычайно трепетно относятся к своей независимости именно от Москвы. Гипотетическая утрата независимости от бывшей метрополии для нынешней и, вероятно, следующей генерации руководителей новых государств представляет большую угрозу, чем возможность подпасть под влияние других мировых держав или соседних государств. Более того, такое влияние может считаться гарантией невозвращения под высокую руку Москвы.

Формально у России есть союзнические отношения с несколькими государствами, возникшими на пространстве бывшего СССР. В 1999 году на базе Договора о коллективной безопасности Москве удалось создать организацию (ОДКБ), участники которой обязались оказывать друг другу помощь в случае внешней агрессии или внутренней дестабилизации. На самом деле военно-политическим союзом, тем более блоком, ОДКБ не является. Все ее участники открыто и активно практикуют многовекторную внешнюю политику, стремясь поддерживать отношения с различными центрами силы, включая США, Китай и Евросоюз. Ни один из формальных союзников РФ не признал российский статус Крыма, а еще раньше никто из них не признал независимость Абхазии и Южной Осетии.

Верно и другое. Член ОДКБ Армения с 1994 года находилась в состоянии замороженного вооруженного конфликта с Азербайджаном. Однако, поскольку конфликт был ограничен Нагорным Карабахом — территорией, которую Россия и весь мир считают частью Азербайджана, речи о коллективной военной помощи Еревану со стороны ОДКБ или хотя бы только одной России не было. На протяжении многих лет Москва поддерживала тесные контакты с обеими враждующими сторонами, продавая оружие и Армении, и Азербайджану, но стремясь подвигнуть их

к мирному соглашению, во всяком случае удерживая их от возобновления полномасштабной войны. Москва продолжает сохранять баланс между сторонами, обеспечивая перемирие в регионе и создавая условия для диалога между Ереваном и Баку.

Также Россия отказалась от вооруженного вмешательства во внутренний конфликт в Киргизии в 2010 году, которое неизбежно означало бы втягивание РФ в межрегиональное противоборство в этой стране. В период гражданского противостояния в Белоруссии в 2020 году Москва предостерегла страны НАТО от вмешательства и пообещала Минску оказать при необходимости помощь, отправив «резерв правоохранителей» для восстановления стабильности в стране.

Из сказанного не следует, что ОДКБ для России бесполезна. Это означает только то, что ОДКБ не является военно-политическим союзом. Это по преимуществу организация, занимающаяся вопросами безопасности и позволяющая координировать в этой области усилия России и пяти постсоветских государств. Главная задача ОДКБ — борьба с терроризмом и экстремизмом.

Главное направление — Средняя Азия и Афганистан. Основные партнеры — национальные советы безопасности и специальные службы стран-участниц. Собственно военные вопросы Россия решает на двусторонней основе, в основном с Белоруссией.

Воспоминания об СССР не должны порождать нереалистичные притязания. Для России основное значение имеет географическое положение государств — членов организации. То, что Белоруссия, расположенная на столбовой дорожке

Берлин–Москва, и Казахстан, с которым у России самая протяженная и наименее контролируемая граница, остаются дружественными Москве, имеет большое положительное значение для обеспечения безопасности России. Киргизия и Таджикистан служат выдвинутыми вперед позициями для борьбы с экстремистами и террористами в Средней Азии и Афганистане. Наконец, Армения позволяет России иметь военную базу в Закавказье и влиять на геополитику региона.

России нужна не «натоизация» или милитаризация ОДКБ, не превращение ее в прочный пророссийский блок — это желательно, но пока вряд ли осуществимо, а повышение эффективности этой организации для решения конкретных задач. Основной путь для этого — более тесное взаимодействие правоохранительных органов, служб внешней разведки, миграционных служб, органов информационной безопасности и т. д. Кроме того, ОДКБ остается удобной платформой для базирования вооруженных сил РФ, в частности Сил специальных операций, Воздушно-космических сил.

Партнерство в отличие от формального союзничества имеет множество различных форм. С 2015 года Россия успешно практикует ситуативное партнерство на Ближнем и Среднем Востоке. Она поддерживает постоянные контакты со всеми значимыми силами в регионе, сотрудничая с ними в пределах взаимных интересов. В ходе войны ситуативные союзники очень полезны. Например, успех российской военной операции в Сирии, проводившейся Воздушно-космическими силами РФ, был бы невозможен без присутствия «на земле» Сирийской арабской армии и полувоенных формирований, лояльных президенту Асаду, проиранских сил из Ливана (отрядов организации «Хезболла») и других иранских и подконтрольных Тегерану групп, в том числе из Афганистана, а также сотрудничества с Турцией. Верно и то, что

такие временные союзы ограничены по взаимным обязательствам, глубине взаимодействия, целям, времени, территории и т. д. Министр иностранных дел России Сергей Лавров, говоря о взаимодействии России и Сирии, подчеркивал отличие этих отношений от союзничества США с Турцией в рамках НАТО.

Военные коалиции эффективны именно в периоды войн, но после их завершения закономерным образом распадаются. Ситуация очень подвижна и неоднозначна. С такими странами, как Турция — партнер России по Астанинскому процессу, эффективное сотрудничество в одних областях соседствует с соперничеством, иногда в жестких формах, в других. Отношения Москвы и Анкары не раз становились напряженными, как из-за событий в Сирии (уничтожение российского военного самолета, гибель пилота, убийство российского посла в Анкаре, балансирование на грани военного столкновения в Идлибе), так и из-за поддержки противоборствующих сил в Ливии. Иран, другой партнер по «астанинскому процессу», стремится уменьшить влияние Москвы в Дамаске. Что касается режима Башара Асада, то тут уже Россия не берет на себя бремя его абсолютной поддержки. Москва также считает себя свободной в своих контактах и сотрудничестве со странами, находящимися в сложных или даже враждебных отношениях друг с другом, например с Израилем и Ираном.

Израиль для России может быть союзником иного рода — в вопросе о роли и вкладе СССР в победу над нацизмом. Иран — важный геополитический партнер Москвы на стыке Ближнего и Среднего Востока, Закавказья и Средней Азии. В продолжающемся конфликте Русской православной церкви с константинопольским патриархом Варфоломеем РПЦ

поддерживают Антиохийская и Александрийская православные церкви.

Ближний Восток — не единственный пример. В Афганистане ситуативными союзниками России в конце 1990-х годов выступали афганские моджахеды, которые десятилетием раньше воевали против Советской армии. В качестве потенциального союзника в борьбе против запрещенного в России ИГИЛ, уже проникшего в Афганистан, некоторые круги в России рассматривают афганских талибов. Речь идет, разумеется, не о постоянных союзах, а лишь о тактическом совпадении интересов по принципу «Враг моего врага — мой друг». Конечно, без иллюзий и только на время, как и с другими ситуативными партнерами — попутчиками.

О российско-китайских отношениях в области безопасности, в военно-технической и оборонной сферах разговор впереди. В мирное время союз не нужен ни Москве, ни Пекину. Во-первых, потому, что такой союз связал бы руки его участникам. Он потребовал бы тесной координации внешней и оборонной политики, что не только ограничило бы свободу маневра обоих государств, но и поставило бы неудобный вопрос о лидерстве. Во-вторых, российско-китайский союз вызвал бы беспокойство у соседних государств (например, Индии) и заставил бы их еще активнее искать защиту у США. Военный союз РФ и КНР гипотетически возможен в случае нападения Соединенных Штатов одновременно на Россию и Китай.

БЛИЖАЙШИЕ СОСЕДИ: УКРАИНА И БЕЛОРУССИЯ. РУССКИЙ МИР

В конце 2010-х годов вошел в завершающую стадию процесс не только распада империи, но и расщепления исторического ядра Российского государства. Обособление Украины от России в политическом и экономическом, в культурном и духовном отношениях исключает какую-либо возможность интеграции. В других условиях и другими темпами, но в том же направлении протекают процессы размежевания между Россией и Белоруссией, которая постепенно превращается из постсоветской республики в полноценное восточно-европейское государство. Евразийский экономический союз при всей его практической полезности не стал центром силы в Евразии, каким он был задуман вначале. Это объединение по интересам с ограниченными целями и возможностями.

∴ *Малая Евразия Российской империи / СССР ушла в историю.*

На этом фоне сама Российская Федерация эволюционирует от остова СССР к единому многонациональному государству. Уход Украины от России, становление белорусской государственности снимают для России вопросы о восстановлении в новых формах имперского или союзного образования. Российская Федерация и есть современная Россия. Это государство полиэтническое и поликонфессиональное, но уже не союзное и не имперское. Это новое состояние отделенности от бывших окраин — не фактор слабости. Крупные, но при этом компактные образования

имеют преимущества в условиях усиливающейся глобальной конкуренции.

Россия, Украина и Белоруссия не три русских государства единого народа, а разные страны, разные общества. Да, все они — равноправные наследники древней Киевской Руси, а затем — альтернативные варианты развития средневековой русской культуры и даже русской государственности. Тем не менее разветвление прежде единой русской общности началось не в 1991 году, а во второй половине XII века. Именно тогда, писал Ключевский, «русская народность разбилась на две ветки, великорусскую и малорусскую, и с тех пор каждая из них имела свою особую судьбу»¹²². Это было закреплено в ходе монгольского завоевания, в результате которого северо-восточная Русь, ядро территории нынешней Российской Федерации, стала монгольским улусом Джучи, а Киев, Львов и Полоцк с соседними княжествами вошли в состав восточноевропейских государств Литвы, Польши и Венгрии.

Альтернатива Москве в виде бывших южно- и западно-русских земель тоже появилась не в результате распада СССР, а в XIV веке, когда возникло Великое княжество Литовское с литовской династией во главе, но с православием в качестве преобладающей религии и с русским языком как государственным. Литва и Москва более 100 лет боролись за объединение русских земель — каждая под своей эгидой. В результате Москва победила, а Литва стала составной частью Речи Посполитой, восточноевропейской державы, в которой доминировал польский католический элемент, а в городах утвердилось магдебургское право.

Таким образом, очевидно, что формирование русской, украинской и белорусской общностей в XIII–XVII веках происходило в очень разных условиях и дало совершенно

разные результаты. Русские оказались данниками татар и вынуждены были четверть тысячелетия бороться за свою независимость. Созданное ими для этого вокруг Москвы государство было прежде всего боевой единицей с безусловным единоначалием. Сбросив в конце концов монгольское иго, самодержавная Россия стала наследницей великой евразийской империи Чингисхана, в итоге присоединив земли западной и юго-западной Руси.

Жители юго-западной Руси, предки современных украинцев, избежали длительного азиатского ига, но оказались этническим и религиозным меньшинством в составе европейских государств — Литвы, Польши, Венгрии. Они были объединены в основном языком и религией. Военно-политический союз днепровских казаков — Запорожская Сечь — в своем стремлении к автономии и привилегиям непрерывно пытался лавировать между соседями, которые поочередно были для него то союзниками, то противниками: Польшей, Россией, Османской империей и подвластным ей Крымским ханством, Швецией. Это внутренне неустойчивое и внешне уязвимое состояние запорожской военной олигархии с элементами демократии заложило основы политической культуры будущей Украины.

Воссоединение Украины с Россией на деле было сложным, длительным и противоречивым процессом поглощения Московским царством, а затем Российской империей территории бывшей Юго-Западной Руси. Украинская казацкая старшина поначалу стремилась заручиться только временной защитой и поддержкой русского царя, а затем под руководством Ивана Мазепы пыталась уйти из-под его державной руки, но в результате была вынуждена отказаться от прежних вольностей и претензий, и украинские казаки стали подданными всероссийского самодержца. Присоединение

белорусских земель и населения произошло гораздо позже и мягче, сопротивление царской власти оказывали в ходе восстаний в основном проживавшие на этой территории поляки.

Идея единого русского православного народа присутствовала в сознании российских правителей и общества всегда, но была официально оформлена только в XIX веке. Эта идея во многом была реализована на практике в Российской империи и в послевоенный период в Советском Союзе, но она не смогла успешно противостоять украинскому национализму, большую помощь которому оказали в довоенный период русские коммунисты с их политикой коренизации, а в послевоенный — включение в состав СССР территорий Восточной Галиции и Волыни, которые никогда со времен Древней Руси не входили в общерусское государство и которые с середины XIX столетия были очагом поддерживавшегося из Вены украинского национализма. Белорусский национализм был гораздо слабее украинского, он не пользовался активной внешней поддержкой и не носил откровенно антирусского характера.

В отличие от 1917 года 1991-й не привел через несколько лет к восстановлению большой страны, на что многие в России надеялись. За три постсоветских десятилетия государственность Украины и Белоруссии приобрела внутреннюю легитимность. Формируются, хотя и не без проблем, украинская и белорусская политические нации, в то время как ощущение прежней общности с Россией и россиянами уходит со сменой поколений. Даже торжественно провозглашенное в 1999 году Союзное государство России и Белоруссии осталось в основном на бумаге, превратившись в форму близких, но не полностью интегративных отношений между двумя странами.

Сегодня и в обозримой перспективе Белоруссия и Украина являются соседними, этнически и культурно близкими к России, но отдельными государствами — пусть и не иностранными в полном смысле слова. Абстрагировавшись от сегодняшнего характера и уровня отношений между Москвой с одной стороны и Киевом или Минском с другой, можно проводить параллели с отношениями Германии и Австрии, Великобритании и ее доминионов, а также США и Канады.

Для России такое развитие государственного строительства в самом ближайшем зарубежье является очевидным вызовом. В то же время построение отношений с восточнославянскими соседями как с отдельными государствами, а не как с полунезависимыми образованиями снимает для Москвы проблему иждивенчества соседей и необходимость субсидировать их.

..... *Независимость Украины от России есть одновременно освобождение России от надежд и иллюзий по отношению к этой стране.*

УКРАИНА

Развод с Украиной для России процесс крайне болезненный, но его также можно обратить на пользу для укрепления Российского государства. Единого русского народа в понимании конца XIX — начала XX века нет. Восточнославянское ядро расщепилось. Лучше иметь Украину в качестве соседа, чем как псевдосоюзника или тем более беспокойную окраину в рамках общих интеграционных структур. К настоящему времени внутри РФ практически не осталось этносов, склонных к сепаратизму. Нужно и дальше сплавивать

страну, а не стремиться расширять ее пределы путем, например, включения в состав РФ Донбасса, а также Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья.

С этих исходных позиций оптимальной политикой Российской Федерации в отношении Украины является продвижение и защита российских национальных интересов, а не восстановление утраченной общности. Главным ресурсом, который может представлять Украина, являются не завязанные на общее пространство промышленные мощности бывшей УССР, а люди. Именно люди общерусской культуры, обладающие определенными способностями и навыками, требуются сегодня и в обозримой перспективе для укрепления и развития России. Привлекать их на работу и на жительство в Россию — главная задача политики в ближнем зарубежье, особенно в Восточной Европе. Проще говоря, в интересах России переход от традиционного собирания земель к собиранию людей — в границах Российской Федерации.

Будущее Украины — дело самого украинского народа, и это будущее пока не определилось окончательно. В геополитическом плане России нужна как минимум невраждебная Украина, нейтральный буфер между НАТО и РФ. Реализация этого идеала в обозримом будущем маловероятна, но это не значит, что нынешние враждебность и ненависть по отношению к РФ будут вечно определять политику Киева. Можно предположить, что в долгосрочной перспективе политический ландшафт Украины будет меняться в сторону большего реализма, учета экономических, геополитических, культурных и иных факторов. Разочаровавшись в Европе и Западе, Украина может попытаться что-то получить от России. В этом случае Россия должна быть готова к новому формату отношений с Украиной — без нынешней враждебности, но и без нового донорства.

В обозримой перспективе Россия должна оставаться приверженной в целом выгодным для нее Минским соглашениям 2015 года. В случае реализации договоренностей не только исчезла бы формальная причина для западных санкций против России, но пророссийские силы в Украине существенно укрепились бы, получив надежно защищенную географическую базу, а сам Донбасс приобрел бы фактическое право вето в решении вопроса о членстве Украины в НАТО и об отношениях с США в целом. Донбасс в составе Украины мог бы стать мощным противовесом нынешним господствующим тенденциям — антироссийскому национализму, вытеснению русского языка и однозначной ориентации на Запад.

При этом, однако, на перспективы договоренностей нужно смотреть реалистически. Выполнение украинской стороной Минских соглашений блокируется крайне влиятельными на Украине националистическими кругами и, кроме того, политически невыгодно большинству украинских политических сил. Против такого шага настроены также те влиятельные круги на Западе, которые рассматривают Минские соглашения как победу российской дипломатии и считают, что экономическое и политическое давление на Москву не должно ослабевать.

Таким образом, необходимо исходить из того, что статус-кво в Донбассе сохранится еще неопределенно долгое время. Москва в этих условиях должна будет продолжать материально помогать Донецку и Луганску и быть готовой в случае необходимости защитить их от попыток Киева восстановить контроль над территорией. В то же время Россия не должна поощрять Донецк и Луганск к обострению ситуации.

В сложившихся условиях на основе Минских соглашений можно добиться немногого — стабилизации положения

вдоль линии соприкосновения в Донбассе. Это означает устойчивое прекращение огня, обмен всеми удерживаемыми лицами, обеспечение гуманитарных и экономических контактов через линию соприкосновения. Поддержание этой динамики будет способствовать тому, что внимание украинского общества сосредоточится на внутренней повестке дня. Это не решает проблему, но тоже в интересах России.

На внешнем контуре — прежде всего европейском — целью российской политики должно стать постепенное выведение украинского вопроса из центра внимания в отношениях России с Евросоюзом. Необходимо демонстрировать постоянную готовность к диалогу, к обоюдным компромиссам, к восстановлению территориальной целостности Украины в Донбассе. При этом Россия должна быть готова не только предоставлять жителям Донбасса гражданство РФ — на начало 2021 года таких было 400 тысяч человек, — но и содействовать переселению желающих в Россию.

Принципиальной позицией Москвы должно стать: «Новых земель в составе РФ нам не нужно, но людей из Украины и других стран мы готовы принимать на привлекательных для них условиях». Это главное на украинском направлении. Уже примерно 2 млн человек (не считая крымчан) сделали выбор в пользу России. Это направление можно и нужно вывести на новый уровень и добиться больших результатов. Иммиграция в Россию украинцев способна существенно укрепить экономический, культурный и научный потенциал страны. Для того чтобы такая миграция принесла плоды, необходимо сделать переезд привлекательным для переселенцев, а интеграцию — необременительной.

Позиция по Крыму остается неизменной: это часть Российской Федерации и не предмет переговоров с кем-либо в любом виде. Конечно, необходимо понимать, что статус

Крыма будет признан международным сообществом в целом только после признания Киевом российского суверенитета в Крыму. Это произойдет еще очень не скоро.

Упор на собирание людей в России, включение украинских переселенцев в состав российской гражданской нации означает одновременно и отказ от активных попыток изменить вектор развития современной Украины, от прямого вмешательства с целью получить выгоду, изменив положение в соседнем государстве. Это не означает уменьшения внимания к происходящему на Украине. Страна будет продолжать меняться. Нельзя исключать, что в процессе изменений могут появиться благоприятные возможности для России. Ими нужно уметь воспользоваться, но активные попытки дестабилизации Украины не будут иметь успеха и в конце концов обернутся против российских интересов.

Реалистическая цель долгосрочной российской стратегии — выстроить с Украиной более или менее предсказуемые отношения как с иностранным государством, таким как сегодняшняя Грузия. Это требует от россиян нового «прощания с Царьградом» — но теперь не с мечтами о водружении креста над собором святой Софии, ставшей в 2020 году опять мечетью, и контроле над Босфором, а с Киевом как «матерью городов русских».

..... *Процесс замещения символов уже идет: Новгород официально провозглашен колыбелью российской государственности, а Херсонес после возвращения Крыма и Севастополя в состав России стал «новым» местом принятия Русью христианства.*

Выстраивая политику на украинском направлении, нужно постоянно помнить, что в украинской политической

элите практически нет людей, искренне желающих сделать Украину частью единого с Россией большого пространства. Иными словами, русских в официальном российском понимании XIX века в Киеве уже нет. Те украинские политики, которые поддерживают — даже в нынешних условиях — связи с Москвой, стремятся в основном использовать Россию в своих интересах. В Киеве чувствуют, что любой самостоятельный украинский политический проект нежизнеспособен в условиях тесной интеграции с Россией. В гипотетическом случае экономической интеграции Украина естественным путем волеется в Россию, но такой вариант вызовет сильнейший протест со стороны активного меньшинства украинских самостийцев.

Это относится не только к элитам. Весной 2014 года многим в России казалось, что в результате киевского Майдана украинское государство рухнет и русскоязычные области на востоке и юге страны, от Харькова до Одессы, встав в оппозицию к Киеву, образуют пророссийскую Новороссию, которая подобно Крыму соединится с Российской Федерацией. Эти расчеты не учитывали двух важнейших факторов: слабости региональных элит юго-востока Украины и пассивности населения. С тех пор в условиях конфликта в Донбассе произошла консолидация значительной части населения Украины на антироссийской основе, свернуто образование на русском языке, под давлением оказалась Украинская православная церковь (Московского патриархата), разорвана большая часть связей с Россией. Конечно, вопрос об идентичности современной Украины еще не решен окончательно, возможность нового внутреннего кризиса на Украине сохраняется. Не подталкивая Украину к расколу, Россия в то же время должна быть готова к любому варианту развития событий в соседней стране.

Возможность вступления Украины в НАТО долгое время рассматривалась в качестве главной угрозы безопасности России в Европе. В обозримой перспективе вероятность принятия Украины в альянс практически отсутствует. Прием Украины в условиях неурегулированного конфликта в Донбассе и присоединения Крыма к России фактически создал бы для США ситуацию, в которой им пришлось бы либо вступить в войну с Россией за страну, не являющуюся критически важной для безопасности Америки, либо открыто признать, что американские гарантии безопасности союзникам не обеспечены готовностью США защищать их. Первое означало бы ядерную войну, второе — крах НАТО и прочих американских союзов (с Японией, Южной Кореей, Израилем и другими странами).

Проблема для России состоит, однако, в том, что отсутствие формального членства Украины в НАТО не ограничивает военное сотрудничество Вашингтона и Киева. Представители США уже глубоко проникли в силовые структуры Украины, включая Службу безопасности и Министерство обороны, во многом направляют их деятельность. Американские и другие натовские военные ведут обучение украинских военнослужащих. США и другие страны НАТО поставляют Украине вооружение и военную технику. Да, с утратой Украиной Крыма американские ВМС потеряли возможность закрепиться в Севастополе, но с тех пор они осваивают Одессу и Очаков.

В случае успешной модернизации украинские вооруженные силы могут представлять определенную угрозу для безопасности России. Учитывая опыт разморозки застарелого конфликта в Нагорном Карабахе, нельзя исключать, что в перспективе Киев начнет военную операцию с целью восстановления контроля над Донбассом или для возвращения

Крыма. При этом США, не имея формальных обязательств перед Украиной, но поддерживая ее в различных формах, не будут нести прямой ответственности за действия Киева в случае гипотетического конфликта с Россией. Для купирования этой возможной угрозы в распоряжении российского руководства имеются силы и средства, размещенные в районе украинской границы, а также в Крыму. Если в отношении Крыма как территории РФ сомнений быть не может, то необходимо заблаговременно выработать позицию и стратегию на случай войны в Донбассе.

Из сказанного прямо вытекает необходимость глубоко изучать Украину, украинское общество, чтобы лучше понимать соседнюю страну, которая все еще находится в процессе перемен. Сходство России и Украины — усложняющий момент, это нечто вроде загадки «найдите десять отличий», только отличий гораздо больше. Опирайтесь на опыт совместного проживания в единой стране недостаточно, а на мифологизированную историю — опасно. Российской внешней политике требуется современная украинистика.

БЕЛОРУССИЯ

Современная Белоруссия — поразительный пример становления государства при фактическом отсутствии в стране национализма и в условиях в целом близких и дружественных отношений с бывшим союзным центром. Александру Лукашенко — самому «советскому» из глав стран СНГ, при этом политическому противнику белорусских националистов, мечтающих о независимой Белоруссии как духовной наследнице Великого княжества Литовского, — удалось за десятилетия правления впервые создать белорусскую государственность. Эта государственность существенно отличается

от российской и украинской, не говоря уже о литовской и польской. Государственная самостоятельность Белоруссии поддерживается не только белорусскими элитами, но и большинством населения страны. Белоруссия — самое близкое России соседнее государство. В России Белоруссия не воспринимается как государство иностранное. Уже два десятилетия Белоруссия образует с Россией союзное государство. Чтобы и дальше не видеть в Белоруссии за границу, нужно осознать, что это отдельное, хотя и тесно связанное с Россией, государство.

В правящих кругах России самостоятельность Белоруссии долгое время рассматривали как временное и неопасное явление — в отличие от украинской «самостийности». До последнего времени всерьез выдвигались предложения о вхождении Белоруссии в состав Российской Федерации по модели присоединения ГДР к Федеративной республике Германии в 1990 году — в качестве шести областей. Объединение Белоруссии с Россией считалось одним из вариантов решения проблемы 2024 года — окончания четвертого президентского мандата Владимира Путина. Все эти планы свидетельствовали о непонимании того, что по прошествии сколько-нибудь длительного времени — во всяком случае 20 лет для этого более чем достаточно — к государственной независимости привыкают, с нею очень трудно расстаться.

Белорусский кризис 2020 года встряхнул ситуацию в стране и российско-белорусские отношения. Режим Лукашенко утратил связь с реальностью внутри страны и запутался в играх с многовекторностью внешней политики. У России появился шанс не только реально укрепить интеграцию с Белоруссией, но и обеспечить такое переформатирование конституционной и политической системы соседней страны, которое сделало бы невозможными в будущем

экономические выкрутасы и резкие политические шарахання Минска. Речь идет о приватизации белорусской экономики, внедрении российского капитала в наиболее важные для него сферы и о формировании устойчивого пророссийского баланса внутри опирающейся на поддержку белорусского общества национальной элиты, которая была бы материально заинтересована в укреплении связей с Россией и убеждена в необходимости такого укрепления.

Добиться столь благоприятного для РФ исхода будет не просто. У Москвы нет позитивного опыта взаимодействия с обществами соседних стран. Вся ее политика на этом направлении была нацелена исключительно на правящие элиты, а часто просто на узкие клановые группы, стоящие у власти. Это гораздо легче и сравнительно дешевле, чем работать с большими массами людей. Если представившийся сейчас шанс будет упущен, ситуация в белорусском обществе может измениться в неблагоприятном для России направлении. Продвигая национальные интересы России в Белоруссии, Москве необходимо с уважением относиться к настроениям и устремлениям белорусов: это не часть единого русского народа, а отдельная от россиян политическая нация.

Россияне должны научиться воспринимать Белоруссию не как западный край, продолжение России, населенное русским народом, лишь по воле большевиков получившим статус отдельной советской республики, а затем в результате распада СССР — отдельного государства. Белоруссия должна рассматриваться как суверенное государство, лежащее между Россией и натовско-езовской Европой. Важнейшая цель российской политики состоит в том, чтобы это государство при всех возможных внутривнутриполитических изменениях оставалось дружественным по отношению к Российской Федерации.

С геостратегической точки зрения и исходя из опыта истории — например, 1812, 1914 и 1941 годов — наличие дружественного соседа на наиболее важном — московском — стратегическом направлении выгоднее, чем непосредственная граница с потенциальным противником. Положение Белоруссии, находящейся между Польшей, которая становится основным военным союзником и базой США на Европейском континенте, и Москвой очевидно указывает на особую важность военных связей между Россией и Белоруссией. Через Белоруссию осуществляется также наземный транзит в российский анклав Калининград.

Россия заинтересована в тесной координации оборонных стратегий с Белоруссией и всестороннем сотрудничестве военных ведомств и специальных служб двух стран. На территории Белоруссии расположены важные российские военные объекты. В то же время в России должны понимать, что белорусы, живущие на земле, которая на протяжении многих веков, в том числе в ходе обеих мировых войн, была полем ожесточенных сражений между русскими и западными армиями, особенно сильно стремятся к мирной жизни, к неучастию в военных конфликтах.

Несмотря на представление о практической неразличимости белорусов и русских, история белорусского народа в период его формирования — с середины XIII по вторую половину XVIII века — развивалась иначе, чем история великороссов. Минск вошел в состав Российского государства на столетие позже Киева. Великое княжество Литовское, конечно, не было собственно белорусским государством, но появление у белорусов национального чувства, а с начала XX века развитие белорусского национализма являются фактами. Белорусская народная республика не состоялась, но советская власть много и в целом успешно работала

над созданием белорусской государственности. Вступление БССР в ООН — при всей его формальности — датируется 1945 годом.

Однако для того, чтобы сохранять дружественный, партнерский, а на человеческом уровне — братский характер отношений с Белоруссией и ее народом, надо уважать соседа. В нынешних обстоятельствах это означает уважение существующего уже три десятилетия белорусского государства.

Белорусский патриотизм, любовь к родной земле и культуре, а сейчас и верность собственному государству — позитивны. Белорусский национализм — несколько иное дело. Действительно, он традиционно носил менее анти-русский характер, чем украинский, но так же, как и последний, был ориентирован на ближний Запад — Польшу. По сравнению с Россией Польша в представлениях националистов выглядела цивилизованной, европейской, более богатой и ухоженной. Тем не менее западно-ориентированный национализм белорусов, как и украинцев, наталкивается на неготовность Европы в обозримом будущем интегрировать восточных соседей, ценность которых состоит главным образом в том, что они являются буферами, отделяющими ЕС от России.

После того как разрешится белорусский кризис, необходим поиск такого равновесия в отношениях Москвы и Минска, которое устроит обе стороны. Белоруссия суверенна, но экономически она тесно связана с Россией, являющейся для Минска важнейшим рынком и источником разнообразной поддержки. В культурном и гуманитарном отношении между двумя народами существуют крепкие узы.

Экономические отношения, разумеется, не должны вести ни к иждивенчеству, ни к пренебрежению интересами партнера. Ни откровенный шантаж со стороны Минска, ни грубое давление Москвы не способствуют формированию устойчивых отношений.

Во внешней политике Москве тоже выгодно иметь рядом миролюбивое государство, готовое при необходимости предоставлять переговорную площадку или партнерские услуги для решения международных споров, а также действовать на международной арене по согласованию с Россией и в обоюдных интересах. По окончании политического кризиса в Белоруссии Минск сможет на принципиальной, а не прежней «многовекторной» основе поддерживать отношения с соседними странами — Украиной, Польшей, государствами Прибалтики, а также Европейским союзом. В условиях тесной экономической интеграции и близких отношений между элитами и обществами Белоруссии и России угрозы ухода Белоруссии на Запад просто не будет.

В военном отношении между Минском и Москвой необходима тесная координация, полная совместимость вооруженных сил, готовность к совместным действиям. В то же время излишняя милитаризация Белоруссии вредна, создание на ее территории российских военных баз не диктуется необходимостью. Существующие на территории Белоруссии российские военные объекты в ходе их модернизации могут быть передислоцированы на территорию Российской Федерации. Военно-промышленные мощности, критически важные для обороны страны, также возможно перенести в Россию, чтобы РФ ни при каких обстоятельствах не зависела от иностранных, даже дружественных, поставщиков.

Молдавия

По сравнению с Белоруссией и Украиной Молдавия в современных условиях имеет ограниченное значение для российской внешней политики. Нейтральный статус этой небольшой страны важен скорее как символ непродвижения НАТО на территорию стран СНГ. Реальной гарантией этого непродвижения служит возникшая в ходе распада СССР ситуация в Приднестровье, где 30 лет существует непризнанная Приднестровская Молдавская Республика (ПМР). Здесь наряду с молдаванами живут русские и украинцы, а руководство выступает против молдавского национализма и румынских амбиций. ПМР пользуется военной защитой, а также финансовой и материальной поддержкой со стороны Москвы. Надежность этой защиты, однако, может подвергнуться проверке со стороны Кишинева и Киева — при поддержке Бухареста и Брюсселя.

В то же время большая часть русскоязычного населения Молдавии живет на территории, контролируемой Кишиневом. На севере и юге Молдавии сильны пророссийские настроения, а в центре страны преобладают прорумынские и проевропейские. Москва не должна закрывать глаза на то, что руководство ПМР эксплуатирует поддержку РФ в своих групповых интересах, но и «сдавать» Приднестровье неправильно. Принципиальный подход России к замороженному конфликту на Днестре состоит в объединении Молдавии на федеративной основе с полным учетом интересов и прав всех этнических и языковых групп. В 2003 году план такого объединения был сорван в последнюю минуту усилиями ЕС и США, но идея федерализации дает единственный реальный шанс на объединение бывшей советской республики, расколовшейся еще до распуска СССР. Решение приднестровской

проблемы на такой основе может стать если не гарантией от поглощения Молдавии Румынией, то серьезным препятствием на этом пути.

РУССКИЙ МИР

Молдавию, Белоруссию и Украину объединяет традиционная религия этих государств — православие. Более того, вместе с Российской Федерацией эти три страны образуют каноническую территорию Русской православной церкви. Концепция Русского мира была бездарно использована Москвой в ходе украинского кризиса 2014 года. Она провалилась в течение нескольких недель, поскольку применялась бездумно, совершенно не по назначению. Проще говоря, идея культурного единства была превращена в идею геополитического восстановления утраченных границ России.

Этот провал не означает, что Русский мир — выдумка кремлевских пропагандистов, что его в природе не существует или что он не должен быть интересен будущей российской внешней политике. Русский мир не сгорел в огне Донбасса и неслучившейся Новороссии.

Русский мир — это сообщество людей, говорящих и думающих по-русски, где бы они ни жили. Объединяющим фактором для них является именно русский язык, а не отношение к политике российского государства или даже к самому этому государству.

На протяжении большей части XX века Русский мир за пределами СССР был представлен несколькими волнами русской эмиграции. Фактически это была — в культурном и интеллектуальном отношении — вторая Россия,

хотя и находившаяся в непримиримых отношениях с советским государством.

Сегодня Русский мир представлен русскоязычными гражданами бывших советских республик — Украины, Белоруссии, Молдавии, стран Прибалтики, Казахстана, Средней Азии и Закавказья. Он также присутствует в США, Канаде, в Германии и других государствах Европы, в Израиле и во многих странах мира.

Русский мир — демографический ресурс Российской Федерации. Все граждане других стран, имеющие русские или российские корни, должны иметь право и возможность получения гражданства РФ в ускоренном порядке. В первую очередь это относится к гражданам бывшего СССР.

Российское государство не должно рассматривать Русский мир как политический ресурс. Русские общины за рубежом не следует считать промосковскими колоннами, способными дестабилизировать ситуацию в других государствах.

Создание пророссийского лобби в других странах не должно быть значимой целью российской государственной политики. Такое лобби будет неизбежно подаваться как инструмент российского вмешательства, что подорвет его эффективность.

Русский мир, как и русский язык, не принадлежит Российской Федерации. В Белоруссии русский язык остается не только государственным, но и наиболее употребительным. На Украине, несмотря на все успехи украинизации, русский язык сохраняется в обиходе даже без какого-либо статуса. В том или ином виде русский язык имеет шансы сохраниться в Казахстане и некоторых других странах — бывших республиках СССР.

Как историческая родина русских, Россия несет ответственность за сохранение русского языка и поддержку

русской культуры, в том числе за пределами РФ. Поддержание культурных связей с соотечественниками, содействие обучению на русском языке, предоставление им льготных условий для учебы в российских вузах должно быть частью государственной гуманитарной политики.

Русская православная церковь отделена от государства, но она является составной частью Русского мира. Русский народ не состоит поголовно из верующих или крещеных, но это исторически православный народ. В начале XXI века произошло сближение Русской православной церкви и российского государства. Это сближение на основе общих интересов, взаимной зависимости и поддержки порождает и ряд серьезных проблем. РПЦ, в особенности ее руководство, иногда считают идеологическим департаментом Кремля. В современных условиях РПЦ все больше воспринимается как национальная церковь Российской Федерации, а ее каноническая территория, включающая наряду с Россией Белоруссию, Молдавию и Украину, представляется геополитической основой Русского мира, на руководство которым претендует Москва. В этом положении заложено очевидное противоречие.

РПЦ, однако, не православная церковь Российской Федерации. Смысл слова «русская» в ее названии шире, чем «российская» в названии государства, поскольку каноническая территория РПЦ распространяется также на Белоруссию, Украину, Молдавию. В то же время русский элемент, являющийся основой российского народа, существует рядом с другими этносами, составляющими этот народ.

Сотрудничество государства с церковью касается широкого круга гуманитарных и культурных вопросов. В то же время государство не может и не должно рассматривать РПЦ как инструмент своей внешней политики — например,

в качестве фактора мягкой силы. Это не вписывается в миссию церкви. Самостоятельность РПЦ по отношению к государству усиливает возможности России как общества, а не ослабляет их.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ

Церковная политика, внешние сношения Русской церкви лежат вне компетенции автора и за пределами темы этой книги. Можно лишь сказать, что понятие церковно-государственной симфонии по византийскому образцу (государство черпает духовную силу в церкви и получает от нее благословение, а церковная иерархия чувствует себя комфортно под защитой государства) устарело. В истории РПЦ периоды тесного сближения с государством, практически соединения с ним в синодальный период, не были благоприятными ни для церкви, ни для государства. Между властью и церковью обязательно должен быть зазор, позволяющий обоим партнерам действовать свободно, но при необходимости совместно и без ущерба для себя. Практически этот зазор мог бы выражаться в переносе главной резиденции Патриарха Московского и всея Руси в Троице-Сергиеву лавру в Сергиевом Посаде, но это, конечно, лишь внешняя сторона дела.

В области внешней политики отношения государства и РПЦ могут быть равноправными, партнерскими. Есть немало сфер, где их интересы соприкасаются или пересекаются, — от церковной ситуации на Украине и положения христиан и конкретно Императорского православного палестинского общества на Ближнем Востоке до церковных и государственных отношений с Римско-католической церковью, с Ватиканом. При этом самостоятельность РПЦ по отношению к Кремлю, ее активная позиция

в православном мире способствовали бы укреплению авторитета церкви в Русском мире и большему сплочению самого Русского мира.

НЕРУССКИЕ МИРЫ

Не стоит забывать, что Российская Федерация — государство многонациональное. Главное для ее единства — сохранение и укрепление российского мира: полиэтнического, поликонфессионального, многоязыкого. Какой бы ни была этническая принадлежность гражданина РФ, в вопросах внешней политики он в первую очередь россиянин, а потом уже армянин или азербайджанец.

У ряда народов России — татар, башкир и других — есть свои миры, выходящие иногда за пределы РФ. Есть и крупные миры, основные центры которых расположены вне российских границ, но которые заходят на территорию России. Это, например, украинцы и евреи, католики и протестанты. Это и тюркский мир, который включает — помимо самой Турции — территории, населенные тюркскими народами. В пределах СНГ это Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Туркмения, Узбекистан, а также молдавская Гагаузия, в пределах Российской Федерации — Алтай, Башкортостан, Северный Кавказ, Крым, Татарстан, Якутия, другие регионы. Важнейший национальный интерес — сохранить внутреннее единство страны, исключить вмешательство извне, использование иностранными государствами мягкой силы для расшатывания Российской Федерации.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И АРКТИКА

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

Европейское направление российской внешней политики включает 27 государств Европейского союза, ряд стран, тесно связанных с ЕС (Норвегию, Швейцарию), страны, претендующие на вступление в Евросоюз (в частности, на Балканах), а также недавно покинувшую ЕС Великобританию. Географически Россия является частью Европы; этнически, культурно и религиозно народы России близки другим европейцам, а исторически Россия принимала активное участие в судьбе общеевропейской цивилизации.

В то же время раскол единой христианской церкви, монгольское иго, различие в путях развития рано развели Россию и Западную Европу (Восточная и была Россией). На протяжении столетий обе смотрели друг на друга с изумлением и подозрением. Начиная с правления Петра I Россия модернизировалась по европейской модели, а Европа была вынуждена наблюдать рост российской мощи и принимать усиление российского влияния на континенте как неприятный факт. В этих условиях формировались как взаимное притяжение, так и взаимный антагонизм.

В конце советского периода в России появилось сильное стремление стать частью Европы (то есть Западной Европы) в экономическом, социальном, культурном и политическом отношениях. Ответным европейским требованием была европеизация России как условие сближения, но без

каких-либо обещаний интеграции. Все у ЕС и РФ может быть общим, говорил председатель Еврокомиссии Романо Проди, кроме институтов. На практике европейцы стремились отгородиться от ослабленной после развала СССР России поясом буферных государств, включенных в НАТО и ЕС либо ассоциированных с ними.

В начале XXI века Россия вновь утвердилась как самостоятельная геополитическая величина, а большая часть Западной, Восточной и Центральной Европы сумела объединиться в союз с наднациональными органами под военным протекторатом США. Национальные государства при этом не исчезли. Современная Европа представляет собой сложное сочетание политического союза государств и экономического и валютного сообщества. При этом вопросы внешней безопасности и обороны делегированы военному альянсу, руководимому третьей стороной — Соединенными Штатами Америки.

Исходное положение

Размежевание России и Европы сегодня даже глубже, чем принято думать. К началу 2020-х годов Европа перестала быть для России тем, чем она являлась в течение трех столетий, начиная с реформ Петра I: ментором, моделью и единственным источником модернизации. В глобальном мире появились другие источники инвестиций и технологий, прежде всего в Азии, а социальная модель Европы демонстрирует не только достижения, но и все бóльшие проблемы. Наконец, менторство европейцев утомляет многих россиян, а неспособность ЕС действовать на международной арене в качестве самостоятельного стратегического игрока снижает ценность политического сотрудничества. Необходимо также иметь в виду, что некоторые страны ЕС исторически

настроены враждебно к России, видя в ней вечную угрозу своей независимости и безопасности.

За три десятилетия, прошедшие после распада Советского Союза, российско-европейские отношения несколько раз претерпевали существенные перемены. Конфронтация времен холодной войны, расколовшая Европу, вначале сменилась (заметим, в России, а не на Западе) идеей общеевропейского дома, затем попыткой России интегрироваться в единое пространство от Атлантики до Тихого океана — «Большую Европу», а потом, после украинского кризиса, новым охлаждением и отчуждением.

В России оценили отказ европейцев добиваться от Латвии и Эстонии предоставления гражданства сотням тысяч русских жителей, оказавшихся в положении неграждан. Это резко контрастировало с безусловным предоставлением Москвой независимости прибалтийским республикам в сентябре 1991 года. Европа столь же спокойно отнеслась к ограничению использования русского языка и, соответственно, прав русскоязычных граждан в других бывших советских республиках. В период военных кампаний против сепаратистов и террористов в Чечне в государствах ЕС чеченские боевики и экстремисты считались борцами за независимость, против российского империализма и колониализма, а теракты на территории РФ с многочисленными жертвами подавались как результат преступной российской политики.

На протяжении украинского кризиса европейцы не только активно вмешивались в его ход, но и пошли на прямой обман партнера — президента Украины Виктора Януковича. Подписанное им при посредничестве министров иностранных дел Германии, Польши и Франции соглашение с оппозицией было разорвано майданными радикалами, после чего европейские правительства тут же отступились

от Януковича. Захват власти в Киеве руководителями Майдана европейские лидеры легитимировали бегством Януковича из столицы. В уже майданной Украине представители Европы в публичных заявлениях упорно не комментируют проявления ультранационализма и профашистских симпатий на Украине.

В ходе белорусского кризиса члены ЕС — Польша и Литва активно вмешиваются в ситуацию. Евросоюз в целом также встал на сторону протестующих против режима Александра Лукашенко. Желание европейцев оттянуть Белоруссию от России очевидно. В начале 2000-х годов, как уже отмечалось, ЕС вместе с США блокировали попытку Москвы урегулировать приднестровский конфликт на путях федерализации Молдавии. Точно так же европейцы резко выступали против идеи федерализации Украины, опасаясь закрепления влияния России в русскоязычных областях юга и востока этой страны.

Принципиальное значение имеет позиция Европы по отношению к роли Советского Союза во Второй мировой войне. Резолюция Европейского парламента от 19 сентября 2019 года, фактически ставящая на одну доску СССР и нацистскую Германию как агрессоров, развязавших войну, а также отрицающая решающий вклад СССР в победу над нацизмом, является водоразделом. Эта позиция, официально разделяемая правительствами Польши и прибалтийских государств, в сочетании с героизацией воевавших на стороне Гитлера против СССР нацистских пособников в Прибалтике и на Украине делает ценностный диалог между РФ и ЕС бессмысленным и невозможным.

Образ России, создаваемый европейскими СМИ, особенно наиболее влиятельными британскими, немецкими и французскими, однозначно негативный. Проблемы

и недостатки России подчеркиваются, достижения замалчиваются либо ставятся под сомнение. Любые действия, направленные против существующего в России политического порядка, приветствуются. Аналогичные действия, осуществляемые на территории стран Европы, рассматриваются как криминальные¹²³. В продолжающемся ухудшении отношения стран Европы к России велик вклад европейских СМИ.

На уровне европейских (Европейский союз) и евроатлантических (НАТО) институтов между Европой и Россией существует не только геополитический (из-за Украины, Белоруссии, Молдавии, Грузии и Армении), но и ценностный конфликт. Постхристианская Европа видит в российской власти оплот социального консерватизма и религиозного мракобесия. В этих условиях основную ценность для России имеют двусторонние отношения с отдельными государствами — членами ЕС. Эти отношения сегодня варьируются от нейтральных до откровенно враждебных, что логически побуждает Москву развивать связи с теми, кто больше в них заинтересован. Отношения же по линии РФ–ЕС и РФ–НАТО являются непродуктивными, развивать их в современных условиях с пользой для России невозможно.

В происшедшем разрыве между Европой и Россией виновата не Америка, хотя Вашингтон никогда не допустил бы сколь-нибудь тесного российско-европейского сближения. Достаточно вспомнить негативное отношение США в конце 1990-х — начале 2000-х годов к попыткам сформировать большую европейскую тройку в составе России, Германии и Франции.

⋮ *Считать страны Евросоюза не более чем сателлитами*
 ⋮ *США и, соответственно, проблемы, возникающие*
 ⋮ *в отношениях с ними, лишь отражением зависимости*

... *Европы от Америки, неверно. Пути России и ЕС разошлись за несколько лет до украинского кризиса, в основном из-за расхождения ценностей и столкновения интересов.*

Именно поэтому провалилась попытка РФ сконструировать на базе совпадающих интересов «Большую Европу» от Лиссабона до Владивостока. С этим провалом окончательно утратила актуальность и более ранняя концепция «общеевропейского дома», выдвинутая Михаилом Горбачевым в его известной речи, произнесенной в Совете Европы в 1989 году.

Прежняя основа отношений — европеизация России как постепенное ее приближение к стандартам и нормам ЕС — больше не является актуальной. Либеральной трансформации России и ее отказа от великодержавия не произошло. Наоборот, Россия, возвратившись после бурных 1990-х на традиционный консервативный путь, вернула себе положение крупной самостоятельной силы, а в самой Европе назрел кризис либеральной идеи. Привлекательность популярной в России в 1990-е годы идеи вступления в ЕС уменьшилась. Пример Польши уже не впечатляет: уровень благосостояния поднялся, но одного материального достатка недостаточно. В Болгарии и Румынии, более близких России социально и культурно, экономического чуда не произошло. Опыт же ассоциации с ЕС Украины воспринимается в России как экономическая катастрофа с тяжелейшими социальными последствиями.

Для Европы после расширения ЕС экономическое значение связей с Россией существенно снизилось, и не только по сравнению с торговлей с Китаем. Для Германии, к примеру, экономические отношения с Россией уступают по объему и обороту товаров и услуг отношениям с Польшей, Чехией

и Венгрией по отдельности! В процессе самоочищения европейцы делают Европу менее привлекательной для российской элиты, превратившей «Лондонград» в прачечную для отмытки грязных денег и получившей возможность покупать паспорта некоторых европейских государств. Действия европейских правоохранителей и регуляторов подрывают позиции российских коррупционеров. Это хорошо, и эту активность европейцев можно только приветствовать.

Новую основу отношений с Европой только предстоит создать. Пока что поле прагматичных отношений, преимущественно на двусторонней основе, продолжает сужаться.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОСОЮЗА

Европейский союз, объединяющий страны с общим населением свыше 500 млн человек и с экономикой, совокупный продукт которой превышает ВВП как США, так и Китая, — это больше, чем торговый блок или экономическое интеграционное объединение, но гораздо меньше, чем федерация. Развитие ЕС в XXI веке свидетельствует, что наряду с по-прежнему преобладающей центростремительной динамикой в Европе появились центробежные элементы.

Это не означает, что ЕС распадется или потеряет других членов вслед за Великобританией. Напротив, число стран-членов со временем может увеличиться с приемом ряда балканских государств. В то же время баланс влияния в ЕС между союзными институтами и национальными органами власти продолжит смещаться в пользу последних. Как и в других регионах мира, государства в Европе укрепляют свое положение по отношению к надгосударственным объединениям.

Такая динамика приведет к тому, что ЕС до середины XXI века не станет глобальным стратегическим игроком.

Как единый блок Европа будет по-прежнему присутствовать в мировой торговле и финансах, где она в принципе сможет взаимодействовать более-менее на равных с двумя другими гигантами — Америкой и Китаем, хотя политическая слабость и военная зависимость от США существенно ограничивают эту возможность.

Отказавшись в ходе холодной войны от самостоятельной внешней и военной политики, отдав решения в этой области внешнему защитнику — Соединенным Штатам Америки, европейцы не сумели восстановить суверенитет в этой жизненно важной области после исчезновения угрозы большой войны на континенте. Ряд факторов — от результатов перевоспитания европейских, особенно западногерманских, элит в духе атлантической солидарности и преданности США до взаимных подозрений и сомнений (в том числе со стороны стран, опасавшихся германской гегемонии в Европе) и, наконец, смена поколений и привычка быть ведомыми дружественной сверхдержавой — привели к тому, что у ЕС с самого начала отсутствовал стратегический суверенитет. Даже стратегическая автономия Европы может существовать в строго ограниченных пределах.

Объединенная Европа тем не менее будет претендовать на роль нормотворца в ряде важнейших областей — от прав человека до климатической политики. Успех этих притязаний, однако, будет зависеть от дальнейшей реализации европейского проекта, который в последнее время столкнулся с серьезными проблемами и неудачами — например, в проведении политики мультикультурализма или иммиграционной политики. Демонстрируемый рядом европейских стран дефицит солидарности может также снизить притягательность опыта Европы и востребованность европейских советов и рекомендаций. Европа, таким образом, может

утратить часть своих позиций как «нормативной сверхдержавы».

В обозримом будущем Европа не сможет добиться стратегической автономии от США. Несмотря на недовольство эгоистичной политикой старшего союзника, Евросоюз не способен трансформироваться в стратегического игрока, а страны ЕС за небольшим исключением полностью утратили способность проводить независимую внешнюю и оборонную политику. В такой ситуации НАТО, хотя и продолжит политически дрыхнуть в условиях отсутствия реальной военной угрозы Европе со стороны России, будет одновременно активно позиционировать себя как гарант коллективной безопасности европейцев от враждебной России. Военная инфраструктура альянса будет приближаться к границам РФ. Для России, соответственно, НАТО останется платформой для развертывания вооруженных сил США, придвигающейся все ближе к границам России, к ее важнейшим политическим центрам, экономическим и военным объектам.

Более того, углубление и обострение американо-китайской конфронтации может привести к еще большей зависимости Европы от США. Европейцы должны будут сворачивать экономические связи с Китаем, а также укреплять донорской помощью технологический потенциал США и поддерживать на плаву американскую экономику и финансы. Попытки с их стороны выстраивать самостоятельную линию в отношении противников США, как свидетельствует недавний опыт отношений с Ираном и Россией, будут слабыми, непоследовательными и в конце концов сведутся к чисто символическим шагам, лишенным практического значения.

Богатая и процветающая Европа будет продолжать бросать вызов России. Во внутривнутриполитическом плане

этот вызов будет выражаться в контрасте уровней жизни в ЕС — особенно в наиболее развитых странах Северной и Западной Европы — и РФ, а также в постоянном сравнении и сопоставлении европейской демократии и российской автократии. Для нынешней российской элиты Европа останется, хотя и в меньших масштабах, чем раньше, вторым домом, запасным аэродромом и так далее, что делает эту элиту уязвимой перед западными соседями России и их американскими союзниками. В геополитическом смысле Европа будет продолжать влиять на соседей России — Украину, Белоруссию, Молдавию, Грузию, Армению, хотя по мере уменьшения иллюзий относительно перспектив вступления в Евросоюз привлекательность ЕС для них уменьшится.

Цели

Главной целью европейской политики России исторически является обеспечение безопасности на стратегически важнейшем направлении. Эта цель традиционно достигается с помощью ядерного сдерживания США и выстроенного на этой основе комплекса политических мер — соглашений о мерах доверия, взаимной сдержанности, транспарентности и т. д. Россия, не раз (в 1812, 1914, 1941 годах) подвергавшаяся масштабной агрессии с западного направления, традиционно придает значение созданию геополитических буферов на своих европейских границах. В годы холодной войны роль таких буферов выполняли страны Восточной Европы, входившие в Организацию Варшавского договора, а также нейтральные Финляндия и Австрия. Хотя в современную эпоху роль буферов существенно снизилась, в России продолжают рассматривать Белоруссию в качестве передовой оборонительной позиции на западном направлении,

а Финляндию, Молдавию и в идеале Украину в качестве буферов между Россией и НАТО.

Наряду с обеспечением безопасности другой важнейшей целью политики России в Европе традиционно является импорт передовых технологий и практик из развитых стран Западной Европы. Европейский союз в целом остается крупнейшим коллективным торгово-экономическим партнером России, емким рынком для российских экспортных товаров. В отдаленном будущем при определенных условиях целью политики может стать установление партнерства между Евразийским экономическим союзом и ЕС как части системы экономических партнерств, охватывающих всю Большую Евразию.

СТРАТЕГИЯ

Отношения России и Европы требуют переосмысления и нового целеполагания. Прежде всего нужно отдавать себе отчет, что Россия и Европа в XXI веке существуют отдельно. Россия — не часть Европы ни в том смысле, как это традиционно понимали в России, ни в том, как это иногда видится в Европе. Россия и Европа — непосредственные соседи. Добрые или враждующие — зависит от будущей политики. Сейчас Россия и Европа влияют друг на друга меньше, чем когда-либо начиная с XVIII века; они также меньше, чем когда-либо, сосредоточены друг на друге. (При этом влияние Европы на Россию и сегодня существенно сильнее, чем обратное влияние, а Россия все еще гораздо больше смотрит на запад, чем Европа — на восток.)

Далее надо признать, что обеспечение европейской безопасности в том виде, каким оно было на протяжении большей части XX века, уже не является актуальной проблемой. Угроза широкомасштабной агрессии НАТО против РФ, как

и угроза российской агрессии против стран Запада, в реальном мире отсутствует. Прежняя одержимость западноевропейцев безопасностью по отношению к России, которая давала Москве дополнительные возможности влияния, в прошлом. Остается, однако, угроза военного столкновения в результате эскалации инцидентов, расширения кризисов, стратегических просчетов и ошибочных действий сторон. Безопасность в таких условиях должна обеспечиваться не при помощи контроля над вооружениями, а путем повышения предсказуемости и развития доверия.

Этому мешает одно важное обстоятельство. Геополитические перемены в Европе, происшедшие в результате поражения СССР в холодной войне (прежде всего расширение НАТО практически до границ РФ), создали ощущение двойной геополитической угрозы. С одной стороны, бывшие советские сателлиты и союзные республики опасаются стремления Москвы восстановить историческую империю, а с другой — Москва опасается создания на своих границах, в непосредственной близости от Петербурга и Москвы, плацдармов для нападения со стороны США. В отличие от холодной войны это ощущение угрозы ведет не к компромиссам, а к росту страхов и недоверия. Место исторического примирения заняла борьба исторических нарративов. Без диалога между странами Восточной Европы оздоровить отношения с Европой не получится.

Резкое снижение экзистенциальной угрозы войны между Западом и Россией превратило экономические связи ЕС и РФ в обычный бизнес. Со своей стороны, глобализация, упразднив расстояния, расширила возможности Европы и России по выбору экономических партнеров. Как ЕС, так и РФ стали активно развивать отношения с Китаем. Более того, расширение самого ЕС превратило страны

европейского востока в более важных экономических партнерах европейских государств, чем Россия. Что касается РФ, то экономические санкции Запада заставляют Москву заниматься импортозамещением и обращаться к Китаю за теми высокотехнологичными товарами, которые раньше она приобретала у Германии и других стран ЕС. Формула «газ — трубы как экономическая опора евробезопасности» устарела. Повышение привлекательности российского рынка для стран ЕС зависит прежде всего от перехода России к экономическому росту, создания в стране благоприятного делового климата и формирования благожелательной политической атмосферы двусторонних отношений.

• • •

Что и как делать?

Долгосрочной стратегией Москвы может стать постепенный переход от нынешнего взаимного отчуждения с Европой к отношениям добрососедства — во всяком случае с отдельными странами, готовыми к этому. Такой взгляд предполагает признание и уважение существующих отличий друг от друга, невмешательство во внутренние дела, деловое сотрудничество на основе взаимной выгоды, взаимную предсказуемость политики. Реализация этого плана займет много времени, но начинать нужно без промедления.

Необходимо начать с самого легкого и очевидного: просто перестать вредить себе, помогая противникам нагнетать в Европе страхи по поводу российской угрозы. Нужно закончить шумное самоустрашение из-за расширения НАТО на восток. Расширение НАТО давно превратилось в России

в мантру. Негативные геополитические последствия этого явления для России очевидны, но и борьба с ним — наряду с купленными дорогой ценой успехами в случаях Украины и Грузии — принесла много негатива.

Продвижение НАТО до границ России имеет в основном политическое, психологическое и разведывательное значение. Помимо превращения защитного буфера в плацдарм для возможного противника уход бывших сателлитов на Запад свидетельствовал о неконкурентоспособности российского экономического, цивилизационного и идейного предложения Восточной Европе и некоторым бывшим республикам СССР. Что касается влияния расширения НАТО на безопасность РФ, то в условиях надежного ядерного сдерживания оно ограничено.

Противодействие России любому расширению НАТО на Балканах, где к альянсу недавно присоединились Черногория и Северная Македония, имеет смысл для усиления разногласий внутри противостоящего блока, но не имеет особого значения с точки зрения обеспечения безопасности России. Не вовлекаясь слишком глубоко в чужие дразги, стоит спокойно оценить обстановку и эффективно купировать дополнительные возникающие угрозы — если, конечно, они возникают.

Расширение ЕС не представляло военной опасности для России, хотя создало целый ряд других проблем — от калининградского транзита до ослабления экономических отношений с Украиной из-за ее ассоциации с ЕС. Именно перспектива заключения соглашения об ассоциации между ЕС и Украиной спровоцировала в 2013 году начало украинского кризиса.

Играя на Балканах с политическими силами, выдающими себя за друзей России, — например, в Сербии или

Республике Сербской в составе Боснии и Герцеговины, — нужно иметь в виду, что балканские политики традиционно эксплуатируют противоречия между крупными внерегиональными державами, используя их в своих узких интересах. Поэтому не стоит поддаваться соблазнам создания через эту клиентелу позиций влияния в регионе, значение которого для России всегда было преувеличено, а сейчас ничтожно. Геополитический спектакль с российским участием на Балканах должен быть закончен.

В нынешней гибридной войне главным противником России выступают США, а не Европа. Ответные меры России, направленные против европейцев, побуждают их не к восстанию против руководящей роли США, а, напротив, к поиску защиты за океаном. Наказание европейцев за действия, инициированные США, такие как расширение НАТО или развал Договора по РСМД, невыгодно России. Оно приводит к ремилитаризации геополитического водораздела на востоке Европы, усилению на границах РФ военной инфраструктуры НАТО (практически отсутствовавшей до 2014 года). На создание дополнительных военных угроз территории России надо рационально реагировать — в соответствии с принципами политики сдерживания — пропорциональным повышением уровня угроз для объектов на территории США.

Не стоит также пытаться играть на политическом поле европейских стран, поддерживая те или иные силы. Надежды на то, что европейские национал-консерваторы сметут нынешнюю либерально-атлантическую элиту в своих странах, столь же призрачны, как противоположные расчеты на то, что прозападные российские демократы сумеют осуществить новую перестройку и свергнуть власть автократов. Такое вмешательство не только бессмысленно — в вопросах глобальной безопасности и геополитики, которые более

всего волнуют Москву, Европа некомпетентна — оно еще и контрпродуктивно, поскольку превращает европейских политиков в противников России. Для России Европа — это прежде всего важнейший экономический и технологический партнер.

Уже в обозримом будущем, однако, условия для экспорта российских нефти и газа в Европу могут существенно ухудшиться. Это значительно снизит взаимозависимость, ослабит отношения России и Европы.

Поэтому от геополитики строительства газопроводов — северных и южного, «голубого» и турецкого потоков — необходимо переходить к энергетическому взаимодействию с Европой на более гибкой основе. Наряду с трубопроводным экспортом газа и сырой нефти России требуется развивать экспорт сжиженного природного газа, а также нефтепереработку, переходить к взаимодействию с ЕС в области энергосбережения и «зеленой» экономики.

Такое взаимодействие логически требует активного сотрудничества в климатической области. У Европы есть большой опыт и технологии. Это сотрудничество важно для России, которая в большей степени подвержена изменениям климата, чем многие другие регионы Земли. Наряду с энергетикой тема изменения климата может стать вопросом наиболее продуктивного сотрудничества России и ЕС.

Пандемия COVID-19 подчеркнула значение сотрудничества в сфере здравоохранения, медицинских исследований, фармакологии. Как показывает опыт гонки в создании вакцины от вируса, сейчас соперничество между государствами и в этой области вышло на первый план, но в далекой перспективе сотрудничество будет иметь большее значение.

Европейцы часто подозревают Москву в стремлении подорвать единство Евросоюза. Действительно, после

расширения на восток ЕС в целом для России стал менее дружественным контрагентом, чем прежде, когда он охватывал только страны Западной, Северной и Южной Европы. Многие восточноевропейские страны выстраивают свою международную идентичность, изображая жертв российского империализма и советского коммунизма. Внутри западного альянса «новая Европа» стремится занять положение наиболее лояльного союзника США. В условиях гибридной войны США и РФ она активно предлагает свои территории в качестве передовых позиций для вооруженных сил и военных объектов США. У некоторых из этих стран — Польши, Литвы, Румынии — проявляются собственные амбиции, распространяющиеся на постсоветское пространство, где они сталкиваются с интересами России.

Фактически на востоке Евросоюза сложился антироссийский блок, в котором центральную роль играет Польша, претендующая в тандеме с Литвой на региональное лидерство. К этому блоку примыкает Украина, на него ориентируется Грузия. Речь идет не только о противостоянии российской внешней политике («угрозе российской агрессии»), но и о противодействии экономическим связям России и Европы (трактуемым как «односторонняя энергозависимость ЕС от РФ») и о неприятии русского языка и культуры, представлении исторической России как империи зла в разных обликах — имперском, советском, авторитарном.

При этом ряд стран Восточной Европы, включая Польшу, прибалтийские государства, Украину, а также Грузия освоили и с успехом эксплуатируют роль вечной жертвы России. Ответом на эту историческую политику соседей должно быть настойчивое разоблачение мифов и приглашение к серьезному профессиональному диалогу тех, кто к этому готов и способен на честный разговор.

Выстраивать нормальные политические отношения со многими государствами европейского Востока в этих условиях в обозримой перспективе будет трудно. Это не является большой проблемой. Существуют некоторые совпадающие экономические интересы, есть возможность развивать культурные связи, в том числе с русскими общинами в Прибалтике, а также происходит научный обмен. Не следует считать эти отношения совершенно безнадежными в отдаленной перспективе. Как показывает опыт российско-польского сотрудничества начала 2000-х годов, даже между давними противниками существуют пути к взаимопониманию и историческому примирению. Когда создадутся благоприятные условия, диалог может начаться на уровне экспертов, деятелей науки и культуры, парламентариев — первоначально с одной или несколькими странами ЕС, чтобы затем постепенно расшириться географически и подняться на более высокий уровень политически.

Евросоюзу это не может нравиться, но Россия традиционно предпочитает иметь дело с отдельными государствами. ЕС не федерация, а союз суверенных государств. Наиболее интересные для РФ партнеры — это крупные страны Европы: Германия и Франция, а также Италия и Испания. Первые две страны долгое время были соперниками России, иногда союзниками, иногда противниками. После Второй мировой войны Советский Союз имел особые права на территории Германии, а при завершении холодной войны Москва сыграла решающую роль в объединении Германии. После окончания холодной войны Германия и Франция были ближайшими экономическими и политическими партнерами Российской Федерации.

Сейчас отношения с ведущими государствами ЕС существенно охладели. Новое поколение политиков в этих

странах, вероятно, будет настроено более критически по отношению к России. Кроме того, необходимо иметь в виду, что в Европе больше нет великих держав, с которыми Москва предпочитает решать общие для всего континента вопросы. Идея европейского концерта держав нереализуема. В миропорядке, сложившемся после Второй мировой войны и в основном сохранившемся после окончания холодной войны, Германия, несмотря на свою экономическую мощь, не имеет возможности (и, надо добавить, желания) вести себя как великая держава. Франция, напротив, пытается играть роль великой державы, но тоже фактически не имеет для этого возможности. Чтобы оставаться лидерами ЕС, обе страны должны прислушиваться к мнению других стран союза, учитывать их интересы.

В то же время неопределенность стратегического статуса Евросоюза, отношений ЕС с США и Китаем, политики в отношении непосредственных соседей ЕС — от Северной Африки и Ближнего и Среднего Востока до Восточной Европы — будет заставлять европейцев так или иначе выстраивать отношения с Москвой. В интересах России в долгосрочной перспективе дополнить отношения добрососедства и экономического сотрудничества со странами ЕС определенными договоренностями в области безопасности.

Говорить об архитектуре безопасности, включающей НАТО/ЕС, Россию и другие страны, можно будет не скоро. Никакого «Хельсинки-2» в обозримом будущем не предвидится. Кроме того, это потребовало бы взаимодействия с США, что в видимой перспективе представляется нереальным. ЕС некомпетентен в этом вопросе, а отдельные страны союза являются членами НАТО и подчиняются дисциплине американского лидерства. Кроме существования собственно военных вопросов повышения уровня предсказуемости

потребуется решение застарелых конфликтных ситуаций в Европе — от Украины до Кавказа и от Балкан до Кипра. Эти решения зависят от многих стран, в основном находящихся за пределами ЕС. Можно и здесь предполагать существенную роль США.

В отношении архитектуры экономического сотрудничества, в обозримой перспективе взаимодействие РФ и ЕС вряд ли может стать частью предложенного Москвой большого евразийского партнерства. Идея, что экономические связи более устойчивы, чем переменчивые политические интересы и предпочтения, сталкивается с реальностью фрагментации глобального рынка и секьюритизации экономик в условиях конфронтации великих держав. Идея установления отношений между Евразийским экономическим союзом и ЕС пока что представляется явно преждевременной: ЕАЭС в своем развитии еще не достиг уровня, при котором формализованные отношения с ЕС принесли бы ему реальную пользу. Надо сказать, что в экономической сфере Москва учитывает европейские реалии. РФ поддерживает отношения с Европейским союзом там, где Европейская комиссия обладает реальными полномочиями. Об игнорировании Евросоюза — там, где он действительно интегрирован, — речи не идет.

ЕС как таковой для России не угроза, но и особой заинтересованности в единстве зарубежной Европы у России не может быть, поскольку такое единство реально возможно на основе более жесткого отношения Европы к России. Нет у России и серьезных опасений насчет возможных раздоров и даже войн между отдельными европейскими странами. Россия готова прагматично общаться с западными соседями как на уровне союза, так и на уровне отдельных государств.

Европейцы обычно утверждают, что они противостоят не России, а текущей политике Кремля и надеются на появление в будущем подлинно демократической России, которая могла бы стать надежным партнером ЕС. Надежды — не проблема. Однако помощь ЕС российским демократам в борьбе против российских автократов будет рассматриваться Кремлем как вмешательство, что еще больше осложнит отношения. История, впрочем, свидетельствует, что самостоятельная политика Москвы при любом политическом режиме будет оставаться проблемой для Европы.

Не стоит строить иллюзий: даже в государствах, двусторонние отношения с которыми у Москвы налажены лучше, чем с другими, антироссийские силы активны и влиятельны, а перспективы для политического взаимодействия крайне ограничены. В политической области Евросоюз не выступает как суверенный единый субъект международных отношений, а отдельные государства, даже наиболее крупные, давно перестали быть самостоятельными игроками. Европейская геополитика, как и безопасность, продолжает находиться в ведении США.

В обозримом будущем взаимодействие с Евросоюзом и отдельными его странами в усилиях по поэтапному решению конфликтов на востоке Украины и в других регионах востока Европы, включая Закавказье, вряд ли возможно. Речь уже не идет о том, чтобы с помощью европейцев добиться выполнения Минских договоренностей по Донбассу или найти формулу общего государства в Молдавии. Даже сотрудничество в рамках Минской группы по Нагорному Карабаху вряд ли обещает быть тесным и плодотворным. Отношение ЕС к России существенно ужесточилось. Два события 2020 года — развитие ситуации в Белоруссии и инцидент с Алексеем Навальным — обрушили российско-европейские

отношения до уровня столетней давности. Дефицит взаимного доверия перешел в полное недоверие.

Это обстоятельство препятствует реализации потенциальных возможностей для взаимодействия с ЕС на востоке Европы, а также на Ближнем и Среднем Востоке — в Сирии, Ливии, в вопросах ядерной программы Ирана и израильско-палестинского урегулирования. Отношения со странами, не входящими в ЕС, — Великобританией, Норвегией и Швейцарией — не отличаются большей теплотой, чем отношения с Евросоюзом. С Лондоном состояние взаимной враждебности стало хроническим с середины 2000-х годов, но это вполне укладывается в давний стереотип англо-русского соперничества, не исключающего развития культурных и экономических связей. Таким образом, европейское направление внешней политики России, хоть и остается важным, становится менее приоритетным.

В ближайшее десятилетие можно ожидать, что европейцы, прежде всего немцы, определятся относительно своего места и роли в мире. Результат покажет, какие отношения с Европой возможны, а какие нет.

..... *Внимательно следить за тем, что происходит в Европе, необходимо, а пытаться активно воздействовать на этот процесс изнутри не только бесполезно, но и вредно.*

Вместо этого центр тяжести внешнеполитических усилий стоит перенести на формирование континентального сообщества в Евразии, выстраивание там новой системы международных отношений с участием Индии, Китая, других стран на базе РИК и ШОС.

Участие России в общеевропейских форумах — Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)

и Совете Европы — для Москвы не является приоритетным. В обеих организациях большинство членов — не важно, под давлением извне или нет — настроено по отношению к РФ критически, а многие — откровенно враждебно, что отражается в принимаемых резолюциях. В принципе, при определенных условиях ОБСЕ может быть площадкой для многосторонних контактов, и членство России в этой организации, сооснователем которой был Советский Союз, сохраняет некоторое значение на будущее. Напротив, Совет Европы и его органы, такие как Парламентская ассамблея, оказались чрезмерно политизированными и в нынешних условиях фактически утратили значение для России как инструмента диалога. Как площадка для полемики указанные организации неинтересны, но выходить из них нецелесообразно, поскольку международная политика непостоянна, особенно в эпоху перемен.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

Современное противоборство государств во многом происходит в информационном пространстве. Еще в начале 2000-х годов европейцы подняли вопрос о ценностях — прежде всего о демократии и правах человека — как о препятствии в дальнейшем углублении отношений с Россией. С тех пор критика в отношении политики российских властей колоссально усилилась и ужесточилась. В ответ с начала 2010-х годов российская государственная информационная политика резко активизировалась, приняла отчетливо контрнаступательный и наступательный характер. Многие прежние табу оказались отброшенными. С середины 2010-х годов между Россией и Западом идет настоящая информационная война, охватившая не только традиционные средства массовой информации, но также использующая социальные

сети и киберсредства. У этой информационной войны два фронта — внутренний, направленный на собственное население, и внешний, нацеленный на население противника.

На внутреннем фронте достигнуты очевидные успехи: уровень массового одобрения внешней политики остается очень высоким. Внутренняя пропаганда приобрела способность реагировать на изменения в мире в режиме реального времени. Действуя обычно в формате шоу и, как правило, в прайм-тайме, она умело эксплуатирует промахи и неудачи противника, часто открыто и зло издеваясь над ним. Давая слово реальным или мнимым представителям противоположной точки зрения, ведущие, выступающие в качестве выразителей официальной позиции, постоянно контролируют ход разговора, неизменно оставляя последнее слово за собой. Однако эта практика при всей ее зрелищности насаждает узкий, упрощенный взгляд на международные проблемы, пропагандирует развязность как стиль и цинизм как философию. Вместо этого необходим живой, но серьезный, острый, но вдумчивый разговор на тему «Россия и мир», который, не будучи скучным или академичным, воспитывал бы культуру отношений с другими странами.

На внешнем фронте российская международная пропаганда в последнее время постоянно обвиняется во влиянии на внутривнутриполитические процессы во многих странах — не только странах Европы, но и в США, Африке и Латинской Америке. В самом начале эти обвинения звучали неожиданно. До последнего времени в мире безраздельно доминировал западный либерально-демократический нарратив, который открыто использовался для влияния на обстановку в различных странах, ставил задачу свержения различных режимов, продвигал одних политиков, одновременно задвигая других. В принципе, этот нарратив в основном продолжает

доминировать не только на Западе, но и во многих регионах за его пределами. Из изменений стоит отметить появление консервативной альтернативы либерализму на Западе и сравнительно скромную активность российской международной пропаганды.

В сущности, это не вполне пропаганда, как она понималась во времена СССР. Это информационная война в полном смысле слова. Телеканал RT не занимается продвижением российских внешнеполитических инициатив или лакировкой образа России в мире. Подобно «Голосу Америки», «Радио Свобода» или Би-би-си времен холодной войны, но на современном техническом и презентационном уровне, он сосредоточивает внимание на реальных проблемах западных обществ, которые обходятся или только обозначаются мейнстримовскими СМИ стран Запада, предоставляет эфир западным диссидентам, не имеющим возможности пробиться в ведущие СМИ своих стран, использует злую сатиру для изобличения системных проблем западных обществ. Иными словами, это не столько российское, сколько альтернативное западное СМИ. Конечно, ни RT, ни информационное агентство Sputnik не в состоянии избирать президентов или формировать правительственные кабинеты, но они, безусловно, влияют на общественное мнение на Западе. Помимо этого, их арабские и испаноязычные редакции подрывают монополию западных СМИ в странах Ближнего Востока, Северной Африки и Латинской Америки.

В целом это успешный опыт. Он может быть использован для распространения российского информационного влияния в других регионах, главным образом в странах Африки и Азии (включая постсоветское пространство). Цель должна состоять ни в коем случае не во вмешательстве во внутренние процессы в этих странах — это породит только отторжение,

а в предложении огромным аудиториям этих стран глобального незападного нарратива, способного конкурировать с западным, продолжающим господствовать в информационном пространстве даже таких традиционно дружественных России стран, как Индия.

Нарратив по отношению европейским странам не должен быть преимущественно антизападным или антиамериканским; он должен предлагать современное мировоззрение, соответствующее ценностям, декларируемым российской политикой: многообразию полицентричного мира, соблюдению суверенитета и международного права, защите окружающей среды; диалогу культур и цивилизаций.

Что касается наступательных спецопераций в информационном противоборстве, в том числе при помощи социальных сетей, то они имеют право на существование в определенных обстоятельствах. В то же время увлекаться спецоперациями не следует. Они могут сильно раздражать политического противника, но не победить его. Противник также ведет информационную войну против России, нанося время от времени чувствительные удары. Есть смысл договариваться о пределах допустимого в такой деятельности. Так, критические элементы инфраструктуры — от систем управления оружием сдерживания и энергосетями крупных городов до систем подсчета голосов на выборах — могли бы быть объявлены неприкасаемыми на взаимной основе.

В целом приходится исходить из того, что европейский период в истории российской внешней политики завершился. Россия не должна, взяв уроки у Европы, поворачиваться к ней спиной — как, по словам сподвижника Петра I

Андрея Остермана, собирався сделать первый «русский европеец» на троне. Тем более не стоит следовать эмоциональной угрозе из «Скифов» Александра Блока и пугать европейцев псевдоскифским обличем. Нужно просто рассматривать Европу как одного из нескольких важных соседей и развивать отношения с европейцами так, как это выгодно России.

АРКТИКА

В условиях глобального потепления Арктика превратилась в еще один — северный — активный геополитический фасад России. Становится возможной коммерчески выгодная навигация по Северному морскому пути между Восточной Азией и Западной Европой вдоль арктического побережья Российской Федерации. Кроме того, под арктическим шельфом скрываются крупные энергетические ресурсы. Эти факторы — большой вызов, прежде всего для внутренней региональной политики России.

Арктическая зона Российской Федерации — не внутренняя колония, осваиваемая вахтовым способом. Здесь живет коренное население, которое родилось на Севере и считает его малой родиной. Права и достоинство этого населения должны находиться на переднем плане при обсуждении и решении проблем, связанных с Арктикой. С точки зрения внешней политики необходимо иметь в виду, что народы европейского севера России родственны коренному населению финской, шведской и норвежской Лапландии, а якуты — самый крупный из народов Севера — тюркский этнос, имеющий сложную историю отношений с российской центральной властью.

Говоря «Арктика», мы имеем в виду не только Северный Ледовитый океан и исключительную экономическую

зону Российской Федерации, но и значительную часть Сибири. Собственно, именно владение Сибирью до берегов Тихого океана делает Россию крупнейшим государством мира и в геополитическом отношении обеспечивает ей статус великой державы.

..... *Освоение обширной территории от Урала до Тихого океана является главнейшей задачей внутренней российской геополитики.*

Это особенно актуально в условиях, когда Арктика в разных странах (от США до Европы и Китая) объявляется наследием всего человечества, а российское хозяйствование в Сибири и на Дальнем Востоке называется неэффективным. В прошлом российский Европейский Север, Дальний Восток и Сибирь становились объектами иностранных военных интервенций — американских, британских и японских. Германские войска воевали в Заполярье, пытаясь захватить Мурманск, а немецкие подводные лодки доходили до Диксона. Британский флот обстреливал русские крепости — от Соловков в Белом море до Петропавловска у Авачинской бухты на Камчатке.

В условиях новой конфронтации с США Арктика возвращает себе значение одного из полей российско-американского противоборства и российско-натовского противостояния. Помимо этого, Арктика привлекает повышенное внимание не только прибрежных государств — США, Канады, Дании и Норвегии, но и многих других, включая Китай, Индию, Японию, страны Западной Европы. Соперничество различных групп в этом регионе становится все более активным. Для России, таким образом, Арктика не только новый фасад, но и новый фронт.

В интересах России прежде всего использование открывающихся возможностей. Россия способна обеспечить себе первенство в Арктике¹²⁴, которое долгое время удерживал Советский Союз. Это превращение Северного морского пути (СМП) в важную транспортную артерию, связывающую европейскую и тихоокеанскую Россию, Азию и Европу, и сохранение эффективного контроля над ним. Последнее включает ледокольные проводки судов, навигационное обеспечение, портовую инфраструктуру, а также обеспечение безопасности международных перевозок в этой исключительной экономической зоне. Развитие СМП, разумеется, даст импульс развитию всей Арктической зоны Российской Федерации, в пределах которой находится значительная часть запасов полезных ископаемых страны.

При этом Россия должна защищать свои интересы и национальную безопасность на арктическом направлении. После присоединения СССР к Конвенции ООН по морскому праву Москве пришлось отказаться от односторонне провозглашенного еще в 1926 году собственного сектора в Арктике. Сейчас приходится продвигать свои интересы, но уже в рамках международного права. Такой подход предполагает международное признание прав Российской Федерации на континентальный шельф. Через комиссию ООН Россия добивается положительного для себя решения о том, что подводные хребты Ломоносова и Менделеева являются продолжением сибирского континентального шельфа и таким образом относятся к российской Арктике.

Параллельно Москва укрепляет охрану государственной границы, усиливает группировку войск и развивает инфраструктуру обеспечения безопасности страны. Стремление России сохранить национальный контроль над СМП сталкивается с тезисом о свободе судоходства, который продвигают

США, многие из их союзников — за исключением Канады, которая придерживается сходного с Россией подхода в отношении к Северо-Западному проходу, — а также Китай. Россия не может уступить в этом принципиальном вопросе.

В конкретных вопросах допустима гибкость. Еще в 2010 году Россия и Норвегия решили застарелый спор о разграничении морских пространств в Баренцевом море. В то же время советско-американское разграничение в Беринговом море, согласованное в 1990 году, которое многими в России считается невыгодным для страны, является окончательным и не может быть юридически оспорено. То же самое можно сказать о вопросе о принадлежности Аляски, проданной еще в 1867 году Российской империей Соединенным Штатам Америки. С обеими геополитическими реалиями придется жить и дальше, а дипломатическую энергию необходимо направлять на обоснование российских прав на арктический шельф и обустройство российской арктической зоны.

Группировка Вооруженных сил России в Арктике включает прежде всего Северный флот (со штабом в Североморске) — мощнейший и важнейший из флотов российского ВМФ, имеющий в своем составе стратегическую ядерную составляющую, основу потенциала ответного ядерного удара — ключевого элемента сдерживания. Инфраструктура СФ включает, помимо собственно объектов флота, элементы системы раннего предупреждения о ракетном нападении (планируемые траектории межконтинентальных баллистических ракет США, нацеленных на российские цели, проходят над Арктикой), радиолокационные станции, аэродромы и прочее.

Несмотря на то что все соседи России по Арктике — члены НАТО во главе с США и, соответственно, противостоят России, Москве необходимо по возможности поддерживать

региональное взаимодействие с этими государствами в тех областях, где у РФ с ними есть общие интересы: спасение терпящих бедствие, защита окружающей среды, климатические вопросы и т.д. Россия в соответствии с Парижским договором 1920 года также сохраняет интересы и экономическое присутствие на архипелаге Шпицберген, находящемся под юрисдикцией Норвегии. Власти Норвегии временами пытаются ограничить российские права на архипелаге. Эти попытки не имеют перспективы, но права России должны быть надежно защищены.

Существенное преимущество России в Арктике — наличие ледокольного флота. С развитием этого флота в первую очередь связаны расчеты на расширение судоходства по Северному морскому пути и повышение роли России в Арктическом регионе.

Важнейшее значение для России в условиях западных санкций имеет развитие отечественных технологий. В тех случаях, когда зависимость России от иностранных технологий велика, — например, в энергетическом секторе — необходимо избегать чрезмерной зависимости от одного партнера. В этой связи сотрудничество с Китаем в Арктике необходимо уравновешивать сотрудничеством с другими азиатскими странами — Индией, Японией, Южной Кореей, а также, насколько это возможно в условиях ограничений, со странами Европы. В Арктике, как и на Дальнем Востоке и в Сибири, чем больше Россия сумеет привлечь международных партнеров, тем прочнее будут ее позиции на северном и восточном флангах страны.

США и англоязычный мир

Исходное положение

Отношения России с США начиная с середины 2010-х годов определяются усиливающейся конфронтацией. Это острое противоборство не результат ошибок. Оно носит системный характер. Вопрос поставлен принципиально: либо Москва признает поражение и соглашается впредь играть по правилам, установленным США, то есть откажется от самостоятельности во внешней и внутренней политике, либо Вашингтон признает право Москвы защищать и продвигать в мире свои интересы. Это означало бы признание Соединенными Штатами реального полицентризма.

Российский и американский правящие классы придерживаются принципиально различных взглядов на мироустройство и на роль своих стран в глобальной системе. Эти различия не носят абсолютно антагонистического характера, как это было во времена холодной войны, но они делают Россию и Америку принципиальными геополитическими и идеологическими противниками. В обозримой перспективе не видно возможностей для компромисса. Предстоит хотя и неравная, но упорная и, вероятно, долгая борьба.

Российско-американская конфронтация несет с собой риск ядерной войны и всеобщего уничтожения, но в современных условиях — в отличие от второй половины XX века — такая война, как уже отмечалось, вряд ли может начаться в результате решения одной из сторон сокрушить противника массированным ядерным ударом. В XXI веке

применение США и Россией ядерного оружия друг против друга может произойти в результате эскалации в каком-либо районе мира конфликта, затрагивающего интересы обеих стран, или инцидентов, приведших к столкновению вооруженных сил России и США и не купированных вовремя.

В то же время необходимо подчеркнуть, что ядерное оружие и постоянная готовность к его применению — ядерное сдерживание — остается главным и фактически единственным стабилизатором отношений России с США. Советский Союз избежал новой мировой войны в решающей степени благодаря тому, что вскоре после США создал ядерное оружие, а затем межконтинентальные баллистические ракеты, способные поражать территорию США. Запуск в 1957 году первого спутника стал ударом для американцев, лишил США стратегической неуязвимости. После натовских бомбардировок Сербии в 1999 году многие в Москве пришли к выводу, что и посткоммунистическая Россия без ракетно-ядерного оружия вполне могла бы подвергнуться военным ударам США и их союзников. В США знают, что Россия — единственная страна в мире, способная полностью уничтожить Америку. Российская ядерная мощь — практически единственное, с чем США вынуждены считаться в отношениях с Москвой.

Рассматривая Россию злостным нарушителем порядка, установленного победителями в холодной войне, США стремятся сдержать ее внутреннее укрепление и распространение российского влияния за пределами границ РФ. Для этого США используют свои очевидные и колоссальные преимущества в экономической, финансовой, технологической, политической, информационной и других областях. Американское правительство и политический истеблишмент регулярно подвергают Россию санкционным ограничениям,

поддерживают внутренних оппонентов российской власти, стремятся расколоть российскую властвующую и владеющую ресурсами элиту, оказывают давление на партнеров России за рубежом, ведут постоянную информационную кампанию против России. Цель этих действий — как минимум заставить руководство России отказаться от действий, расшатывающих или подрывающих западноцентричный миропорядок, а как максимум — содействовать смене власти в России и трансформации ее внутренней и внешней политики в благоприятном для США направлении.

Российское руководство со своей стороны рассматривает новое противоборство с США как неизбежное следствие обретения Россией международной субъектности, укрепления ее потенциала и проведения самостоятельной политики в собственных российских интересах. С точки зрения Москвы миропорядок во главе с США и — шире — мировое доминирование Запада должны смениться более справедливым полицентричным порядком. Россия, органически не приемлющая господства в международной системе какой-либо одной державы, претендует на роль одного из центров новой системы. Россия готова платить неизбежную, по мнению ее лидеров, цену за такое стремление и отвечает на действия США асимметрично, используя те локальные, региональные и секторальные преимущества, которые у нее имеются, а также внутренние противоречия в самих США.

Такое состояние российско-американских отношений резко ограничивает, но не закрывает полностью любые возможности для диалога и конструктивного взаимодействия между Москвой и Вашингтоном. Асимметричность ситуации, однако, заключается в том, что возобновление диалога и налаживание взаимодействия будет трактоваться обеими сторонами как политическая и психологическая победа

России и, соответственно, как признание Вашингтоном ограниченности своей глобальной роли.

Неожиданное поражение кандидата Демократической партии Хиллари Клинтон на президентских выборах 2016 года побудило значительную часть американского истеблишмента искать причину неудачи в действиях России в американском информационном пространстве. Действительно, начиная с середины 2010-х годов российские государственные информационные ресурсы — телеканал RT и информационное агентство Sputnik — активно работают с американской аудиторией, создавая альтернативу мейнстримовским медиа. Разведка США также обвиняет российские спецслужбы в организации политических кампаний, направленных на поддержку конкретных кандидатов и общую дестабилизацию внутривнутриполитической обстановки в США, в социальных сетях.

С возвращением демократов в Белый дом в 2021 году после четырех лет правления Дональда Трампа США не только продолжат политику давления на Россию, но, скорее всего, усилят ее. При президенте Джоозефе Байдене фронт американо-российской конфронтации расширится за счет включения в список проблемных тем внутренней ситуации в России и положения на постсоветском пространстве. При этом США будут действовать в более тесном взаимодействии с союзниками, включая Германию, Францию и другие страны ЕС. 2020-е годы станут временем серьезной проверки извне на прочность не только российской внешней, но и внутренней политики. Президентство Байдена практически полностью совпадает с текущим президентством Владимира Путина. Ясно, что условия и направление российского политического транзита представляют особый интерес для Вашингтона.

В отдаленной перспективе — на рубеже 2030-х годов — положение внутри США и в мире может создать возможности для диалога и взаимодействия. К этой перспективе нужно также готовиться, понимая, что международные отношения очень динамичны и вечных противников, равно как и постоянных союзников, у государств нет.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ США

По меньшей мере до середины XXI века, но, возможно, и дольше Соединенные Штаты Америки останутся ведущей и наиболее мощной мировой державой. При этом США будут все больше сосредоточиваться на укреплении собственной экономической, финансовой и технологической базы, подавляя соперников и конкурентов, а также сокращая свои глобальные обязательства, но при этом требуя большей, чем раньше, поддержки от союзников.

Ядра американских союзов — так называемые англосферы (США, Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия) — для этого недостаточно. Все больший вклад в поддержание финансово-экономической системы и укрепление технологического потенциала США потребуются от стран Европейского союза. В условиях, когда Китай, вероятно, сократит или прекратит финансирование американского внешнего долга, дефицит ресурсов должны будут восполнять союзники США.

За пределами политического Запада влияние США в мире сохранится на довольно высоком уровне. Главным соперником США в XXI веке выступает Китай. США будут стремиться использовать в своих интересах противоречия между Китаем и его соседями — Индией, Японией, Вьетнамом, другими странами Юго-Восточной Азии. Американо-китайское

соперничество окажется в центре глобальных международных отношений, но оно, в отличие от советско-американской холодной войны, не будет определять всю мировую повестку дня.

... *США не смогут подчинить себе Китай. Пытаться одолеть Китай, сдерживая его развитие, уже поздно. Но и Китай в свою очередь не займет место Америки в глобальной системе.*

Напряженность между США и КНР будет нарастать, но ядерная война между ними остается маловероятной из-за сохраняющего свое значение фактора сдерживания. Америко-китайский кондоминиум в мире невозможен не только из-за глубоких противоречий между Вашингтоном и Пекином, но и из-за принципиально различных подходов американцев и китайцев к организации миропорядка. Такой промежуточный результат устроит Россию, поскольку приведет к более равномерному распределению влияния в мире.

ЦЕЛИ

В обозримой перспективе, пока продолжается российско-американское противоборство, главной целью политики России в отношении США останется предотвращение опасных просчетов и недопущение вооруженных столкновений, способных привести стороны к военному конфликту. Для реализации этой цели уже создан адекватный механизм контактов на различных уровнях, призванный предотвратить инциденты и исключить их неконтролируемую эскалацию. Этот механизм включает в себя открытые в постоянном режиме каналы связи президентов, высших военачальников

и руководителей советов безопасности двух стран. Там, где российские и американские вооруженные силы действуют в непосредственной близости друг от друга, создан так называемый механизм деконфликтинга.

Важной целью Москвы является поддержание стратегической стабильности в отношениях с Вашингтоном. В условиях поэтапного отказа американского руководства от соглашений с Москвой о контроле над вооружениями и других международных договоренностей в этой области стратегическая стабильность все больше поддерживается посредством ядерного сдерживания другой стороны. В последние годы Россия существенно разнообразила свой арсенал сдерживания за счет разработки, испытаний и принятия на вооружение новых стратегических систем, таких как гиперзвуковое оружие. Российское руководство уверено, что никакие системы противоракетной обороны США, которые могут быть созданы в течение нескольких десятилетий, не смогут обесценить российский потенциал ответного удара.

Россия заинтересована в предотвращении размещения на европейском и дальневосточном пространстве угрожающих безопасности страны систем вооружений США и крупных контингентов американских вооруженных сил. В первом случае речь идет о ракетах средней дальности, которые США после выхода в 2019 году из ДРСМД вновь разрабатывают и испытывают. Если такие ракеты с малым подлетным временем до важнейших пунктов управления и командования и военных объектов РФ будут размещены на территории Европы или Северо-Восточной Азии, адекватной реакцией России было бы пропорциональное увеличение угрозы пунктам управления и командования и военным базам на территории США. Что касается возможного изменения концепции применения ядерного оружия с переносом акцента

с ответно-встречного на превентивный удар, то такое изменение представляется избыточным и крайне рискованным. Достаточным будет обеспечить гарантированное уничтожение противника после запуска его средств первого удара.

В отношении дислокации в Европе — теперь в основном в ее восточной части — американских воинских контингентов и вооружений России необходимо проявлять спокойствие. Контингенты и системы начинают создавать прямую угрозу нападения только с определенного уровня. Пока до достижения этого уровня далеко. Главное — исключить формирование в Восточной Европе американско-натовского потенциала для внезапного масштабного нападения. Создание такого потенциала, пока представляющееся маловероятным, станет, в свою очередь, сигналом для соответствующего изменения российских военных доктрин и планов в отношении не только союзных США стран, но главным образом самих Соединенных Штатов.

Процесс дальнейшего расширения НАТО в глубь территории бывшего СССР был фактически остановлен в 2008 году на кавказском направлении и в 2014 году на украинском. Тем не менее остановка расширения альянса не означает прекращения поддержки, в том числе военной, Киева и Тбилиси со стороны США. В таких условиях целью российской политики является убеждение США — не только словесными аргументами, что поддержка стремления украинских и грузинских политиков к восстановлению своего контроля соответственно над неподконтрольной им частью Донбасса и бывшими грузинскими автономиями Абхазией и Южной Осетией приведет к решительному военному ответу России, который не будет ограничен зонами конфликтов.

Несмотря на серьезные разногласия с США по определению конкретных способов противодействия распространению

ядерного оружия, Москва и Вашингтон считают дальнейшее распространение такого оружия для себя невыгодным, а для мира опасным. В этой связи существует объективная основа для продолжения взаимодействия по решению ядерной проблемы Корейского полуострова и сдерживанию ядерной программы Ирана. Глубина и эффективность этого взаимодействия зависят, однако, от того, насколько большее значение Вашингтон будет придавать дипломатии по сравнению с военной силой и диверсионно-подрывными операциями, а также от наличия или отсутствия у США цели смены режима.

Полный вывод американских войск из Афганистана неизбежно снизит заинтересованность Вашингтона в этом регионе. Если это произойдет, то уменьшатся актуальность и ценность российско-американских консультаций и взаимодействия по афганской проблеме. В других зонах региональных конфликтов — на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке (Йемен, Ливия, Сирия, Судан и др.) — периодические консультации могут быть полезны хотя бы с точки зрения лучшего понимания обоюдных намерений и во избежание непреднамеренных столкновений. В перспективе российско-американское сотрудничество по региональным вопросам может быть как расширено, так и углублено.

Несмотря на противоборство, России и США удалось сохранить хотя бы на минимальном — информационном — уровне сотрудничество в борьбе с терроризмом. Это сотрудничество имеет непреходящее практическое значение для предотвращения терактов.

Россия и США — две арктические державы. Развивая экономическую и логистическую деятельность в этом регионе и укрепляя национальную безопасность, Россия

заинтересована не допустить превращения Арктики в еще одну площадку соперничества и враждебности с США. Добиться этого, однако, будет непросто.

РЕСУРСЫ

Стратегическую стабильность в отношениях с Соединенными Штатами Америки — то есть безопасность Российской Федерации — обеспечивают Вооруженные силы России, прежде всего силы ядерного сдерживания. Они нуждаются в постоянном совершенствовании и развитии. Речь идет не о количественном паритете и неизбежно связанной с ним гонке вооружений, а о поддержании потенциала надежного сдерживания в любой стратегически важной ситуации. Укрепление этой позиции силы в отношениях с США имеет важнейшее и определяющее значение.

Требуют неослабного внимания и неядерные вооруженные силы. Речь идет об их способности эффективно действовать для защиты и продвижения национальных интересов России по периметру ее границ и при необходимости в различных регионах мира. Высокопрофессиональные и хорошо мотивированные вооруженные силы России, оснащенные современными боевыми и поддерживающими системами, обученные ведению военных действий в различных условиях являются гарантом того, что отношения России с США останутся мирными и на достратегическом уровне, а сама Россия сможет и дальше проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику.

Экономические, финансовые, технологические и демографические ресурсы России многократно уступают соответствующим ресурсам США. Тем не менее обеспечение стратегической стабильности при проведении Россией

самостоятельной политики реально. Российская Федерация в отличие от Советского Союза не претендует на статус сверхдержавы, управляющей «своей» половиной мира, и не борется с США за влияние в мире или его отдельных регионах. Россия не ввязывается в полномасштабную гонку вооружений в стремлении не уступить сопернику нигде и ни в чем. У России нет десятков младших союзников и зависимых клиентов. Она сосредоточена на собственных национальных интересах и безопасности.

Москва следует принципу достаточности — для сдерживания, для обороны, для благоприятного решения тех или иных конкретных задач. Имея двенадцатую по номинальному объему и пятую по паритету покупательной способности экономику и седьмой по размеру военный бюджет в мире, Россия осуществляет надежное ядерное сдерживание США, успешно модернизирует и комплектует свои вооруженные силы. Она полностью справилась с терроризмом на Северном Кавказе и проводит удачную военную операцию в Сирии, а также является вторым в мире (после США) экспортером вооружений и военной техники. После разрыва с Украиной в 2014 году российский военно-промышленный комплекс окончательно стал самодостаточным.

Эти очевидные успехи не заслоняют существенных проблем в четырех указанных областях. Экономика России выдержала большое количество санкций, введенных США и их союзниками, и тем самым продемонстрировала устойчивость, удивившую многих — в первую очередь в США. В условиях санкций Россия сумела добиться фактической продовольственной независимости, которую утратила еще в начале 1960-х годов.

В то же время российская экономика все еще недостаточно диверсифицирована, она сильно зависит от нефтегазового

комплекса. Россия серьезно страдает от нехватки инвестиций, что сдерживает рост экономики и производительности труда. Фактически освободившись от внешних долгов — суверенных и корпоративных — и последовательно проводя разумную макроэкономическую и финансовую политику, Россия вынуждена строить внешнеэкономические отношения в мире, где доминирующей валютой остается американский доллар.

В технологическом отношении Россия только начала работать над сокращением научно-технического разрыва с США и другими передовыми странами, колоссально увеличившегося после распада Советского Союза. Российское руководство сделало упор на цифровые технологии, где у страны есть определенный задел, но в таких важнейших сферах, как искусственный интеллект, телекоммуникационные технологии, биоинженерия, Россия существенно отстает от США.

В сфере массовых коммуникаций России в последние годы удалось создать эффективную государственную систему внутренней и международной информации. Основные средства массовой информации внутри страны (прежде всего телевидение) не только обеспечивают информирование большей части населения о российской и мировой политике, но и в режиме реального времени реагируют на быстро меняющуюся ситуацию, формулируя официальную точку зрения на события и немедленно и беспощадно атакуя аргументы внутренней оппозиции, скептиков и иностранных государств, включая США. Захватывающая борьба аргументов в прямом эфире, где победа неизменно достается российским властям, является для большинства населения эффективной прививкой от враждебной пропаганды и внутреннего диссидентства, от которых сильно страдал Советский Союз.

У «Голоса Америки», «Радио Свобода» и других рупоров американской пропаганды шансов в современной России практически нет.

Одновременно с этим России удалось удачно перестроить информационную работу, направленную на зарубежные страны, включая США. Вместо того чтобы трубить, как во времена СССР, об успехах социалистического строительства в стране и о ее миролюбивой внешней политике, современные СМИ России, направленные на США, сосредоточиваются на болевых точках американского общества и политики властей США. Спикерами при этом выступают сами американцы, те, которым не удастся пробиться в мейнстримовские СМИ собственной страны. Фактически Россия проводит по отношению к США ту же информационную политику, которую США в годы холодной войны проводили по отношению к Советскому Союзу, расшатывая противника изнутри его же руками (голосами). Сегодня в США Russia Today и Sputnik называют угрозой стабильности американского общества.

Российское государство совместно с дружественными ему негосударственными структурами активно использует для тех же целей социальные сети. Именно эта работа квалифицировалась в США как вмешательство в выборы. На самом деле фактов о проникновении российских агентов в систему подсчета голосов на выборах не было предъявлено. Речь идет главным образом о влиянии на общественное мнение и ситуацию в стране-объекте при помощи различного рода сообщений, рассылаемых от имени как реальных, так и несуществующих пользователей. Это, несомненно, информационная война, но началась она задолго до появления социальных сетей. Ее методы становятся все более изощренными по мере развития технологий. Для России применение

различных информационных средств — существенный ресурс.

Этот ресурс частично заменяет Москве то, что есть у ряда стран — Израиля, Польши, Италии, Греции, Украины, Армении, даже стран Прибалтики — и чего никогда не было у России: собственное этническое лобби в США. В Америке проживает больше миллиона выходцев из России, но большинство из них однозначно ориентированы на ассимиляцию в американское общество и не настроены на продвижение интересов своей страны рождения в США. Даже наоборот: многие относятся резко критически или даже враждебно по отношению к политике российского руководства. Надо также учитывать, что со времен борьбы с коммунистическим проникновением, обострившейся в период холодной войны, этнические русские, особенно поддерживающие связи с Россией, находились в Америке под подозрением. Попытки создания русского лобби в США обсуждались после окончания холодной войны, но они не имели шанса на успех из-за отказа Москвы признать лидерство Вашингтона и поэтому так и остались на уровне разговоров.

В то же время внутри России существует влиятельная группа бизнесменов, политиков, интеллектуалов и активистов, имеющих существенные активы или интересы в США и тесно связанных с американскими партнерами. Эта элитная группа не только недовольна, но и материально ущемлена нынешней конфронтацией между двумя странами. Эти люди, как правило, винят в сложившемся положении руководство России — и прежде всего президента Путина. Статусные члены группы опасаются открыто выступать против внешней политики Кремля, но надеются, что с уходом Путина из власти (когда бы это ни произошло) примирение с Америкой, пусть даже на условиях

существенных уступок с российской стороны, станет возможным. Это существенный вызов для не только для нынешней, но и в еще большей степени для будущей внешней политики Кремля.

Отсутствует у России и влиятельная поддержка в американских экономических кругах. Объем российско-американских экономических связей крайне невелик. В последнее десятилетие он варьировался в пределах 20–35 млрд долларов. По окончании холодной войны американский бизнес считал более выгодным привлекать из России высококвалифицированных специалистов — например, математиков, химиков, биологов, чем вкладывать деньги в предприятия на территории России. Сравнительно небольшой и небогатый российский рынок также не был для американского бизнеса особенно привлекательным. Высказывавшиеся в начале 2000-х годов надежды на формирование российско-американского энергетического партнерства на основе участия американских компаний в проектах на территории России и в экспорте российской нефти в США были быстро развеяны. В обозримой перспективе экономические связи России и США будут оставаться жестко ограниченными усиливающимися санкциями и общей атмосферой ужесточающейся конфронтации.

Отличительным ресурсом России является структура высшей власти, которая позволяет принимать быстрые, фактически единоличные решения, в том числе неожиданные для другой стороны. Такое положение, являясь преимуществом с точки зрения быстроты и закрытого характера принятия решений, не гарантирует, однако, правильности предпринимаемых шагов и может быть серьезным недостатком в случае принятия непродуманных волевых решений.

СТРАТЕГИЯ

В условиях открытой враждебности стратегической целью России в отношениях с США в обозримой перспективе является управление конфронтацией и, в частности, предотвращение вооруженного столкновения между двумя странами. Эта цель достигается поддержанием стратегической стабильности на основе ядерного сдерживания, сохранения — если получится — еще остающихся в силе соглашений, регулирующих развитие арсеналов вооружений и военную деятельность, и круглосуточной работой каналов связи между двумя странами на политико-дипломатическом, военном и разведывательном уровнях.

Формулирование позитивных целей на американском направлении затруднено. Россия уже сейчас готова к диалогу с США по широкому кругу вопросов. Она также готова договариваться с Америкой по различным темам на основе баланса интересов. Договариваться будет не столько трудно, сколько долгое время практически невозможно. Проблема в том, что для Вашингтона в обозримом будущем пойти на диалог и тем более на заключение равноправных договоренностей с Москвой значит сделать неоправданную уступку, негласно отказавшись от критики российской политики на Украине, присоединения Крыма, вмешательства в американские внутренние дела и т. д.

Такая позиция американского правящего класса сохранится по крайней мере в среднесрочной перспективе. Для России идти на односторонние уступки Вашингтону в надежде смягчить американское давление на Москву было бы не только наивно, но и губительно. С каждой уступкой давление по всем направлениям будет лавинообразно нарастать. За внешнеполитической капитуляцией с большой

вероятностью последует крах самой российской государственности.

Разумеется, не может быть и речи о том, чтобы Россия развернула внешнеполитический фронт и присоединилась к США в их противоборстве с Китаем. Такой разворот чреват для России резкой потерей внешнеполитического равновесия. Отношения стратегического партнерства и взаимодействия с КНР — важнейшее достижение современной российской внешней политики. Добрососедство и всестороннее все более тесное сотрудничество с Китаем — константа российской стратегии в обозримом будущем.

В то же время сейчас Россия не заинтересована в заключении военного союза с Китаем против США. Такой союз создаст много проблем и лишит нынешние отношения России с КНР необходимой обеим сторонам гибкости. Хотя напряженные отношения Москвы и Пекина с Вашингтоном имеют значение для российско-китайского взаимодействия, определяет это взаимодействие не американский фактор, а прежде всего национальные интересы России и Китая.

В любом случае Россия должна тщательно анализировать эволюцию политического, социального, идеологического кризисов в США и изменения в американской внешней политике. Стратегия, таким образом, должна быть гибкой. Однако не следует строить иллюзий: даже в долгосрочной перспективе США не станут «нормальной державой», если под этим понимать отказ от идеологической компоненты в их внешней политике. Это значит, что Вашингтон никогда не перестанет вмешиваться ни в отношения России с другими странами, ни в российские внутренние дела. В момент передачи власти будущей когорте правителей России такое вмешательство достигнет максимальной интенсивности.

В российской стратегии не должно оставаться места для иллюзорных стремлений восстановить особые отношения стратегического и геополитического паритета, как с Вашингтоном образца 1970–1980-х годов. «Позитивная» инерция холодной войны — сосредоточенность друг на друге — давно изжита американской стороной, а стремления к равноправному сотрудничеству и взаимодействию, как со стороны Москвы, у нее никогда не было. Эту страницу давно пора закрыть, а ностальгию поверить исторической реальностью, которая сильно отличается от вообразимой.

На протяжении десятилетий после холодной войны российской политикой двигало стремление к восстановлению отношений «державного равенства» с США. Наши политики подражали американцам, «отзеркаливали» их аргументы и действия. Упор делали на дипломатию высшего уровня, личные отношения президентов двух стран. Российские руководители пытались добиться понимания со стороны США путем использования ведущих журналистов и передачи с их помощью разных сигналов, более или менее адаптированных для американской аудитории. В Кремле надеялись, что оппоненты «протрезвеют», «поймут», «пойдут навстречу» и в конце концов США станут надежным партнером России, которую будут воспринимать как равную.

Когда в Москве поняли, что эти надежды тщетны, Россия сменила оборонительную тактику на наступательную. Америка оказалась объектом российских информационных операций. Эти операции попали в резонанс с внутренним кризисом в США и спровоцировали там паранойю, охватившую значительную часть американского политического класса. Политическая Америка неожиданно испугалась влияния России — притом что реального влияния на политику Вашингтона у Москвы не прибавилось. Россия для

американцев, говоря словами вселенского патриарха Фотия, стала «одновременно ничтожной и пресловутой»¹²⁵. Первоначальный испуг вскоре перерос в глубокую и устойчивую неприязнь и воплотился в долговременной двухпартийной кампании давления на Россию, набравшей колоссальную инерцию.

Гибридная война между США и Россией набирает обороты, и ее решающий этап еще далеко. Россиянам нужно хорошо понимать, что главный фронт в этой войне (как, кстати, и в прошлой холодной) — внутренний. Гибридная война, однако, не только несет угрозы — что очевидно, но и открывает возможности.

История свидетельствует, что (вынося за скобки краткий период вынужденного союзничества в годы Второй мировой войны) состояние противоборства с США для России в целом комфортнее, чем состояние партнерства. Противоборство закаляет и стимулирует, в то время как партнерство расслабляет и размягчает. Россия может претендовать на асимметричное равенство в борьбе, но в крепких объятиях более сильного партнера она подчиняется. Так что на отношения России и США в обозримом будущем есть смысл смотреть с оптимизмом — как на стимул развития России.

Сохраняя принципиальное стремление к внешнеполитической самостоятельности вопреки доминированию США и отказываясь делать Вашингтону односторонние уступки, за которыми последует усиление, а не ослабление давления США на РФ, России не следует пытаться вмешиваться в американскую политическую жизнь, влиять на внутриамериканские дела, поскольку это,

... как показал опыт, не приводит к позитивным для Москвы результатам. Надо дать внутренним американским кризисам идти своим чередом.

Кроме того, укрепляя ядерное сдерживание как единственную основу безопасности России по отношению к США, не стоит соперничать с США в создании для них дополнительных проблем внутри страны или на международной арене. Сдержанность России не снизит давления на нее со стороны США, но позволит сберечь ресурсы, необходимые для развития самой России.

США остаются лидером западного мира, но качество и масштаб этого лидерства меняются. Внутри западного мира США возглавляют тесное ядро англоязычных стран — Великобритании, Канады, Австралии, Новой Зеландии. Эта группа ближайших союзников будет проводить наиболее согласованный внешнеполитический курс. Отношения России с англоязычными государствами будут во многом зависеть от ее отношений с США. Тем не менее в отношении каждого из четырех государств у РФ есть конкретные интересы.

Великобритания, покинув Европейский союз, остается членом НАТО и важным партнером ЕС и ведущих европейских стран, прежде всего Франции и Германии. Трудно сказать, сможет ли британская элита выстроить новую модель Великобритании как самостоятельной глобальной державы. Более того, остаются вопросы о будущем статусе Шотландии и Северной Ирландии. Для Москвы Лондон давно и надолго перестал быть значимым политическим партнером, но он остается местом проживания многочисленной российской диаспоры, в основном оппозиционно настроенной по отношению к нынешней власти РФ. Держа курс на развитие страны, следует стремиться привлечь конструктивную,

творческую часть диаспоры — речь идет не об олигархах и коррумпированных чиновниках — на родину. Это важнейшая перспективная задача на британском направлении.

Канада — северная страна, сосед по Арктике. География и климат сближают Канаду и Россию. Потенциальные возможности развития отношений с Оттавой, однако, жестко ограничиваются влиянием украинской диаспоры в Канаде, рассматривающей Россию как агрессора и оккупанта по отношению к Украине. Украинская диаспора влиятельна и в **Австралии**, где интересы у России более чем скромные. Отношения РФ с **Новой Зеландией** еще недавно выглядели перспективными в связи с проектом создания зоны свободной торговли, но в обозримом будущем они будут оставаться на далекой периферии внешней политики Москвы.

Китай и Восточная Азия

Китай

Исходное положение

... *Российское внешнеполитическое равновесие в XXI веке будет проверено Китаем.*

Российско-китайское стратегическое партнерство является одним из самых существенных достижений российской внешней политики последних четырех десятилетий. С момента восстановления межгосударственных отношений в конце 1980-х годов связи с Китаем непрерывно развивались. Параллельно снижалась взаимная подозрительность, укреплялось доверие. В первые десятилетия XXI века российско-китайские отношения описываются формулой «Ни при каких обстоятельствах не будем друг против друга, но необязательно должны быть всегда вместе». Эта гибкая конструкция сочетает взаимные гарантии безопасности с полной самостоятельностью и свободой действий. В этом смысле она оптимальна: ни одна из сторон не опасается удара в спину, но при этом и не чувствует себя связанной жесткими обязательствами и ограничениями. Современные российско-китайские отношения не только самые лучшие за всю историю, но и пример отношений нового типа между великими державами.

Китай, однако, не просто великая держава, но один из двух — наряду с США — крупнейших глобальных игроков XXI века. Китайская политика последних десятилетий в отношении России основывалась на государственных

интересах КНР и отличалась мудростью и умеренностью. Пока нет оснований считать, что этот курс в обозримом будущем изменится. Тем не менее нужно исходить из того, что России сейчас и в будущем предстоит жить бок о бок с мощнейшим государством, превосходящим Россию по многим важным показателям.

России, которая генетически не приемлет доминирования над собой другой державы, необходимо выстраивать отношения с Китаем, сохраняя равновесие, не склоняясь в сторону великого соседа, но и не отшатываясь от него из-за страха.

Сегодня, в начале XXI века от Китая не исходит угроза России. Гипотетически рассуждая, угроза с этого направления может возникнуть, если в Китае возьмут верх агрессивные силы, нацеленные на геополитическую экспансию соседей. Российские природные и другие ресурсы могли бы представлять очевидную ценность для китайского руководства. Этот сценарий, однако, маловероятен. Нынешнее руководство КНР настроено на иной курс в отношении России — курс сотрудничества и взаимодействия, взвешенного и уважительного решения возникающих проблем и противоречий. Этот курс отвечает национальным интересам Китая и приносит КНР очевидную выгоду. Конечно, все в политике меняется, но признаков смены курса пока не заметно.

Проблема в другом. Рост и развитие Китая на фоне экономической стагнации России и параллельно с этим конфронтация России и Запада создают условия для появления и усиления односторонней зависимости России от Китая. В области потенциальной зависимости входят современные технологии, станки и оборудование, инвестиционные

ресурсы. Есть риск расширения влияния в России групп, лоббирующих интересы Китая. Распространение китайского влияния в соседних с Россией странах, в том числе союзных, противоречит интересам России. В то же время конфликты между КНР и стратегическими партнерами РФ — Индией и Вьетнамом — создают очевидные проблемы для Москвы. Наконец, наиболее серьезной потенциальной опасностью для России становится перспектива прямого военного столкновения между Китаем и США. В каждом из перечисленных сюжетов главное для России — уметь и иметь возможность держать равновесие.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ КИТАЯ

Становление Китая как глобальной державы свершилось, но на этом он не остановится. К середине XXI века Китай может стать не только ведущей экономической, но и одной из ведущих технологических и военных держав с многосторонними глобальными интересами. Соразмерно этим достижениям увеличится и влияние КНР в мире. По некоторым позициям Китай превзойдет США, по другим — сравняется с ними, что окончательно положит конец 500-летнему доминированию Запада. Китай предъявит миру собственный вариант великодержавной политики, отличный как от старых европейских образцов, так и от нынешнего американского глобального лидерства. Миру, включая Россию, придется так или иначе учитывать возросший китайский фактор, приспосабливаясь к нему.

Дальнейший подъем Китая, однако, необязательно будет гладким и линейным. Главный вызов для китайского руководства состоит в необходимости повышения эффективности централизованного управления страной с огромным населением при растущем материальном обеспечении. Этот

вызов станет испытанием для китайской правящей элиты. России нет оснований бояться усиления Китая, поскольку она не является ни экономическим, ни политическим, ни идеологическим соперником КНР. Россия за последние три десятилетия научилась не только жить бок о бок с набирающим силу Китаем, но и все теснее сотрудничать с ним. Россия, однако, должна пристально следить за эволюцией китайской политики, постоянно, но ненавязчиво внушая партнеру, что залог хороших и ровных отношений между двумя странами — равноправное сотрудничество на основе взаимного уважения суверенитета и независимости.

ЦЕЛИ

Китай — непосредственный сосед России, граница с ним растянулась более чем на 4300 км. Эта граница, долгое время бывшая предметом споров между Москвой и Пекином и местом вооруженных столкновений, сейчас, к середине 2000-х годов, стала полностью согласованной, делимитированной и демаркированной. Территориальной проблемы и пограничного вопроса между Россией и КНР более не существует. Россия заинтересована в устойчивом **добрососедстве** с Китаем. Дальнейшее укрепление добрососедских отношений требует не только активной и продуктивной дипломатии на высшем уровне, но и сотрудничества на других уровнях государственной иерархии, а также развития отношений между двумя обществами. Основой для добрососедства являются национальные интересы обеих сторон. Одних интересов, однако, недостаточно. Необходимо хорошее понимание соседней страны, знание истории и культуры Китая, психологии китайцев, факторов, лежащих в основе китайской внешней и внутренней политики.

Экономическое сотрудничество с Китаем — крупнейшей экономикой мира по объему ВВП (ППС) — создает для России возможности развития собственной экономики и насыщения рынка. Это особенно важно в условиях торгово-экономических ограничений в отношениях со странами Европы и Северной Америки. Китай остается крупнейшим торговым партнером России среди всех стран мира. Возможности для дальнейшего роста торговли велики. Помогает то, что экономики России и Китая дополняют друг друга. Россия экспортирует в Китай в основном энергоресурсы, различное сырье, сельскохозяйственную продукцию, а ввозит промышленные товары. Получает инвестиции, технологии, развивает научно-техническое и военно-техническое сотрудничество.

Геополитическое взаимодействие с Китаем является существенным фактором глобальной политики России. Москва и Пекин тесно сотрудничают на глобальном уровне, в том числе в рамках Совета безопасности ООН. Они занимают близкие позиции по ключевым проблемам международной безопасности, включая космос и кибербезопасность. Москва и Пекин взаимодействуют по иранской и корейской ядерным проблемам, а также по Сирии. Благодаря устойчивым партнерским отношениям РФ и КНР обеспечиваются стабильность и безопасность в значительной части Евразии. Шанхайская организация сотрудничества, в которой Китай и Россия выступают неформальными лидерами, стала форумом ведущих стран континента. Она помогла стабилизировать международные отношения в Центральной Азии, в том числе предотвратить ожидавшиеся многими трения между Москвой и Пекином.

Наряду с ШОС форум РИК может способствовать лучшему взаимопониманию между ведущими азиатскими

партнерами России — Китаем и Индией, отношения между которыми в 2020 году обострились до уровня пограничных конфликтов с применением силы и жертвами. Россия не может выбирать между двумя стратегическими партнерами, становясь на сторону одного из них. Все, что Москва может, — это содействовать китайско-индийскому диалогу. Китайцев такая позиция устраивает, но среди индийцев, исторически привыкших видеть в Москве противовес Пекину, появилось и силится разочарование. Тем не менее дипломатический путь и прямые контакты остаются единственным путем эффективного решения проблем, и сохранение формата РИК остается приоритетом российской политики. В меняющемся геополитическом раскладе Евразии Россия может и должна сыграть важную роль модератора.

.....
*Учитывая огромные размеры китайской экономики
и динамику ее развития, поддержание равновесия
в двусторонних отношениях с Китаем является новой
и важнейшей задачей российской внешней политики.*

Решение такой задачи имеет мало общего с прежним соперничеством России с великими державами Европы и ничего общего с противоборством СССР и США. Сейчас речь идет об отношениях нового типа между великими державами — отношениях, в которых военный аспект — в смысле военных угроз друг другу — выведен за скобки. Сотрудничество в этих отношениях не трансформируется в интеграцию, а конкуренция не превращается в соперничество. Это горизонтальные, неиерархичные отношения государств, сохраняющих между собой дистанцию, позволяющую каждой действовать вполне самостоятельно, без ущерба для сотрудничества. В то же время эти отношения

дают обеим сторонам достаточную уверенность в том, что партнер не ударит в спину.

Равновесие в отношениях с Китаем не означает равенства с ним, которое по многим важнейшим позициям недостижимо. В то же время оно должно опираться на ряд российских преимуществ, которые адекватно воспринимаются китайскими партнерами.

РЕСУРСЫ

Россия — огромная кладовая **природных ресурсов**, в том числе тех, которые в дефиците у Китая. Это запасы не только энергоносителей, металлов, древесины, но и пресной воды, лесов, генерирующих кислород, плодородных земель. При этом Россия — страна с низкой плотностью населения. В послесоветский период нагрузка на экологию существенно снизилась, в то время как в Китае она возросла.

Россия обладает самой большой территорией среди всех государств. Она протянулась от Японского моря до Баренцева, от Ледовитого океана до Каспия. **Логистические** возможности России огромны, в том числе для обеспечения транспортных связей (наземных, воздушных и морских) между востоком Азии и западом Европы.

Территория России «нависает» над севером Китая — наиболее уязвимой частью китайской сухопутной границы. Дружественная Китаю Россия — надежный стратегический тыл Китая. Добрососедские отношения с РФ являются гарантией от экономической блокады Китая, его торговых путей.

Россия остается одной из трех великих **военных** держав наряду с США и Китаем. Ракетно-ядерный потенциал России примерно равен американскому и значительно превосходит китайский. Обычные вооруженные силы РФ в 2010-х годах прошли модернизацию, личный состав получил опыт

ведения военных действий и различных силовых операций. Российский военно-промышленный комплекс способен обеспечить потребности вооруженных сил страны и является одним из ведущих производителей новейших систем оружия. С начала 1990-х годов Китай покупает российское вооружение и технологии.

Стабильная **политическая система** России, выстроенная за последние 20 лет, основывается на поддержке большинства граждан. Она устойчива к давлению извне и позволяет сосредоточивать политическую волю государства для решительных и быстрых действий.

Эффективность российской внешней политики обеспечивается высоким профессионализмом и огромным опытом **дипломатической службы**, а также одной из лучших в мире **разведывательной** службой. **Информационные** возможности России по своей эффективности существенно превосходят аппарат внешнеполитической пропаганды советских времен. Россия, таким образом, обладает широкими экспертными возможностями и набором инструментов для ориентации и продвижения своих интересов в мировой политике.

Российское изучение Китая нуждается в постоянном развитии и совершенствовании. Отечественное китаеведение имеет глубокие корни и славные традиции. В постсоветский период оно стало гораздо менее академичным и больше приближенным к практическим потребностям. Изучаются различные стороны современного Китая — его экономика, политика, социум, идеология, внешняя и военная политика. Развитие связей с соседним гигантом стало импульсом для изучения китайского языка и культуры. Тем не менее уровень и охват изучения Китая в России пока еще недостаточны, учитывая растущую роль КНР в мире и влияние этой страны на Россию.

Времена изменились. В XX веке СССР не только помогал китайской компартии, но и выступал в качестве «старшего брата» по отношению к КНР. В XXI веке усилившийся Китай активно стремится распространить свое влияние за рубежом, включая Россию, с целью создания благоприятных условий для продвижения экономических интересов и реализации целей внешней политики Пекина. России необходимо вести себя так, чтобы понятное стремление партнера не наносило ущерб интересам России.

Собственно, попытка подчинения России не в интересах и самого Китая. В Пекине вряд ли забыли, что в конце 1950-х годов китайское руководство во главе с Мао Цзэдуном, очень зависевшее тогда от помощи и поддержки Москвы, отказалось следовать в фарватере курса советской политики, поскольку посчитало такое подчинение несовместимым с представлением о Китае как о великой державе. Для российского руководства, элит и общества самостоятельность и суверенитет страны являются неотделимыми от их представлений о России.

СТРАТЕГИЯ

Стратегия России на китайском направлении должна быть нацелена на дальнейшее укрепление партнерства с Китаем во всех областях. Такое партнерство способствует поддержанию равновесия между различными направлениями российской внешней политики. Необходимо учитывать, однако, границы сближения с Китаем. Так, варианты экономической интеграции с Китаем и заключения военного союза в мирное время не должны рассматриваться, так как они не согласуются с принципом суверенитета России. Следует избегать также критических уровней финансовой и технологической зависимости от КНР.

Двум великим, хотя и разнокалиберным, державам, России и Китаю, необходимо соблюдать определенную дистанцию. Иначе слишком тесное взаимодействие приведет к трениям. Это предостережение касается, в частности, призывов к заключению военно-политического союза между РФ и КНР. Такой союз, если допустить его возможность, не в интересах России, но он также невыгоден Китаю. Обе страны в результате почувствовали бы себя не столько сильнее, сколько более стесненными, а проблема лидерства в объединении могла бы всерьез рассорить их.

Достижение и поддержание равновесия в отношениях с Китаем в решающей степени зависит от способности России к саморазвитию — прежде всего в сферах экономики и технологий, а также от умения использовать сравнительные преимущества России в ряде областей. Речь идет прежде всего о высоких технологиях (космос, атомная энергетика, военные технологии), сельском хозяйстве, транспортно-логистических возможностях.

Необходимо развивать сотрудничество с Китаем в сферах экономики, финансов, технологий, экологии, здравоохранения, осуществлять совместные проекты. Во многих областях Китай является или становится важнейшим партнером России. При этом Россия не может допустить превращения страны в часть китайской техносферы, зоны юаня или каким-то иным путем становиться зависимой от Китая. Чересчур крепких объятий нужно вежливо, но твердо избегать.

В сотрудничестве с Китаем необходимо соблюдать безопасные пределы допуска партнеров в критически важных областях — от энергетики до развития Северного морского пути. Общий принцип — при привлечении иностранных партнеров не предоставлять КНР положения единственного партнера там, где возможности России уступают китайским.

Политическое взаимодействие с Китаем на многосторонних площадках — глобальных и региональных — необходимо продолжать. Такое сотрудничество помогает России поддерживать глобальное равновесие с США и их союзниками, укрепляет безопасность и стабильность в Азии.

Продолжая тесно взаимодействовать с Китаем, Россия в то же время должна вести себя предельно осмотрительно по отношению к возможным вариантам развития китайско-американского соперничества, чреватого военным столкновением.

Ни в коем случае Россия не должна позволить втянуть себя в американо-китайскую конфронтацию. Этот конфликт для России — внешний. Сохранение равновесия в отношении противоборства США и КНР не означает равноудаленности от обеих стран. Российские интересы в обозримом будущем в гораздо большей степени связаны с партнерством с Китаем, в то время как США являются на данном этапе противником.

Военное сотрудничество с КНР в форме поставок Китаю вооружений и военной техники в прошлом помогало выжить российскому ВПК, затем предоставляло дополнительные финансовые возможности для его развития. Сейчас и в перспективе передача Китаю российских военных технологий одного поколения должна производиться только при условии наличия у России технологий следующего поколения — с тем чтобы Россия на этих направлениях могла оставаться впереди партнера.

Необходимо развивать практику совместных военных учений с целью повышения уровня координации действий с НОАК в случае военно-политических кризисов (например, на Корейском полуострове), региональной нестабильности (в Афганистане, на Ближнем и Среднем Востоке) и т. д.

Важно также развивать обмен по военной линии на различных уровнях и в различных формах для лучшего понимания военных доктрин друг друга.

Россия должна ценить добрососедские, партнерские отношения с Китаем и не предпринимать ничего, что могло бы им повредить. В первую очередь это относится к важнейшим для Пекина вопросам — статусу Тайваня как части КНР; статусу Гонконга как особого административного района Китая; статусу Тибета и Синьцзян-Уйгурского автономного района.

Россия, разумеется, не может не учитывать, что буддизм является религией двух народов, населяющих Российскую Федерацию, — бурятов и калмыков. В международном плане это одна из духовных и культурных нитей, связывающих Россию с другими народами Евразии, в частности с монголами и тибетцами. В то же время, учитывая фактически враждебный характер отношений между далай-ламой и Пекином, контакты с духовным лидером тибетских буддистов являются раздражителем для Китая. Россия, проводя внешнюю политику, не может игнорировать это обстоятельство. Она не должна допускать втягивания российской буддистской общины в политический конфликт между далай-ламой, который также является лидером тибетского движения, и руководством КНР, считающим это движение сепаратистским. В этом случае религию нужно отделять от политики.

В то же время Россия не должна приносить в жертву связям с Китаем свои важные интересы на других геополитических направлениях. Прежде всего это относится к отношениям с стратегическими партнерами России — Индией, Вьетнамом, а также со странами АСЕАН, другими азиатскими государствами, включая Японию и Южную Корею. Равновесие в этих ситуациях — золотой стандарт российской внешней политики. РФ не должна приносить свои интересы

на индийском, японском, асеановском и других направлениях в жертву связям с КНР. У Пекина не должно быть права вето на внешнюю политику Москвы. Напротив, для поддержания ровных отношений с Китаем необходимо поддерживать баланс между связями с Китаем, с одной стороны, и с государствами АСЕАН, Японией и другими странами. Чем прочнее будут отношения РФ с третьими странами, тем увереннее Москва сможет поддерживать равновесие в отношениях с КНР. Приверженность принципу самостоятельности должна, разумеется, сочетаться с необходимым тактом.

С учетом этой цели стратегической линией Москвы в отношении Пекина могло бы стать дальнейшее вовлечение Китая в многосторонние институты с участием России, где КНР играла бы важную, но не доминирующую роль. В политической сфере и в вопросах безопасности таким институтом является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). В экономической области для сопряжения евразийской интеграции с китайской инициативой «один пояс, один путь» может быть создан постоянно действующий форум для диалога ЕАЭС — Китай. Сотрудничество с Китаем на двусторонней основе должно стать стимулом для инфраструктурного и экономического в целом развития российских регионов, а взаимодействие с позиций ЕАЭС не должно размывать евразийскую интеграцию.

Наконец, нужно иметь в виду, что политический поворот России от Запада к себе самой, стремление сбалансировать западное и восточное направления внешней политики страны — результат не украинского кризиса, а опыта всех послесоветских лет. Тем не менее в элитах существует представление о случайности, временном характере этого поворота. В верхах сохраняется отношение к Азии как к чему-то второсортному по сравнению с Европой, а к Китаю — по сравнению

с США. Стремление лучше понимать Азию, глубже изучать ее, больше общаться с азиатскими коллегами, пока не слишком заметно. Серьезного изучения современного Китая в России явно недостаточно. Мышление элит во многом остается инерционным, западноцентричным, долгосрочная стратегия в отношении КНР не просматривается. Еще хуже состояние дел на индийском направлении. К Индии в России традиционно относятся доброжелательно, но страну считают чем-то второстепенным по сравнению с Китаем. Партнерство с Дели, продолжающееся на протяжении всей почти 75-летней истории существования независимой Индии, воспринимается в Москве как должное, на его постепенное, а начиная с 2010-х годов — ускорившееся угасание обращают мало внимания. Между тем развитие сотрудничества с Дели — потенциально богатейший ресурс российской внешней политики.

Япония

Уход Синдзо Абэ в сентябре 2020 года с поста премьер-министра Японии завершает почти восьмилетнюю эпоху в российско-японских отношениях, отмеченную самой серьезной до сих пор попыткой заключить мирный договор и решить на этой основе вопрос о границе между двумя странами — достаточно указать на 27 российско-японских встреч на высшем уровне, прошедших в этот период. Для Абэ нормализация отношений с Россией была не только попыткой войти в историю Японии как человека, вернувшего ей «северные территории». Это было составной частью страховочной стратегии установления прочных отношений между Японией и странами Азиатского континента на фоне растущей мощи Китая и неопределенности будущего поведения США.

Целью стратегии Москвы на японском направлении в этот период было превращение Японии в существенный ресурс для российской модернизации, в особенности на востоке России. Москва, конечно, не нуждалась в Токио в качестве противовеса Пекину, но японские технологии и инвестиции, научно-техническое сотрудничество с Японией были бы очень полезны для развития страны. В этой связи Кремль был в принципе готов и к решению территориального вопроса на основе Московской декларации 1956 года (к передаче Токио острова Шикотан и группы островов Хабомаи), но в рамках мирного договора, который установил бы между двумя странами близкие партнерские отношения.

Подписание мирного российско-японского договора и решение в этом контексте территориальной проблемы могли бы стать базой для будущего тесного взаимодействия, превращения «далекого соседства» в близкое. Возможно, если бы не началась российско-американская, а затем и американо-китайская конфронтация, мирный договор и территориальное размежевание могли бы стать реальностью и, учитывая политическое влияние Владимира Путина в России и Синдзо Абэ в Японии, такое решение могла бы поддержать общественность обеих стран.

Именно военный аспект вопроса стал главным препятствием на пути заключения мирного договора между Россией и Японией. Как и в 1960 году, Договор безопасности между США и Японией вновь помешал заключению российско-японского договора. В условиях, когда Япония может превратиться в базу для размещения американских ракет средней дальности, подписание мирного договора с передачей Токио хотя бы небольших островных территорий оказывается невозможным.

Почин Абэ в отношениях с Россией не будет иметь продолжения в обозримом будущем. Ни новый премьер-министр Суга, ни кто-то другой в японской элите не интересуются развитием связей с Москвой. Также в течение долгого времени ни один будущий глава правительства не будет иметь такой политической и общественной поддержки, как Абэ. Длительные и упорные, но в итоге бесплодные попытки премьера Абэ нормализовать отношения с Россией породили в Японии долгое и устойчивое разочарование. Негативный образ России, давно преобладающий в сознании японского общества, еще более закрепился. Мирный договор между Россией и Японией откладывается на неопределенное время.

Для России развитие отношений с технологически высокоразвитой Японией является в принципе одним из внешних ресурсов модернизации страны. Синдзо Абэ понимал это и соответствующим образом выстраивал японскую политику на российском направлении. Потенциал для развития Дальнего Востока, Сибири и Арктики здесь имелся. Конечно, Токио присоединялся к коллективным санкциям Запада против России, но при этом поощрял японский бизнес сотрудничать с Россией. Разумеется, ни о каком несоблюдении Японией антироссийской санкционной политики Запада, ни о каком отходе от требований контроля за экспортом в Россию высокотехнологичной продукции не могло быть и речи. Какие-то возможности для привлечения в Россию японских технологий и инвестиций еще остаются, хотя и в очень ограниченных масштабах. Задача российской внешней политики — максимально использовать потенциал, который еще остался.

Японский стратегический интерес в поддержании самостоятельных двусторонних отношений с Москвой сохраняется, однако и после ухода Абэ по тем же самым причинам Токио не заинтересован в том, чтобы Москва присоединилась

к Пекину для оказания совместного давления на Японию. Москве есть смысл этот интерес поддержать, ведь он совпадает с фундаментальным принципом внешнеполитической самостоятельности России и укладывается в концепцию равновесия на международной арене. Вопрос в том, насколько глубоко Япония готова вовлекаться в американско-китайскую конфронтацию. Если Токио после ухода Абэ будет проводить менее самостоятельную линию в отношениях с США, то основа для продолжения стратегического диалога по формуле «2 + 2» (совместные встречи министров иностранных дел и обороны России и Японии) исчезнет.

ЮЖНАЯ И СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ

Страны Северо-Восточной Азии — Республика Корея и Коре́йская Народно-Демократическая Республика — представляют интерес для России прежде всего как экономические партнеры. С экономической точки зрения для России важна Республика Корея — одна из наиболее развитых и географически близких к РФ азиатских стран, в этом смысле двойник Японии, хотя и существенно уступающий ей по потенциалу. В то же время Южная Корея, как и Япония, военно-политический союзник США, и это жестко ограничивает возможности технологического и экономического сотрудничества и создает риски для безопасности. Возможности экономического сотрудничества с КНДР жестко ограничены, но Россия заинтересована в развитии контактов между противостоящими друг другу севером и югом Кореи и экономического сотрудничества двух корейских государств, поскольку межкорейское сближение откроет некоторые возможности для РФ. Пока что вероятность нормализации отношений между Сеулом и Пхеньяном мала.

Наличие ядерного оружия у КНДР является фактом, это главный инструмент северокорейской политики сдерживания Соединенных Штатов. В вопросах, связанных с денуклеаризацией КНДР, России есть смысл оставаться в третьем ряду дипломатического театра, позади пар США — КНДР и Китай — Южная Корея. Главная задача российской внешней политики — предотвращение нового вооруженного конфликта в непосредственной близости от российского Дальнего Востока. Решение этой задачи требует от России постоянных контактов со всеми задействованными сторонами, но без попыток брать на себя ведущую роль в решении ядерной проблемы Корейского полуострова.

Проблема объединения Кореи не может быть снята с политической повестки дня, но в обозримом будущем представляется малоактуальной. Рассуждая гипотетически, можно предположить, что объединение полуострова под эгидой Пхеньяна, попытка которого была предпринята в 1953 году, приведет, скорее всего, к региональной войне. Напротив, крах северокорейского режима может привести либо к объединению Корейского полуострова под эгидой Юга, либо к вмешательству Китая для сохранения Севера как подконтрольного Пекину буферного государства. Первое опасно для России, поскольку объединенная Корея, вероятно, сохранит военно-политический союз с США. Американские войска получат возможность базироваться в непосредственной близости от Владивостока. Второе приведет к дальнейшему усилению Китая и росту напряженности на дальневосточных границах РФ.

С момента образования Китайской Народной Республики Москва считала Тайвань ее частью. После распада СССР между Москвой и Тайбэем были установлены торгово-экономические связи, открыты соответствующие представительства,

но российское руководство тщательно следило за тем, чтобы отношения с Тайванем не выходили за рамки, которые Пекин считал допустимыми. С точки зрения Москвы, соответственно, отношения между Пекином и Тайбэем считаются внутренним делом Китая, а участие Вашингтона в возможном конфликте в Тайваньском проливе — вмешательством со стороны США. В то же время самой втягиваться в такой конфликт для России было бы безумием.

Целью политики Москвы в **Юго-Восточной Азии** является расширение российского присутствия на емком рынке государств, входящих в Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии, население которых составляет 500 млн человек, то есть примерно равно населению Европейского союза. АСЕАН — не интегрированный подобно Евросоюзу политико-экономический союз, а тесное межгосударственное объединение, основанное на принципе постоянных многосторонних консультаций.

Россия уже обозначила АСЕАН как возможного партнера в рамках предложенного Москвой проекта «Большое евразийское партнерство» — наряду со странами Евразийского экономического союза и Китаем. Уже заключено соглашение о свободной торговле с Вьетнамом — исторически самой близкой России страной АСЕАН. Ведется работа в этом же направлении с Сингапуром — технологически самой «продвинутой» страной региона.

За исключением туристов, пока что Россия очень слабо представлена в Юго-Восточной Азии. Она может предложить странам региона в основном вооружение и сотрудничество в сфере атомной энергетики.

Проблемой для Москвы является то, что у многих государств АСЕАН — Вьетнама, Филиппин, Индонезии — сложные отношения с Китаем, претендующим на суверенитет

над большей частью Южно-Китайского моря. Россия выступает за приемлемое для всех стран региона, включая Китай, решение вопроса о суверенитете и о правилах мореплавания в Южно-Китайском море. Фактически, учитывая сильное стремление Пекина установить контроль над ЮКМ и собственную относительную незаинтересованность, Россия ни в чем не противоречит китайской позиции. Как обычно, Москва выступает также против вмешательства внерегиональных держав — прежде всего США, которые, опираясь на принцип свободы мореплавания и выступая как поборник безопасности стран АСЕАН, пытаются помешать Китаю реализовать его планы.

Индия, Южная и Средняя Азия

После украинского кризиса 2014 года общим местом в мировых СМИ стало представление о том, что Россия повернулась на восток, лицом к Азии, спиной к Европе. Это неверно: Россия начала поворачиваться к себе самой.

... *Что же касается Азии, то разумной целью внешней политики РФ стало уравновесить значение Азии, Востока, с одной стороны, и Евро-Атлантики, Запада — с другой.*

На протяжении столетий приоритет, безусловно, отдавался отношениям с западными соседями. В годы холодной войны внешняя политика Москвы была целиком и полностью сосредоточена на отношениях с главным противником — США. В XXI веке смещение центра мировой экономики и торговли в Азию — не только в Китай, но также в Индию, Японию, страны АСЕАН — заставляет Москву искать точку равновесия между своими внешнеполитическими векторами.

Вообще, такое равновесие соответствует фактическому положению вещей. Географически Россия занимает часть Европы и часть Азии. Уральские горы, по которым проходит граница между ними, не были препятствием для русских людей. Европейская и азиатская части России практически неотличимы друг от друга в этническом или культурном отношении. Россия — не «запад Востока», не «восток Запада», она своеобразна. В эпоху глобализации быстрое развитие экономических связей и коммуникаций, растущая логистическая связанность разных стран, переплетение множества

интересов сформировали единое, по сути, континентальное пространство Большой Евразии. Именно на этой площадке в основном приходится действовать российской внешней политике.

Россия — не географический центр Большой Евразии, не мост между ее цивилизациями: основные пути, связывавшие запад и восток огромного материка, исторически пролегли южнее российской территории. Россия, однако, и не периферия. Географическое положение делает ее непосредственным или близким соседом множества стран, от государств — членов Европейского союза на западе до Китая и Японии на востоке и Турции и Ирана на юге. Для страны, которая выходит к трем океанам и граничит одновременно с Норвегией и КНДР, столь высокая степень соприкосновения с внешним миром открывает исключительные возможности. Чтобы реализовать эти возможности в полной мере, будущим российским стратегам предстоит овладеть круговым зрением — на все 360 градусов. Богатый исторический опыт взаимодействия с государствами, народами, цивилизациями Азии составляет ценное достояние отечественной внешней политики.

О политике в отношении Китая, Японии и двух корейских государств уже говорилось. В этом разделе рассматриваются отношения с Индией и странами Южной и Юго-Восточной Азии, Казахстаном, Узбекистаном и государствами Средней Азии, закавказскими республиками, странами Ближнего и Среднего Востока.

Индия и Южная Азия

Индия быстро набирает экономический вес, развивает современные технологии, наращивает военную мощь и активизирует внешнюю политику. Эта ядерная держава наряду

с Китаем является одним из важнейших силовых центров Азии. У Индии много проблем, но у нее имеется огромный демографический и интеллектуальный потенциал, мощная цивилизационно-культурная основа, и ее правящая элита стремится превратить страну не только в великую, но в глобальную державу XXI века. Уже сегодня Дели наряду с Пекином, Вашингтоном и Москвой является одним из мировых центров принятия действительно самостоятельных политических решений.

За семь десятилетий Москва и Дели накопили уникальный опыт практически беспроblemных дружественных отношений. Советский Союз с самого начала помогал становлению независимой Индии. Ее экономический успех и активная политическая роль Дели во главе Движения неприсоединения рассматривались Москвой как фактор усиления антиимпериалистических и потенциально некапиталистических тенденций в мировом развитии. В дальнейшем СССР и Индия стали геополитическими партнерами. У обеих стран с начала 1960-х годов резко испортились отношения с Китаем, кроме того, США — противник СССР в холодной войне — встали на сторону Пакистана в его конфронтации с Индией.

Окончание холодной войны изменило этот расклад. Оставаясь дружественными, российско-индийские отношения начали быстро утрачивать динамику, стагнировать. На фоне развития стратегического партнерства между Москвой и Пекином, а затем между Дели и Вашингтоном начало ослабевать взаимное доверие. Развитие капитализма в России и Индии парадоксальным образом не привело к росту экономических связей между двумя странами. Они остаются ограниченными военно-техническим сотрудничеством и несколькими поддерживаемыми на государственном уровне энергетическими проектами.

Дополнительным негативным фактором стало обострение индийско-китайских и российско-американских отношений. Попыткам выстроить отношения, основанные на сотрудничестве двух крупнейших экономик Азии, помешал нерешенный вопрос о границе между Индией и Китаем в Гималаях. Вооруженные пограничные столкновения 2020 года вернули отношения между Дели и Пекином в состояние враждебности. Москва пытается помочь своим стратегическим партнерам наладить диалог, остановить динамику взаимной враждебности.

С беспокойством глядя на Китай, Дели развивает отношения с США, в том числе в военной сфере, в которой прежде ее важнейшим партнером была Москва. Индия является участником четырехстороннего диалога по безопасности (Quad), в рамках которого вместе с США и их союзниками Японией и Австралией проводит военные учения, направленные на демонстрацию силы и решимости по отношению к Китаю. Кроме того, США стремятся — не без успеха — потеснить Россию на индийском рынке вооружений, который исторически являлся одним из важнейших для отечественного оборонного экспорта.

Проблемы в индийско-китайских отношениях вряд ли могут быть быстро решены, но тенденция к стагнации российско-индийских отношений и размыванию взаимного доверия между Москвой и Дели должна быть остановлена. Нужен новый импульс для развития связей, которые продолжают постепенно ослабевать.

Российской политике в Азии требуется устойчивое равновесие между Дели и Пекином. Отношения с обеими странами имеют для Москвы первостепенное значение. Отдавать стратегический приоритет ни одной из них нельзя, несмотря на то что масштаб торговли между Россией и Китаем

на порядок превосходит объем экономических связей с Индией. Китай — сосед, портить отношения с ним крайне опасно, но Индия — страна, с которой у России длинная история неизменно дружественных отношений. Китай — сверхдержава XXI века, как и США, но Индия — великая держава, как и Россия.

Углубление стратегического партнерства необходимо не только Москве, но и Дели. Выход из сложившейся ситуации заключается во всемерном стимулировании российско-индийского сотрудничества в области экономики, технологий, логистических связей, научного и культурного обмена.

⋮ Долгосрочной целью должно стать доведение российско-
 ⋮ индийских связей в этих сферах до уровня, сопоставимого
 ⋮ с российско-китайским сотрудничеством.
 ⋮

Официально отношения с Индией характеризуются в Москве как привилегированное партнерство. Привилегированность в данном случае означает не нынешний статус или сегодняшнее состояние отношений, а стимул для их развития. Связи с Китаем сейчас развиваются на созданной за три десятилетия основе. Для развития связей с Индией такую основу только предстоит создать. Привилегия — это создание государством условий для этого.

Главной задачей является увеличение сотрудничества (в сферах военной техники, энергетики, космоса). Новыми площадками взаимодействия могут стать агропром, фармацевтика, здравоохранение. Особенно перспективно сотрудничество в сфере современных технологий — области, в которой индийцы в последнее время достигли больших успехов. Важно всерьез заняться привлечением индийских специалистов и капиталов для развития российского

Дальнего Востока и Сибири, освоения Арктики. Есть условия для развития логистических связей по оси север–юг, через Иран и Каспий, а также по индо-тихоокеанскому маршруту Ченнай — Владивосток. Этот маршрут можно продолжить и дальше — по Северному морскому пути, вдоль морской линии Мурманск — Мумбай, огибающей большую часть Евразии.

Развитие сотрудничества в таких масштабах требует огромной работы по изучению существующего потенциала и способов его задействования для достижения стратегических целей. Необходимо создание договорно-правовой базы и физической инфраструктуры взаимодействия. Это особенно важно для привлечения индийских трудовых ресурсов, включая специалистов. Учитывая, что в Индии, в отличие от Китая, дело приходится иметь больше с частным бизнесом, требуется иной подход к стимулированию инвестиций. Отношениям России и Индии благоприятствует то, что в условиях возрастающей зависимости экономических связей между государствами от состояния их политических взаимоотношений обе стороны считают друг друга надежными партнерами и могут развивать долгосрочное сотрудничество.

Москве и Дели необходимо стремиться к более тесной координации внешней политики на глобальном уровне. Речь идет о таких институтах, как ООН, «Группа двадцати», БРИКС и ШОС. Учитывая давнюю и неизменную поддержку со стороны Москвы стремления Индии стать постоянным членом Совета безопасности ООН, было бы правильно дополнить сложившуюся практику российско-китайских консультаций консультациями между представителями России и Индии в ООН и ее специализированных органах — например, Всемирной организации здравоохранения. То, что в 2021–2022 годах Индия является непостоянным членом

СБ ООН, создает хороший повод для начала таких консультаций. Речь должна идти о широкой повестке дня — от текущих вопросов до глобальных проблем миропорядка в целом, климата, здравоохранения и т. д.

Для этого имеется солидная основа: совместимость стратегических интересов России и Индии, благоприятное геополитическое взаиморасположение, позитивный исторический опыт, накопленное за многие десятилетия и пока еще сохраняющееся доверие между элитами двух стран и взаимная симпатия двух народов.

.....
*Российская концепция Большой Евразии и индийская —
 Индо-Тихоокеанского региона (не путать с одноименной
 американской концепцией) во многом совместимы и даже
 взаимодополняемы: российская — преимущественно
 континентальная, индийская — морская.*

Проблема состоит в том, что обострение индийско-китайских отношений и стратегическое соперничество Пекина и Дели ставят перед Россией трудную задачу сохранения и развития тесных партнерских отношений с двумя крупными державами. Москве приходится учитывать не только то, что помирить Пекин и Дели не в ее силах, но и что Индия и Китай отвергают посредничество третьей стороны. Максимум, что Москва может делать, сводится к тактичному и непубличному содействию китайско-индийскому диалогу, смягчению напряженности между двумя странами и восстановлению в ограниченных масштабах сотрудничества между Индией и Китаем. Это уже делается с использованием таких платформ, как РИК и ШОС.

Фактически судьба не только РИК и ШОС, но также БРИКС во многом зависит от того, удастся ли разрядить

растущую напряженность между Дели и Пекином и направить их отношения в конструктивное русло хотя бы в тех вопросах, где интересы КНР и Индии не противоречат друг другу. Если это удастся, то группа РИК могла бы превратиться в консультативный совет по вопросам безопасности, стабильности и развития в континентальной части Азии. Функционирующий РИК позволил бы России не только смягчить соперничество между ее двумя важнейшими партнерами в Азии, но и занять позицию модератора — но, разумеется, не лидера группы.

В этом случае РИК — по принципу матрешки — мог бы стать ядром ШОС в укреплении региональной стабильности, в том числе в отношении ситуации в Афганистане после полного ухода оттуда войск США, а также составить влиятельное большинство в БРИКС. Верно, однако, и обратное: разлад между Индией и Китаем угрожает не только полностью парализовать РИК, но и подорвать работу ШОС и БРИКС.

В любом случае, однако, Москва должна принять тот факт, что Индия — подобно самой России — будет проводить многовекторную внешнюю политику, в которой российский фактор не является и не станет доминирующим. По геополитическим, экономическим и иным причинам Дели будет и дальше развивать отношения с Вашингтоном, и к этому нужно относиться спокойно. Индия не будет «пророссийской», но не станет и «проамериканской». Как и на других направлениях — китайском, европейском и прочих — России следует сосредоточиться на развитии собственных отношений с Индией, а не на попытках ослабить позиции соперника.

Индия доминирует в Южной Азии, но этот регион включает целый ряд государств. Крупнейшее из них, **Пакистан**, является ядерной державой с населением 200 млн человек.

На протяжении холодной войны Пакистан — американский союзник, входивший в блок СЕНТО и предоставлявший военные базы Соединенным Штатам, — был противником СССР. Именно с пакистанского аэродрома под Пешаваром взлетел американский разведчик U-2, сбитый в 1960 году над Свердловском. Во время афганской войны 1979–1989 годов Пакистан являлся основной базой афганских моджахедов.

С тех пор ситуация изменилась. В условиях войны с терроризмом и военной операции США в Афганистане американо-пакистанские связи осложнились. Взаимная враждебность ушла из российско-пакистанских отношений. Москва учитывает роль, которую Исламабад, поддерживающий афганских талибов и влияющий на них, играет в Афганистане. Сотрудничество РФ с Пакистаном в современных условиях — прежде всего взаимодействие в борьбе с терроризмом и экстремизмом. Российско-пакистанские отношения институализованы. В 2018 году Пакистан вместе с Индией был принят в Шанхайскую организацию сотрудничества. Произошли и другие важные геополитические сдвиги. Отношения Пакистана с США серьезно расстроились, а с Китаем, наоборот, еще больше укрепились. Неизменным, однако, осталось противостояние между Исламабадом и Дели, продолжающееся с раздела Британской Индии и образования двух независимых государств.

России в Южной Азии необходимо поддерживать равновесие между стратегическими отношениями с Индией и прагматическими контактами с Пакистаном. Приоритет, отдаваемый российско-индийским отношениям, несомненен. В то же время ситуация в Афганистане и необходимость противодействия терроризму требуют поддержания деловых контактов с Пакистаном, особенно с силовыми структурами

этой страны. Наконец, наличие у Пакистана арсенала ядерного оружия, напряженные отношения между Исламабадом и Дели, периодически выливающиеся в вооруженные конфликты, делают необходимым поддержание линий связи с военно-политическим руководством этой ядерной державы.

КАЗАХСТАН, Средняя Азия и Афганистан

Российский официоз через государственные СМИ привык говорить о бывших советских республиках преимущественно комплиментарно, избегая серьезного анализа и лишь изредка, вскользь упоминая о проблемах во взаимоотношениях. В результате реальная ситуация в ближайшем окружении России выносится за скобки обсуждения в публичном пространстве, а кризисы, когда они возникают, для многих в России выглядят неожиданными.

Еще хуже то, что политика Москвы в отношении союзников строится, по-видимому, по обстоятельствам, без какого-либо стратегического целеполагания. Психологическим фоном этой политики служит инерция советско-имперской общности, а основной движущей силой — материальные отношения между элитами. Общества стран-соседей часто выпадают из поля зрения.

Такое положение дел напоминает отношения в социалистическом содружестве, которые выглядели беспроблемными и братскими, пока внезапно не разразились кризисы и восстания, и которые в конце концов трансформировались в лучшем случае во взаимное безразличие, а в худшем — в устойчивую враждебность. Как ни парадоксально, России обычно удавалось более удачно выстраивать отношения

с дальними партнерами и даже с противниками, чем с ближними соседями, в том числе союзниками.

В Советском Союзе понятие «Центральная Азия» употреблялось, но было скорее физико-географическим, чем политическим. Говоря о пяти республиках к востоку от Каспия и к югу от Урала и Сибири, употребляли словосочетание «Казахстан и Средняя Азия». Это разделение имело смысл тогда, имеет и сейчас. **Казахстан** — единственная страна региона, с которой у России есть общая граница. Эта граница (7500 км) является самой протяженной в мире, при этом практически незащищенной. Экономически и демографически Казахстан теснее других соседних стран связан с Россией. В стратегическом отношении значение огромной казахстанской территории для России трудно переоценить.

За 30 лет независимости у Казахстана сложились ровные отношения с Российской Федерацией. Казахстан сумел создать современное государство, добился экономических успехов, избежал внутренних потрясений и внешних конфликтов. Оставаясь формальным союзником и партнером России, Казахстан проводит независимую и сбалансированную политику, поддерживает связи с важнейшими мировыми центрами силы, включая Китай, США, Европейский союз. Такое положение должно устраивать Москву. Ее отношения с Нур-Султаном в целом беспроблемные. Сотрудничество между двумя странами осуществляется на равноправной и взаимовыгодной основе.

Казахстан не только не сателлит России; он не является союзником РФ в том смысле, в каком Канада является союзником США в рамках НАТО. Москва не может рассчитывать на автоматическую и безусловную поддержку Нур-Султана даже в наиболее принципиальных для себя случаях. Казахстан — член ЕАЭС, но уровень интеграции этой организации

не сравним с уровнем интеграции Евросоюза. Фактически ЕАЭС представляет собой расширенный таможенный союз. Таким образом, по обоим важнейшим позициям — безопасности и экономике — Казахстан является партнером России, а не ее союзником.

В Казахстане подходит к концу эпоха Нурсултана Назарбаева. Будущее российско-казахстанских отношений будет зависеть от того, какую политику станут проводить наследники первого президента Казахстана, когда они останутся без национального лидера. В зависимости от будущей национальной политики руководства Казахстана существуют риски проникновения экстремистских террористических сил на территорию Казахстана, тесного сближения Казахстана с враждебной России сверхдержавой — например, США. По состоянию на 2021 год эти риски либо отсутствуют, либо незначительны.

Россия не должна пассивно ждать развития событий. Главной целью политики Москвы на этом направлении является сохранение Казахстана в качестве дружественной страны, партнера в области безопасности и экономики. Большого получить Россия не сможет, да это ей и не нужно, но дружественность и партнерство необходимы. С этой целью независимость и территориальная целостность Казахстана должны и в будущем неуклонно поддерживаться. Очевидна также необходимость укрепления связей с различными группами казахстанской элиты, с общественностью, развития экономического сотрудничества с Казахстаном и взаимодействия в вопросах безопасности. Ответом на политику казахизации, проводимую властями Казахстана, должна быть готовность России к приему иммигрантов из этой страны.

Узбекистан — крупнейшее по численности населения государство Средней Азии. Москва развивает сотрудничество

с Ташкентом на двусторонней основе, а также в рамках международных организаций, таких как ШОС. В России работает большое количество трудовых мигрантов из Узбекистана. Ташкент осознает потенциальную угрозу экстремизма и терроризма и противостоит ей. Укрепление экономических и политических связей в российских интересах, но при этом следует учитывать стойкое стремление руководства Узбекистана к проведению самостоятельной внешней политики.

Киргизия и Таджикистан — страны — члены ОДКБ, на территории которых расположены российские военные базы. Это наблюдательные пункты и позиции передового военного присутствия России для борьбы с экстремизмом. Москва экономически поддерживает Киргизию, которая была принята в ЕАЭС, а также Таджикистан, который экономически ориентирован на Китай, для обеспечения минимальной социальной стабильности в этих странах. В России работают трудовые мигранты из обеих стран. Россия не вмешивается в конфликты между киргизскими кланами. Москву интересует главным образом сохранение общей пророссийской ориентации Бишкека.

Киргизия и Таджикистан являются не только транзитными странами для транспортировки афганских наркотиков в Россию, но и территорией, где наркотические вещества производятся. Сотрудничество с Бишкеком и Душанбе в борьбе с наркотрафиком совершенно необходимо, но высокий уровень организованной преступности и коррупции в этих странах является серьезной проблемой. В обозримой перспективе наркотики являются главной угрозой безопасности России со среднеазиатского направления.

Усиление экономического присутствия Китая и его политического влияния в Средней Азии и Казахстане — факт. Россия уже давно перестала быть гегемоном в этом регионе.

Российские интересы на центральноазиатском направлении сводятся в основном к обеспечению безопасности — нейтрализации угроз со стороны трансграничных экстремистских и радикальных движений — и к развитию взаимовыгодных экономических связей со странами региона.

Интеграция в рамках ЕАЭС, сотрудничество в обеспечении безопасности по линии ОДКБ, двусторонние связи со всеми пятью государствами региона и локальное военное присутствие в Киргизии и Таджикистане в принципе позволяют реализовывать эти задачи.

Шанхайская организация сотрудничества, в которую помимо России входят четыре из пяти стран региона, является площадкой для обмена информацией с Китаем в области антитеррористической деятельности. Модель сопряжения ЕАЭС и китайской инициативы «один пояс, один путь» пока неясна, но линии разграничения в сфере экономики необходимы для более-менее бесконфликтного взаимодействия. Наконец, членство ряда стран Центральной Азии в ОДКБ означает, что этот договор является основным инструментом обеспечения безопасности в регионе.

Наиболее серьезные угрозы безопасности Средней Азии исходят с южных границ региона. **Афганистан** на протяжении нескольких десятилетий является источником религиозного радикализма и экстремизма, а также одним из крупнейших в мире производителей и распространителей наркотиков. Сейчас в этой стране продолжается гражданская война. Признанное международным сообществом и поддерживаемое странами Запада правительство в Кабуле воюет с группировками талибов, контролирующими значительную часть территории страны.

Основной интерес России, которая в конце советского периода вела тяжелую войну на территории Афганистана, заключается в том, чтобы с афганской территории в Среднюю Азию, Казахстан и дальше на территорию РФ не проникали экстремисты и террористы, а также не шел поток наркотиков. Россия не должна вмешиваться во внутренние дела Афганистана и пытаться влиять на ход вооруженной борьбы в этой стране.

С учетом отмеченных угроз, однако, Москве целесообразно находиться в постоянном контакте со всеми значимыми военно-политическими силами Афганистана, включая талибов, чтобы минимизировать исходящие оттуда для России угрозы терроризма и распространения наркотиков.

Когда в Афганистане завершится военная операция США и американские войска полностью покинут эту страну, России придется активнее заниматься профилактикой угроз, которые могут вновь исходить из Афганистана. В этом деле Москве будет необходимо взаимодействовать с соседями Афганистана — на двустороннем и многостороннем уровне. В первую очередь Россия будет сотрудничать с государствами — членами Организации Договора по коллективной безопасности: Таджикистаном, Киргизией и Казахстаном, а также с Китаем, Индией, Пакистаном, Ираном, Узбекистаном. Удобной площадкой для широкой многосторонней координации может стать **Шанхайская организация сотрудничества**.

ШОС не блок и не союз наподобие НАТО, это скорее форум, проводящий регулярные встречи на высшем уровне. Принцип участия — соседство (первоначальными членами организации были Китай и бывшие советские республики,

с которыми КНР граничила), цель — построить мирные добрососедские отношения (вначале речь шла о демилитаризации границы) и стимулировать сотрудничество для решения общих проблем (терроризма, экстремизма, сепаратизма).

В интересах России было бы превращение ШОС в широкую консультативную организацию по вопросам безопасности в континентальной Азии, своего рода аналог европейской ОБСЕ. Россия как держава с наибольшим среди членов ШОС дипломатическим, военным и разведывательным опытом и потенциалом могла бы играть в этом сообществе ключевую роль. Китай, в свою очередь, превосходит все страны ШОС по экономической мощи и готов использовать свое положение для обеспечения лидерства в вопросах развития. Тем не менее такое расширение функций ШОС вряд ли пойдет на пользу организации. Специализация ШОС — это прежде всего добрососедство, безопасность и стабильность. Ядром ШОС могла бы выступать группа РИК — Россия, Индия, Китай, в рамках которой три великие державы координировали бы свои стратегии и конкретные действия.

ЗАКАВКАЗЬЕ, Ближний и Средний Восток

На южном направлении российская внешняя политика, в отличие от восточного и западного, не соседствует и не сталкивается со сверхдержавой или военно-политическим блоком. Здесь российские границы соприкасаются с очень пестрым регионом, где идет активная борьба различных региональных игроков — Турции, Ирана, Саудовской Аравии и других — за влияние и доминирование, локальных сил — за выживание и различных негосударственных групп — за самоопределение и возможность воздействовать на более крупных участников международных отношений. Для России это направление является источником конфликтов и вызовов, отчасти сопоставимых с балканскими конца XIX — начала XX века.

ЗАКАВКАЗЬЕ

Закавказский регион, так же как закаспийский (Средняя Азия), представляет интерес для России прежде всего с точки зрения обеспечения собственной безопасности. Интересы в этом регионе существенно изменились по сравнению с советским и имперским периодами. Тем не менее здесь происходит историческое соперничество великих держав в современном варианте. В этой игре, как и прежде, важные роли играют Турция, Иран, Израиль, а также страны Запада — США и их ближайший союзник и помощник Великобритания. Главное отличие от прежнего великодержавного соперничества и российско-британской «Большой игры»

XIX века — существование в сегодняшнем Закавказье отдельных сравнительно небольших государств — Азербайджана, Армении и Грузии, а также Абхазии и Южной Осетии, независимость которых признана Россией.

В 2008 году путем вооруженного вмешательства в ответ на действия грузинских войск в Южной Осетии Москве удалось фактически купировать возможное расширение НАТО в Закавказье. Пятидневная война с Грузией, признание Россией независимости бывших грузинских автономий Абхазии и Южной Осетии фактически поставили крест на проекте включения Грузии в НАТО. России удалось установить равновесные отношения с двумя другими важными для нее государствами, находившимися с обретения независимости в результате распада СССР во враждебных отношениях друг с другом — Азербайджаном и Арменией. Москва также сумела наладить взаимодействие с Анкарой, притом что амбиции Турции, руководимой президентом Реджепом Тайипом Эрдоганом, на некоторых направлениях сталкиваются с интересами России. Наконец, приобрело устойчивость сотрудничество между Россией и Ираном. Удалось добиться договоренности о статусе Каспийского моря, которое осталось в исключительной юрисдикции и пользовании пяти прибрежных государств, среди которых нет американских союзников, но есть Азербайджан — ближайший союзник Турции.

Тем не менее США и страны НАТО в 2010-е годы существенно увеличили свое военное присутствие на Черном море. Грузия и Украина, не вступив в НАТО, активно сотрудничают в военной области с Вашингтоном, Лондоном и другими западными столицами. При участии Запада идет строительство военно-морских объектов на черноморском побережье Украины. В политическом отношении Украина

и Грузия фактически примыкают к западному альянсу, их территория используется для создания военной инфраструктуры, противостоящей России.

Наибольшую опасность для России, однако, представляют конфликты между региональными игроками: Арменией и Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха, а также Грузией с одной стороны и Абхазией и Южной Осетией — с другой. Еще одна опасность — значительно возросшая геополитическая активность Турции, которая способна привести ее к столкновению с Россией.

Москва и другие члены международного сообщества не смогли предотвратить вторую карабахскую войну, разразившуюся осенью 2020 года. Несмотря на многолетние усилия российской дипломатии, армянская сторона отказалась пойти на уступки, которые были в принципе согласованы, в то время как Азербайджан активно готовился к реваншу за поражение в первой войне. Важнейшую роль сыграла Турция, подтолкнувшая Баку к возобновлению войны и оказавшая Азербайджану военную и политическую помощь. Победа Азербайджана и его старшего союзника Турции существенно изменила расклад и соотношение сил на Южном Кавказе.

Россия добилась прекращения войны и стала единственным признанным миротворцем в регионе. Она спасла Армению от полного разгрома, а жителей Нагорного Карабаха — от масштабной гуманитарной катастрофы. Российские миротворческие силы заняли позиции внутри Карабаха и между Карабахом и Арменией, а также будут развернуты на территории Армении вдоль коридора, который свяжет Азербайджан с Нахичеванью. В то же время нет оснований говорить об общем усилении позиций России на Южном Кавказе.

России пришлось не только де-факто, но и де-юре, посредством соглашения о создании совместного мониторингового центра, признать возвращение Турции — после более чем векового перерыва — на Кавказ. Приходится иметь в виду и гораздо более тесные, чем когда бы то ни было прежде, связи между Анкарой и Баку. Азербайджан больше не балансирует между Россией и Турцией, он — часть региональной системы союзов на стыке Азии, Европы и Северной Африки, которую Анкара стремится создать. Сама заявка президента Эрдогана на восстановление позиций Турции в регионе бывшей Османской империи — от Ливии и Сирии до Кавказа и Крыма — резко усложняет российско-турецкие отношения.

Серьезно осложнились также отношения Москвы с союзником в Ереване. Эти отношения стали подвергаться эрозии еще с приходом к власти в Армении прозападного кабинета Никола Пашиняна, но разгром армян во второй карабахской войне породил у них глубокое разочарование в отношении России, которую привыкли считать безусловным защитником Армении и ее интересов. Перед Москвой теперь стоит проблема, отчасти схожая с той, которая возникла в результате политического кризиса в Белоруссии: как помочь союзнику переформатировать свою политическую систему, чтобы обеспечить устойчивые и приемлемые отношения — вне зависимости от смены руководителей государства.

Россия удержалась от шагов, таивших большую опасность: вмешательства в войну на стороне Армении, что означало бы войну с Азербайджаном и превращение этой соседней страны во враждебное государство, а также от прямого столкновения и вооруженного конфликта с Турцией, что могло бы спровоцировать масштабную войну

с последствиями, выходящими далеко за пределы Кавказа. В то же время новая ситуация заставляет заново оценить интересы, цели и стратегию Москвы в регионе.

... Главным интересом РФ на кавказском направлении является обеспечение безопасности границы страны и стабильности северокавказских и южнорусских регионов России.

Для этого — с учетом опыта чеченских кампаний — необходимо поддерживать сотрудничество с Азербайджаном, который граничит с Дагестаном и Чечней. Окончание войны за Нагорный Карабах и размещение в регионе российских миротворческих сил положили конец притоку в район военных действий джихадистов с Ближнего Востока, которые затем могли бы проникнуть на Северный Кавказ. Это не означает, что те из них, которые уже прибыли, не будут перенацелены на другие объекты, но ситуация отчасти разрядилась.

Военное присутствие России в Карабахе требует более тесного взаимодействия с Арменией, являющейся для нее тыловой базой. Из изолированной периферийной части советского и имперского наследия Армения становится одним из опорных пунктов выстраиваемой Москвой системы стабилизации ситуации в Закавказье и одним из факторов во все более тесных отношениях Москвы и Анкары.

Разморозка карабахского конфликта имеет отношение и к **Грузии**. Здесь Москва еще в 1990-е годы встала на защиту бывших грузинских автономий, которые Россия в 2008 году после вооруженного конфликта с Тбилиси из-за Южной Осетии признала независимыми государствами, что в свою очередь привело к разрыву отношений с Грузией. Основной

геополитический интерес России заключается в продолжении блокирования вступления Грузии в НАТО и удерживания Тбилиси от попыток восстановить свою власть в границах бывшей Грузинской ССР.

Это предвещает длительное охлаждение в отношениях. Общеполитическая ориентация Грузии на США и Евросоюз в обозримой перспективе сохранится. Более того, в последнее время в Грузии наблюдается радикализация антироссийской риторики, более тесное смыкание этой страны с антироссийским блоком в Восточной Европе.

Сама по себе эта деградация отношений не представляет угрозы безопасности России, пока Грузия не решится силой вернуть Южную Осетию и Абхазию под свой контроль. Идея восстановления контроля над этими территориями, как в случае Азербайджана и Украины, стала частью государственной идентичности современной Грузии. Пример действий Азербайджана в Нагорном Карабахе может вдохновить те или иные силы в Грузии. Москве придется учитывать, что Тбилиси может рассчитывать на политическую и иную поддержку стран Запада. Нет принципиальных препятствий и для того, чтобы Грузия стала базой для временного или постоянного пребывания вооруженных сил США и НАТО.

Надо также иметь в виду, что нерешенные конфликты Тбилиси с Сухумом и Цхинвалом не являются непреодолимым препятствием для включения Грузии в НАТО. Что же касается возможностей российско-грузинского межгосударственного сотрудничества, то они останутся минимальными, пока не будет согласия в вопросе статуса Абхазии и Южной Осетии — то есть надолго. В этих условиях поддерживать даже неполитические деловые контакты, экономические, культурные и общественные связи с соседним государством будет трудно.

Абхазия и Южная Осетия в обозримом будущем останутся под фактическим протекторатом России, которая сохранит в этих районах военное присутствие. Обе территории не должны рассматриваться как придаток России и подготавливаться к присоединению к РФ. Москва не может допустить здесь реванша Грузии по примеру Азербайджана в Нагорном Карабахе, она будет и дальше посильно помогать их развитию, но при этом должна рассматривать граждан обеих республик как дружественных соседей, но не россиян. Российские паспорта жителей этих республик должны служить гуманитарной цели: обеспечить гражданам Абхазии и Южной Осетии возможность передвижения за границами России.

В отдаленной перспективе России предстоит сыграть важную роль в окончательном урегулировании отношений Сухума и Цхинвала с Тбилиси. Такое урегулирование в принципе может быть основано на юридическом признании Грузией существующего статус-кво, но возможны и другие варианты. Надо, однако, иметь в виду, что амбициозное руководство Турции будет стремиться к определенному присутствию и политическому участию в Абхазии, а также в Грузии — как в Аджарии, так и в стране в целом.

Все российские военные базы за рубежом расположены на южном направлении — в бывших республиках Советского Союза: Азербайджане (Нагорный Карабах), Армении, Киргизии, Таджикистане, а также в Абхазии и Южной Осетии. На этом же направлении, в Сирии, расположены базы российских ВКС (Хмеймим) и ВМФ (Тартус); в 2020 году Москва договорилась с Хартумом о создании материально-технического снабжения ВМФ в Порт-Судане на Красном море. Небольшой воинский контингент дислоцируется в Приднестровье.

Общая цель базовой стратегии России состоит в том, чтобы укреплять безопасность России на наиболее нестабильном и тревожном южном направлении.

В отличие от необходимости поддерживать лояльность государств, принимающих российские базы, задача обеспечивать сохранность тех или иных режимов, как во времена Советского Союза, не ставится. Это позволяет рассчитывать на долгосрочный характер отношений, определяемый совпадением национальных интересов, а не идеологическими или персональными пристрастиями.

Благодаря присутствию российских войск в Абхазии и Южной Осетии Россия фактически располагает буферной зоной, прикрывающей Сочи, и силовым плацдармом, расположенным в часе езды от Тбилиси. О задаче военного присутствия в Нагорном Карабахе и на территории Армении уже говорилось. В Таджикистане и Киргизии у РФ имеются средства быстрого реагирования и опорные пункты для противодействия экстремистам и террористам, способным угрожать России. Нахождение в Сирии на постоянной основе российских военных баз — инструмент борьбы с террористами и экстремистами, весомый фактор в сложных отношениях с Турцией и символ активного участия России в ближневосточных геополитических раскладах.

БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК И СЕВЕРНАЯ АФРИКА

Ближний Восток — родина ислама. Арабские страны, Турция, Иран составляют сердце мусульманского мира. В России ислам является второй, при этом наиболее динамичной религией страны. Поддержание конфессионального мира

между христианами и мусульманами — непереносимое условие единства Российской Федерации. Российская исламская община непосредственно связывает Российскую Федерацию с исламским миром. Пограничные и идеологические барьеры, существовавшие в советский период, более не препятствуют этим связям.

То, что происходит на Ближнем и Среднем Востоке, в других частях мусульманского мира, в том числе в российском ближнем зарубежье, находит отклик в Татарстане и Башкортостане, на Северном Кавказе и в Сибири, а также, конечно, в Москве и других мегаполисах России.

Российские политики федерального уровня, дипломаты и эксперты, военные и разведчики, обладающие тонким пониманием реалий исламского мира, незаменимы не только в реализации, но и в процессе формулирования целей и определения методов стратегии и тактики политики Российской Федерации на огромном пространстве от Марокко до Индонезии. Фатальные ошибки руководства страны, приведшие в 1979 году к военной интервенции в Афганистане, не должны повториться. Опыт Таджикистана, Чечни и Сирии свидетельствует, что афганские уроки усваиваются, политика Москвы становится гораздо более адекватной и как следствие более успешной.

Авторитет, приобретаемый в большом исламском мире российскими мусульманскими богословами, общественными и политическими деятелями — в том числе главами ряда республик в составе РФ, имеет значение для нейтрализации попыток использования ислама в ущерб единству и целостности РФ. Чтобы ислам не становился каналом

распространения влияния других государств на территории России, как это было еще в 1990-е годы, Россия может и должна повышать свое влияние в мировой мусульманской умме. Участие РФ в качестве наблюдателя в Организации исламского сотрудничества — один из путей этого.

Турция и Иран — исторические соседи России — крупные и влиятельные государства Ближнего и Среднего Востока. Население Ирана — 84 млн человек, Турции — 83 млн, что в сумме заметно превышает население России. Иран развивает ядерную программу, а Турция, контролирующая черноморские проливы, располагает самыми крупными вооруженными силами в НАТО после США. Как Анкара, так и Тегеран не скрывают своих геополитических амбиций, охватывающих весь регион и уже выходящих за его пределы. Обе эти страны, влияние которых растет, необходимо принимать всерьез.

Россия поддерживает с обеими державами деловые отношения на основе общих интересов. В отдельных областях речь может идти о партнерских связях. Из-за существенных различий стратегических целей каждая из упомянутых стран может быть разве что ситуативным, временным союзником РФ — как, например, Иран в Сирии. Москва должна предупреждать деградацию отношений с этими странами — бывшими историческими соперниками и противниками Российской империи и СССР, не допуская развития враждебности. В первую очередь это относится к Турции.

Турция — член НАТО, союзник США, но в условиях некоторого ослабления внимания Вашингтона к Ближнему и Среднему Востоку Турция стремится играть роль региональной державы на Ближнем Востоке и в Северной Африке, в Восточном Средиземноморье и на Черном море, в Закавказье и Средней Азии, а также на Балканах.

Автономность турецкой внешней и военной политики по отношению к США отвечает представлениям Москвы о полицентрическом мире, но не ведет к формированию устойчивого российско-турецкого партнерства. Одновременно рост влияния Турции делает ее конкурентом и соперником России в целом ряде регионов.

Российские и турецкие интересы в наибольшей степени совпадают в сфере экономического сотрудничества, в геополитике они иногда соприкасаются, но нередко — как, например, в Сирии и Ливии — сталкиваются. После распада Советского Союза Анкара попыталась распространить свое влияние на бывшие тюркские республики СССР, но у нее не хватило ресурсов и воли для реализации этих амбиций в полном масштабе. Эти ресурсы и воля появились позже.

Отмечаемая с 2010-х годов «османизация» внешней политики Турции означает новый всплеск турецкого экспансионизма, который Москва не может игнорировать. Турецкое влияние на Балканах не должно беспокоить Россию, но попытки распространять его на Северном Кавказе требуют немедленного пресечения, а прямое военное вмешательство Турции в Закавказье чревато военным столкновением России с нею.

Турция состоит в альянсе с Азербайджаном, находящимся с самого начала своей современной государственности в вооруженном конфликте с Арменией, членом ОДКБ. Конфликт из-за Нагорного Карабаха — контролируемой армянами территории, которую Москва продолжает официально рассматривать как часть Азербайджана, — не является поводом для российского военного вмешательства. Российская 102-я военная база, расположенная на территории Армении, служит препятствием на пути возможного вторжения

турецких войск в эту страну. В случае если турецкое руководство все же решится напасть на Армению, Россия не должна и не будет самоустраняться, и вооруженный конфликт между Россией и Турцией, членом НАТО, станет неизбежен. Долгое время это может служить фактором сдерживания, но, если в какой-то момент сдерживание не сработает, конфликт в Карабахе может стать новым «выстрелом в Сараево». В интересах России ни при каких обстоятельствах не допустить такого развития ситуации.

..... *Поддержание отношений с Турцией требует от Москвы сочетания искусства дипломатического торга и убедительной демонстрации «твердой» и «мягкой» силы.*

Учитывая характер нынешнего политического режима в Турции, надо иметь в виду, что главные решения принимаются единолично президентом Турции, а их реализация в решающей степени зависит от состояния турецких вооруженных сил. Любые соглашения и договоренности, заключаемые с Анкарой, требуют тщательного контроля и проверки.

Иран — крупная держава Среднего Востока, потенциально важный экономический партнер России. Геополитические амбиции Тегерана в регионе, однако, Москве чужды. Российская приверженность соглашению по иранской ядерной программе носит принципиальный характер. Москва выступает против дальнейшего распространения ядерного оружия, особенно в регионе Ближнего и Среднего Востока. В меру своих возможностей России есть смысл содействовать нормализации отношений между Ираном и его арабскими соседями, формированию основы системы безопасности в регионе Персидского залива. В случае войны между

Ираном и его противниками — США, Израилем, Саудовской Аравией — Россия должна сохранять нейтралитет и дипломатическими средствами способствовать скорейшему окончанию конфликта.

В перспективе в интересах РФ было бы вхождение Ирана в состав ШОС. Это укрепило бы положение ШОС как ведущей организации безопасности в континентальной Азии. Турцию, остающуюся союзником США и членом НАТО, целесообразно также активнее подключать к работе ШОС, где Анкара состоит наблюдателем. Таким образом ШОС будет приобретать характер организации, объединяющей основные государства континентальной Азии. Участие в ШОС сразу трех великих держав — России, Индии и Китая — делает эту организацию структурно сбалансированной, хотя и усложняет поиск консенсуса.

Арабские страны Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки являются сердцем мусульманского мира, расположившегося вдоль юго-западного геополитического фасада России и заходящего анклавами на территорию РФ. Мирное соседство мусульман и православных христиан составляет основу целостности и устойчивости Российского государства. Приходится, однако, учитывать, что современные социально-экономические и политико-идеологические процессы в арабских странах генерируют региональную нестабильность, порождают угрозу экстремизма и терроризма. Главной целью российского военного вмешательства в Сирии было купирование именно этой угрозы.

В отличие от Советского Союза или современных США, Российская Федерация не ставит и не должна ставить на Ближнем и Среднем Востоке глобальных целей — таких как социальное переустройство местных обществ или превращение стран региона в своих стратегических союзников

в глобальном противостоянии с главным соперником. Сосредоточиваясь на собственном развитии, Россия прежде всего заинтересована в поддержании определенного уровня безопасности в регионе, относительно близком географически, и в использовании потенциальных экономических возможностей.

К стратегическим целям политики РФ на арабском и отчасти ближневосточном направлениях следует отнести:

- сдерживание международного терроризма совместно с партнерами на дальних подступах к российской территории;
- поддержание мировых нефтяных цен на приемлемом уровне посредством координации действий с основными экспортерами нефти и газа в регионе;
- привлечение арабских инвестиций (в основном из стран Персидского залива) в российскую экономику и расширение российского экономического присутствия в арабском мире;
- предотвращение дальнейшего распространения ядерного оружия в регионе;
- укрепление безопасности в регионе Ближнего и Среднего Востока, в том числе путем урегулирования вооруженных конфликтов при важной роли РФ как дипломатического посредника и военно-технического партнера.

Среди арабских стран основными партнерами России являются **Египет** как крупнейшая (с населением 100 млн человек) арабская страна, геополитический и культурный центр всего региона, и **Саудовская Аравия**, в которой находятся главные исламские святыни, крупнейший производитель

нефти и богатейшее арабское государство. Отдельные страны, например **Алжир**, являются крупными покупателями российских вооружений, другие — **Объединенные Арабские Эмираты, Катар** — в последнее время стали источниками инвестиций в российскую экономику.

Отношения с Саудовской Аравией и другими нефте- и газодобывающими государствами Персидского залива оказывают заметное влияние на политику России на мировых энергетических рынках. Интересы Москвы и Эр-Рияда временами совпадают, что позволяет заключать договоренности по квотам на добычу нефти, способные поддержать мировые энергетические рынки. При этом надо иметь в виду, что любые соглашения такого рода, как и сближение на базе параллельных частных интересов, являются изначально непрочными из-за фундаментальных различий в геополитических интересах России и Саудовской Аравии на Ближнем и Среднем Востоке, приоритетного значения для Эр-Рияда отношений с США, военно-технического сотрудничества России с Ираном, а также различных конъюнктурных факторов. Аналогичные проблемы присутствуют в отношениях с Катаром — крупнейшим производителем природного газа и важным иностранным инвестором в России.

В результате начатой в 2015 году и успешно проведенной военной операции российских ВКС в **Сирии** противники президента Башара Асада из числа международных террористов, джихадистов и местной вооруженной оппозиции были в основном разгромлены. На территории Сирии остался единственный крупный анклав этих сил — Идлиб. Напротив, усилия Москвы по политическому урегулированию ситуации в Сирии и восстановлению разрушенной войной страны принесли пока очень ограниченные результаты. Статус-кво в Сирии и объем необходимых ресурсов для

его поддержания в целом приемлемы для России, но существует постоянная угроза обострения ситуации в результате действия региональных и внерегиональных сил.

Сирия превратилась в базу российского военного, политического, разведывательного присутствия на Ближнем Востоке. Сохранение и укрепление такой позиции (включая функционирование военно-воздушной и военно-морской баз) делает Россию одним из ведущих игроков на Ближнем Востоке, что дает Москве возможность влиять на процессы в регионе. Это обстоятельство заставляет российское руководство точнее определиться с целями и стратегией российской региональной политики.

Представляется, что главной целью политики РФ на Ближнем и Среднем Востоке должно стать обеспечение безопасности страны и ее союзников на южном стратегическом направлении. Это требует физического присутствия в регионе и поблизости от него, сотрудничества с различными региональными силами, интересы которых параллельны российским, хорошего знания быстро меняющейся обстановки в арабском мире.

... Чтобы политика России была эффективной, страна должна руководствоваться прежде всего собственными интересами, а не интересами клиентов, даже таких близких, как президент Сирии Башар Асад.

Необходимо поддерживать контакты со всеми значимыми игроками, включая враждующие страны — такие как Израиль и Иран, заключать тактические союзы (наподобие «астанинской тройки» Россия — Иран — Турция) для достижения важных конкретных целей, быть способной к сложному политическому торгу и посредничеству.

Встает вопрос о средствах ведения такой политики. Наряду с традиционными инструментами — дипломатией, экономическим сотрудничеством, военной силой, торговлей оружием — у России по примеру США в последние годы появился новый инструмент — частные военные компании.

Парадоксально, что эти компании не имеют юридической основы для деятельности внутри России. В то же время они при содействии и согласии российских властей активно действуют за пределами страны. Это открывает возможности, но и создает проблемы, которые требуют решения.

С точки зрения возможностей Россия может играть роль поставщика безопасности не только на межгосударственном уровне, но и на уровне частно-государственном. Такие отношения — между российской компанией и иностранным государством — должны, однако, опираться на правовую базу, как национальную, так и международную. Пока этой базы внутри страны не существует.

Чтобы возможности перекрывали проблемы, российским ЧВК следует соблюдать определенный свод правил и принципов: их деятельность не должна противоречить интересам Российской Федерации или подвергать риску эти интересы. В рамках отношений частно-государственного партнерства между ЧВК и российскими властями стороны должны быть связаны взаимными обязательствами и выполнять соответствующие обязанности. Нельзя допустить, чтобы авантюрные решения и бесконтрольные действия ЧВК вовлекли Россию в международный конфликт. Нельзя также допускать ситуации, когда государство негласно попустительствует военно-коммерческим операциям своих граждан, а в случае неудач или потерь просто отмежевывается от них или делает вид,

что ничего не происходит. Эти проблемы необходимо решить прежде, чем конфликт с участием российских ЧВК приведет к очередному кризису. Американский военный удар в Сирии по отряду российской ЧВК в феврале 2018 года, приведший к жертвам среди сотрудников компании, в том числе граждан РФ, должен стать предупреждением.

Для православных русских людей Ближний Восток — это родина христианства, место, где расположена Святая земля. Российская Федерация не претендует, в отличие от Российской империи, на то, чтобы взять под покровительство всех православных христиан, но российскому обществу, Русской православной церкви судьба христиан на Ближнем Востоке небезразлична. Активно действует в этом направлении российское Императорское православное палестинское общество.

Для российских мусульман Аравия — родина ислама. Тысячи паломников из Поволжья, других регионов России ежегодно совершают хадж в Мекку. Сотни российских студентов обучаются в Университете аль-Азхар и других исламских учебных заведениях региона. Многочисленными нитями российская исламская умма связана с мусульманами Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки. Эти обстоятельства создают особый фон для внешней политики Москвы в регионе. Уникальное место в российской политике в регионе занимает Израиль.

Израиль для России — единственное в своем роде технологическое высокоразвитое государство, союзник США, значительная часть населения которого имеет российские корни, говорит пока что по-русски и в целом нейтрально-дружественно расположено к современной России. Значительная часть еврейской общины СССР переехала в Израиль, но евреи, оставшиеся жить в России, являются еще одним связующим звеном между двумя странами и обществами.

Москва с пониманием относится к политике безопасности Израиля. Как член «ближневосточного квартета» наряду с США, ЕС и ООН, Россия участвует в процессе израильско-палестинского урегулирования. Взгляды Москвы и Иерусалима на ситуацию в регионе далеко не во всем совпадают, но российско-израильский диалог отличается откровенностью, конкретностью и поэтому всегда полезен. России необходимо продолжать строить отношения с еврейским государством исключительно на основе совпадающих или параллельных интересов двух стран.

Несмотря на эмиграцию большей части советских и российских евреев в Израиль, США, Германию и другие страны, **иудаизм** — одна из четырех признанных в России традиционных религий. Сотрудничество с еврейским государством и еврейскими общинами по всему миру, особенно в США, — одно из важных направлений российской внешней политики. Понимание необходимости развития отношений с мировым еврейством пришло еще к Сталину в ходе Второй мировой войны. В 1948 году СССР стал первым государством, признавшим независимость Государства Израиль. Президент Путин последовательно выстраивает партнерские отношения не только с Государством Израиль, но и с религиозным и светским еврейством по всему миру. День памяти холокоста стал официально отмечаться в России.

Память о холокосте и благодарность Красной армии как спасительнице еврейского народа от полного уничтожения укрепляют фундамент российско-израильских отношений, которые необходимо всячески оберегать и углублять. Эта память также и противоядие от распространенного в Российской империи и Советском Союзе антисемитизма, как государственного, так и бытового.

АФРИКА И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

В 2010-е годы российская внешняя политика вновь приобрела глобальный характер. Для Москвы нет неинтересных регионов. Вернее, конкретные интересы у страны могут быть в любой точке мира. Это не прежний военно-идеологический глобализм. Россия не стремится мериться силами с США и разбрасываться в таком соперничестве огромными средствами, как бывший СССР. В отличие от Советского Союза, для Москвы далекие страны интересны не с точки зрения вложения денег ради продвижения дела коммунизма или с целью приобретения дополнительных очков в противостоянии с американским империализмом, а, наоборот, с целью поиска новых возможностей для «делания денег».

Этой науке, впрочем, еще надо учиться. Конечно, не все действия России на международной арене приносят коммерческую выгоду. Операция в Сирии, безусловно, не относится к числу бизнес-проектов. Тем не менее успешные действия российских ВКС в Сирии укрепили престиж России на Ближнем Востоке и вызвали интерес к развитию отношений с Москвой в богатых нефтью и газом арабских странах Персидского залива. Решения Катара и ОАЭ об инвестировании в российские фонды и проекты и сотрудничество между Москвой и Эр-Риядом в регулировании рынка нефти имеют некоторое отношение к действиям РФ в Сирии.

Россия — страна незападная. Об этом уже говорилось, но здесь вводится понятие «незапад». В отличие от Запада,

«незапада» как официального сообщества не существует. Это просто часть человечества за пределами западного сообщества — Северной Америки, Европы, Японии, Австралии и еще нескольких стран.

Тем не менее у стран «незапада», в том числе у России, есть некоторые общие черты, пересекающиеся интересы, какие-то исторические связи и в ряде случаев близкие подходы к международным проблемам.

В этом разделе речь пойдет о возможной политике Москвы в отношении стран только двух больших регионов — Африки (к югу от Сахары) и Латинской Америки. Отношения с другими незападными странами уже обсуждались в разделах, посвященных Азии, Ближнему и Среднему Востоку и Северной Африке.

Не россиянин выдумал аббревиатуру БРИК. Россия, однако, постаралась превратить организацию в форум и систему связей. **БРИКС**, объединяющая наряду с Россией, Индией и Китаем также Бразилию и ЮАР, стала глобальной платформой, своего рода ответом «незапада» «группе семи». После 2014 года, когда Россию исключили из «восьмерки», Москва утратила уникальное положение члена одновременно самых престижных западного и незападного клубов. Жалеть об этом не стоит и возвращаться в «семерку», где Россия всегда была чужой и находилась фактически на положении младшего участника, нет смысла, тем более на условиях каких-то принципиальных уступок. Участие в БРИКС для России более органично, и в этом формате роль Москвы значительно активнее и продуктивнее. Роль глобального интегратора повесток дня сохраняет ООН, а в экономической и финансовой сфере — «группа двадцати».

Как ШОС и РИК, БРИКС для Москвы не только клуб, в котором она играет ведущую роль и в котором отсутствуют враждебные западные державы, но и вызов.

Из критика доминирующей роли Запада, то есть из мировой оппозиции, Москва превращается — наряду с Пекином, Дели, Бразилиа и Преторией — в заказчика, архитектора, строителя новой системы международных политических, экономических, экологических, гуманитарных отношений, причем на глобальном уровне.

БРИКС становится центром притяжения для многих незападных стран, и это создает дополнительные вызовы, но именно они способны помочь стране подняться на уровень одного из лидеров в решении глобальных проблем.

В более узком плане БРИКС предоставляет России возможность постоянного контакта по широкому кругу вопросов с ведущими державами Африки и Латинской Америки. В **Африке** Россия еще может отчасти опираться на наследие советских времен. Африканский национальный конгресс — правящая партия ЮАР после передачи власти в 1994 году черному большинству — был союзником СССР во времена режима апартеида, жестко противостоявшего коммунизму и национально-освободительному движению. Как крупнейшая и наиболее развитая экономика Африки, ЮАР, обладающая также богатыми природными ресурсами, представляет интерес для российского бизнеса — от горнорудных компаний до банков и производителей оружия.

ЮАР, ведущая страна юга Африки, расположена рядом с другими бывшими клиентами Москвы — Анголой, Намибией, Зимбабве и Мозамбиком. В некоторых из них у российских компаний есть интересы, и ЮАР могла бы стать

базой для российской экономической активности в этой части Африки. Многие другие страны Черного континента также могут быть интересны российскому бизнесу, особенно горнякам, оружейникам и специалистам в области обеспечения безопасности.

..... Договоренность о создании пункта ВМФ в Судане обнаруживает стремление Москвы создать «точку входа» в центральную часть континента. В то же время у России нет причин втягиваться в борьбу за Африку, в которой уже сегодня активно участвуют США, Китай и бывшие колониальные метрополии — члены Евросоюза. Российские интересы здесь коммерческие и точечные.

Латинская Америка в период холодной войны рассматривалась в Москве прежде всего как уязвимое место в непосредственном окружении главного противника — США. Сегодня США вновь потенциальный противник России, но Латинская Америка сильно изменилась, а нынешние военно-технические возможности позволяют соперничающим государствам держать друг друга на прицеле, находясь на значительном удалении.

Тем не менее советское наследие не утратило полностью своей ценности для Москвы и сегодня. С Кубой, где коммунистический режим пережил уход своих основателей, сохраняются традиционно дружественные, хотя уже не столь близкие, отношения. Несмотря на то, что РФ еще в 2001 году закрыла разведывательный центр на Кубе, геополитическое положение острова, находящегося вблизи территории США, все еще имеет для Москвы некоторое значение. С Кубой связаны и определенные надежды россиян, в частности, в сфере экономики.

Никарагуа — страна, где у власти также находятся левые силы, для российского бизнеса неинтересна, а в качестве стратегической базы неудобна. Признание со стороны Никарагуа независимости Абхазии и Южной Осетии имело минимальное значение. Китайский проект прокладки канала из Тихого океана в Атлантику через территорию Никарагуа, который обсуждался в 2010-е годы и в рамках которого РФ могла бы взять на себя функцию обеспечения безопасности, впоследствии утратил актуальность.

Некоторые надежды, появившиеся в связи с приходом к власти левых режимов в Эквадоре и Боливии, не смогли реализоваться. Левый блок в составе Боливии, Венесуэлы, Кубы, Никарагуа и Эквадора не сложился. В отличие от советских времен левизна сама по себе, конечно, сегодняшнюю Россию не привлекает. Москву интересуют прежде всего экономические возможности. Венесуэла с ее огромными нефтяными запасами не является частью наследия советской политики, и преемственность поддержки левых режимов здесь далеко не главное. «Роснефть» серьезно вложилась в страну, но безопасность этих вложений зависит от сохранения политического режима в Каракасе. На венесуэльском направлении Москва демонстрирует готовность идти на значительный риск ради экономической выгоды. Насколько оправданной окажется эта линия, покажет будущее. С обострением конфронтации с США подобные шаги будут, очевидно, еще более рискованными и ведущими скорее к потерям, чем к выгоде.

Бразилия — крупнейшая страна Латинской Америки. Она превосходит Россию по населению на треть (210 млн человек) и сопоставима по уровню ВВП. Для развития российско-бразильских отношений существуют условия во многих областях. В то же время присутствуют и существенные

ограничения. Экономики обеих стран в основном сырьевые и скорее однотипны, чем взаимодополняемы. В политическом и военном отношении Бразилия — союзник США. Не подходит португалоязычная Бразилия и в качестве базы для развития связей со странами Латинской Америки. В этом, впрочем, нет необходимости. У Москвы давние отношения со многими странами региона — от Аргентины до Мексики (которые, кстати, наряду с Бразилией являются членами «двадцатки»).

Отношения России с испаноязычной Америкой могут опираться на взаимные симпатии обществ, а также на отсутствие конфликтов и разногласий в прошлом. В то же время экономическая база отношений будет оставаться узкой из-за сравнительно короткого списка товаров российского экспорта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Идея равновесия в быстро меняющемся мире — важнейшая интеллектуальная основа российской внешней политики 2020-х годов.

.....
Равновесие внутри страны (базовое согласие в вопросах внешней политики), в отношениях с соседями (добрососедство), со всеми странами мира (самостоятельность) — вот что должно стать руководящими принципами российской внешней политики.

Это также идея равновесия в Евразии — большом континентальном соседстве нашей страны — и в мире в целом, где Россия в меру сил и в строгом соответствии со своими интересами должна способствовать становлению такого порядка, при котором никакая держава не сможет стать единоличным гегемоном, а сверхдержавы не смогут разделить мир на противостоящие друг другу блоки и возглавить их, как это было в годы холодной войны.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ

Стратегическое целеполагание в сфере внешней политики — одна из важнейших функций главы государства. Конституция наделяет Президента Российской Федерации правом и обязанностью определять внешнеполитический курс государства. Президент по Конституции является также Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Российской

Федерации. Президент председательствует в Совете безопасности РФ, где обсуждаются важнейшие актуальные и перспективные вопросы внешней политики. Ему напрямую подчинены члены правительства, отвечающие за проведение внешней и военной политики: министры иностранных дел и обороны, руководители служб безопасности и внешней разведки и другие высшие чиновники. Глава государства председательствует в Совете безопасности РФ, в который входят также руководители министерств экономики и финансов, председатели обеих палат парламента. Президент утверждает основные документы в сфере внешнеполитической деятельности — Концепцию внешней политики РФ, Концепцию национальной безопасности РФ, Военную доктрину РФ, государственные стратегии по отдельным направлениям.

Президент Владимир Путин не только по Конституции, но и на практике лично руководит российской внешней и военной политикой. Помимо того что президент является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами РФ и другими войсками, он возглавляет Совет обороны РФ. Важнейшие решения в этой области — например, о взятии в 2014 году тогда еще украинского Крыма под контроль российских военных, а затем о проведении референдума о присоединении Крыма к Российской Федерации и о начале в 2015 году военной операции в Сирии — президент принимает сам, и эти решения часто неожиданны не только для противников России или населения страны, но и для ближайших сотрудников самого президента. В стиле правления Путина много от специфики проведения спецопераций, что понятно, учитывая его профессиональную подготовку и опыт работы. В то же время в его внешней политике немало и от поведения традиционного русского самодержца,

который смотрит на международную политику сквозь призму своих личных отношений с первыми лицами разных государств.

Все проходит. В отличие от наследственной императорской власти (и от конституционной), реальная власть, которой обладает Владимир Путин, не может быть полностью передана избранному им и утвержденному избирателями преемнику. Транзит власти, который с большой вероятностью произойдет в 2020-е годы, не может не стать важным испытанием для российской политической системы.

Обычно после ухода сильного многолетнего правителя полномочия высшей власти поначалу распределяются между несколькими институтами. В нашем случае — между главой государства и его аппаратом (Кремлем), правительством и соответствующими профильными министерствами, парламентом (Государственной Думой и Советом Федерации), различными советами (безопасности, Госсоветом и др.). Такое первоначальное разделение властных полномочий традиционно для России после ухода вождя или доминантного руководителя: Ленина, Сталина, Хрущева. Спустя некоторое время преемник или кто-то удачливый и ловкий после него становится полновластным хозяином страны.

Возможно, так и будет и после Путина. Но есть и другие варианты. Если на этот раз или в будущем на смену вождистской, персоналистской по своей сути власти придет власть, которая в большей степени, чем сегодня, будет готова или вынуждена опираться на институты, процесс формирования и реализации внешней политики страны усложнится. Никакая институализация, конечно, не сделает президента РФ первым среди равных в своей стране: как объединяющая и ответственная за общеполитический курс фигура, глава российского государства по-прежнему будет стоять

выше органов законодательной, исполнительной и судебной власти. Этот современный монарх, однако, может быть в будущем ограничен — не только Конституцией, но и традицией — в сроках пребывания у власти, а назначение преемника из глубоко личного и тайного дела действующего президента может стать результатом не только межэлитного соглашения, но в конечном счете свободного выбора граждан страны.

Эти ограничения коснутся и определения политического курса. Президент России в любом случае останется верховным стратегом, главкомом и главным дипломатом страны. В то же время возможно в перспективе укрепление позиции председателя правительства, опирающегося на поддержку Государственной Думы, возрастание роли парламента как аккумулятора и модератора различных групповых интересов, усиление позиций регионов-доноров. Также неизбежная, по-видимому, перестройка партийно-политической системы страны увеличит количество игроков, которые будут стремиться в силу своих интересов или убеждений влиять на внешнюю политику. В первую очередь, конечно, на ее экономический, финансовый и гуманитарный аспекты. При этом, разумеется, важно обеспечивать согласие в области целеполагания, единство большой стратегии и координацию конкретных усилий.

Более четкое формулирование групповых или секторальных интересов приведет к тому, что политические партии и парламентские фракции нового образца будут иметь более определенную позицию по многим вопросам, в том числе относящимся к внешней политике страны. Даже оставаясь в целом лояльными Кремлю, различные думские партии будут пытаться более активно воздействовать на конкретные аспекты правительственного курса, включая

внешнеэкономические и политические. В этих условиях абсолютно необходимо, чтобы при всех различиях частных интересов был достигнут и поддерживался устойчивый межпартийный консенсус по коренным вопросам внешней политики на основе национальных интересов.

... В России не должно быть «американской», «китайской»,
 ... «европейской», а также «армянской», «азербайджанской»
 ... или каких-то иных подобных партий.

В будущих внешних сношениях России более активную роль станут играть, по-видимому, крупные регионы: Москва и Санкт-Петербург с окружающими их областями, Татарстан, Краснодарский край, Урал, а также пограничные территории — Калининградская область, Крым и Севастополь, Сахалин, Ростовская область, северокавказские республики, южные области Сибири, Дальний Восток и др. Их специальные интересы должны быть гармонизированы и интегрированы в общенациональный интерес. Их уникальные возможности — например, связь с важными мировыми сообществами, как у мусульман Поволжья и Северного Кавказа, или выход на важные регионы — АТР для Тихоокеанской России, Северную Европу для русской Прибалтики от Калининграда до Петербурга, Арктику для Мурманска и Архангельска и так далее — должны использоваться для развития не только отдельных российских регионов, но и страны в целом. При этом, разумеется, внешнеполитический сепаратизм — попытки налаживания на уровне регионов эксклюзивных политических контактов с другими государствами — категорически не допускается. Согласование интересов, связанных с общением с внешним миром, будет, по-видимому, происходить и в рамках Государственного совета.

Аналогичный подход применим к дипломатии городов. Не только упомянутые как субъекты Федерации Москва и Санкт-Петербург, но и другие крупные города — Казань, Нижний Новгород, Воронеж, Ростов-на-Дону, Екатеринбург, Новосибирск, Иркутск — активно развивают гуманитарные, научные и культурные связи с иностранными государствами на уровне муниципалитетов, в том числе через институт породненных городов. Все они имеют международные аэропорты, в некоторых городах расположены представительства МИД РФ и иностранные консульства. Города поддерживают прямые контакты с внешним миром. Фактически это ключевой уровень народной дипломатии.

Российский сверхкрупный и крупный бизнес интегрирован в мировую экономику. Государственные корпорации — «Газпром», «Роснефть», «Росатом», «Сбер», «Российские железные дороги», «Роскосмос», а также частные компании — «Лукойл», «Норильский никель», «Северсталь», «Евраз», «Яндекс» и другие — имеют активы и серьезные коммерческие интересы за рубежом. В числе их акционеров много иностранцев. Госкорпорации, кроме того, являются важными инструментами российской внешней политики. Особенно наглядно это видно на примере «Газпрома» и «Роснефти». Двойственная — государственная и коммерческая — природа госкорпораций, которые, служа интересам государства, одновременно должны зарабатывать прибыль для своих акционеров, в том числе иностранных, приводит к неизбежным столкновениям интересов. Эта неустраняемая конфликтность требует механизма сопряжения интересов, гарантирующего, что в результате принятия тех или иных решений национальный интерес не пострадает. Частью такого механизма является Российский союз промышленников и предпринимателей — своего рода профсоюз

сверхкрупного бизнеса, а также другие предпринимательские союзы — крупного, среднего, мелкого бизнеса.

В обозримом будущем фрагментация глобальной экономики усилится. Санкции против России станут более жесткими. Иностранных инвестиций будет меньше. По ряду причин — от «зеленой политики» ЕС до растущей самообеспеченности Турции — эти важнейшие рынки российских углеводородов будут потреблять существенно меньше газа и нефти. Китайский рынок не в состоянии возместить эти потери. Российской экономике, вероятно, предстоит развиваться (и при этом диверсифицироваться) в большей степени на собственной базе и в пределах национального рынка и рынка стран ЕАЭС. Это потребует коренного изменения экономической политики. В будущем, вероятно, вырастет роль российского крупного и среднего бизнеса, а также малых и средних предприятий, у которых также будут интересы, связанные с внешнеэкономическими связями. Объединения, подобные «Деловой России» и «Опоре России», также должны быть включены в процесс консультаций с правительством по внешнеэкономическим вопросам.

Серьезной проблемой в этой связи является то, что подавляющее большинство крупных российских корпораций — не только частных («Яндекс», «Русал» и «Интеррос» как собственники «Норникеля»), но и государственных («Газпром», «Роснефть») зарегистрированы за рубежом. Даже если головная компания расположена на территории РФ, большинство собственников находятся за пределами страны. Такая схема оправдывалась в свое время тем, что из-за рубежа легче привлекать инвестиции, получать необходимые технологии и т. д. В условиях обостряющегося соперничества и даже конфронтации между государствами такое положение создает существенный фактор уязвимости, что

демонстрируют, например, санкции США против «Русала», ГАЗа, за которыми могут последовать меры, направленные против других компаний.

Важнейшей геэкономической задачей российской власти является деофшоризация экономики страны, перевод государственных корпораций в российскую юрисдикцию, а также создание условий для привлечения в Россию частных российских компаний. Для многих из тех, кого принято называть олигархами, это будет судьбоносный выбор. Успех всего предприятия будет зависеть от того, удастся ли властям создать в стране систему прозрачных и независимых от внешнего давления судов. Чтобы одна часть элиты — бизнес — перестала вывозить огромные средства из страны, нужно, чтобы другая часть — условно консервативные силовики — обеспечила безопасность ведения бизнеса в стране. Без прочного доверия к отечественной судебной системе никакой деофшоризации и дедолларизации экономики не получится.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО

Усложнение внешнеполитических задач создает более высокие требования к качеству российского внешнеполитического сообщества. Россия обладает одним из лучших в мире корпусом дипломатов и разведчиков, а также квалифицированными международными юристами, экономистами, экспертами по различным регионам и странам, журналистами и другими знатоками и деятелями внешней политики. Часть из них состоит на государственной службе, но многие работают в частных компаниях, Российской академии наук, всевозможных исследовательских и научных центрах, периодических изданиях и т. д. Посредством различных закрытых

докладов и записок, путем участия в советах при профильных министерствах и ведомствах (МИД, Совете безопасности РФ и др.) члены этого сообщества консультируют российские власти, а иногда привлекаются в качестве советников для практической работы в составе делегаций и посольств.

В России сфера государственной службы и созданный и поддерживаемый государством аналитический аппарат, как правило, взаимодействуют, не переходя институциональных границ. Это отличается от ситуации «вращающихся дверей» в США, где амбициозные аналитики становятся на время госслужащими, а затем возвращаются в аналитику, ожидая следующего возможного призыва на госслужбу. Положение, существующее в России, ближе к модели, принятой в большинстве стран мира. Импорт американской модели вряд ли мог быть продуктивен из-за очевидных различий в структурах двух обществ. В этих условиях полезны были бы взаимные стажировки дипломатов и менеджеров, правительственных и неправительственных аналитиков и т. д.

В то же время ситуация, при которой российские парламентские партии, в отличие, например, от германских, не видят необходимости развивать собственные экспертные ресурсы, занимающиеся вопросами внешней политики, вероятно, будет меняться с развитием российской политической системы. В таком случае парламент может превратиться в более серьезного и самостоятельного партнера правительства в реализации внешней политики страны.

Вне системы госслужбы российское внешнеполитическое сообщество представляет собой несколько ассоциаций: Российский совет по международным делам, Совет по внешней и оборонной политике, Фонд Горчакова и ряд других. В системе Российской академии наук действует целый ряд институтов, изучающих внешний мир и международные

отношения, — Институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова, институты, занимающиеся изучением всех регионов мира: Дальнего Востока и Северной Америки, Азии и Европы, Африки и Латинской Америки. Существует ряд аналитических центров, в том числе Институт международных исследований при МГИМО МИД РФ, соответствующие подразделения в Высшей школе экономики, в МГУ и других университетах, а также Российский институт стратегических исследований, Институт стран СНГ, Центр анализа стратегий и технологий и ряд других организаций. Издается несколько профессиональных журналов: «Россия в глобальной политике», «Международная жизнь», «Международные процессы».

Эта внесистемная часть сообщества — среда, в которой внешняя политика страны не вырабатывается и не осуществляется, но отслеживается и оценивается. Здесь находится источник экспертных исследований, аналитической информации, а также не связанный бюрократическими ограничениями генератор пригодных для практического применения идей, касающихся отечественной внешней политики. Эту функцию сообщество выполняет по давней традиции. Сообщество, однако, не только коллективный штатный или внештатный советник, но по идее и критик — обычно конструктивный — реально осуществляемого внешнеполитического курса. Эта роль благожелательного, но строгого критика не менее важна, чем роль советника. Явно политизированная или идеологически окрашенная критика предсказуема и поэтому не особенно ценна. Однако даже в условиях широкого внешнеполитического консенсуса между основными политическими силами и направлениями есть поле для серьезного разбора и заинтересованной критики официального курса с позиций национальных интересов. В дальнейшем

в условиях эволюции политической системы это поле существенно расширится.

Деятельность сообщества, однако, направлена не только по вертикали — на различные уровни и ветви власти, но и по горизонтали — на бизнес, систему образования, СМИ, общество в целом. В условиях усиления глобальной конкуренции стране необходимо постоянное воспроизводство высококвалифицированных экспертов по различным аспектам международных отношений. Это касается не только Москвы, где сегодня сосредоточена основная масса экспертов, но и практически всех регионов страны, все больше вовлекаемых в отношения с внешним миром. Федеральные и региональные университеты, торгово-промышленные палаты, местные средства массовой информации могли бы стать центрами исследований и аналитики, квалифицированного обсуждения проблем и просвещения региональных элит и общества. Для того чтобы добиться синергетики усилий, на региональном уровне могли бы создаваться общественные центры или советы по международным отношениям.

ПОСТСКРИПТУМ: ОБРАТИТЬ ТЯЖЕЛОЕ ИСПЫТАНИЕ НА ПОЛЬЗУ СТРАНЕ

Наконец, последнее соображение, касающееся уже ближайшего будущего. Попытка России выйти из нынешней конфронтации по примеру холодной войны — фактически капитулируя перед США и затем подчинившись их воле — означала бы, скорее всего, новую внутреннюю смуту и очередную гибель российского государства. В отличие от холодной войны, в нынешнем гибридном противоборстве речь идет не о том, чтобы победить США и установить в Америке

свои порядки, а о том, чтобы отстоять самостоятельность России и защитить ее интересы. Гибридная война — длительное и опасное состояние, чреватое возможностью столкновений, которые могут эскалировать вплоть до ядерной войны. В обозримом будущем нет ничего важнее, чем предотвратить такие столкновения, а если они произойдут, немедленно купировать их.

Конфронтация с Западом — это тяжелое испытание, которое может, однако, помочь России выйти на новую, более высокую орбиту: не в смысле роста влияния нашей страны в мире, а с точки зрения ее внутреннего развития.

⋮ *Для того чтобы успешно бороться с Америкой, страна*
 ⋮ *должна быть очень здоровой, сильной и крепкой.*
 ⋮

В годы холодной войны соревнование с США стимулировало развитие страны, и не только в сфере вооружений. Сейчас Россия страдает от многих политических, экономических, социальных, душевных недугов. Страна колоссально недоиспользует имеющиеся у нее ресурсы и возможности: мешает сложившаяся после распада СССР бюрократическо-олигархическая система, выстроенная на культе денег.

Под постоянно усиливающимися санкциями и информационным давлением Россия, однако, будет вынуждена либо дать возможность реализоваться талантам и способностям, которые сегодня находятся под спудом сырьевой политэкономической модели, либо вновь потерпеть поражение — с гораздо более тяжелыми последствиями, чем на исходе 1980-х — в начале 1990-х. Необходимо политическое равновесие на платформе патриотического согласия и на идеях права и справедливости, реализуемых на практике. Если инстинкт самосохранения не окончательно

утрачен в российском народе и в его правящем слое, то этот выбор очевиден.

Такой выбор, в свою очередь, потребует смены значительной части политической элиты, переформатирования всего политического класса, а от патриотических или, если угодно, национальных сил — как консервативного, так и либерального и левого направлений, — пришедших на смену людям, ориентированным только на себя, проведения новой экономической и социальной политики. Пока серьезная трансформация еще впереди, есть смысл обсудить ключевые проблемы и наметить пути их решения. Что касается политики внешней, то автор надеется, что ее контурная карта, намеченная в третьей части этой книги, может послужить материалом для обсуждения.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Например, известный американский политолог, президент Совета по международным отношениям Ричард Хаасс. См.: Richard Haass. *A World in Disarray. American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order*. Penguin Press: N.Y., 2017.
2. Hedley Bull. *The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*. Columbia University Press: N.Y., 1977.
3. Henry Kissinger. *World Order*.
4. Цымбурский В. Л. Конъюнктуры Земли и времени. — М.: Европа, 2011.
5. Автор не избежал влияния господствовавших настроений тех лет. См.: Тренин Д. Интеграция и идентичность. Россия как «новый Запад». — М.: Европа, 2006.
6. Полковник Васин созвал свой полк / И сказал им: Пойдем домой. / Мы ведем войну уже семьдесят лет, / Нас учили, что жизнь это бой, / Но по новым данным разведки, / Мы воевали сами с собой («Полковник Васин», группа «Аквариум»). <https://reproduktor.net/gruppa-akvarium/poezd-v-ogne>.
7. См. на этот счет признание сталинского наркома иностранных дел (1939–1949) Вячеслава Молотова. В кн.: Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым. — М.: Терра, 1991.
8. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. — М.: Алгоритм, 2018.
9. Бисмарк Отто фон. Мысли и воспоминания. В трех томах. — М.: ОГИЗ, 1940. — Т. 2. — С. 243.
10. Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство. — М.: Эксмо, 2007.
11. Владимир Путин. Выступления и интервью 2014–2020 гг.
12. Например, писателя и политика Захара Прилепина в 2020 г.
13. Владимиром Жириновским, Юрием Лужковым и другими.
14. Иппо С. Б. Москва и Лондон. Исторические, общественные и экономические очерки и исследования. М.: Университетская типография, 1888.

15. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Книга третья. — М.: Мысль, 1993. — С. 58.
16. Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. Глазами современников и потомков. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2013.
17. Розанов В. В. Уединенное. — М.: Политиздат, 1990. — С. 393.
18. https://www.washingtonpost.com/world/national-security/obama-dismisses-russia-as-regional-power-acting-out-of-weakness/2014/03/25/1e5a678e-b439-11e3-b899-20667de76985_story.html.
19. Данные Всемирного Банка и ООН.
20. Цит. по: Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Книга третья, с 250.
21. Цит. по: <http://ekaterina-ii.niv.ru/ekaterina-ii/history/vinogradov-diplomatiya-ekateriny-velikoj.htm>.
22. Статья Путина о Второй мировой войне. 2020 год. <http://kremlin.ru/events/president/news/63527>.
23. Данные СИПРИ. https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-04/fs_2020_04_milex_0_0.pdf.
См. также высказывание министра обороны РФ С. К. Шойгу. <https://www.interfax.ru/russia/689202>.
24. The World Bank; International Monetary Fund.
25. <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2019/12/19/819009-nezametnoe-gosudarstvo>.
26. Данные СИПРИ. https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-04/fs_2020_04_milex_0_0.pdf.
27. По данным Министерства обороны РФ за 2019 г. <https://www.interfax.ru/business/700388>.
28. История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. — М.: Международные отношения, 1997.
29. Ежегодник Большой советской энциклопедии. Вып. 34. М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 7–11.
30. В 1990-е гг. резкое падение рождаемости в России сочеталось с быстрым ростом смертности и существенным сокращением продолжительности жизни, особенно мужского населения.

31. Рейтинг университетов мира Times Higher Education. <https://www.educationindex.ru/articles/university-rankings/times-higher-education/>.
32. История внешней политики России. XVIII век. — М.: Международные отношения, 1998. — С. 99.
33. Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. 1890 год.
34. Бисмарк Отто фон. Мысли и воспоминания. В трех томах. — М.: ОГИЗ, 1940.
35. Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. В двух томах. — М.: Наука, 1991.
36. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. В двух томах. — М.: Книжный Клуб 36.6, 2011.
37. Соловьев В. С. Избранное. — М.: Советская Россия, 1990.
38. Путин В. В. Россия на пороге третьего тысячелетия. // Независимая газета. 1999. 30 дек.
39. Е. М. Примаков.
40. Например, С. А. Караганов.
41. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. Книга вторая. — М.: Мысль, 1993. — С. 389.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

42. Корниенко Г. М. Холодная война. Свидетельство ее участника. — М.: Международные отношения, 1994. — С. 261.
43. 26 сентября 1983 г. произошло ложное срабатывание спутниковой системы предупреждения о ракетном нападении «Око», едва не приведшее к ядерной войне.
44. Беседа автора с А. Л. Адамишиным 14 октября 2020 г.
45. Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Глазами маршала и дипломата. — М.: Международные отношения, 1992. — С. 16.
46. Юрий Владимирович Андропов (1914–1984) — председатель Комитета государственной безопасности СССР (1967–1982), член Политбюро (1973–1984) и Генеральный секретарь ЦК КПСС (1982–1984); Андрей Андреевич Громыко (1909–1989) — член Политбюро ЦК КПСС (1973–1988) и министр иностранных дел СССР (1957–1985); Дмитрий Федорович Устинов

- (1908–1984) — член Политбюро, министр обороны СССР (1976–1984). Со второй половины 1970-х гг., в период болезни и ограниченной трудоспособности Л.И. Брежнева, Генерального секретаря ЦК КПСС (1964–1982), эти три руководителя фактически определяли политику безопасности, оборонный и внешний курс СССР.
47. Taylor Downing. 1983. *The World at the Brink*. L.: Abbacus 2018.
 48. Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника. — М.: Международные отношения, 1994. — С. 190.
 49. Черняев А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991. — М.: РОССПЭН, 2008. — С. 663.
 50. Там же, с. 696–697. (Записи от 4, 8 октября 1986 г.)
 51. Там же.
 52. Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника. — М.: Международные отношения, 1994. — С. 262, 251–256.
 53. Формула была согласована на советско-американском саммите, проходившем в Рейкьявике 11–12 октября 1986 г.
 54. Политический доклад Центрального комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. // Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т. 3. — М.: Политиздат, 1987.
 55. Черняев А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991. — М.: РОССПЭН, 2008. — С. 655. (Запись от 16 ноября 1985 г.)
 56. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. — М.: Политиздат, 1987.
 57. Черняев А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991. — М.: РОССПЭН, 2008. — С. 659. (Запись от 8 декабря 1985 г.)
 58. Там же, с. 777.
 59. Уже в 1981 г. руководство СССР отказалось от идеи военной интервенции в Польше. Вместо этого Москва поддержала установление местными силами военного режима.

60. М. С. Горбачев. Выступление в Парламентской ассамблее Совета Европы. (Страсбург, 6 июля 1989 г.)
https://www.gorby.ru/presscenter/news/show_30034/
61. Михаил Горбачев и германский вопрос: Сборник документов. 1986–1991. — М.: Весь Мир, 2006.
62. Для сравнения: доходы бюджета СССР в 1989 г. составили 493 680,7 млрд руб. (Государственный бюджет СССР. 1990. — М.: Финансы и статистика, 1990. — С. 6.)
63. А. Л. Адамишин.
64. Черняев А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991. — М.: РОССПЭН, 2008. — С. 781.
65. О помощи Кубе: <https://aif.ru/archive/1651276/>; О помощи Афганистану: <https://finance.rambler.ru/markets/38755904-skolko-stoila-voyna-v-afganistane-sovetskomu-soyuzu/>.
66. Высказывания и обещания западных лидеров см. в книге: Примаков Е. М. Годы в большой политике. — М.: Совершенно секретно, 1999. — С. 231–233.
67. Михаил Горбачев и германский вопрос: Сборник документов. 1986–1991. — М.: Весь Мир, 2006.
68. Кох А. Р., Авен П. О. Революция Гайдара. История реформ 90-х из первых рук. — М.: Альпина Паблишер, 2013. — С. 269.
69. Anatoly Adamishin and Richard Schifter Human Rights, Perestroika, and the End of the Cold War. Washington: United States Institute for Peace, 2009.
70. К. Н. Брутенц, Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. — М.: Международные отношения, 2005. — С. 464.
71. Там же, с. 425.
72. Черняев А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991. — М.: РОССПЭН, 2008. — С. 740.
73. Следует, однако, особо подчеркнуть, что обвинения в том, что деятели эпохи перестройки являлись агентами влияния ЦРУ, являются беспочвенными. В начале 190-х гг. Е. М. Примаков в качестве директора Службы внешней разведки по запросу Генеральной прокуратуры РФ провел расследование на эту тему и не обнаружил «никаких данных такого рода»

- (Примаков Е. М. Годы в большой политике. — М.: Совершенно секретно, 1999. — С. 169).
74. Например, в программном выступлении в МИД СССР в 1986 г.
 75. См., например., у Н. Я. Данилевского: «...несмотря на нашу европейскую репутацию тонких дипломатов и искусных политиков, мы, в сущности, политики самые плохие..., потому что чужие интересы почти всегда считали важнее своих...» Н. Я. Данилевский. Россия и Франко-Германская война. В кн.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа. — М.: Родная страна, 2017. — С. 712–713.
 76. Адамишин А. Л. В разные годы. Внешнеполитические очерки. — М.: Весь мир, 2016. — С. 213.
 77. Cheney D. In *My Time: A Personal and Political Memoir. With Elizabeth Cheney. New York: Threshold Editions. 2011.*
 78. Брутенц К. Н. Несбывшееся. Нравнодушные заметки о перестройке. — М.: Международные отношения, 2005. С. 418.
 79. Мемуары Бейкера. Цит. по: Брутенц К. Н. Несбывшееся. Нравнодушные заметки о перестройке. — М.: Международные отношения, 2005. — С. 537.
 80. Адамишин А. Л. В разные годы. Внешнеполитические очерки. — М.: Весь мир, 2016. — С. 33.
 81. В 1987 г. Матиас Руст, западногерманский пилот-любитель, совершил полет над территорией СССР и приземлился на Васильевском спуске у Красной площади. Советская система ПВО слишком поздно заметила легкомоторный самолет Руста и не сумела посадить его до того, как он добрался до Москвы. После этого инцидента Горбачев сменил министра обороны СССР С. Соколова и ряд других высших военачальников.
 82. Брутенц К. Н. Несбывшееся. Нравнодушные заметки о перестройке — М.: Международные отношения, 2005. — С. 111.
 83. Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.) — М.: Аврора, 1996. — С. 662.
 84. Это не означает, что внутри РСФСР не было, особенно в условиях кризиса советской системы, недовольства тем, что

- приоритетом политики КПСС являлось развитие окраинных республик за счет ресурсов российской «метрополии». Эти настроения, однако, долго оставались в основном уделом интеллигенции. Политическое значение это недовольство приобрело только после 1989 г., когда наиболее чувствительные к переменам элитные группы начали готовиться к неизбежному краху СССР и дележу советского наследства.
85. Тренин Д. В. *Post-Imperium. Евразийская история*. — М.: РОССПЭН, 2012.
 86. Кох А. Р., Авен П. О. Революция Гайдара. История реформ 90-х из первых рук. С. 253–287. (В частности, А. Козырев признал, что при всей критике Горбачева и союзного МИД внешняя политика начального ельцинского периода была продолжением горбачевской. Это была «попытка более радикально все это сделать». Там же, с. 265.)
 87. См. высказывания А. Козырева и В. Никонова о Франции: Кох А. Р., Авен П. О. Революция Гайдара. История реформ 90-х из первых рук. С. 264. А. Козырев: «Если нам повезет и мы что-то сумеем сделать нормально, то мы можем стать Канадой». (Там же, с. 269.)
 88. Ельцин Б. Н. *Записки Президента*. — М.: Огонёк, 1994. — С. 216.
 89. William J. Burns. *The Back Channel: A Memoir of American Diplomacy and the Case for Its Renewal*. Random House Publishing Group, Mar 12, 2019.
 90. Подробно см.: Черномырдин В. С. *Вызов*. — М.: Московский писатель, 2003.
 91. Тэллбот С. Билли и Борис: *Записки о президентской дипломатии*. — М.: Городец, 2003.
 92. Примаков Е. М. *Годы в большой политике*. — М.: Совершенно секретно, 1999. — С. 143.
 93. Там же, с. 182–183.
 94. Ельцин Б. Н. *Записки Президента*. — М.: Огонёк, 1994. — С. 220.
 95. Там же, с. 220.

96. Адамишин А. Л. В разные годы. Внешнеполитические очерки. — М.: Весь мир, 2016. — С. 296.
97. Анатолий Адамишин, занимавший в 1990-е гг. пост первого заместителя министра иностранных дел РФ, писал, что С. Милошевич был, условно говоря, ответственен на 50% за конфликты на территории бывшей Югославии, а хорватский и мусульманский лидеры Ф. Туджман и А. Изетбегович разделяют в примерно равных пропорциях ответственность за остальное (Адамишин А. Л. В разные годы. Внешнеполитические очерки. — М.: Весь мир, 2016. — С. 370).
98. Например, так считали Сергей Караганов и Андрей Козырев.
99. Например, заявление членов СВОП в 1996 г.
100. Примаков Е. М. Годы в большой политике. — М.: Совершенно секретно, 1999. — С.235.
101. Там же, с. 308–338.
102. Там же, с. 352–355
103. Там же, с. 176.
104. Адамишин А. Л. В разные годы. Внешнеполитические очерки. — М.: Весь мир, 2016. — С.286.
105. Министр внешних экономических связей в правительстве Гайдара П. Авен говорил впоследствии, что «было шоком, что никакой реальной помощи мы от Запада не получили. Мы думали, что мы — первое за десятилетия прозападное правительство России — сможем получить разнообразную экономическую поддержку: кредиты МВФ, списание долгов и т. п. А получили за год — миллиард долларов и, с огромными усилиями, разумную реструктуризацию внешних долгов. Все». (Кох А. Р., Авен П. О. Революция Гайдара. История реформ 90-х из первых рук. С. 267).
106. «Мы стали слабее, стали им безразличны, и они хотели просто убрать опасность... Как только опасность убрали, они просто забыли, что такая страна существует» (Кох А. Р., Авен П. О. Революция Гайдара. История реформ 90-х из первых рук. С. 269). Россия также рассматривалась как менее перспективная с точки зрения интересов Запада страна, чем

- прежние советские сателлиты: требования к России были гораздо жестче, чем к другим бывшим соцстранам, а готовность идти навстречу гораздо меньше. (Там же, с. 270.)
107. П. Авен считал, что, если бы у Гайдара было 10–20 млрд долларов западной помощи, либеральные реформы удались бы. Дж. Бейкер утверждал, что новый план Маршалла был совершенно невозможен из-за отсутствия поддержки такой программы в американском обществе. В 1994 г. США оказали срочную финансовую помощь Мексике в размере 50 млрд долларов, но Россия не могла на это рассчитывать не только из-за того, что в течение 40 лет перед тем СССР был противником США, но и потому, что ситуация в РФ прямо не влияла на экономику США (Кох А. Р., Авен П. О. Революция Гайдара. История реформ 90-х из первых рук. С. 371).
 108. Адамишин А. Л. В разные годы. Внешнеполитические очерки. — М.: Весь мир, 2016. — С. 297.
 109. Здесь руководство РФ пошло по пути Горбачева, приказавшего главе КГБ В. Бакатину осенью 1991 г. раскрыть схему прослушки здания посольства США в Москве. Бейкер говорил об исключительной откровенности, с которой Ельцин рассказывал ему в декабре 1991 года о развитии ядерной программы России и о порядке управления ядерным оружием. Там, где россияне видели партнерство и союзничество, американцы продолжали следовать формуле Рейгана «доверяй, но проверяй». (Кох А. Р., Авен П. О. Революция Гайдара. История реформ 90-х из первых рук. С. 367, 371, 372.)
 110. Адамишин А. Л. В разные годы. Внешнеполитические очерки. — М.: Весь мир, 2016. — С. 290.
 111. См., напр.: Вольф М. Игра на чужом поле. Тридцать лет во главе разведки. — М.: Международные отношения, 1998.
 112. Alexander Rahr. *Wladimir Putin — Der 'Deutsche' im Kreml*. Universitas Verlag, München 2000.
 113. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21340>.
 114. Выражение И. С. Иванова, министра иностранных дел России (1998–2004).

- 115. Нападение террористов на школу в Беслане (Северная Осетия) 1 сентября 2004 г. и захват заложников привели к гибели свыше 330 человек, в основном детей.
- 116. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23819>.
- 117. В выступлении в Германии перед немецкими предпринимателями в ноябре 2010 г.
- 118. Об этом он говорил в выступлении на Валдае в октябре 2020 г.
- 119. Например, 16 июня 2012 г. в прямом эфире во время беседы с байкером Залдостановым.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

- 120. Prawo i Sprawiedliwosc (PiS).
- 121. В.В. Путин. Статья в газете «Известия» от 3 октября 2011 г.
- 122. В. О. Ключевский, Русская история. Полный курс лекций в трех томах, т. 2, с. 133.
- 123. Характерным в этом отношении является дело художника-акциониста Павленского. Когда акционист поджег в Москве двери приемной ФСБ, он выставлялся героем, когда же проделал то же самое в Париже у дверей отделения Банка Франции, Павленский стал преступником.
- 124. Об этом говорил, в частности, председатель Правительства РФ Михаил Мишустин в октябре 2020 г.
- 125. В. О. Ключевский. Русская история. Полный курс лекций в трех томах, Т. 1, с. 126.

Тренин Дмитрий

НОВЫЙ БАЛАНС СИЛ

РОССИЯ В ПОИСКАХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ

Главный редактор и руководитель проекта *С. Турко*

Корректоры *Е. Аксёнова, Е. Чудинова*

Компьютерная верстка *М. Поташкин*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

Подписано в печать 05.03.2021. Формат 60×90/16.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Объем 29,5 печ. л. Тираж 2000 экз. Заказ № .

ООО «Альпина Пабlishер»

123060, Москва, а/я 28

Тел. +7 (495) 980-53-54

www.alpina.ru

e-mail: info@alpina.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

реклама 18+

РОССИЯ 24

**Главный информационный
канал страны**

СМИ телеканал Российский Информационный Канал «Россия - 24» (Россия -24) зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 - 48108 от 30.12.2011.